90 коп.

Индекс 70145

ISSN 0042-8779. Вопросы истории. 1990. № 2. 1—192.

Вопросы Истории 2'90

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.
Москва. «Наука»

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПУБЛИКАЦИИ

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. РУКОПИСЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советский читатель впервые получает возможность прочесть на русском языке полный текст одной из работ Розы Люксембург — видного деятеля польского, германского и международного рабочего движения. Жизнь ее трагически оборвалась в январе 1919 г., драматично сложилась и судьба ее литературно-политического наследия. Хотя Р. Люксембург справедливо считали одним из основателей международного коммунистического движения, Коминтерн с 1925 г. концентрировал внимание на «ошибках люксембургианства», а в СССР после разгромного письма Сталина против германских левых в 1931 г. ее работы перестали публиковать. Впрочем, и когда запреты пали, они все еще распространялись на «Рукопись о русской революции», поскольку в ней высказаны острые критические замечания в адрес «политики Ленина — Троцкого», да еще по вопросу о диктатуре пролетариата и демократии, говорится о «свободе для инакомыслящих» и т. п.

Р. Люксембург изложила эти свои мысли в камере Бреславльской тюрьмы в конце сентября — начале октября 1918 года. Работа осталась незавершенной, отрывочной, и в таком виде явно не предназначалась для печати. Вскоре автора захватил вихрь германской революции. О публикации рукописи не могло быть и речи. После гибели Р. Люксембург о судьбе рукописи ничего не было известно. Некоторое время спустя ее стал разыскивать близкий друг Розы П. Леви, бывший председатель Компартии Германии, только что исключенный из ее рядов. В начале 1922 г. он издал брошюру «Русская революция. Критическая оценка. Из наследия Розы Люксембург» [1]. В предисловии, более пространном, чем сама публикация, Леви, развернувший в то время борьбу против Ленина и Коминтерна, утверждал, что речь идет о «политическом завещании» Р. Люксембург, которое-де «некая сторона» намеревалась «предать огню»; что Роза своего критического отношения к большевикам ни в чем потом не изменила, «глубокая противоположность» между ними сохранилась [2].

С опровержением тотчас выступили ближайшие друзья Р. Люксембург К. Цеткин, А. Варский, затем Э. Мейер. Они решительно отрицали, что рукопись — последнее слово Розы, поскольку в ходе германской революции она многое пересмотрела, и энергично заявляли, что для принципиального противопоставления революционера-интернационалиста Р. Люксембург Ленину и большевикам нет ни малейших оснований [3].

В «Заметках публициста», написанных в феврале 1922 г., В. И. Ленин указал, что Леви издал как раз ту работу Р. Люксембург, в которой

[1] Die russische Revolution. Eine kritische Würdigung. Aus dem Nachlaß von Rosa Luxemburg. S. l. 1922.

[2] Ibid., S. 6, 53.

[3] Zetkin C. Um Rosa Luxemburgs Stellung zur russischen Revolution. Hamburg. 1922; Warski A. Rosa Luxemburgs Stellung zu den taktischen Problemen der Revolution. Hamburg. 1922; Meyer E. Rosa Luxemburgs Kritik der Bolschewiki. — Die Rote Fahne, Berlin, 15.I. 1922.

«она была неправа». Перечислив вопросы, по которым он спорил с нею еще в предвоенные годы, Ленин далее писал, что она «ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)». Заметив, что «она была и остается орлом», назвав ее «великой коммунисткой», он высказал убеждение, что «ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира»[4]. Увы, в нашей стране этот завет не выполнен до сих пор[5].

Позднее стали выясняться конкретные обстоятельства создания «Рукописи о русской революции». Когда в сентябре 1918 г. в нелегальных «Spartakusbriefe» («Письма Спартака») была анонимно опубликована статья Р. Люксембург «Русская трагедия», в которой говорилось об ошибках большевиков, подписавших Брестский мир с германскими милитаристами, редакция сопроводила ее примечанием: «Статья выражает опасения, которые часто высказываются и в наших кругах,— опасения, вытекающие из *объективного положения* большевиков, а не из их *субъективных* действий. Мы публикуем статью особенно из-за ее вывода: без германской революции не может быть ни спасения русской революции, ни надежды на социализм в этой мировой войне. Остается единственное решение: массовое восстание германского пролетариата»[6].

Примечание возмутило Розу, и она прислала еще более резкую статью. Чтобы избежать конфликта, но все же убедить ее воздержаться в дальнейшем от публичной критики большевиков, находившихся в крайне тяжелой ситуации, к ней в тюрьму отправился Леви, бывший одним из редакторов издания. Согласившись с товарищами, Роза вскоре изложила на бумаге свои соображения и сомнения относительно русской революции и тактики большевиков[7].

В 1928 г. в социал-демократическом «Архиве истории социализма и рабочего движения», издававшемся К. Грюнбергом, появилась статья Ф. Вайля, пролившая дополнительный свет на характер и судьбу «Рукописи»[8]. Автор сообщил, что Институт социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне в результате долгих поисков приобрел, наконец, у одного из участников революционного движения связку рукописей Розы Люксембург. Среди 108 страниц из школьных тетрадей, исписанных карандашом (37) или чернилами (71), были «Рукопись о русской революции», несколько отдельных листков с заметками, а также 14 страниц другой рукописи, названной Вайлем «Фрагмент о войне, национальном вопросе и революции».

Вайль установил, что Леви опубликовал «Рукопись» не по оригиналу (которого у него не было), а по найденной бывшим секретарем Розы М. Якоб у машинистки несверенной копии. В брошюру не вошла почти пятая часть материалов (21 страница), некоторые слова были неверно расшифрованы, в ней оказалось несколько вставок. Вайль опубликовал пропущенные тексты, подчеркнув, что рукопись не была готова к печати: то был лишь первый набросок, содержавший и конспективные заметки; текст не был, как обычно у Розы, стилистически отточен[9].

В послевоенных изданиях в ФРГ текст «Рукописи» воспроизводился без сверки с оригиналом, а в комментариях упор делался на *противопоставлении* взглядов Р. Люксембург позиции Ленина и большевиков. Так, О. К. Флехтхайм старательно доказывал, что она «демократическая коммунистка», другие именовали ее сторонницей «человеческого коммунизма», «демократического социализма», «эмансипаторского социализма», «нонконформизма» и т. п.[10].

Полный текст «Рукописи», выверенный по фотокопии оригинала, находящейся в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК СЕПГ в Берлине, опубликован в издании избранных трудов Р. Люксембург[11]. Оригинал рукописи хранится в архиве ИМЛ при ЦК КПСС в Москве.

Современному советскому читателю, привыкшему за последние годы к «сенсациям о прошлом», нет нужды объяснять, что в рукописи, написанной более 70 лет назад, «правильно» и что «неверно». И все же полезно обратить внимание на некоторые моменты, едва ли известные неспециалисту; это поможет лучше понять позиции Розы Люксембург в контексте ее времени.

Первое, что следует иметь в виду: рукопись остро полемична. Написана она по свежим следам событий, когда о дальнейшем их ходе можно было лишь строить догадки. В дополнение к сказанному выше об обстоятельствах ее создания, отмечу, что Роза сама объяснила задачи, которые перед собой ставила: опровергнуть ложные утверждения Каутского и меньшевиков, будто в России вообще невозможна социалистическая революция; дать критический разбор действий русских большевиков. И все это ради того, чтобы извлечь уроки для грядущей революции в Европе, в первую очередь в Германии, которую Роза ожидала с самым горячим нетерпением.

Как ее учители Маркс и Энгельс, как многие ее современники, Р. Люксембург была ярким полемистом. Ее талант теоретического и политического публициста, проявившийся еще на рубеже веков в острейшей схватке с ревизионизмом Э. Бернштейна, развивался и оттачивался в последующие два десятилетия. Она яростно и аргументированно спорила с А. Мильераном и Ж. Жоресом, с Г. Фольмаром и Г. В. Плехановым, с Ф. Эбертом и Ф. Шейдеманом, с другими «правыми». В последнее десятилетие жизни главным ее оппонентом стал Каутский. До того, хотя и ненадежный, но все же союзник левых социал-демократов, он стал после первой российской революции лидером «марксистского центра» и «официозным» (по выражению Розы) теоретиком социал-демократии. В годы войны она считала именно его опаснейшим противником как российской, так и надвигавшейся европейской революции. Об этом говорится уже на первых страницах «Рукописи».

Однако Р. Люксембург частенько спорила, хотя и в ином ключе, не только с идейными противниками, но и с единомышленниками и соратниками, отстаивая сложившиеся у нее — верные или неверные — представления. Еще в 1905 г. она разошлась с Каутским во взглядах на судьбу Польши, позднее полемизировала по вопросам тактики с А. Бебелем, по организационному и другим вопросам — с Лениным (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы, одним из создателей и руководителей которой была Р. Люксембург, входила в РСДРП). При этом с Лениным ее связывала не только общность революционных позиций, но и взаимная симпатия. Стоит вспомнить, что они совместно выступали на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. по во-

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 421—422.

[5] В 1959 г. вышла брошюра Р. Люксембург «Социальная реформа или революция». В 1961 г. М. М. Кораллов выпустил сборник «Роза Люксембург о литературе»; в 1974 г. появился биографический очерк Р. Я. Евзерова и И. С. Яжборовской; в журналах публиковались некоторые письма Розы, статьи о ней.

[6] Spartakusbriefe. Brl. 1958. S. 453.

[7] См. об этом: Meyer E. Op. cit.

[8] Weil F. Rosa Luxemburg über die russische Revolution. In: Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Leipzig. 1928.

[9] Ibid., S. 285—292.

[10] Luxemburg R. Die russische Revolution. Frankfurt a. M. 1963; см. также: Laschitza A. Rosa-Luxemburg Edition und Forschung in der DDR. Bilanz und Ausblick.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1986, Hf. 4, S. 485—487.

[11] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4. Brl. 1974, S. 332—365.

просам войны, мира и революции. Но в спорах по принципиальным вопросам они друг другу спуску не давали.

Читатель, очевидно, знает острую публичную критику Лениным летом 1916 г. брошюры Юниуса (псевдоним Р. Люксембург), но обратил ли он внимание на общую оценку позиции ее автора? Отметив, что наконец-то в Германии вышла написанная чрезвычайно живо нелегальная брошюра, которая несомненно сыграла и сыграет крупную роль в идейной борьбе, от всей души приветствуя ее автора, Ленин писал: «Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом — прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер» [12].

Стоит ли после этого удивляться, что Р. Люксембург считала себя вправе, более того, обязанной, критически отнестись к тем или иным действиям Ленина и большевиков в Октябрьской революции? Высоко оценивая их заслуги, она вместе с тем была убеждена, что «только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища опыта и уроков». Не следует опасаться, писала Роза, что критика «подорвет авторитет и привлекательность примера российских пролетариев», напротив, именно «критическое осмысление русской революции... есть лучшая школа для германского и международного пролетариата в решении тех задач, которые вырастают перед ними из современной ситуации».

Второй важный момент для понимания подхода Р. Люксембург к оценке Октября состоит в общем для всех революционеров-интернационалистов той поры убеждении, что мировая империалистическая война чревата если не сразу мировой, то поначалу хотя бы европейской социалистической революцией. Первый шаг к ней она увидела в российской революции.

Вскоре после Февраля Роза писала К. Цеткин из тюрьмы: «Я рассматриваю то, что там произошло, лишь как маленькую увертюру. Дела там должны стать грандиозными, это в самой природе вещей. А эхо во всем мире не заставит себя ждать». Своей подруге М. Розенбаум она внушала: «Боюсь, вы недостаточно высоко оцениваете, недостаточно ощущаете, что там побеждает наше собственное дело. Революция *должна*, она *будет* воздействовать спасительно на весь мир, оказывать влияние на всю Европу. Я непоколебимо убеждена, что теперь начинается новая эпоха и что война не сможет длиться долго». А Л. Каутскую спрашивала: «Разве ты не понимаешь, что... это персонифицированная мировая история ведет там бой и радостно пляшет карманьолу?» [13].

Летом 1917 г. в статьях для «Spartakusbriefe» и дуйсбургской газеты «Der Kampf» Р. Люксембург разъясняла, что развитие русской революции неизбежно ведет к диктатуре пролетариата. Она это приветствовала, но тревожилась, сможет ли в России удержаться пролетарская власть, если ее своевременно не поддержит международная пролетарская революция, ведь европейская буржуазия уже готовит против нее «крестовый поход» всех сил, и первыми в нем будут германские милитаристы. Надо, призывала Роза, провозгласить в каждой стране, что существует единственная альтернатива: «Империализм или социализм! Война или революция! Третьего не дано!» [14].

Узнав о победе Октября в России, Р. Люксембург написала М. Розенбаум: «Я каждое утро и каждый вечер хватаю нетерпеливой рукой свежие газеты, но известия, к сожалению, кратки и сбивчивы... Уже самое начало борьбы там за власть — пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что общественные отношения в России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный «теоретик»!.. Он позабыл, что «статистически» Франция в 1789-м, а также в 1793 году была еще гораздо менее зрелой для господства буржуазии... К счастью, история не движется по теоретическим рецептам Каутского, так что будем надеяться на лучшее». Об этом же Роза писала и Л. Каутской: «Радуют ли тебя русские? Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться у власти. Но не потому, что статистика доказывает слишком большую отсталость экономического развития России, как высчитал твой умный супруг, а потому, что социал-демократия высокоразвитого Запада состоит из самых подлых трусов и будет спокойно смотреть, как русские истекают кровью» [15].

Из этих опасений за судьбы российской и европейской революции вытекало и отрицательное отношение Розы Люксембург к Брестскому миру. В статьях «Историческая ответственность» и «Навстречу катастрофе», напечатанных в «Spartakusbriefe» в январе и июне 1918 г., она критически отзывалась о «розовых надеждах» Троцкого и предупреждала, что германский империализм будет всеми силами душить революцию в России. Она считала, что заключить тяжелый мир русских революционеров вынудило послушание немецких рабочих своим властям, и потому призывала: «Только с факелом революции, только открытой массовой борьбой за политическую власть, за господство народа и республику в Германии можно сейчас помешать новой вспышке бойни народов и триумфу германских аннексионистов на Востоке и Западе. Германские рабочие призваны теперь понести весть о революции и мире с Востока на Запад» [16].

В статье «Русская трагедия» Роза с горечью отметила, что подписание Брестского мира не спасло Советскую Россию от окружения, блокады голодом, удушения революции в самых развитых областях страны. «Большевики,— писала она,— конечно, допустили в своей политике разные ошибки и, возможно, делают их и сейчас. Но назовите нам революцию, в которой не делали бы ошибок! Представление о революционной политике без ошибок, да сверх всего в такой совершенно беспримерной ситуации, это такая безвкусица, какую способен высказать лишь немецкий поучающий педант». Вместе с тем Роза полагала, что роковая трагедия, в которую втянуты большевики, является также «следствием принципиальной неразрешимости проблемы, перед которой они поставлены международным, прежде всего германским, пролетариатом. Осуществить пролетарскую диктатуру и социалистический переворот в одной отдельной стране, окруженной жестким господством империалистической реакции и волнами самой кровавой в человеческой истории мировой войны,— это квадратура круга. При решении такой задачи должна была бы потерпеть неудачу и погибнуть любая социалистическая партия — независимо от того, сделала ли бы она путеводной звездой своей политики волю к победе и веру в интернациональный социализм или же выбрала самоотречение» [17].

Надо ли считать эту мысль Р. Люксембург (так рассуждали не только она, но и некоторые другие европейские социал-демократы) устаревшей и ошибочной, или же стоит всерьез отнестись к ее словам о «русской трагедии»? Предоставим читателю поразмышлять над этим вопросом, который он встретит и в публикуемой «Рукописи». Заметим, однако, что, независимо от того, верна или неверна эта посылка, Р. Люксембург как истинный революционер-интернационалист делала из нее единственно точный практический вывод: «Есть лишь одно разрешение трагедии, в которую впутана Россия: восстание в тылу германского импе-

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 2.
[13] Цит. по: Драбкин Я. С. Четверо стойких. М. 1985, с. 246.
[14] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 264.
[15] Цит. по: Драбкин Я. С. Ук. соч., с. 270.
[16] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 379.
[17] Ibid., S. 390—391.

рпализма, подъем германских масс как сигнал к международному революционному окончанию бойни народов»[18].

Третье обстоятельство (его важно иметь в виду при чтении III раздела «Рукописи»): разногласия между Р. Люксембург и Лениным по *крестьянскому* и *национальному* вопросам проявлялись и прежде. В ее подходе к крестьянскому вопросу всегда сказывались традиционные для социал-демократии представления: при переходе к социализму крестьянство скорее враг, чем союзник пролетариата; дифференциация в среде крестьянства не очень значительна; крупное сельскохозяйственное производство абсолютно предпочтительнее мелкого. Хотя в «Рукописи» ленинское решение вопроса о земле расценено в политическом смысле как «превосходная тактика», в разделе земли усматривается экономическая ошибка, создающая препятствия на пути к социализму. Сказывается здесь и явно недостаточная информированность автора.

Роза, например, считала, будто земля передавалась крестьянам в *собственность*, и потому сетовала, что не была проведена ее *национализация*. Между тем в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа прямо говорилось: «Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа»[19]. Видимо, остался неизвестным Р. Люксембург и Основной закон о социализации земли, опубликованный в феврале 1918 года. В то же время нельзя не отметить меткость ее суждения, что самая трудная из задач социалистического преобразования — преобразование деревни, что и на Западе социалистам придется сломать себе не один зуб об этот «твердый орешек».

Отрицательное отношение к лозунгу о праве наций на самоопределение как выгодному якобы лишь национальной буржуазии, а не интернациональному пролетариату, Р. Люксембург сохраняла еще с конца XIX века. Ее стремление «перепрыгнуть» через национальное сознание разделяли и некоторые другие революционеры, в том числе большевики Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков. Накануне мировой войны этот вопрос был предметом обстоятельной дискуссии[20]. Хотя война показала, сколь живучи националистические настроения и в рабочем классе, Р. Люксембург в статьях и в «Рукописи» не только продолжала считать лозунг самоопределения наций «пустой фразой», но даже обвинила Ленина и большевиков в том, что они дали контрреволюционной буржуазии «идейное знамя» и потому повинны в «развале России». О неглубоком знании Р. Люксембург российской истории говорит факт полного отрицания ею самостоятельной государственности и даже национальной культуры украинцев. Вместе с тем нельзя отбросить ее предостережения: национализм используется реакцией для подрыва борьбы рабочих за социальное освобождение.

Четвертая проблема, с которой столкнется читатель «Рукописи», ныне самая актуальная и животрепещущая: о соотношении *демократии* и *диктатуры*, *насилия* и *свободы*. Р. Люксембург и эти вопросы поднимала в «Рукописи» не впервые. Как все революционные марксисты она обращалась к ним в спорах с ревизионистами, реформистами, Каутским. Выпустив летом 1918 г. брошюру «Диктатура пролетариата»[21], он окончательно стал в ряды злейших противников не только большевиков и российской революции, но и революции германской. Ведя с ним спор в «Рукописи», Роза, разумеется, не могла знать того развернутого ответа на его писания, который именно тогда готовил Ленин[22].

[18] Ibid., S. 391.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 221.
[20] См. там же. Т. 30, с. 17–58.
[21] Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats. Wien. 1918.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 101–110; 235–338.

Представление о положении в Советской России и тактике большевиков Р. Люксембург вырабатывала почти исключительно на основе доступных ей в тюрьме немецких газет, буржуазных и социал-демократических. Кое о чем информировали товарищи. У нее в руках были брошюра Троцкого[23], пересказ брошюры и доклада Ленина об очередных задачах Советской власти[24]. Читателю предстоит непростая, но интересная задача: отделить то, чего она не знала или в чем не сумела разобраться, от того, что провидчески разглядела, опираясь на обширнейшие исторические и теоретические познания и свою интуицию. Несколько справок и уточнений помогут читателю ориентироваться.

Р. Люксембург признала правомерность роспуска Учредительного собрания, но полагала, что нужно было сразу же назначить новые всеобщие выборы; она размышляла о возможности сочетания с ним Советов, в которых видела «становой хребет» революции. Исторические экскурсы о влиянии настроений масс на революционные парламенты, несомненно, интересны, но к условиям России, не прошедшей школу настоящего парламентаризма, этот опыт был вряд ли приложим.

Ограничение избирательного права, свободы печати, деятельности партий и других демократических институтов, как известно, до Октября большевиками не предусматривалось. Р. Люксембург поняла, что постановка этих вопросов — результат натиска контрреволюции, саботажа чиновников, конфликтной ситуации из-за мира с Германией. Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г., она, по-видимому, не знала, а более поздних высказываний Ленина, считавшего ограничения необщезначимыми, чрезвычайными и временными[25], и не могла уже узнать. Иначе она не рассуждала бы о том, что избирательное право было выработано неизвестно для кого и для чего, являлось «продуктом кабинетной теории».

Никак нельзя считать, что Р. Люксембург была противником революционного насилия вообще. Она признает правомерность суровых мер, применения «железного кулака» против контрреволюционеров и саботажников, в том числе и ради сохранения целостности страны. Бесспорны ее мысли о важности интенсивного политического воспитания масс на их собственном опыте. Актуально звучат, особенно сегодня, ее слова о том, что «свобода всегда есть свобода для инакомыслящих», что от этой ее сути зависит все живительное, целительное и очищающее действие демократии. Следует только иметь в виду, что «инакомыслящими» она называла не врагов революции, а многомиллионные народные массы, тогда политически непросвещенные и потому едва ли способные в полном объеме воспринять социалистическую программу партии большевиков. Ее серьезно беспокоило (и мы теперь ясно видим, что для этого были реальные основания), как бы не угасли революционная активность и самодеятельность масс, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к падению морали самих революционеров, как бы диктатура пролетариата не выродилась в диктатуру вождей, даже буржуазную диктатуру.

Уподобление «теории Ленина — Троцкого», как она ее поняла, взглядам Каутского было в устах Р. Люксембург, несомненно, самым страшным обвинением. Явилось ли это сравнение результатом недостаточного знания конкретной реальности, полемическим «перебором»? Или ей, так сказать, «со стороны», было виднее то, что «изнутри» целиком объясня-

[23] Троцкий Л. От Октябрьской революции до Брестского мира. М. 1918.
[24] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 165–208; 239–276; Nach der russischen Revolution. – Mitteilungs-Blatt des Verbandes der sozialdemokratischen Wahlvereine Berlins und Umgegend (орган Независимой социал-демократической партии Германии), 1918, № 36.
[25] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 73–74; т. 38, с. 171–173; т. 39, с. 423.

лось и оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами? Все это требует разностороннего и взвешенного анализа. Отметим, что сама Роза неоднократно объясняет ошибки большевиков труднейшими условиями, однако моральная высота и принципиальность ее подхода проявились в убеждении, что ошибка не перестает быть ошибкой и тогда, когда целиком вынуждена обстоятельствами. «Опасность начинается тогда,— писала она,— когда... нужду выдают за добродетель». И если Ленин при оценке российского опыта и его общезначимости почти всегда был осторожен и самокритичен, то этого никак нельзя сказать о его преемниках, которые, чем дальше, тем самоувереннее и настойчивее, толковали о «столбовой дороге» и выше небес превозносили уникальный опыт первопроходцев.

Хотелось бы посоветовать читателю, после того как он глубоко продумает все критические соображения Р. Люксембург, еще раз просмотреть начало и конец рукописи, чтобы убедиться, как высоко она оценивала международное значение Октября, заслуги Ленина и большевиков. Тогда станет очевиднее, что ее критика — и там, где она неправа, и там, где она поразительно прозорлива,— свидетельство ее глубокой верности принципам революционного марксизма, интернационализму, искренней солидарности со страной и партией Ленина.

Пятое, и последнее. После выхода из тюрьмы Р. Люксембург осталось жить немногим более двух месяцев, тем не менее, непрерывно находясь в самом центре революционных событий, она успела кое на что существенное изменить взгляд, и это следует иметь в виду. Так, она воочию убедилась, что не только в российской, но и в германской революции носителями ее идей стали органы революционной инициативы масс — рабочие и солдатские Советы. Она без колебаний провозгласила лозунг «Вся власть Советам!», а когда кардинальным вопросом и германской революции оказался вопрос «Советы *или* Учредительное собрание?», написала: «Созыв Национального собрания лишь усилит позиции буржуазии, ослабит и запутает пролетариат пустыми иллюзиями, поведет к растрате времени и сил на «дискуссии» между волком и ягненком, одним словом, поможет тем элементам, желание и намерение которых — лишить пролетарскую революцию ее социалистических целей, выхолостить ее, превратить в буржуазную демократическую революцию» [26].

Нет, Роза не стала противником всеобщих выборов, но в роли выходящего из них парламента более не заблуждалась: «Тот, кто ныне хватается за Национальное собрание, сознательно или бессознательно возвращает революцию на пройденную историческую стадию буржуазных революций, скрытый агент буржуазии или несознательный идеолог мещанства». Предельно четко она определила историческую задачу: «Не о том идет сейчас речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: *буржуазная* демократия или *социалистическая* демократия. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле. Диктатура пролетариата — это не бомбы, путчи и беспорядки, «анархия», как сознательно фальсифицируют дело агенты капиталистической прибыли, это использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации капиталистов — в соответствии с желанием и волей революционного большинства пролетариата» [27]. Несколько дней спустя орган ЦК КПГ дал чеканную формулу: «За или против социализма, против или за Национальное собрание, третьего нет!» [28].

В докладе о политической ситуации и программе партии на учредительном съезде партии германских коммунистов Р. Люксембург напомнила: «Мы не должны упускать случая, когда слышим клевету на русских большевиков, отвечать: а где возникла азбука нынешней революции?

[26] L u x e m b u r g R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 409.
[27] Ibid., S. 409–410.
[28] Die Rote Fahne, 23.XI.1918.

Вы взяли ее у русских рабочих — рабочие и солдатские Советы!.. Это русская революция дала первые лозунги для революции мировой» [29].

Подчеркнув, что германские коммунисты «снова с Марксом, под его знаменем», она отметила, что нет ничего более вредного для революции, чем иллюзии, нет ничего более полезного для нее, чем ясная, откровенная правда. В написанной ею партийной программе выражено понимание как необходимости самых решительных действий, так и сложности перехода к социализму. Задача огромна и трудна, отмечала Роза, ибо германская буржуазия, «грубая, циничная и подлая», несомненно обрушит на пролетариат все силы неба и ада. «Было бы безумием верить, что капиталисты благодушно подчинятся социалистическому вердикту парламента, Национального собрания, спокойно откажутся от собственности, прибыли, привилегии эксплуатации... Их сопротивление должно быть сломлено шаг за шагом железным кулаком и беспощадной энергией. Силе буржуазной контрреволюции должна быть противопоставлена революционная сила пролетариата, заговорам, козням и провокациям буржуазии — несгибаемая ясность цели, бдительность и готовность масс к активным действиям». «Борьба за социализм,— разъясняла Р. Люксембург,— это самая острая гражданская война, какую видела мировая история, и пролетарская революция обязана создать для этой войны необходимое оружие, должна научиться им пользоваться— бороться и побеждать. Наделение сплоченной массы трудового народа всей политической властью для решения задач революции — это и есть диктатура пролетариата и потому истинная демократия» [30].

В один из тех дней, когда в Берлине рождалась КПГ, в Кремле посланец спартаковцев Э. Фукс вручил Ленину написанную по-русски записку: «Дорогой Владимир! Пользуюсь поездкой дяди, чтобы передать всем вам сердечный привет от нашей семьи, Карла, Франца и других. Дай бог, чтобы грядущий год все наши желания исполнил. Всего хорошего! О нашем житье—бытье расскажет дядя. Пока всем рукопожатия и приветы. Роза» [31].

В квадратные скобки [] вставлены слова, необходимые для связности текста. В угловых скобках ⟨⟩ приведены заметки автора на полях без указания места, куда они должны были быть вставлены, а также дополнения, написанные на отдельных листках. В ряде случаев это наметки для дальнейшей разработки. Фрагмент «О войне, национальном вопросе и революции» в данную публикацию не вошел. Явные описки в тексте исправлены, важные — отмечены в примечаниях.

Перевод «Рукописи о русской революции», предисловие, публикация и примечания Я. С. ДРАБКИНА.

I

Русская революция — величайшее событие мировой войны. Ее взрыв, ее беспримерный радикализм, ее длительное влияние лучше всего опровергают те лживые фразы, которыми официальная германская социал-демократия услужливо пыталась с самого начала идеологически приукрасить завоевательный поход германского империализма,— фразы о миссии германских штыков свергнуть русский царизм и освободить угнетенные

ДРАБКИН Яков Самойлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.
[29] L u x e m b u r g R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 498.
[30] Ibid., S. 494, 501, 446, 447.
[31] Цит. по: Д р а б к и н Я. С. Ук. соч., с. 339.

им народы. Огромный размах и глубокое воздействие революции в России, которая потрясла все классовые отношения и обнажила все социальные и экономические проблемы, фатальность внутренней логики ее последовательного продвижения вперед от первой стадии буржуазной республики к дальнейшим фазам — причем свержение царизма осталось лишь мелким эпизодом, почти пустяком — все это со всей очевидностью показывает: освобождение России было не результатом войны и военного поражения царизма, не заслугой «немецких штыков в немецких руках», как предсказывала передовица журнала «Neue Zeit» под редакцией Каутского, а имело глубокие корни в собственной стране и внутренне полностью созрело. Военная авантюра германского империализма под идеологическим щитом германской социал-демократии не вызвала революцию в России, а напротив, ее вначале временно прервала после первого бурного подъема в 1912—1913 гг., затем же, когда революция грянула, создала для нее самые трудные, самые анормальные условия.

Такое развитие [революции] является для каждого думающего наблюдателя самым убедительным опровержением доктринерской теории, разделяемой Каутским с партией правительственных социалистов, согласно которой Россия как страна экономически отсталая, преимущественно аграрная, будто бы еще не созрела для социальной революции и для диктатуры пролетариата. Это теория, которая считает допустимой в России только *буржуазную* революцию,— а из этого мнения вытекает также и тактика коалиции социалистов в России с буржуазными либералами,— это одновременно теория оппортунистического крыла в российском рабочем движении, так называемых меньшевиков под испытанным руководством Аксельрода и Дана. Как русские, так и германские оппортунисты целиком сходятся в этой принципиальной оценке русской революции, из которой само собой следует отношение к деталям тактики, с германскими правительственными социалистами. По мнению всех трех, русская революция должна была бы остановиться на той стадии, которую (по мифологическому представлению германской социал-демократии) поставило своей благородной задачей военное командование германского империализма: на свержении царизма. Если же она вышла за эти рамки, если она поставила своей задачей установление диктатуры пролетариата, то это, согласно данной доктрине, просто ошибка радикального крыла русского рабочего движения, большевиков; и все превратности, постигшие революцию в ее дальнейшем ходе, все неурядицы, жертвой которых она стала, изображаются именно как прямой результат этой роковой ошибки.

Теоретически эта доктрина, рекомендуемая одновременно и газетой «Vorwärts» Штампфера [1], и Каутским в качестве плода «марксистской мысли», ведет к оригинальному «марксистскому» открытию, что социалистический переворот является будто бы национальным, так сказать, домашним делом каждого современного государства в отдельности. Каутский, естественно, умеет, в форме голубой мечты и абстрактной схемы подробно расписать всемирные экономические связи капитализма, превращающие все современные страны во взаимосвязанный организм.

Российская революция — плод *международного* развития и аграрного вопроса, а эти вопросы не могут быть разрешены в рамках буржуазного общества.

Практически эта доктрина выражает тенденцию — снять с международного, прежде всего германского, пролетариата ответственность за судьбы русской революции, игнорировать международные связи этой революции. Ход войны и русской революции доказал не незрелость России, а незрелость германского пролетариата для выполнения исторических задач, и первая задача критического рассмотрения русской революции — подчеркнуть это со всей определенностью. Судьба революции в России полностью зависела от *международных* [событий]. То, что большевики целиком ориентироваали свою политику на мировую революцию пролетариата, как раз и есть самое блестящее свидетельство их политической дальновидности и принципиальной верности смелому курсу избранной политики. Это результат колоссального скачка капиталистического развития за последнее десятилетие. Революция 1905—1907 гг. нашла лишь слабый отклик в Европе и потому остановилась в начальной стадии. Продолжение и решение [задач] было связано с европейским развитием.

Ясно, что не некритичная апологетика, а только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища опыта и уроков. Было бы поистине безрассудным представление, будто при первом всемирно-историческом эксперименте с диктатурой рабочего класса решительно все, что сделано и не сделано в России, могло стать вершиной совершенства. Ведь эксперимент с рабочей диктатурой осуществлялся в немыслимо трудных, анормальных условиях: посреди мирового пожара и хаоса империалистической бойни народов, в железной петле самой реакционной военной державы Европы, при полном бездействии международного пролетариата. Напротив, элементарные понятия о социалистической политике и представления о ее необходимых исторических предпосылках вынуждают признать, что в таких фатальных условиях даже самый огромный идеализм, самая безграничная революционная энергия способны осуществить не демократию и не социализм, а лишь бессильные, искаженные их попытки.

Первейший долг социалистов всех стран — ясно представить себе все это в глубокой взаимосвязи и со всеми последствиями, ибо лишь на основе горького осознания можно оценить всю меру собственной ответственности международного пролетариата за судьбы русской революции. Вместе с тем, только таким образом проявляется решающее значение сплоченных международных действий пролетарской революции как основного условия, без которого даже величайшая добросовестность и самые большие жертвы пролетариата в отдельной стране неизбежно должны будут запутаться в клубке противоречий и ошибочных шагов.

Не может быть никакого сомнения, что умные люди во главе русской революции, что Ленин и Троцкий на своем тернистом пути, где их подстерегали разного рода ловушки, делали многие решающие шаги, лишь преодолевая сильнейшее внутреннее сопротивление и величайшие внутренние сомнения. Они сами бесконечно далеки от того, чтобы усматривать во всем образе своих действий в кипящем котле событий, в жестких тисках обстоятельств нечто такое, что Интернационал воспримет как великий образец социалистической политики, достойный лишь некритического восхищения и пылкого подражания.

Столь же ошибочно было бы опасаться, что критическое осмысление тех путей, которыми шла до сих пор русская революция, серьезно подорвет авторитет и привлекательность примера российских пролетариев, единственно способного преодолеть фатальную инертность немецких масс. Все обстоит совсем иначе. Пробуждение революционной активности рабочего класса Германии никогда не может быть достигнуто посредством чудодейственных опекунских методов блаженной памяти германской социал-демократии, каким-либо массовым гипнозом, слепой верой в незапятнанный авторитет собственных ли «инстанций» или же «русского примера». Историческая дееспособность германского пролетариата может родиться не путем создания революционного «ура»-настроения, а, напротив, только путем осознания всей страшной серьезности, всей сложности задач, исходя из политической зрелости и духовной самостоятельности, из критической способности принимать решения, которую германская социал-демократия систематически убивала в течение десятилетий под самыми разными предлогами. Критическое осмысление русской революции во всех ее исторических взаимосвязях есть лучшая школа для германского и международного пролетариата в решении тех задач, которые вырастают перед ними из современной ситуации.

II

Первый период русской революции — от ее взрыва в марте до Октябрьского переворота — в общем точно соответствует схеме развития как Великой Английской, так и Великой Французской революций. Это типичный ход развития всякого первого крупного генерального столкновения революционных сил, возникших в недрах буржуазного общества, с крепостями старого общества.

Это развитие идет естественно по восходящей линии: от первоначальной умеренности ко все большей радикализации целей и параллельно этому — от коалиции классов и партий к единовластию самой радикальной партии.

В первый момент, в марте 1917 г., во главе революции стояли «кадеты», т. е. либеральная буржуазия. Первый всеобщий подъем революционной волны увлек всех и вся: IV Дума, самый реакционный продукт реакционнейшего четырехклассного избирательного права, созданного государственным переворотом, вдруг превратилась в орган революции. Все буржуазные партии, включая правых националистов, вдруг образовали фалангу против абсолютизма. Он пал под первым натиском почти без борьбы, как отмерший орган, который надо было лишь тронуть, чтобы он отвалился. Краткая попытка либеральной буржуазии спасти хотя бы династию и трон тоже провалилась через несколько часов. Стремительный ход развития преодолел за дни и часы расстояния, для которых Франции некогда потребовались десятилетия. Это показало, что Россия реализовала результаты европейского развития за целое столетие и прежде всего то, что революция 1917 г. была прямым продолжением революции 1905—1907 гг., а не подарком германских «освободителей». Движение в марте 1917 г. непосредственно продолжило то дело, которое было прервано десять лет назад. Демократическая республика была готовым, внутренне созревшим плодом уже самого первого натиска революции.

Однако теперь встала вторая, более трудная задача. Движущей силой революции были с самого начала городские пролетарские массы. Их требования не ограничивались, однако, политической демократией, а были направлены на решение самого жгучего вопроса международной политики — достижение немедленного мира. Одновременно революция опиралась на солдатские массы, также выдвинувшие требование немедленного мира, и на крестьянские массы, которые выдвинули на первый план аграрный вопрос, эту узловую проблему революции еще с 1905 года. Немедленный мир и земля — обе эти цели обусловили внутренний раскол революционной фаланги. Требование немедленного мира пришло в острейшее противоречие с империалистическими устремлениями либеральной буржуазии, глашатаем которой был Милюков; вопрос о земле был жупелом сначала для другого крыла буржуазии — помещиков, но затем стал им же для всех буржуазных классов, так как это было покушением вообще на священную частную собственность, их больное место.

Так на следующий день после первой победы революции началась внутренняя борьба в ее лоне вокруг двух центральных проблем: вопроса о мире и вопроса о земле. Либеральная буржуазия начала тактику затяжек и проволочек. Рабочие массы, армия, крестьянство все настойчивее торопили. Нет никакого сомнения, что с вопросами о мире и о земле были связаны и судьбы самой политической демократии и республики. Буржуазные классы, захваченные первой волной революции и позволившие увлечь себя до признания республиканской формы государства, вскоре начали искать пути для отступления и тайно организовывать контрреволюцию. Поход казаков Каледина на Петербург ясно выявил эту тенденцию. Если бы эта атака увенчалась успехом, была бы решена судьба не только вопросов о мире и земле, но и демократии, и самой республики. Неизбежным следствием стали бы военная диктатура с террором против пролетариата, а потом и возврат к монархии.

На этом примере можно оценить утопизм и по сути дела реакционность тактики, которой руководствовались меньшевики — русские социалисты каутскианского направления.

‹К проблеме демократии. Демократия и диктатура К. К[аутского].

С искренним удивлением можно наблюдать, как этот усердный муж в течение четырех лет мировой войны своей неутомимой писательской деятельностью спокойно и методично прорывает в социализме одну теоретическую дыру за другой. После такой его работы социализм выглядит, как сито, без единого здорового места. Некритическое равнодушие, с каким его свита наблюдает за этим усердным трудом своего официального теоретика и, не моргнув глазом, глотает все новые его открытия, сравнимо лишь с тем, как свита Шейдемана и К° наблюдает за тем, как эти последние *на практике* шаг за шагом дырявят социализм. В действительности обе группировки вполне дополняют одна другую, и Каутский, официальный страж марксистского храма, с начала войны делает теоретически то же самое, что шейдемановцы практически. Он проповедует: 1) Интернационал — инструмент мира; 2) Разоружение и Лига наций, национализм; наконец, 3) Демократия, а *не* социализм.›

Ухватившись за фикцию о буржуазном характере русской революции — поскольку-де Россия еще не созрела для социальной революции — они [меньшевики] отчаянно цеплялись за коалицию с буржуазными либералами, т. е. за насильственное соединение тех элементов, которые, будучи расколоты естественным внутренним ходом революционного развития, оказались в острейшем противоречии друг с другом. Аксельрод и Дан хотели любой ценой сотрудничать с теми классами и партиями, со стороны которых революции и ее первому завоеванию — демократии угрожали величайшие опасности.

В этой ситуации именно большевистскому направлению принадлежит историческая заслуга, что оно с самого начала провозгласило и проводило с железной последовательностью ту тактику, которая одна лишь могла спасти демократию и толкать революцию вперед. «Вся власть исключительно в руки рабочих и крестьянских масс, в руки Советов» — таков был действительно единственный выход из трудного положения, в каком оказалась революция; то был удар мечом, который разрубил гордиев узел, вывел революцию из теснины и раскрыл перед ней широкий простор для ее беспрепятственного дальнейшего развития.

Итак, партия Ленина была единственной в России, понявшей в этот первый период революции ее истинные интересы; она была ее движущей силой и в этом смысле единственной партией, которая осуществляла истинно социалистическую политику.

Этим объясняется и то, почему большевики, в начале революции травимое со всех сторон, оклеветанное и гонимое меньшинство, в кратчайший срок смогли встать во главе революции и собрать под свои знамена все подлинно народные массы: городской пролетариат, армию, крестьянство, а также революционные элементы демократии, левое крыло социалистов-революционеров.

Реальная ситуация русской революции привела через несколько месяцев к альтернативе: победа контрреволюции или диктатура пролетариата, Каледин или Ленин. Таково было объективное положение, которое складывается очень скоро в любой революции, когда проходит первое опьянение, и которое в России выросло из конкретных жгучих вопросов о мире и земле, не находивших решения в рамках «буржуазной» революции.

Русская революция лишь подтвердила этим основной урок всякой великой революции, жизненный закон которой гласит: либо она должна очень быстро и решительно рвануться вперед, сокрушая железной рукой все препятствия и выдвигая все более далеко идущие цели, либо она

будет очень скоро отброшена назад, за свой слабый исходный пункт и задавлена контрреволюцией. В революции не может быть остановки, топтания на месте, самоограничения первой же достигнутой целью. И тот, кто пытается перенести на революционную тактику доморощенную премудрость из парламентских войн мышей и лягушек, показывает только, что ему столь же чужды психология, жизненный закон самой революции, как и весь исторический опыт, что они для него — книга за семью печатями.

Ход Английской революции со времени ее начала в 1642 году. Логика событий привела к тому, что поначалу слабые колебания пресвитериан, робкая война против армии роялистов, в которой пресвитерианские главари намеренно избегали решающего сражения и победы над Карлом I, неотвратимо привели к тому, что индепенденты изгнали их из парламента и сами захватили власть. Также и в дальнейшем внутри войска индепендентов низшая мелкобуржуазная масса солдат, «уравнители» Лильберна, образовали ударную силу всего индепендентского движения, а в конце концов пролетарские элементы солдатской массы, зашедшие дальше всех элементы социального переворота, чьи интересы выражало движение диггеров, стали в свою очередь закваской в демократической партии «уравнителей».

Без духовного воздействия революционных пролетарских элементов на массу солдат, без давления демократической солдатской массы на буржуазный верхний слой партии индепендентов дело не дошло бы ни до «чистки» Долгого парламента от пресвитериан, ни до победоносного окончания войны с армией кавалеров и с шотландцами, ни до процесса и казни Карла I, ни до упразднения палаты лордов и провозглашения республики.

Как обстояло дело в Великой Французской революции? Захват власти якобинцами оказался здесь после четырехлетней борьбы единственным средством спасения завоеваний революции, осуществления республики, сокрушения феодализма, организации революционной обороны как от внутренних, так и от внешних врагов, подавления заговоров контрреволюции, распространения революционной волны из Франции на всю Европу.

Каутский и его русские единомышленники, которые хотели, чтобы русская революция сохранила «буржуазный характер» своей первой фазы,— точное подобие тех германских и английских либералов прошлого века, которые различали в Великой Французской революции два известных периода: «хорошая» революция первой, жирондистской фазы и «плохая» со времени якобинского переворота. При либеральном поверхностном понимании истории, разумеется, мудрено было понять, что без переворота «крайних» якобинцев под обломками революции были бы похоронены даже первые робкие и половинчатые завоевания жирондистской фазы, что истинной альтернативой якобинской диктатуре, созданной железным ходом исторического развития в 1793 г., была не «умеренная» демократия, а реставрация Бурбонов! «Золотой средний путь» не удается сохранить ни в одной революции, ее естественный закон требует быстрого решения: либо локомотив на всех парах движется вперед до крайней точки исторического подъема, либо он откатывается в силу собственной тяжести назад, снова в исходную низину, беспощадно увлекая за собой в пропасть тех, кто своими слабыми силами пытается удержать его на полпути.

Этим объясняется то, что в каждой революции лишь та партия способна захватить руководство и власть, которая обладает мужеством выдвинуть радикальный лозунг и сделать из этого все выводы. Этим объясняется жалкая роль русских меньшевиков — Дана, Церетели и др., которые сначала пользовались громадным влиянием в массах, а после длительных шатаний взад и вперед, когда они руками и ногами отталкивались от взятия власти и ответственности, были бесславно сметены со сцены.

Партия Ленина была единственной, которая поняла задачу и долг истинно революционной партии, обеспечив продолжение революции выдвижением лозунга: «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства!».

Тем самым большевики разрешили тот знаменитый вопрос о «большинстве народа», который с давних пор был для германской социал-демократии каким-то гнетущим кошмаром. Как истинные воспитанники парламентского кретинизма они просто переносят на революцию доморощенную премудрость из парламентской детской: чтобы что-то осуществить, нужно сначала иметь большинство. Значит и в революции: сперва мы завербуем «большинство». Истинная же диалектика революций ставит на голову эту парламентскую премудрость кротов — путь лежит не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству. Лишь партия, умеющая руководить, т. е. вести вперед, завоевывает приверженцев в ходе штурма. Решительность, с которой Ленин и его товарищи в решающий момент выдвинули единственный способный увлечь вперед лозунг «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства!», почти мгновенно превратила их из преследуемого, травимого, «нелегального» меньшинства, вожди которого, подобно Марату, вынуждены были скрываться в подвалах, в абсолютных хозяев положения.

Большевики в качестве цели взятия ими власти тотчас же выдвинули самую полную последовательно революционную программу: не защита буржуазной демократии, а диктатура пролетариата ради осуществления социализма. Их непреходящая историческая заслуга состоит в том, что они впервые провозгласили конечной целью социализм как непосредственную программу практической политики.

Ленин, Троцкий и их товарищи в полной мере проявили мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность, на какие только способна партия в исторический час. Большевики были олицетворением революционной чести и способности к действию, которые утратила социал-демократия Запада. Их Октябрьское восстание было не только фактическим спасением русской революции, но и спасением чести международного социализма.

III

Большевики — исторические наследники английских «уравнителей» и французских якобинцев. Но конкретная задача, которая выпала на их долю в русской революции после взятия власти, была несравненно труднее, чем задачи их исторических предшественников.

‹Значение аграрного вопроса. Уже в 1905 г. Потом в III Думе *правые* крестьяне! Крестьянский вопрос и защита [отечества]. Армия.›

Конечно, лозунг непосредственного, немедленного захвата и раздела земли крестьянами был кратчайшей, простейшей, самой лапидарной формулой, чтобы достичь двоякой цели: разрушить помещичье землевладение и немедленно привязать крестьян к революционному правительству. В качестве политической меры для укрепления пролетарско-социалистического правительства это была превосходная тактика. Но у нее, к сожалению, были две стороны, и оборотная заключалась в том, что непосредственный захват земли крестьянами не имел ничего общего с социалистическим ведением хозяйства.

Социалистическое преобразование экономических отношений в аграрной области имеет две предпосылки. Прежде всего, национализация именно помещичьего землевладения, как той технически прогрессивной концентрации аграрных средств и методов производства, которая одна только может служить исходным пунктом социалистического хозяйствования в деревне. Естественно, не следует забирать у мелкого крестьянина его

парцеллу, можно спокойно предоставить ему возможность сначала добровольно убедиться в преимуществах общественного производства, затем вступить на путь кооперативного объединения и, наконец, вовлечь его в единое общественное производство. Всякая социалистическая хозяйственная реформа в деревне должна, разумеется, начинаться с крупного и среднего землевладения. Она должна передать право собственности прежде всего народу, что при социалистическом правительстве равнозначно государству, ибо только это обеспечит возможность организовать сельскохозяйственное производство на общих взаимосвязанных социалистических принципах.

Вторая предпосылка такого преобразования — преодолеть отделение сельского хозяйства от индустрии. Эта характерная черта буржуазного общества должна уступить место взаимному проникновению и слиянию обоих, всеобщей организации как аграрного, так и промышленного производства на основе единых принципов. Каким бы ни было в отдельных случаях практическое руководство ведением хозяйства — либо городскими общинами, как предлагают некоторые, либо из государственного центра — во всех случаях предпосылкой является проведение единообразной, направляемой центром реформы, а ее предпосылкой — национализация земли. Национализация крупного и среднего землевладения, объединение индустрии и сельского хозяйства — это две принципиальные позиции любой социалистической экономической реформы, без которой невозможен социализм.

Кто может упрекнуть советское правительство России за то, что оно не осуществило такие огромные реформы! Было бы дурной шуткой требовать или ожидать от Ленина и его товарищей, чтобы они за короткое время своего пребывания у власти в бурном водовороте внутренних и внешних боев, теснимые бесчисленными врагами и сопротивлением со всех сторон смогли разрешить или хотя бы взяться за решение одной из труднейших задач, да, можно смело сказать, *самой* трудной задачи социалистического преобразования! Когда мы на Западе однажды придем к власти, то и здесь при самых благоприятных обстоятельствах мы сломаем себе не один зуб об этот твердый орешек, пока справимся хотя бы с самыми простыми из тысяч сложностей и трудностей этой гигантской задачи!

Однако социалистическое правительство, придя к власти, должно во всяком случае сделать одно: принять меры, направленные на создание основных предпосылок для проведения позднее социалистической реформы аграрных отношений; оно, по меньшей мере, должно избежать всего, что встанет на пути к таким мероприятиям.

Лозунг же, выдвинутый большевиками,— «Немедленный захват и раздел земли крестьянами» — должен действовать в прямо противоположном направлении. Это мера не только не социалистическая, но она отрезает пути к преобразованию аграрных отношений в социалистическом духе, нагромождает перед ним неодолимые препятствия.

Захват земли крестьянами в ответ на краткий, лапидарный лозунг Ленина и его друзей — «Идите и берите землю!» — привел просто к хаотическому внезапному превращению помещичьей собственности на землю в крестьянскую собственность. То, что было создано, это не общественная собственность, а новая частная собственность, точнее — разделение крупных имений на средние и мелкие владения, относительно прогрессивного крупного производства — на примитивные мелкие предприятия, которые работают техническими орудиями времен фараонов. Более того, эта мера и хаотичный, чисто произвольный метод ее проведения не только не устранили, а лишь обострили различия собственности в деревне. Хотя большевики призывали крестьян создавать крестьянские комитеты, чтобы превратить захват дворянских поместий в какое-либо коллективное действие, ясно, что такой общий совет не мог ничего изменить в реальной практике и в реальном соотношении сил в деревне. С комитетами или без них богатые крестьяне и кулаки, составлявшие сельскую буржуазию, в руках которой в каждой русской деревне была сосредоточена реальная местная власть, извлекли, разумеется, из аграрной революции наибольшую выгоду. Каждый может сам сосчитать на пальцах, что в результате раздела земли социальное и экономическое неравенство в среде крестьянства не было ликвидировано, а еще более усилилось, что классовые противоречия в деревне обострились. Но этот сдвиг в соотношении сил произошел решительно *в ущерб* пролетарским и социалистическим интересам.

Речь Ленина о необходимости централизации в промышленности, национализации банков, торговли и промышленности. Почему же не земли? Здесь, напротив, децентрализация и частная собственность.

Собственная аграрная программа Ленина была перед революцией иной. Лозунг был заимствован у многократно осмеянных социалистов-революционеров или, вернее, у стихийного крестьянского движения.

Чтобы ввести социалистические принципы в аграрные отношения, советское правительство пытается теперь создать сельские коммуны из пролетариев, главным образом из городских безработных. Но нетрудно угадать наперед, что результаты этих усилий будут ничтожно малы по сравнению со всем объемом аграрных отношений и что их нельзя будет даже вообще брать в расчет при оценке положения. (После того как раздробили крупные поместья — самый благоприятный исходный пункт для социалистического ведения хозяйства — на мелкие производства, теперь пытаются создать из них понемногу образцовые коммунистические предприятия.) В сложившихся условиях эти коммуны могут претендовать лишь на роль эксперимента, а не стать основой широкой социальной реформы.

〈Хлебная монополия с премиями. *Теперь*, пост фактум, они хотят внести классовую борьбу в деревню.〉

Прежде социалистическая реформа в деревне натолкнулась бы, пожалуй, на сопротивление небольшой касты крупных землевладельцев — дворян и капиталистов, а также небольшого меньшинства богатой сельской буржуазии, экспроприация которых революционной народной массой была бы детской игрой. Теперь, после «захвата собственности», врагом любого социалистического обобществления сельского хозяйства выступает чрезвычайно выросшая и усилившаяся масса имущего крестьянства, которое будет зубами и ногтями защищать свою новообретенную собственность от всех социалистических покушений. Теперь вопрос будущей социализации сельского хозяйства, а, следовательно, вообще производства в России, стал вопросом противоречия и борьбы между городским пролетариатом и крестьянскими массами. Сколь острым стало противоречие уже сейчас, показывает бойкот крестьянами городов, которым они не дают продовольствия, чтобы спекулировать им точно так же, как это делают прусские юнкеры. Французский парцелльный крестьянин стал храбрым защитником Великой Французской революции, которая отдала ему конфискованную землю эмигрантов. Как наполеоновский солдат он принес победу знамени Франции, прошел по всей Европе и разгромил феодализм в одной стране за другой. Ленин и его друзья, возможно, ожидали такого же воздействия своего аграрного лозунга. Однако русский крестьянин, захватив в свои руки собственность на землю, и во сне не помышлял защищать Россию и революцию, которой был обязан получением земли. Он вцепился в свою новую собственность и отдал революцию ее врагам, государство на разорение, обрек городское население на голод.

Ленинская аграрная реформа создала в деревне новый мощный слой врагов социализма, сопротивление которых будет гораздо опаснее и упорнее, чем было сопротивление дворян-помещиков.

Большевики несут часть вины за то, что военное поражение России превратилось в крушение и распад страны. Они сами же в большой степени обострили объективные трудности положения своим лозунгом, который они поставили во главу угла своей политики, так называемым правом наций на самоопределение или тем, что в действительности скрывалось за этой фразой,— государственным развалом России. Формула о праве различных национальностей Российской империи самостоятельно определять свои судьбы, «вплоть до государственного отделения от России», вновь и вновь провозглашавшаяся с доктринерским упорством, была особенно боевым лозунгом Ленина и его товарищей, когда они находились в оппозиции к войне Милюкова и Керенского, она была осью их внутренней политики после Октябрьского переворота, она стала основой платформы большевиков в Брест-Литовске, их единственным оружием, которое они могли противопоставить силовой позиции германского империализма.

Поражают прежде всего упорство и жесткая последовательность, с которой Ленин и его товарищи держались за тот лозунг, который резко противоречит и их обычно ярко выраженному централизму политики, и их отношению к прочим демократическим принципам. В то время как они проявили весьма холодное пренебрежение к Учредительному собранию, всеобщему избирательному праву, свободе печати и собраний, короче, ко всему ареалу основных демократических свобод для народных масс, образующих в совокупности «право на самоопределение» для самой России, они обращались с правом наций на самоопределение как с сокровищем демократической политики, перед которым должны умолкнуть все практические возражения реальной критики. В то время как им ни в коей мере не импонировали народные выборы в Российское учредительное собрание — народное голосование на основе самого демократичного в мире избирательного права и при полной свободе в народной республике — и они, руководствуясь очень трезвыми критическими соображениями, просто объявили их результаты недействительными, в Бресте они ратовали за «народное голосование» чужих России наций об их государственной принадлежности как за истинный оплот свободы и демократии, неподдельную квинтэссенцию народной воли, высшую, решающую инстанцию в вопросах политических судеб наций.

Противоречие, которое здесь зияет, тем менее понятно, что при демократических формах политической жизни в каждой стране, как мы это дальше увидим, речь идет действительно о чрезвычайно ценных, неотъемлемых основах социалистической политики, тогда как пресловутое «право наций на самоопределение» не что иное, как пустая мелкобуржуазная фразеология и надувательство.

И действительно, что должно значить это право? Азбука социалистической политики состоит в том, что она борется против всякого рода угнетения, в том числе и одной нации другой.

Если, несмотря ни на что, обычно столь трезвые и критические политики, как Ленин и Троцкий с их друзьями, иронически пожимающие плечами по поводу любого рода утопической фразеологии, будь то разоружение, Лига наций и т. п., на сей раз буквально превращают в своего конька пустую фразу точно такого же рода, то это произошло, как нам кажется, из-за своего рода политики приспособления. Ленин и его товарищи, очевидно, рассчитывали на то, что нет более надежного средства привязать многие нерусские национальности в недрах Российской империи к делу революции, к делу социалистического пролетариата, чем обеспечить им от имени революции и социализма самую широкую, неограниченную свободу распоряжаться своей судьбой. Это аналогично политике большевиков по отношению к русским крестьянам, где лозунг прямого захвата дворянской собственности на землю должен был утолить их земельный голод и тем самым привязать их к знамени революции и пролетарского правительства.

Увы, в обоих случаях расчет совершенно не оправдался. В то время как Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы «вплоть до государственного отделения» сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и т. д. верными союзниками русской революции, мы наблюдали обратную картину: одна за другой эти «нации» использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию. Образцовый пример — интермедия с Украиной в Бресте, обусловившая решающий поворот в этих переговорах и во всем внутреннем и внешнеполитическом положении большевиков. Поведение Финляндии, Польши, Литвы, Балтийских стран, наций Кавказа самым убедительным образом показывает, что мы имеем здесь дело не со случайными исключениями, а с типичным явлением.

Конечно, во всех этих случаях такую реакционную политику в действительности проводили не «нации», а лишь буржуазные и мелкобуржуазные классы, которые в острейшем противоречии с собственными пролетарскими массами превращают «право на национальное самоопределение» в инструмент своей контрреволюционной классовой политики. Но — и тут мы подходим к самой сущности вопроса — именно в этом заключается утопический мелкобуржуазный характер этой националистической фразы, что она в суровой действительности классового общества, особенно во время предельно обострившихся противоречий, превращается просто в средство буржуазного классового господства. Большевики получили, нанеся огромный ущерб себе самим и революции, урок, что при господстве капитализма не может быть самоопределения «нации», что в классовом обществе каждый класс нации стремится «самоопределиться» по-своему, что для буржуазных классов интересы национальной свободы отодвигаются полностью на задний план интересами классового господства. Финская буржуазия и украинская мелкая буржуазия были целиком единодушны, предпочитая германский деспотизм национальной свободе, если последняя связана с опасностью «большевизма».

Надежда превратить эти реальные отношения классов в их противоположность посредством «народных голосований», вокруг которых все вращалось в Бресте, вера, что большинство революционных народных масс выскажется за соединение с русской революцией, были, если на это всерьез рассчитывали Ленин и Троцкий, непонятным оптимизмом. Если же это должно было стать лишь тактическим приемом — рапирой в дуэли с германским деспотизмом, то это было опасной игрой с огнем. Даже и без германской военной оккупации пресловутое «народное голосование», если бы до него дошло дело в окраинных странах, при духовном настрое крестьянских масс и широких слоев еще индифферентных пролетариев, при реакционной устремленности мелкой буржуазии и при тысячах средств воздействия буржуазии на голосование, по всей вероятности, повсюду дало бы результат, суливший большевикам мало радости. Ведь можно считать непреложным правилом, что господствующие классы знают, как не допустить подобные народные голосования по национальному вопросу, когда они приходятся им не ко двору, а если голосования все же происходят, то знают, какими средствами и способами можно так повлиять на их результаты, чтобы мы не смогли установить социализм посредством народных голосований.

То, что вопрос о национальных устремлениях и особых тенденциях вообще оказался в центре революционных боев, а Брестским миром был даже выдвинут на первый план и превращен в лозунг социалистической

и революционной политики, вызвало замешательство в рядах социалистов и поколебало позиции пролетариата именно в окраинных странах. В Финляндии социалистический пролетариат, пока он вел борьбу как часть единой российской революционной фаланги, уже добился господствующего положения: он обладал большинством в ландтаге, в армии, он обрек буржуазию на полное бессилие и был хозяином положения в стране. Русская Украина была в начале века, еще до изобретения глупостей «украинского национализма» с «карбованцами» и «универсалами», до конька Ленина о «самостийной Украине», цитаделью российского революционного движения. Оттуда, из Ростова и Одессы, из Донбасса уже в 1902—1904 гг. изливались первые потоки революционной лавы, которые зажгли весь Юг России, превратив его в море огня и подготовив взрыв 1905 г.; это же повторилось и в нынешней революции, для которой южнороссийский пролетариат поставил отборные войска пролетарской фаланги. Польша и Балтийские страны были в 1905 г. самыми мощными и надежными очагами революции, в которых социалистический пролетариат играл господствующую роль.

Как же случилось, что во всех этих странах вдруг торжествует контрреволюция? Именно националистическое движение, оторвав [местный] пролетариат от России, парализовало его и выдало национальной буржуазии окраинных стран. Вместо того чтобы как раз в духе чисто интернациональной классовой политики, которую большевики обычно проводили, стремиться к самому тесному сплочению революционных сил на всех просторах Российской империи, защищать зубами и когтями ее целостность как территории революции, противопоставить — в качестве высшего завета политики — сплоченность и нераздельность пролетариев всех наций в сфере русской революции любым националистическим сепаратистским устремлениям, большевики, напротив, громкой националистической фразеологией о «праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения» дали буржуазии всех окраинных стран самый желательный, самый блестящий предлог, прямо-таки знамя для ее контрреволюционных устремлений. Вместо того чтобы предостеречь пролетариев окраинных стран от любого сепаратизма как чисто буржуазной ловушки и в зародыше подавить сепаратистские стремления железной рукой, использование которой *в этом* случае соответствовало бы истинному смыслу и духу пролетарской диктатуры, они, напротив, вызвали своим лозунгом замешательство в [народных] массах всех окраинных стран и дали простор демагогии буржуазных классов. Таким содействием национализму они [большевики] сами вызвали, подготовили распад России и этим вложили в руку собственных врагов нож, который те намеревались вонзить в сердце русской революции.

Конечно, без помощи германского империализма, без «германских штыков в германских руках», о которых писал Каутский в «Neue Zeit», Люблинский и другие негодяи на Украине, Эрих и Маннергейм в Финляндии, балтийские бароны никогда не справились бы с социалистическими пролетарскими массами своих стран. Но национальный сепаратизм был троянским конем, в котором немецкие «товарищи» со штыками в руках проникли во все эти страны. Реальные классовые противоречия и соотношение военных сил привели к германской интервенции. Но большевики создали *идеологию*, которая маскировала этот поход контрреволюции, усилили позиции буржуазии и ослабили позиции пролетариата. Лучшее доказательство — Украина, которой довелось сыграть столь рокоаую роль в судьбах русской революции. Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем просто причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентиков, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. Буквально так, как если бы в одно прекрасное утро жители «Ватерканте» вслед за Фрицем Рейтером захотели бы образовать новую нижненемецкую нацию и основать самостоятельное государство![2]. И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции! Из этого пустого яйца в Бресте вылезли германские штыки.

Фразы иногда имеют весьма реальное значение в истории классовой борьбы. Такова уж роковая судьба, что социализму в нынешней мировой войне было предначертано дать идеологические предлоги для контрреволюционной политики. Германская социал-демократия поспешила в момент возникновения войны прикрыть идеологическим щитом из отбросов марксизма разбойничий поход германского империализма, провозгласив его освободительным походом против русского царизма, о котором в 1848 г. мечтали наши учители. На долю антиподов правительственных социалистов — большевиков выпало лить воду на мельницу контрреволюции фразами о «самоопределении» и тем создать идеологию не только для удушения самой русской революции, но и для ликвидации всей мировой войны, по плану, созданному контрреволюцией. У нас имеются все основания, чтобы под этим углом зрения очень основательно рассмотреть политику большевиков. «Право на самоопределение наций» в соединении с [идеей] Лиги наций и с разоружением по милости Вильсона — вот боевой клич, под знаком которого произойдет предстоящее столкновение международного социализма с буржуазным миром. Очевидно, что фраза о самоопределении и все национальное движение, которое представляет ныне величайшую опасность для международного социализма, обрели чрезвычайную силу именно в результате русской революции и брестских переговоров. Нам придется еще подробно заняться этой платформой. Трагическая судьба для русской революции этой фразеологии, в которой запутались и были до крови изранены шипами русские большевики, должна послужить предостерегающим примером международному пролетариату.

За всем этим последовал диктат Германии. От Брестского мира до «Дополнительного договора»![3] 200 жертв заложников в Москве[4]. Результатом этой ситуации стали террор и подавление демократии.

IV

Мы хотим рассмотреть это подробнее на нескольких примерах.

Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл известный роспуск Учредительного собрания в январе 1918 года[5]. Эта мера стала определяющей для их дальнейшей позиции, в известном смысле поворотным пунктом в их тактике. Это факт, что Ленин и его товарищи до своей Октябрьской победы энергично требовали созыва Учредительного собрания, что именно политика оттяжек в этом вопросе правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и служила им поводом для самых резких нападок. И Троцкий в своей интересной брошюре «От Октябрьской революции до Брестского мира» также говорит, что большевики Октябрьский переворот «представляли спасением для Учредительного собрания, как и вообще спасением революции». «И когда мы говорили,— продолжает он,— что дверь к Учредительному собранию ведет не чрез предпарламент Церетели, а чрез захват власти Советами, мы были вполне искренни».

И вот после таких объявлений первый шаг Ленина после Октябрьской революции — разгон того самого Учредительного собрания, вход в которое она должна была открыть. Какие причины могли стать решающими для столь поразительного поворота? Троцкий подробно рассказывает об этом в упомянутой брошюре, и мы хотим изложить здесь его аргументы [...] [7]

Все это прекрасно и очень убедительно. Но можно только поражаться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий, не пришли к следующему выводу, который вытекал из описанных выше фактов. Поскольку Учредительное собрание было избрано задолго до решающего поворотного момента, до Октябрьского переворота, и его состав отражал картину прошлого состояния, а не нового положения вещей, то сам собой напрашивался вывод: распустив это устаревшее, т. е. мертворожденное Учредительное собрание, немедленно объявить выборы нового Учредительного собрания! Они не хотели и не могли доверить судьбы революции собранию, отражавшему вчерашнюю Россию Керенского, период колебаний и коалиции с буржуазией. Ну что же, оставалось только немедленно созвать вместо него Собрание, вышедшее из обновленной, продвинувшейся вперед России.

Вместо этого Троцкий из специфической неспособности собравшегося в январе [8] Учредительного собрания делает вывод о ненужности никакого Учредительного собрания, даже заключает, что во время революции вообще непригодно любое народное представительство, выходящее из всеобщих народных выборов.

«Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть трудящиеся массы в короткий период накопляют много политического опыта и быстро переходят в своем развитии с одной ступени на другую. Тяжеловесный механизм демократических учреждений тем меньше поспевает за этой эволюцией, чем огромнее страна и чем менее совершенен ее технический аппарат» [9].

Здесь речь идет уже вообще о «механизме демократических учреждений». В противовес этому следует прежде всего подчеркнуть, что в этой оценке представительных учреждений выражается несколько схематичная, жесткая точка зрения, которой совершенно определенно противоречит исторический опыт всех революционных эпох. По теории Троцкого, каждое избранное собрание отражает раз навсегда духовное состояние, политическую зрелость и настроение его избирателей только точно в тот момент, когда они подошли к урне для голосования. Демократическое учреждение поэтому всегда отражает [настроения] масс в день выборов, подобно тому как в атласе звездного неба Гершеля показаны нам небесные тела не такими, каковы они в то время, когда мы их наблюдаем, а какими они были в тот момент, когда из необозримой дали посылали на Землю свои световые сигналы. Троцкий отрицает здесь какую бы то ни было живую духовную связь между однажды избранным [собранием] и избирателями, всякое длительное взаимодействие между ними.

Как резко противоречит этому весь исторический опыт! Он показывает нам, напротив, что живые флюиды настроения народа постоянно омывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими. Иначе как было бы возможно — когда на фабриках, в мастерских и на улицах происходят волнения — видеть временами в любом буржуазном парламенте самые восхитительные пируэты «народных представителей», внезапно оживленных «новым духом» и издающих совершенно неожиданные звуки, [видеть, что] самые высохшие мумии иногда ведут себя по-юношески, а различные шейдемановцы вдруг извлекают из своей груди революционные тона?

И это постоянное живое воздействие настроения и политической зрелости масс на избранные учреждения должно во время революции капитулировать перед сухой схемой партийных вывесок и избирательных списков? Совсем наоборот! Именно революция создает своим пылающим жаром ту тонкую, вибрирующую, восприимчивую политическую атмосферу, в которой волны народного настроения, удары пульса народной жизни немедленно самым чудесным образом воздействуют на представительные учреждения. Именно на этом всегда основаны известные эффектные сцены начальной стадии всех революций, когда старые реакционные или весьма умеренные парламенты, избранные при старом режиме на основе ограниченного избирательного права, вдруг становятся героическими глашатаями переворота, выразителями штурма и натиска. Классический пример тому — известный Долгий парламент в Англии, избранный и собравшийся в 1642 г., который семь лет оставался на посту и внутри которого отразились все перемены народного настроения, политической зрелости, классового раскола, продвижения революции до ее вершины, от первоначальных мелочных препирательств с короной до упразднения палаты лордов, казни Карла и провозглашения республики.

И разве не такое же чудесное превращение произошло в Генеральных штатах Франции, в цензовом парламенте Луи-Филиппа, да и в IV Государственной думе — этот последний самый поразительный пример так близок Троцкому. Избранная в благословенном 1912 г. [10], при жесточайшем господстве контрреволюции, она внезапно ощутила в феврале 1917 г. Иоаннову страсть к перевороту и стала исходной точкой революции.

Все это показывает, что «тяжеловесный механизм демократических учреждений...» имеет мощный корректив — именно в живом движении масс, в их непрекращающемся давлении. И чем демократичнее учреждение, чем живее и сильнее удары пульса политической жизни масс, тем непосредственнее и точнее воздействие — несмотря на жесткие партийные вывески, устаревшие избирательные списки и т. п. Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений,— активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс.

Возьмем другой поразительный пример: выработанное советским правительством избирательное право. Не вполне ясно, какое этому избирательному праву придается практическое значение. Из критики Троцким и Лениным демократических учреждений следует, что они принципиально отвергают народные представительства на основе всеобщих выборов, и хотят опираться только на Советы. Неясно, зачем тогда вообще вырабатывается всеобщее избирательное право. Нам также неизвестно, чтобы это избирательное право было каким-то образом введено в действие; ничего не было слышно и о выборах на его основе в какое-либо народное представительство. Вероятнее всего предположение, что оно осталось лишь продуктом кабинетной теории, но в таком виде — это весьма поразительный продукт большевистской теории диктатуры.

Всякое избирательное право, как и вообще всякое политическое право, следует оценивать не по каким-либо абстрактным схемам «справедливости» и подобной буржуазно-демократической фразеологии, а по социальным и экономическим отношениям, для которых оно и скроено. Выработанное советским правительством избирательное право рассчитано именно на переходный период от буржуазно-капиталистической к социалистической форме общества, на период пролетарской диктатуры. В духе того толкования, какое Ленин — Троцкий дают этой диктатуре, избира-

тельное право предоставляется только тем, кто живет собственным трудом, а все остальные его лишены.

Ясно, однако, что такое избирательное право имеет смысл лишь в обществе, которое и экономически способно дать всем, кто хочет трудиться, возможность обеспечить себе собственным трудом зажиточную, культурную жизнь. Возможно ли это в нынешней России? В обстановке огромных трудностей, с какими вынуждена бороться Советская Россия, изолированная от мирового рынка и отрезанная от своих важнейших сырьевых источников, в обстановке всеобщего ужасного хозяйственного разорения, резкого изменения производственных отношений в результате преобразования отношений собственности в сельском хозяйстве, в промышленности и торговле, совершенно очевидно, что огромное число людей оказалось неожиданно оторванным от своих корней, выбито из колеи без малейшей объективной возможности найти в экономическом механизме какое-либо приложение своей рабочей силе. Это затрагивает не только классы капиталистов и помещиков, но и широкие слои мелкого и среднего сословия и сам рабочий класс. Ведь факт, что сокращение промышленного производства привело к массовому оттоку городского пролетариата в деревню в поисках пристанища в сельском хозяйстве. При таких обстоятельствах политическое избирательное право, имеющее экономической предпосылкой всеобщую трудовую повинность, мероприятие совершенно непонятное. По своей тенденции оно должно сделать политически бесправными только эксплуататоров. Но когда в массовом порядке лишены своих корней рабочие-производители, советское правительство вынуждено, напротив, во многих случаях оставлять государственную промышленность бывшим капиталистическим собственникам, так сказать, в аренду. Советское правительство вынуждено было также в апреле 1918 г. заключить компромисс и с буржуазными потребительскими кооперативами. Затем оказалось необходимым использование буржуазных специалистов. Другое следствие того же явления выражается в том, что государство содержит на общественный счет растущее число пролетариев — красногвардейцев и т. п. [Поэтому избирательное право] делает в действительности бесправными широкие и растущие слои мелкой буржуазии и пролетариат, в отношении которых экономический строй не предусматривает никаких средств для осуществления трудовой повинности.

Это — нелепость, делающая избирательное право оторванным от социальной действительности, утопическим продуктом фантазии. И именно потому оно не может быть серьезным инструментом пролетарской диктатуры.

‹Анахронизм, опережение правового положения, уместного при уже сложившемся социалистическом экономическом базисе, но не в переходный период пролетарской диктатуры.›

Когда все среднее сословие, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция после Октябрьской революции месяцами бойкотировали советское правительство, парализовали железнодорожную, почтовую и телеграфную связь, школьное обучение, управленческий аппарат, оказывая таким образом сопротивление рабочему правительству, тогда были само собою разумеющимися все меры давления на них: лишение политических прав, экономических средств существования и т. д., чтобы сломить сопротивление железным кулаком. В этом и проявилась социалистическая диктатура, которая не должна страшиться никакого применения силы, чтобы содействовать или препятствовать проведению в интересах общего дела тех или иных мер. Напротив, избирательное право, вообще лишающее прав широкие слои общества, ставит их политически вне рамок того общества, которое экономически не в состоянии обеспечить им [рабочее] место. Лишение прав не как конкретная мера ради конкретной цели, а как общее правило длительного действия, это вовсе не необходимое про-

явление диктатуры [пролетариата], а нежизнеспособная импровизация.

‹Как Советы в качестве станового хребта, так и Учредительное собрание и *всеобщее избирательное право.*›

‹Большевики назвали Советы реакционными, потому что большинство в них составляли крестьяне (крестьянские депутаты и солдатские депутаты). После того как Советы перешли на их сторону, они стали истинными представителями народной воли. Но такой внезапный поворот был связан только с вопросом о *мире* и о земле.›

Учредительным собранием и избирательным правом вопрос, однако, не исчерпывается. Должно быть принято во внимание также упразднение важнейших демократических гарантий здоровой общественной жизни и политической активности трудящихся масс: свободы печати, права союзов и собраний, которые стали незаконными для всех противников советского правительства. Для такого вмешательства ни в коей мере не достаточно вышеприведенной аргументации Троцкого о неповоротливости демократических выборных учреждений. Напротив, совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс.

Ленин говорит: буржуазное государство — это инструмент подавления рабочего класса, социалистическое — подавления буржуазии. Оно в известном смысле лишь поставленное на голову капиталистическое государство. Это упрощенное представление не учитывает самого существенного: буржуазное классовое господство не нуждается в политическом обучении и воспитании всей массы народа, во всяком случае, не выходит за некоторые узко ограниченные рамки. Для пролетарской диктатуры оно — жизненное условие, воздух, без которого она не может существовать.

«Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть...» Этими словами Троцкий очень метко опровергает самого себя и своих друзей по партии. Именно потому, что это верно, они, подавляя общественную жизнь, перекрыли источник политического опыта и дальнейшего развития. Или же надо признать, что опыт и развитие нужны были лишь до взятия власти большевиками, а, достигнув максимума стали излишними (Речь Ленина: Россия убеждена в социализме!!! [11]).

В действительности дело обстоит наоборот! Именно гигантские задачи, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью, потребовали самого интенсивного политического обучения масс и накопления опыта.

‹Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией.›

Молчаливая предпосылка теории диктатуры в духе Ленина — Троцкого состоит в том, что социалистический переворот — это дело, для которого в кармане революционной партии имеется готовый рецепт, нуждающийся только в энергичном осуществлении. К сожалению,— а возможно, к счастью,— дело обстоит не так. Практическое осуществление социализма как экономической, социальной и правовой системы — далеко не сумма готовых предписаний, которые остается лишь применить, оно целиком пребывает в тумане будущего.

‹Большевики сами, положа руку на сердце, не станут отрицать, что они на каждом шагу вынуждены были действовать ощупью, искать, экспериментировать, пробовать так и этак, и что большая часть их мероприятий вовсе не жемчужины. Так должно быть и так будет со всеми

нами, когда мы возьмемся за это дело, хотя и не везде будут господствовать столь тяжелые условия.⟩

То, что мы имеем в нашей программе,— лишь немногие важные ориентиры, указывающие направление пути, на котором придется искать меры, притом преимущественно негативного характера. Мы примерно знаем, что нам необходимо прежде всего устранить, чтобы открыть путь для социалистической экономики. Но ни одна социалистическая партийная программа, ни один социалистический учебник не могут разъяснить, какого рода должны быть те тысячи конкретных, практических больших и малых мер, которые должны приниматься на каждом шагу, чтобы осуществить [на деле] социалистические принципы в экономике, праве, во всех общественных отношениях. Это не беда, а скорее преимущество научного социализма перед утопическим: социалистическая общественная система должна и может быть только историческим продуктом, рожденным из собственной школы опыта в час исполнения, из становления живой истории, которая точно так же, как органическая природа, частью которой она в конечном счете является, обладает прекрасным свойством всегда создавать одновременно с реальной общественной потребностью также и средства для ее удовлетворения, одновременно с задачей — также и ее решение. Но если это так, то ясно, что социализм по самой его *природе* невозможно октроировать, ввести указами. Он имеет предпосылкой ряд насильственных мер — против собственности и т. п. Негативное, разрушение можно декретировать, но строительство, позитивное — *нельзя*. Целина. Тысячи проблем. Только опыт в состоянии вносить коррективы и открывать новые пути. Только неограниченная бурлящая жизнь порождает тысячи новых форм, импровизаций, обретает *творческую силу*, сама исправляет все ложные шаги. Общественная жизнь государств с ограниченной свободой именно потому так скудна, так жалка, так схематична, так бесплодна, что выключением демократии она закрывает для себя жизненные источники всякого духовного богатства и прогресса (доказательства: 1905 год и [месяцы] от февраля до октября 1917 года). Как тогда политические, так [теперь] экономические и социальные [источники]. Вся масса народа должна участвовать. Иначе социализм будет декретирован, октроирован дюжиной кабинетных интеллигентов.

Общественный контроль совершенно необходим. Иначе обмен опытом останется только в замкнутом кругу чиновников нового правительства. Неизбежна коррупция. (Слова Ленина, «Mitteilungs-Blatt», № 36 [12]).

⟨Речь Ленина о дисциплине и коррупции.

Анархия будет и у нас повсюду неизбежной. Люмпен-пролетарские элементы присущи буржуазному обществу и неотделимы от него.

Доказательства:

1. Восточная Пруссия, грабежи «казаков».

2. Всеобщий взрыв разбоя и воровства в Германии («спекуляции», почтовый и железнодорожный персонал, полиция, полное стирание границ между хорошо упорядоченным обществом и каторжной тюрьмой).

3. Быстрое разложение профсоюзных лидеров. Против этого бессильны драконовские террористические меры. Наоборот, они коррумпируют еще больше. Единственное противоядие: идеализм и социальная *активность* масс, неограниченная *политическая* свобода.⟩

⟨Самостоятельную проблему большой важности составляет в каждой революции борьба с люмпен-пролетариатом. И нам, в Германии, как и повсюду, придется иметь с этим дело. Люмпен-пролетарские элементы глубоко присущи буржуазному обществу не только как отдельный слой, как социальные отбросы, которые в огромной мере возрастают, особенно в те времена, когда рушатся стены общественного строя, а как интегрирующий элемент всего общества. События в Германии — и в большей или в меньшей степени во всех других государствах — показали, как

легко поддаются разложению все слои буржуазного общества: коммерческая спекуляция на ценах, спекуляции шляхтичей, случайные фиктивные сделки, фальсификация продовольствия, надувательства, растраты чиновников, воровство, взломы и грабежи так слились друг с другом, что стерлась грань между честными бюргерами и преступниками. Здесь повторяется такое явление, как регулярное и быстрое разложение буржуазных добродетелей, когда их пересаживают на чужую социальную почву, в условия заморских колоний. Отбросив привычные рамки и устои морали и права, буржуазное общество, сокровенным жизненным законом которого является глубочайшая аморальность — эксплуатация человека человеком, впадает непосредственно и безудержно в примитивное разложение. Пролетарской революции придется повсюду вести борьбу с этим своим врагом и орудием контрреволюции.

Но все же и в этом случае террор — тупой [или] обоюдоострый меч. Самая драконовская [военно-]полевая юстиция бессильна перед взрывом люмпен-пролетарских бесчинств. Да, всякое длительное правление с помощью осадного положения неизбежно ведет к произволу, а всякий произвол действует на общество развращающе. Единственное реальное средство в руках пролетарской революции и здесь: радикальные меры социального и политического характера, быстрейшее улучшение социальных гарантий жизни масс, а также распространение революционного идеализма, сохранить который на длительное время можно только при неограниченной политической свободе с помощью интенсивной, активной жизни масс.

Как против инфекций и болезнетворных микробов самым действенным, очищающим и исцеляющим средством служит свободное воздействие солнечных лучей, так и сама революция и ее принцип обновления, вызванный ею [подъем] духовной жизни, активности и моральной ответственности самих масс, сиречь широчайшая политическая свобода как ее форма,— единственное исцеляющее и очищающее солнце.⟩

Практика социализма требует подлинного духовного переворота в массах, веками деградировавших под буржуазным классовым господством. Социальные инстинкты вместо эгоистических; массовая инициатива вместо косности; идеализм, позволяющий преодолеть все страдания, и т. д. и т. д. Никто не знает этого лучше, не говорит об этом убедительнее, не повторяет это упорнее, чем Ленин. Но он целиком ошибается в выборе средств. Декрет, диктаторская власть фабричных надсмотрщиков, драконовские наказания, террор — все это паллиативы. Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, неограниченная широчайшая демократия, общественное *мнение*. Именно господство террора деморализует.

Если все это отбросить, то что останется в действительности? Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов

Советов: с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия.

Основная ошибка теории Ленина — Троцкого состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии. «Диктатура *или* демократия»,— такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно *буржуазной* демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии, и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. *буржуазной* диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики. Пролетариат, берущий в свои руки власть, никак не может, действуя по доброму совету Каутского, под предлогом «незрелости страны» отказаться от социалистического переворота и посвятить себя только демократии, не совершив предательства по отношению к себе самому, Интернационалу, революции. Он обязан и должен как раз немедленно, самым энергичным, самым решительным, самым беспощадным образом начать социалистические преобразования, следовательно, осуществлять диктатуру, но диктатуру *класса*, а не партии или клики, [осуществлять] диктатуру класса, т. е. [действовать] при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии.

«Как марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии» [13],— пишет Троцкий. Конечно, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии. Мы никогда не были и идолопоклонниками социализма или марксизма. Но разве отсюда следует, что мы можем выбросить на свалку и социализм, марксизм а ля Кунов — Леги — Парвус [14], когда он становится для нас неудобным? Троцкий и Ленин — живое отрицание такого подхода. Мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии — это значит только одно: мы всегда отличали социальное ядро от политической формы *буржуазной* демократии, мы всегда вышелушивали горькое ядро социального неравенства и несвободы из сладкой оболочки формального равенства и свободы — не для того, чтобы ее выбросить, а для того, чтобы подзадорить рабочий класс: он не должен ограничиться оболочкой, а напротив, [должен] завоевать политическую власть, дабы наполнить ее новым социальным содержанием.

Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти,— создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию. Однако социалистическая демократия не начинается лишь на обетованной земле, когда создан базис социалистической экономики, не является готовым рождественским подарком храброму народу, который тем временем верно поддерживал горстку социалистических диктаторов. Социалистическая демократия начинается одновременно с уничтожением классового господства и строительством социализма. Она начинается с момента завоевания власти социалистической партией. Она есть не что иное, как диктатура пролетариата.

Так точно: диктатура! Но эта диктатура заключается в способе *применения* демократии, а не в ее упразднении, в энергичных, решительных вторжениях в благоприобретенные права и экономические отношения буржуазного общества, без чего невозможно осуществить социалистический переворот. Но эта диктатура должна быть делом *класса*, а не небольшого руководящего меньшинства от имени класса, т. е. она должна на каждом шагу исходить из активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую сознательность народных масс.

Конечно, большевики именно так бы и действовали, если бы не страдали от навязанных им ужасов мировой войны, германской оккупации и всех связанных с этим чрезвычайных трудностей, которые не могли не исказить любую социалистическую политику, преисполненную самых лучших намерений и самых прекрасных принципов.

Яркий пример этого — столь широкое применение советским правительством террора со времени покушения на германского посла в преддверии крушения германского империализма. Азбучная истина, что революции крестят не розовой водицей, сама по себе довольно убога.

Можно понять все, что происходит в России и образует неизбежную цепь причин и следствий. Ее звенья, исходное и конечное, таковы: несостоятельность германского пролетариата и оккупация России германским империализмом. Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях.

Опасность начинается тогда, когда они нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать ее международному [пролетариату] как образец социалистической тактики, достойной подражания. Тем самым они не только совершенно неоправданно зарывают свои действительные, неоспоримые исторические заслуги в груде вынужденных ошибочных шагов, но и оказывают плохую услугу международному социализму, во имя которого сражались и страдали, стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном же счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне.

Пусть германские правительственные социалисты вопят, что господство большевиков в России — это искаженная картина диктатуры пролетариата. Если она была или является таковой, то только потому, что она — результат поведения германского пролетариата, которое было искаженной картиной социалистической классовой борьбы.

Все мы подвластны закону истории, а социалистическая политика может осуществляться лишь в международном масштабе. Большевики показали, что они могут все, что только в состоянии сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей. Они не должны стремиться творить чудеса. Ибо образцовая и безошибочная пролетарская революция в изолированной стране, истощенной мировой войной, удушаемой империализмом, преданной международным пролетариатом, была бы чудом.

Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне решающих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени — не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: «Я отважился!» [15].

Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осу-

ществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит «большевизму».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Газета «Vorwärts» — центральный орган Германской социал-демократической партии. Ф. Штампфер был ее главным редактором.
[2] «Waterkant», или «Wasserkante» — название побережья Северного моря в районе Гамбурга — Бремена, где население отчасти пользовалось нижнегерманским диалектом. Ф. Рейтер — популярный писатель XIX в., писавший на этом диалекте.
[3] «Дополнительный договор» к Брестскому миру был подписан 27 августа 1918 года. Советская Россия была вынуждена принять обязательство заплатить Германии 6 млрд. марок контрибуции, отказаться от прав на Эстляндию, Лифляндию и Грузию.
[4] Речь идет о «красном терроре», провозглашенном в ответ на покушение на Ленина, убийство Володарского и Урицкого.
[5] В рукописи ошибочно «в ноябре 1917 г.».
[6] Цит. по: Троцкий Л. От Октябрьской революции до Брестского мира. Харьков. 1920, с. 109—110.
[7] Аргументы в рукописи не приведены.
[8] В рукописи «в октябре».
[9] Троцкий Л. Ук. соч., с. 113.
[10] В рукописи «1909».
[11] В брошюре «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*... И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой» (Полн. собр. соч. Т. 36, с. 172—173).
[12] Имеется в виду изложение работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (см. сн. 25).
[13] Троцкий Л. Ук. соч., с. 113.
[14] Г. Кунов, П. Ленш, Парвус (А. Л. Гельфанд) во время войны были правыми социал-демократами, стоявшими на позициях шовинизма.
[15] Ульрих фон Гуттен — германский гуманист и просветитель эпохи Реформации начала XVI века. Слова из драмы К. Мейера «Ульрих фон Гуттен».

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

За последние десятилетия документы и материалы по истории непролетарских партий в России практически не публиковались. Публикации 20-х — начала 30-х годов стали менее доступны, кроме того, они нуждаются в критическом анализе и перепроверке. Это относится и к публикации материалов 28 из 52 заседаний ЦК кадетской партии за 21 октября 1905 г.— 5 сентября 1906 года[1]. Эта публикация, до сих пор используемая исследователями, не только не полна, но и вызывает серьезные замечания. Во-первых, во вводной статье автор, ограничившись краткой характеристикой протоколов, обошел вопрос о тех принципах, которые были положены в основу публикации. Остается, в частности, неясным, почему она начинается с протокола заседания 21 октября 1905 г., а не 18 октября, хотя оба документа хранятся в одном деле. Неясен принцип отбора материалов и за период с 12 января по 5 апреля 1906 года. Во-вторых, Граве без всяких оговорок делала купюры, опуская существенные разделы документов (см., например, постановления ЦК от 12 и 22 января, 5—6 и 19—20 февраля 1906 г., протоколы заседания ЦК от 2 августа 1906 г. и т. д.). В-третьих, в публикации имеются погрешности в расшифровке текста (см. постановления ЦК от 3 июня, протоколы заседаний 3 и 27 августа 1906 г. и т. д.).

Предполагается, что настоящая публикация охватит весь период существования кадетской партии в России — с октября 1905 г. по начало 1918 года. Партия была создана на ее учредительном съезде, состоявшемся 12—18 октября 1905 г. в Москве. На съезде был избран Центральный комитет, в который на протяжении 1905—1907 гг. входило 55 человек. Среди них 11 крупных помещиков и 44 известных представителя интеллигенции: политические и общественные деятели, ученые и литераторы (В. И. Вернадский, князья Павел и Петр Долгоруковы, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, И. И. Петрункевич, П. Б. Струве, князь Д. И. Шаховской, А. А. Шахматов и др.).

Центральный комитет партии состоял из двух отделов: Петербургского и Московского. ЦК вырабатывал стратегию и тактику партии, контролировал выполнение решений съездов, руководил партийным строительством на местах, периодически созывал конференции и совещания с представителями губернских комитетов, поддерживал тесные связи с думской фракцией. До II съезда кадетской партии, состоявшегося в январе 1906 г., заседания ЦК проходили неупорядоченно. На II съезде было принято решение, что пленарные заседания ЦК должны созываться два раза в месяц, поочередно в Петербурге и Москве. На них приглашались специальными повестками все члены ЦК. В период работы I и II Государственных дум пленарные заседания проводились раз в месяц. Для решения текущих дел созывались чрезвычайные заседания с участием лишь наличных членов руководящего партийного органа.

[1] Граве Б. Б. Кадеты в 1905—1906 гг. (Материалы ЦК партии «Народной свободы»). — Красный архив, 1931, тт. 3—5 (46—48).

Центральный комитет избирал секретариат, исполнявший всю текущую организационную и техническую работу. В состав секретариата в 1905—1907 гг. входили: А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской, Н. Н. Черненков, А. М. Колюбакин, О. А. Зернова, А. Н. Максимов, Н. М. Иорданский. Как правило, протокольные записи во время заседаний ЦК вели Корнилов, Черненков и Колюбакин. Отсутствие стенографирования не могло не сказаться на качестве протокольных записей. Наиболее квалифицированно вел их член ЦК историк Корнилов. Записи же Колюбакина менее совершенны и даже трудно читаемы.

Публикуемые протокольные записи периода первой российской революции выполнены, как правило, карандашом и представляют собой в настоящее время угасающий, едва читаемый текст. Нами расшифровано 63 таких протокола, 17 имеют черновые варианты, 2 — по два черновых варианта, записанных двумя секретарями. Возникшие при двойном протоколировании разночтения отражены в настоящей публикации. Протоколы 12 заседаний полностью или частично переписаны специально нанятыми переписчиками, а 8 — на машинке. Качество записей иногда зависело от конкретной политической обстановки. Далеко не во всех протоколах указаны количество и состав присутствующих. Тексты, относящиеся к октябрю — декабрю 1905 г., как правило, кратки, а протоколы заседаний, происходивших в момент Московского вооруженного восстания, обозначены «7—21/XII», то есть не имеют точной даты. С 11 января по 9 апреля 1906 г. имеется лишь постановляющая часть протоколов, записи же обсуждений отсутствуют. Начиная с мая 1906 г. сохранились весьма подробные протокольные записи (особенно пленарных и совместных заседаний ЦК с представителями местных комитетов и групп).

Значение публикуемых документов выходит далеко за рамки истории кадетской партии. Обратим внимание на два момента. Во-первых, они содержат богатую информацию о всех трех политических лагерях, о деятельности всех основных политических партий, включая не только либерально-буржуазные (кадетов, мирнообновленцев, партии демократических реформ, октябристов и т. д.), но и революционно-демократические (социал-демократов, эсеров, народных социалистов, трудовиков), а также черносотенные монархические организации («Союз русского народа», «Русские люди», «Белое знамя» и т. д.). При этом во многих случаях протокольные записи — это уникальный источник, характеризующий такие моменты политической борьбы партий (особенно во время избирательных кампаний в I и II Государственные думы), сведения о которых отсутствуют в других документах. Во-вторых, публикуемые материалы как ни один другой источник позволяют показать изнутри довольно сложный процесс выработки и принятия партийных решений, представлявших собой результат острой борьбы различных течений внутри кадетской партии. Именно эта сторона деятельности политических партий освещена в литературе крайне слабо.

Для изучения истории кадетской партии публикуемые документы являются одним из основополагающих источников. Они подробно раскрывают ход организационного становления кадетских комитетов и групп на местах [2], их социальный состав, имевшиеся в их распоряжении средства воздействия на массы, финансовое состояние местных комитетов и партии в целом. Напомним, что к настоящему времени исследователями выявлено 360 кадетских организаций, возникших и действовавших в годы первой российской революции [3].

---

[2] В связи с недостаточной изученностью этого процесса в публикуемые материалы будет включен протокол первого заседания созданной на IV съезде партии Организационной комиссии с участием членов ЦК 28—29 сентября 1906 года.

[3] См. Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. М. 1987, с. 97.

Данный источник позволяет углубить представления по таким вопросам, как функционирование центральных и местных комитетов; наличие или отсутствие между ними прямой и обратной связи; борьба в рамках партии различных направлений и течений; взаимоотношения «верхов» и «низов»; попытки легализовать партию; и др. В протоколах содержатся подробные сведения по всей совокупности вопросов, связанных с выработкой не только партийной программы в целом, но и ее отдельных разделов, избирательной платформы партии на выборах в I и II Думы, ее думских законопроектов. В протокольных записях наиболее полно зафиксирован состав всех комиссий, избранных Центральным комитетом.

Принципиально важны сведения о выработке ЦК кадетской партии политической линии на различных этапах первой российской революции. Документы позволяют детально проследить процесс постепенного сползания кадетского руководства на контрреволюционные позиции, его стремление к компромиссу с царизмом; раскрываются и сложные взаимоотношения кадетских лидеров с революционно-демократическими организациями.

Обсуждение на заседаниях ЦК политических вопросов раскрывает также взаимоотношения кадетов с рабочими, крестьянами, интеллигенцией, студенчеством. При этом обнаруживается тенденция отхода от кадетов демократических масс, порожденная разочарованием в политике этой партии.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР в фонде кадетской партии (ф. 523, оп. 1, дд. 27, 28, 33 [4]). При их археографической обработке составители руководствовались «Правилами издания исторических документов в СССР» (М. 1969). Публикацию подготовили Д. Б. ПАВЛОВ и В. В. ШЕЛОХАЕВ. Составители выражают благодарность за содействие в публикации директору ЦГАОР СССР Б. И. Каптелову и заведующей отделом фондов по истории общественного и революционного движения ЦГАОР СССР З. И. Перегудовой.

№ 1. 18/X 905 [1]

Доложена телеграмма Павла Дм. Долгорукова. Для сообщений дан адрес А. А. Корнилова. Вопрос о съезде.

Смирнов (из В[еликих]Лук) г[ово]рит, что нужно разъяснить с уставом.

Виноградов (из Астрахани) находит, что 2/XI для Астрахани удобно. Как формировать губ. к[омите]т?

Долгоруков объясняет, почему удобно 2/XI (6/XI общеземский [2]).

Шаховской. Какая надобность перед земск[им] съездом? Надо собраться, когда программа на местах будет достаточно пережевана и мест[ные] группы сговорятся. Думает, что лучше отсрочить и предоставить вр[емя] созыва к[омите]там. Теперь выяснить порядок устройства губ[ернских] групп.

Линд. Думает, что лучше перед земск[им] съездом, т. к. наш съезд партийный и м[ожет] помочь зем[скому] съезду — за 2/XI.

Совещались о сроке. Большинство за то, чтобы выборы в съезд и потому и самый съезд были оттянуты. Во второй половине ноября — срок будет определен к[омите]тами.

ПАВЛОВ Дмитрий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; **ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович** — доктор исторических наук, зав. сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Вопрос о *формировании групп и об полномочиях членов съезда.*

1) Об автономной еврейской группе [...] [3]. Имеют 10 групп и 18 отдельных представителей. В зап[адных] губ[ерниях] все партии разделяются на национ[альные] группы. Просит дать ему время на ответ.

Шаховской препятствий не находит, но спрашивает, нельзя ли через Ромма завязать связи с мест[ными] группами. Шаховской находит, что нац[иональное] разделение м[ожет] б[ыть] неудобно для избират[ельной] кампании.

Вопрос об избир[ательной] кампании. Формула Черненкова — Долгорукова объясняет, как ста[вить] дело по выборам. Кокошкин объясняет тоже и г[ово]рит, что на цензовых началах в первую думу невозможно провести кандидатов. Придется иметь дело даже не с организованными партиями, а с бесформен[ной] массой. Кокошкину придется на первых выборах иметь дело с помещиками, а на вторых — с промышленниками.

Винавер развивает свою систему лиги всеобщ[его] избир[ательного] права. Шаховской — о разн[и]це между программой и платформой. Формула *Винавера*. Черненков г[ово]рит: дайте, что хотите, но устраните полит[ический] разврат. *Колюбакин* резюмирует: за платформу для ближайших выборов д[олжна] б[ыть] принята резолюция, принятая на съезде 17/XI [4]. Избират[ельный] к[омите]т в губернии намечает кандидатов, м[ожет] б[ыть], и не из нашей партии, а из лиц, наиболее способных провести в Думе нашу платформу.

По *Астрахани* даем полномочия Шмарину и Виноградову. Вообще членами партии признаем прежде всего всех лиц, принявших участие в выборах делегатов на съезд.

Курск все вышло из групп зем[цев] конституционалистов [5]. Съезд б[ыл] из них, из крест. союза и Союза союзов. Там делает все И. И. Белоконский.

Хоментовский предл[агает] кн. Вас. Ник. Черкезова. В *Елизаветском* — прис. пов. Ник. Григ. Бабакевков. Там же прис. пов. Ходжаев Иос. Григ. В *Кутаисе* кн. Пагава прис. пов., Георг. Феликс. Зданович председ[атель] Совета съезда марганцовопромышленников. Городской голова Лордкипанидзе Давид Арчилович. Тифлис — Самсон Степ. Арутюнов (живет в Тифлисе. Грибоедов. ул., д. Атабекова). Секретарь ред[акции] газеты «Баку» Влад. Карл. Здановпч. Гайг Григорьевич Ганджюндцев. *Эривань* Тер-Хачатуров, прис. пов. *Владикавказ* прис. пов. Берман. Там есть просвещенные кабардинцы. (Надо поехать в сев[ерный] Дагестан, в Кабарду — там есть оппозиц[ионно] настроенные племена — магометане). *Ставрополь*. Там есть общество для распр[остранения] политич[еской] литературы среди народа. (До 300 приглашений — отозвались 30). Об[щест]во взаимопомощи учителей. Из них 47 — в Союзе учителей. Губ[ернский] к[омите]т м[ожно] образовать из членов Думы и об[щест]ва грамотности. *Тверь*. Митинги в Торжке, в Ржеве и проч. Имеется тверское бюро и заведующие уездами. По *Тамбову* надо обратиться к Измайлову Вас. Влад., был Мягков Ив. Дм., прис. пов., кроме того к Ал-дру Як. Тимофееву. *Псков* (В. Луки). К программе крестьяне отнеслись сочувственно, но землевладельцы ее провалили. Было совещание в суде. Из 120 — приняли 114, в том числе председ[атель] окр[ужного] суда Бражников. Центром Псковской губ[ернии] надо признать В. Луки. (К[омите]т гр. Гейден, Философов, Неклюдов).

1) Вопрос о программе. Разослать 5000—10 000 зкз. Русск[их] Вед[омостей] (Долгорук[ов] [6]. 2[а]) О конструировании Центрального к[омите]та. Секретариат. 1000 руб. в м[еся]ц на жалование трех лиц: Шах[овского], Макс[имова] и меня [7]. Вопрос о бюро. Местопребывание к[омите]та — Москва. Наличный его состав составляет бюро. Казначей — М. В. Сабашников. Еженедельно по средам в 8 час. вечера у М. В. Сабашникова. Конституиров[ание] Моск[овского] к[омите]та. *Поступить согласно № 14 Устава* [8], *а где не было съезда предварительного, там на организацию группы уполномочить членов съезда.* Для образов[ания] губ. к[омите]тов поручить Секретариату дать соответ[ствующие] полномочия тем же лицам, к[ото]рым посылались приглашения. (3[а]) Купить в «Русск. Вед».— 1000 экз. платформы и разослать при циркуляре. 4) *Устав — его размножение.* Взял на себя С. И. Шаховской. 5) *Митинг* об амнистии эмигрантов, шлиссельбуржцев и проч. Отложить до 21 октября. Вопрос об амнистии муссировать везде. 6) *Финансы.* Я сдаю отчет Мих. Вас. Сабашникову. Пав[ел] Долгорук[ов], Львов, Маклаков, Сабашников, гр. Бобринская. 7) *Национальная подписка* на забастовщиков. Напечатать объявление в «Русск. Вед.». Проектировать и передать А. Н. Максимову. 8) О сроке съезда. 9) Избират[ельный] закон. Исполнить это, по мнению Шах[овского], м[ожет] земск[ий] съезд.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 6—9об.

№ 2. Россолимо 21/X вечер

Ст. Ф. Фортунатов, К. А. Тимирязев, В. П. Шереметевский, А. Д. Анферов, Е. Э. Линева, О. Ц. Эверт, Я. Ф. Ясинский, Любенков, Богуславский, Стеблин, Заремба, Левицк[ий] С. А., Штат. пер. 9, [...] [9], Усов, Даль.

1) Врачи, обращавшиеся к Н. В. Тесленко. 2) Учителя, обращавшиеся к П. Н. Милюкову. 3) Проф. и препод[аватели] техн[ического] у[чили]ща.

В 1 час дня 23/X у Ледницкого [10].

Вопрос о группироке лиц порайонно или профессионально в губернских группах.

Наметить список Моск[овского] к[омите]та. *Размножить список ЦК.* Для Ц. К[омите]та:

1) *О Шереметевском* (от С. С.?). 2) Опровергнуть «Рус[ское] Сл[ово]» [11]. 3) Циркуляр. 4) Конституирование комиссии Шаховского. 5) Помощь шлиссельбуржцам. 6) Об отнош[ении] к стачечному к[омите]ту.

Есть пожертвования, к[ото]рые даны на условии, чтобы они не шли на вооруж[енное] восстание и т. п.

К[омис]сия К. Д. партии для воспособления забастовщикам и нужд[ающемуся] населению, пострадавшему от забастовки [12].

Предложение *Тесленко*: 1) сходиться ежедневно; 2) не воздерживаться от сношений с властями предержащими по поводу тревожных событий; 3) совещаться с членами думы своего толка.

Шаховской думает, что делать ничего особ[енного] не следует. 1-ое дело: конституирование. 2-ое дело: организация земск[ого] дела. 3-е: 6-го же ноября крест[ьянский] съезд [13] (24/X — совещание). 4) Проявлять свою деятельность лично, но не от партии.

Манд[ельштам] согласен с Шах[овским]. Надо умерять, а это мы не в силах.

Совещание о способах обеспечения безопасности.

Манд[ельштам]:

1) О клубе К. Д. партии в лит[ературном] худ[ожественном] кружке (2 комнаты) 3 раза в нед[елю].

2) Лекции по партийным вопросам в лит[ературном] кружке.

В клубе д[олжен] б[ыть] дежурный член нашего к[омите]та.

Вопрос о лекциях. Лекторы: Новгородцев, Кокошкин, Котляревский, Кизеветтер (задачи партии, программы, тактика), Фортунатов.

Издание материалов съезда передано в комис. к[омис]сию [14].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 10–11 об.

№ 3. 25/X 905.

Письмо Богучарского и Кусковой[15]. Ввиду этого письма Д. И. [Шаховской] полагает необходимым кому-ниб[удь] съездить в П[етер]бург. В П[етер]бурге выбрать отдел к[омите]та и секретариат, чтобы знать, с кем сноситься.

О выборах и циркуляре. Большинство признают неудобным давать указания о выборах. П. Д. [Долгоруков] и В. И. [Вернадский] думают, что м[ожно] писать о слухах. В. А. Маклаков думает, что надо что-нибудь указать, что делает или желает делать партия.

В циркуляре сказать о том, что съезд будет скоро. Вопрос о сроке съезда точно определится во вр[емя] съезда 6/XI.

К программе Курск просит издать краткий библиографич[еский] указатель.

Декл[арация] — Новгород[цев], Полит.— Петр[ункевич] и Кок[ошкин], обл.— Верн[адский] и Кок[ошкин], Котл[яревский] — самоупр., культ.— *Чернолус[ский]*, суд — *Гессен*, финанс.— *Прокопович*, аграрн.— *Прокопов[ич]*, рабочая — *Прокопович.*

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 14.

№ 4. 2/XI 905

Мой доклад о П[етер]бургском отделе.

Максимов о том, как все происходило на съезде[16] и м[ежду] пр[очим] напомнил, что при поверке полномочий съезд признал себя правомочным *единогласно*, без всяких возражений.

Доклад к[омис]сии благотворит. О ее правах. Рабочие потребовали программу, нашли ее хорошей и проч. Вошли в разные стачеч[ные] к[омите]ты. Фабрика Дукат. Благополучное разрешение кризиса ценой 1300р .[17].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 15.

№ 5. 12/XI 1905 г.[18]

1) Список присутствующих.

2) Мне сообщить все сведения об образовавшихся уже губ. комитетах и о положении дел на местах.

14 дек[абря] намечен съезд.

Арг[ументы] Долг[орукова] находит, что нужно совместно с 2 др[угими] съездами зем[ским] и федер.— между выборами Думы.

П. Н. Милюков находит, что рано 14/XII, но желательно до выборов.

Согласен с этим 1 дек.

Дум[аю] приурочить к земск[им] собраниям.

Лучицкий. Срок нельзя назн[ачить].

Шишков перед самыми выборами нельзя.

Савельев — и до и после выб[оров] нужны съезды. Удоб[ный] срок — рожд[ественские] праздники.

Оболенский о том, что все сроки м[огут] б[ыть] нарушены ходом событий.

Хоментовский — неизвестно.

Я указал, почему важно торопиться и как это сообразуется с местными задачами.

Свентицк[ий] — до выборов — на рождество к усмотр[ению] ЦК.

Парамонов со мной согласен.

Милюков думает — начало янв[аря] не поздно.

Масленников (Волог[да]). Связывает это с вопросом о том, не будет ли следовать этому съезду даже решить вопрос о том, выбираться ли во всякую Думу.

Срок намечен на Рождество.

Об отношении к прав[ительст]ву. Речь Милюкова об инспирировании гр. Витте.

Шингарев 1) О необходимости изменения аграр[ной] программы и 2) о созыве съезда в таком составе, чтобы крестьяне приняли в ней[19] участие.

Стахович то же — и о желательности иной редакции аграр[ной] програм[мы], чтобы были не [...][20] госуд[арственные], кабинет[ские] и др.

Караулов желает полного собр[ания] Ц. К[омите]та с теми делегатами, к[ото]рые не б[ыли] на учред[ительном] съезде по тактич[еским] вопросам — *Филатьев* Арбат, д. Чулкова, кв. Доброва, *Спасский*, *Присецкий* — Б. Дм[итровка], гост. Центральн., *Будберг*, *Файвишевич* из Владикавказа — Черныш. пер., д. Игнатьева, кв. Рабкевича, Рыбинск Игн. Олим. (Вел. Лук.) Инж. у-ще, Ив. Свентицкого, Поскребышев.

13/XI

1) Об организац[ионных] вопросах.

Шингарев по вопросу. Вопросами съезда будут не программные, а по тактике, и с крестьянами придется об этом толковать, напомнил свои указания о программе, что надо на 1-й план выдвинуть частновладельческие земли.

2). *Свечин*. К.— д. м[огут] теперь встретить в Черниг[овской губернии] успех. надеется на переход нек[отор]ых из крайних групп к нам. Акцизный банкет в Чернигове. Черниг[овские] кр[есть]яне будут дов[ольны] аграрной программой. Черниг[овский] кр[естьяни]н — индивидуалист. Собственность не только средство для жизни, казаки боятся за свои земли, и они беспокоятся относ[ительно] судьбы своих земель. То же кр[естья]не. Кр[естья]не на губ. к[омите]те настаивали на допущении продажи кр[естьян]ских земель. Название партии мешает. Демократы — это в народ[ном] трактовании — хулиганы и грабители.

Линд. Пришли почти к социалист[ическим] решениям. Вопрос, как быть с программой.

Долгоруков. Изложил Курскую схему: 2 земца, 1 горож[анин], 3 крестьянина и освобожденцы. Индивидуализм хохлов. Решение аграр[ного] вопроса предоставлено народ[ным] представителям. Движение приговоров о правах. Прудников — сын партиарх. семьи — разъездной агент по 3 волостям (действовал, испросив благословение отца и помолясь). О газете. (Комбинация [в] «Бирж. вед[омо]стях»).

Трубецкой. Обязательность программы затрудняет деятельность на местах. Совещание в Киеве с духовенством. Священники после беседы с Труб[ецким] и Булг[аковым] просветлели. Могущ[ественный] орган пропаганды. Свящ[енни]ки — реальные политики. Надо иметь орудие для борьбы с радикалами на случай крика: долой попов. На крест. союзе б[ыл] поп, высказавшийся за террор. Для них нужно не это — нужна аграр[ная] программа; нек[ото]рым агр[арная] программа показалась слишком умеренной. Царский сан не признают непререкаемо священным. Форма пр[авл]ения безразлична. Нужно освоб[одить] от бюрократии, необходима перестройка ц[еркви] на демократич[еских] началах.

Шаховской. Освоб[ожденческая] группа в Яр[ославле] была слабая. Важнее б[ыла] подготов[ительная] работа к област[ному] съезду 5 север[ных] губ[ер]ний. Состав был не партийный, а всесословный. Крайние партии почти все отказались. Обсуждена б[ыла] программа Освобождения у яросл[авских] делегатов. У[ста]в сходный с москов[ской] городской группой. Необходимо иметь в виду, из какой среды формируется партия: в Яр[ославле] 2-го элем[ента] мало. 3-й элем[ент], в наиб[олее] передовой части, ушел. В уездах еще кое-где при хороших у[пра]вах есть служащие-конституц[ионалисты], но в губ[ернской] у[пра]ве только малодеятельные вступили. Кр[естья]не в незнач[ительном] числе.

Профессора — молодая группа. Адвокаты. На собраниях бывали разные лица, даже воинск[ий] нач[альни]к. Финансы — это показатель серьезности интереса. Членск[ий] взнос миним[ум] 1 р. 20 к. в год — сверх этого добровольно. О газете. «Сев[ерный] край» — партийный орган. Митинги — обширные, но глав[ные] организаторы соц[иал]-дем[окра]ты. Были лекции с прениями, тут соц[иал]-д[емокра]ты иногда б[ывали] побеждаемы.

Новосильцов. Кардин[альный] вопрос — вопрос аграрный — в этом все, без его решения будем висеть в воздухе.

Долгоруков — о дисциплине.

Токарский. Организация местная д[олжна] б[ыть] предоставлена местным деятелям. Группа правов[ого] порядка. Особенно вопросы тактики д[олжны] б[ыть] решаемы на местах. Установление связи Ц. К[омите]та с губ. Общие тактич[еские] вопросы. Не только привлекать, но отвлекать от др[угих] групп.

Оболенский. Избират[ельные] к[омите]ты под флагом земск[ого] съезда, т. к. к.-д. партия не б[ыла] образована. Освобож[денское] собрание оказалось неудачно, и пришлось собрать др[угое] собрание через газеты. Важность агитации среди крест[ьянских] масс.

Килевейн. Выбран к[омите]т и даже делегаты на съезд, хотя конституировалась группа только из городских элементов. Белосотенцы (?). Следует ли вступать в борьбу с прогр[аммами] крайних партий? Нижегородцы думают, что нет.

Свечин. В Черниг[ове] избир[ательный] к[омите]т в Булыг[инскую] думу. На митингах действовали только крайние партии. На епарх[иальном] съезде в Черниг[ове] принята радик[альная] программа. О[тец] Бургов — христ[ианский] соц[иалист] [21]. Архиерей его сместил из предс[едателей] съезда. В Гродн. уез[де] б[ыло] собрание при посредстве эконом[ического] совета.

Хоментовский. Не идут ни част[ные] землевладельцы, ни кр[естья]не. По аграр[ной] программе против «в потребных размерах» [22]. Нужно или все, или ничего.

Удинцев. Эконом[ические] отнош[ения] в Перм[ской] губ[ернии] чрезв[ычайно] разнообразны. Внесет особую записку по агр[арному] вопросу. Просит командировку на Урал.

Попов. Собрание изб[ирательных] к[омите]тов по 100 ч[елове]к. К.-д. программа имела успех, поддерживали ее и с.-р., но после маниф[еста] 17/X соц[иалисты] пошли резко влево. М[ожно] иметь успех, лишь выставляя нашу прогр[амму] как прогр[амму]-минимум. Нац[ионализация] земли — факт. Област[ным] союзам надо предоставить самостоятельность, ввиду дальности расстояния. «Вост[очное] обозр[ение]» — орган к.-д.

Файвишевич. Терск[ая] обл[асть]. Там господствуют, с одной стороны, казаки и епископ, а с другой — крайние партии. Только тип[ографские] рабочие не дали напечатать в «Ведомостях» воззвание епископа. Курсы прекращены после 17/X — реакция. Аграрная программа — там нац[ионализация] земли ограбила [бы] народ. Подать, не предусмотренная законом, но отчаянная — «за доведение следов» [23]. Надо обеспечить свободу действий через Ц. К[омите]т (послать резолюцию общеземск[ого] съезда наместнику). Название партии. (Казаки пошли бы за кн. Трубецким, и через них достав[лять] «Освоб[ождение]» и др. газеты].

Овчинников. Базой действий д[олжны] б[ыть] крестьянство и интеллигенция. Сейчас же образовать губ[ернские], уезд[ные] и вол[остные] к[омите]ты, не стесняя их утверждением центра. Надо отмежеваться и не давать смешивать себя с республиканцами.

Караулов. Дает подроб[ный] доклад к[омите]ту. Принимают всякого ч[елове]ка без баллотир[овки], не принимаются только лица позорящие. Законодат[ельная] власть принадлежит клубу (по баллотировке), а исполнит[ельная] к[омите]ту. В программе они не разойдутся с нами; но в тактике — оч[ень] направо. Лозунг крест[ьян] — свобода, бог и царь, город[ское] население добавляет порядок, как реакция против забастовок. База: кресть[яне], рабочие, город[ское] население. Рабочие, утомленные диктатурой крайних партий.

Стахович. Кр[естья]не не согласились подписать программу из-за неопред[еленности] агр[арной] программы, хотя и объявлили себя союзниками. Духовенство. Амнистию попишкам (!) [24].

Шингарев. Необходимо держаться не принципа рекомендации, т. к. он недемократичен, а принимать всех путем записки. Все члены к[омите]та в Воронеже принимают записку членов без ограничений. Против § 16 устава [25].

Шахов[ской] разъяснил.

Филатьев. Агр[арную] программу необходимо пересмотреть. Группа в Урюп[инской] слоб[оде] намечена еще с сентября. Необходимо освободить от обязат[ельности] сношения мест[ных] к[омите]тов через губ[ернские] к[омите]ты. Это б[ыло] введено в силу маниф[еста] 6/VIII [26].

Шаховской разъясняет.

Линд возразил Шингареву о порядке приема членов.

Свечин поддерживает Филатьева. Взнос в этом случае делить по числу уездов, предлагает систему рекомендаций.

Долгоруков о необходимости регистратуры членов.

Хоментовский полагает, что прием членов д[олжен] б[ыть] по избират[ельным] округам.

Оболенский. Вся эта система пережиток конспират[ивной] системы Освобожд[ения].

Милюков за различение кадров и общей массы партии. Об органах.

Присецкий. В Полтаве каждому желающему предоставлено вступить, но они д[олжны] лично подписаться и предоставить имя его опубликовать в «Полтавщине».

Овчинников. Против централизации. Оговорить, что если губ[ернский] к[омите]т не образуется, то предоставить им сноситься прямо с центр[ом].

Свечин требует практич[еского] руководства (издание его). В тех губ[ерниях], где имеется неск[олько] районов, там ЦК[омите]т, по представл[ению] губ[ернского] к[омите]та утверждает это разделение.

По вопросу о способах приема предоставляется местным к[омите]там свобода действий.

Свечин. О газетах к. д. партии.

14/XI.

Зубрилин не удовлетворен программой не потому, что нет нац[ионализации] земли, а потому, что не выражено ясно, что мы направляемся в сторону интересов трудящ[ихся] масс. С ней можно однако же выходить в народ. О своих волокол[амских] опытах [27], о том, что в партию

должны входить крестьяне — чтобы не менее 1 делег[ата] от крестьян на съезд. Против привлечения духовенства. Церковь — не политика и это оч[ень] опасно. Оно потеряло всякий кредит.

Хижняков. Теперь м[ожно] привлечь к партии средних людей, ранее не участвовавших в движении. Нужно инструкцию в руководство губ[ернских] к[омите]тов. Нац[ионализация] земли противоречит идеям малорусск[ого] населения. Дух[овенст]во пойдет нам навстречу. О газете. Желательно газету в провинции поддержать.

Щербина. О том, что газета предполагается. Удачный ход пропаганды идей к.-д. среди крестьян Куб[анской] области. Крестьяне предлагали Щербине кандидатуру на условиях программы единого налога. Он предложил им вместо того прогрессив[ный] налог, и они приняли. В погранич[ных] с Гурией местах кр[естья]не присягали, будто бы, анархии. В Куб[анской] области рознь м[ежду] казаками и пришлым населением. Погромы при содействии полиции. Молодые казаки — неопределенно. Казаки второй очереди, ввиду того, что они оторваны теперь незаконно от хозяйства, обозлены и теперь грабят, что ему [28] подсказано черносотенным начальством. Дух[овенст]во никуда не годится. Напротив, сектанты м[огут] б[ыть] употреблены в дело. Название д[олжно] б[ыть] изменено: народнич[еская] партия, а члены — народники.

Программу надо переработать, особенно для разных мест — аграрную.

Макушин. В Томске м[огут] проходить только люди правее нашей программы. Обл[астной] принцип не глубоко внедрен в население.

Присецкий. Украинская демокр[атическая] партия в Полтаве. Она оч[ень] широко распространена. Условием ее слияния с нами является скорейшее разрешение федералистич[еского] вопроса. Наша аграр[ная] программа принимается населением охотно. Надо назвать партию народной. Газету Центр[ального] К[омите]та д[олжно] б[ыло] бы издавать для интеллигенции, а народные газеты д[олжны] издаваться на местах.

Пищиков (Омск). Только с изд[анием] маниф[еста] жизнь проснулась. Митинги. Врем[енный] к[омите]т на нашей программе, но затем наступили погромы. Аграр[ная] программа для мест[ных] условий (особенно для киргизов) не пригодна. Важность распростр[анения] литературы. В состав партии приходится привлекать чиновников и духовенство.

Букейханов. Земли киргиз[ов], казачьи юртовские, войсков[ые], офицерские. Последние продаются, и на них селятся разные пришельцы ради овцеводства. Правительство старается отнять у киргизов землю — отсюда аграр[ный] вопрос. Необходимо определенно высказаться по этому вопросу. Тоже есть кабинетские земли, издавна (б[олее] 100 лет) занятые киргизами.

Жуковский (Уфим. губ,). Уфимское население относилось пессимистически ко всякому освоб[одительному] движению. Есть прогресс[ивные] группы, к[ото]рые на бумаге пишут либер[альные] вещи, но население к ним равнодушно. Можно составить только коалиц[ионные] группы, к[ото]рые будут б[олее] или м[енее] примыкать к вашей программе. Несмотря на то, что земли много и дворяне охотно всегда продавали ее кр[естья]нам, все же лозунг населения крестьянского — земля и воля. Им своей земли мало, потому, что они очень невежественны.

Лопацинский (Виленск. губ.). Землевладение у кр[естьян] подворное. Перекупщики, из русских, занимавшиеся парцелляцией. Поля для нац[ионализации] земли нет. Население примкнет к нам, если прогр[амма] будет б[олее] определенно выражена в смысле возможности прирезок. Следует дополнить программу по вопросу областному. Православное дух[овенст]во не имеет доверия — это б[ывшие] униаты. Католич[еское] дух[овенст]во имеет огромное влияние на крестьян и присоединяется к нашей партии. Очень подходит газета «Бирж[евые] вед[омости]», 2-ое издание. Название партии лучше — народническая партия.

Винавер. Аграр[ная] программа д[олжна] б[ыть] приноровлена к разным местностям. Просит сообщить к[омите]ту соображения не позже 3-х недель, чтобы комитет мог разработать этот [вопрос] к съезду.

Милюков и Караулов о подзаголовках.

Муханов, Филатьев и др. предлагают вопрос аграрный предоставить усмотрению местных групп.

Милюков предложил выработать особую крестьянскую программу.

Я против Милюкова и о значении программы-минимум. (Родичев со мной согл[асен]).

Линд. Следует из программы брать то, что нужно для каждой местности брать. Популярное изложение основных частей программы, но популяризацию надо предоставить губ[ернским] к[омите]там.

Об отношении к програмже и о партийной дисциплине.

Жуковский. Какая дисц[иплина], рус[ская] или япон[ская]. Мы д[олжны] принять — японскую. Свободу выбора (?).

Караулов. О коалиц[ионном] значении программы. Просит разрешения остаться Красн[оярской] группе при гой программе, к[ото]рую выработали — до пересмотра на праве [20].

Родичев. Нас связывает не догма, а принцип — принцип права. Направить движение мысли и интересов — в форму права. Этим решается и вопрос дисциплины.

Свечин. Тактика — организов[анный] беспорядок; но перейти к этому м[ожно] только, когда мы будем достаточно дисциплинированы. Крестьяне д[олжны] широко принимать уч[астие].

Муханов согласен со мной.

Врублевский. Русских к.-д. в Зап[адном] крае почти нет. Но есть прогрес[систы] д[емокра]ты, они д[олжны] войти в состав ближайшей к ним русск[ой] партии. М[ожет] б[ыть] они идут несколько дальше с разрешением вопроса рабочего. Есть литовская партия — у нее широкая автономия. Есть еврейск[ая] дем[ократическая] партия — она далека и от Бунда и от сионизма. Надо устроить, чтобы эти партии слились вместе и имели на выборах общих кандидатов. Особые совещания по нац[иональным] вопросам (коло).

Винавер. Предлагает рассмотреть сегодня вопрос о методах крест[ьянской] пропаганды.

Вопрос о представит[ельстве] крестьян на съездах

Присецкий. В вол[остях] легко, в уездах труднее, а в губ[ернских] совещания[х] уже оч[ень] трудно; в Москву же из нек[ото]рых губ[ер]ний почти невозможно.

Овчинников тоже думает, что требовать этого нельзя. Язык для кр[естья]н д[олжен] б[ыть] совершенно иной.

Удинцев. Классифицировать по сословиям представителей не следует.

Тверской голова тоже против кр[естьян]н по невозможности вести с ними разговор (Червен-Водали).

Свечин думает, что мысль Зубрилина тоже при этом не осуществится (с панами посидел и панское тянет).

Зубрилин считает все высказанное несущественными отговорками, он находит, что проникновению кр[естья]н в партию мешает сам устав ходом организации партии сверху вниз.

Свечин. Разделяет тенденцию Зубрилина, но не признает возможным сделать это путем обязат[ельной] регламентации, а лишь желательным — иначе мы введем бутафорских кр[естья]н.

Агитация среди крестьян

Можно ли поручать это дело студентам?

Зубрилин против.

Свечин понял Шах[овского] так, что нужна не столько агитация, сколько просвещение — только это и м[ожет] б[ыть] устраиваемо из

центра, а остальное — агитация, д[олжна] б[ыть] делаема мест[ными] деятелями. Нужна умелость: и тогда кр[естья]не прекрасно схватывают основные положения, упуская лишь прикрасы. Студентов не очень-то слушают и вывод делают, даже при революц[ионной] пропаганде, свой собственный.

Линд. Желательны, конечно, лекторы в провинцию. Другое дело по деревням. Студенты и др[угие] мол[одые] люди д[олжны] б[ыть] посылаемы в деревню не иначе как через мест[ные] к[омите]ты.

Удинцев рассказывает, что он, имея кредит в 1000 р. на лекции, пригласил для этого лектора из местных по деревням. Но важны лекторы в провинцию авторитетные.

Червен-Водали присоединяется к Линду. Тверская дума устраивает такую аудиторию. Кроме того, нужны воззвания и вообще литература.

Овчинников на местах везде также возможно образовать к[омите]ты. Пропаганда м[ожет] вестись так, как в Вятке. Там составилась группа чел[овек] в 20, разделившая уезд по частям, и сейчас же после 17/X поехала по деревням. То же сделали и представ[ители] рев[олюционных] партий, почему важно было не зевать. Теперь же ком[итет] м[ожет] б[ыть] и расширен.

Долгоруков напомнил, что сегодня в одной подмосковной фабрике читает Маклаков; но вообще рассылать лекторов трудно. Курский к[омите]т требует составить *библиограф[ический] указатель* для облегчения местных лекторов.

Свечин поддерживает Долгорукова, но оттеняет преимущество лектора со стороны. Желательно знать *список лекторов* в центральных пунктах и их условия.

Филатьев. Кроме лекций надо, чтобы лектор обладал талантом организатора.

Присецкий желал бы, чтобы прочитанные лекции печатались и рассылались. Сельск[о]-хоз[яйственные] об[щест]ва, крестьянские и др.

Свечин указывает, что надо утилизировать способ, указанный Овчинниковым.

Файвишевич [30].

Удинцев. Пропаганда на земских собраниях, особенно губернских, и б[ыло] бы желательно разослать лекторов на губ[ернские] собрания.

Линд [30].

Хижняков. Листки за подписями лиц, известных населению.

Свечин указывает, что листки вообще дискредитированы, важнее газета. Желательна и газета для народа центральная: нужны для этого таланты, местные газеты могут по ней равняться.

Зубрилин. То же. Центр[альный] к[омите]т д[олжен] издать *маленькую брошюру* с противопоставлением своей программы программам других партий.

Свечин. Газета д[олжна] называться не крестьянская, а народная.

Присецкий. Газета д[олжна] б[ыть] на паях.

Тверск[ой] голова. Желает привлечь зем[ство] и город для пропаганды против черносотенных Губ[ернских] ведомостей.

Свечин. Против ассигн[ования] земств и в дополнение к паям организовать предварит[ельную] подписку.

Зубрилин находит, что левые партии теперь уже не союзники, и теперь легче добыть средства на борьбу с левыми партиями. Ergo [31] пожертвования.

Свечин. Требуется положит[ельное] направление, чего пока не было.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 16—17, 18—21, 21—25 об.

№ 6. 23/XI 905.

Серг. Ив. Шаховской доложил о действиях к[омис]сии по содействию забастовавшим рабочим, освобожд[енным] ссыльным.

О пособии *3000* руб. почтово-телегр[афному] союзу. О публиковании отчета о расходе сумм к[омис]сии на помощь амнистированным и забастовавшим рабочим.

О сборе в пользу почтовых чиновников — отклонено по несвоевременности. Предоставлено в случае надобности возбудить этот вопрос, к[ото]рый С. И. Шаховского и [...] [32].

О распределении пособий амнистированным.

Влад. Ив. [Вернадский] полагает, что нет надобности упоминать в отчете о распределении при помощи партий.

О лекционном деле.

На другой день после земского бюро собрать заседание Ц[ентраль]ного К[омите]та.

Мандельштам. О разгромах партии везде (кр[естья]не не верят). Войти в гущу крест[ьянского] вопр[оса] и иметь представит[елей] на съезде из кр[естья]н.

Тесленко. Выбросить интимный характер заметки о мире (Милюкова).

Ник. Ник. [*Щепкин*]. Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот д[олжен] выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политич[еской] жизни.

Бобр. Агр. вопр. Герд[енштейн].

Г-же Кирилловой Анне Руфовне отпущено 1000 экз. «Черной сотни» для пропаганды в крест[ьянской] среде. Она же просит еще 2000(?) «Черной сотни» и по 3000 «Своб. личности», «Своб. печати» и «Маниф. 17 окт.»

Казанцев Ив. Ник. и Пант. Ник. Дурилин (Сокольничье шоссе, 8-ая Сокольничья ул., д. Шарапова) предлагают устроить митинги или чтения в с. Следове Богородск[ого] уезда.

Во вторник в 12 час. утра у Сабашникова [33],

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 31—32.

№ 7. 7—21/XII

В редакц[ионный] к[омите]т для рассматривания брошюр избраны А. Н. Максимов, В. Е. Якушкин, А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, В. И. Вернадский, М. В. Сабашников, П. И. Новгородцев, Ю. Г. Топорков.

О штемпеле К. Д.: на нек[ото]рых изданиях не ставить.

О библиографич[еском] указателе: решено поручить к[омис]сии в усиленном составе, избрав председателем В. Е. Якушкина [34].

Обвинительный акт правительству. Сочувствие доведенному до крайней меры народу, к[ото]рому приходится в этом случае итти за чужим ему лозунгом.

В. А. [*Маклаков*] за переговоры с Дубасовым.

С. А. [*Котляревский*] за бюллетени.

В. И. [*Вернадский*] думает, что следует [издавать] листок: 1) нашу резолюцию; 2) отношение к думе, 2) созвание всех сознательных групп, 4) печатать хронику нашей партии.

Н. Н. Щ[*епкин*]. Публика не пошла направо, она скорее относится с любопытством и с симпатией. Движение теперь стихнет постепенно, а в след[ующий] раз оно м[ожет] б[ыть]организовано, и мы м[ожем] принять в этом участие, и тогда будем держать в своих руках.

П. Д. Д[*олгоруков*]. Листок м[ожно] издать, но он бесполезен. Надо обратиться к революционерам, чтобы они прекратили.

В. И. [*Вернадский*]. Настаивает на своем.

М. Л. [*Мандельштам*]. Меньшевики не розово смотрят, пытались проникнуть в казармы, но это не удалось. Считают, что 2 дня победа была моральная.

Вчера определенно было решено *поддерживать*, я не сочувствую.

Мнение социал-демократов о нашем отношении к забастовке.

Недостаточно активно выступаем.

Неопредел[енного] сочувствия к крайним партиям не надо. Ссылка на П. Б. Струве.

Переход к очередным делам.

Баженов. Согл[асен] [35].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 34—36.

(*Продолжение следует*)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первое заседание ЦК состоялось сразу после окончания работы I партийного съезда с участием его делегатов. Заседание (точнее — совещание) было посвящено, в частности, вопросу о способах и порядке организации местных партийных групп, на что участники съезда получили полномочия ЦК. Ввиду малочисленности только что закончившегося съезда было также решено через 2—3 недели созвать новый съезд, который впоследствии был отложен до января 1906 г. (см. Отчет Центрального комитета конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы) за два года с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. СПб. 1907, с. 3, 19).

[2] Речь идет о земском съезде, проходившем в Москве с 6 по 21 ноября 1905 года.

[3] Текст поврежден.

[4] Так в тексте. Имеется в виду резолюция, принятая на I съезде кадетской партии 17 октября 1905 года.

[5] Союз земцев-конституционалистов, возникший в ноябре 1903 г. и ставший в ряде губерний ядром кадетской партии.

[6] Далее зачеркнуто: «2) Вопрос об [...] (слово не разобрано. — *Авт.*). 2[а]) конституиров. мест. к-тов. 4) Устав. 5) Выработка избирательного закона. 6) Финансов. 7) Объяснить зап[иску] к программе. 8) Составление и изд[ание] протоколов. 9) Допущение союзов в состав партии».

[7] То есть А. А. Корнилова.

[8] В § 14 устава партии указывалось: «Внутренняя организация комитета, поскольку она не предусматривается постановлениями съездов, определяется им самим».

[9] Одна фамилия не разобрана.

[10] Речь идет о повестке дня заседания ЦК, намеченного на 23 октября. Это заседание, по-видимому, не состоялось.

[11] Вероятно, имеется в виду сообщение газеты «Русское слово» 21 октября 1905 г. о том, что накануне на собрании лидеров партии якобы состоялись выборы делегатов для поездки в Петербург и участия в совещании, созываемом С. Ю. Витте.

[12] Всероссийская октябрьская политическая забастовка.

[13] Съезд Всероссийского крестьянского союза.

[14] Так в тексте.

[15] Имеются в виду заявления В. Я. Богучарского и Е. Д. Кусковой о выходе из состава ЦК.

[16] Съезд партии кадетов.

[17] Далее — зачеркнутый текст: «1) Партия образована освобожденцами.., 2) о программе почт[овых] союзов, 3) резолюция не заслуживает тех упреков, 4) задача партии остается та самая, что и Союза освобождения. Она д[олжна] стать на одной позиции с социал-демократией. Лозунги даст те самые».

[18] 12—14 ноября 1905 г. состоялось первое пленарное (с участием представителей губернских организаций) заседание ЦК. В заседании принимали участие члены партии — делегаты ноябрьского (1905 г.) земского съезда от губерний, не представленных на I партийном съезде.

[19] Так в тексте.

[20] Одно слово не разобрано.

[21] Христианские социалисты — представители религиозно-политического течения, рассматривавшего христианство как источник гуманизма и социальной справедливости.

[22] В § 36 программы партии в разделе «Аграрное законодательство» указывалось: «Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-земледельцев, государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке».

[23] Так в тексте.

[24] Так в тексте.

[25] § 16 устава кадетской партии гласил: «Губернские группы включаются в состав партии центральным комитетом, которому предоставляется объявлять непринадлежащими к составу партии группы, своими действиями вредящие интересам партии. Об этом центральный комитет докладывает ближайшему съезду, который постановляет окончательное решение».

[26] Имеется в виду Положение о выборах в Государственную думу, изданное одновременно с Учреждением Думы 6 августа 1906 года.

[27] О «волоколамских опытах» А. А. Зубрилина см.: Смирнов И. И. Марковская республика. М. 1975.

[28] Так в тексте.

[29] Так в тексте.

[30] Выступление не записано.

[31] Следовательно (лат).

[32] Одно слово не разобрано.

[33] На листе 33 настоящего дела приведена повестка дня заседания ЦК 23 ноября 1905 г.: «Для Ц. К-та (предл. Тесленко). 1) Вопрос о парт. дисциплине (Вас. Алексеевич и Ив. Алекс). 2) Вопрос об отнош. к земским и город. съездам. 3) Вопрос об отнош. к парт. печати (Дм. Ив-ч и И. И.). 4) Вопрос об отнош. к крайн. партиям (Влад. Ив-ча и я). 5) Вопрос об отнош. к прав-ву гр. Витте (Кокошкина и я). 6) Вопрос об отнош. к учред. собр. (Котляревский). Для обсуждений этого собрания к-тов Центр. Моск. СПб. и Моск. губ-ского. 7) О примирит. камерах (Тесленко). 8) О забастовках. 9) О съезде. 9) (так в тексте. — *Авт.*) Крестьянский вопрос (Мих. Л.). 10). О брошюре».

[34] Далее — зачеркнутый текст: «О провокации правительства. О том, что мы приняли забастовку как политич[еское] орудие. О том, что цели забастовки мы сочувствовать не можем. Мы д[олжны] б[ыли] предупредить забастовку. Львов. О санитарных и благотворит[ельных] действиях речь впереди. Защита прав[ительст]ва С. А. Котляревским. Отвратит[ельное] впечатление от сочувствия забастовщикам. О партийной дисциплине. Об интересах партии. О сочувствии забастов[щи]кам и забастовке — глупость вековая. Если мы промолчим. Между Якушкиным и мной, я думаю, нет большой разницы. Как страус. Аналогия с 81 г. Неизбежность поражения».

[35] В фонде П. Н. Милюкова в ЦГАОР СССР имеется написанный рукой А. А. Корнилова черновой текст (возможно, конспект его выступления в ходе агитационных поездок по России), в котором содержится объяснение отношения партии к важнейшим событиям конца 1905 года. Ниже приводятся выдержки из этого документа: «Почему мы предпочитаем более мирные способы борьбы вооруженному восстанию в данный момент? Почему мы должны решительно отвергнуть (в данный момент) вооруженное восстание и террор, направленные против отдельных классов, хотя бы и повинных в угнетении народа? С какой точки зрения мы не должны увлекаться радикальными лозунгами и криками, как бы прогрессивны по содержанию они ни были? Наоборот, мы не д[олжны] и пугаться каких бы то ни было радикальных решений, если они имеют под собой реальную почву и ведут к освобождению народа. (Маховое колесо, с к[ото]рого соскочил ремень. Оборванные постромки. Лошадь, несущаяся вперед, но не везущая воза и т. п.) В отношениях своих к правительству партия стала сейчас же по издании Манифеста 17/X на совершенно определенную позицию, установленную в резолюции организационного съезда от 18 октября... На почве этой именно резолюции члены к. д. партии оставались в своих сношениях с гр. Витте, когда он попытался в первые дни своего мин-ва опереться на членов общеземского съезда, в котором, как известно, огромное большинство приняло к. д. программу. Лица, избранные бюро съезда в состав депутации, вызванной гр. Витте для переговоров, принадлежащие к составу к. д. партии, указали премьер-министру, что деятелями земских съездов ему м[ожет] б[ыть] оказана поддержка лишь в том случае, если прав-во примет на себя задачу немедленного проведения в жизнь тех требований, к-рые изложены в резолюции 18 октября. Гр. Витте не только от этого отказался, но не удержался в дальнейших своих действиях и вообще на почве маниф. 17/X. ... все это вместе взятое отняло у нашей партии всякую возможность оказывать какую бы то ни было поддержку правительству.

С др. стороны, крайние партии на другой же день после издания маниф. 17/X стали деятельно проповедовать необходимость вооруж. восстания, целью которого они ставили немедленное установление республики революц. партий, причем одна из этих партий — соц. дем-ты — определенно указывали на необходимость установления в стране диктатуры вооруж. пролетариата. По нашему

глубокому убеждению, насильственное установление республики противоречило бы народной воле страны и, следовательно, нарушало бы коренной принцип нашей партии – принцип демократии. Как партия демократическая, мы менее всего могли бы сочувствовать установлению диктатуры одной части населения над всем народом, как партия конституционная, мы желаем осуществления своих идеалов вообще мирным правовым путем и могли бы допустить вооруженное восстание лишь как крайнее средство для защиты угнетенным народом своих человеческих прав против тирании...

Что касается политической забастовки, то мы признали ее еще в резолюции 14 октября могущественным мирным средством политич. борьбы и приветствовали тогда это первое победоносное выступление организованных рабочих людей разных профессий и общественных положений. В их числе были лица, принадлежащие и к нашей к. д. партии. Но политич. забастовки, часто повторяемые, притом без достаточной планомерности и без надлежащего учета сил, могут страшно расстроить народное хозяйство страны и отозваться губительно на самом народном организме. Вожаками политич. забастовок у нас являются крайние партии, а в их глазах политич. забастовки служат лишь прелюдией к вооруж. восстанию, цели которого мы только что очертили. В виду этого к. д. партии было едва ли возможно действовать в союзе с ними, и если бы не было налицо правительственной реакции и неконституционного и вызывающего образа действий со стороны правительства, к. д. партия сочла бы своею обязанностью не только отклонить своих членов от участия в забастовке, но даже ей противодействовать» (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 796, лл. 2–11).

СТАТЬИ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В США: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Б. М. Шпотов

Промышленный переворот органически связан с переходом от ремесла и мануфактуры к фабричной стадии капитализма. В Англии и Франции он осуществился «классически»: как спонтанный, внутренне обусловленный процесс, начавшийся в условиях господства мануфактуры [1]. В других странах, например, на Востоке, он протекал не аналогично [2]. Там, где капитализм наступил позже, собственное ремесленное и мануфактурное производство уже не являлось главной предпосылкой создания машинной индустрии, поскольку начинало сказываться влияние извне – мирового капиталистического рынка и международного капиталистического разделения труда. В результате мануфактурный период укорачивался, принимая «стертую» форму, или вообще отсутствовал. Деформировались все стороны и факторы машинизации производства, исчезал ее переходный характер [3]. На новой, колонизуемой земле, где капитализм утверждался благодаря ее связи с метрополией или местностью с более старым капитализмом, факторы и формы развития промышленности также определялись тем, на какой стадии – мануфактурной или фабричной оно начиналось.

В этом – основная специфика индустриального развития США, где промышленность создавалась по мере освоения громадной территории, на разных стадиях связанного между собой европейского и американского капитализма: от мануфактурного периода XVII–XVIII вв. до империализма. Первые рабочие машины появились в приатлантических штатах при наличии там ремесла и мануфактуры, а колонизация западных земель развернулась в основном уже на фабричной стадии капитализма. Кроме того, до Гражданской войны 1861–1865 гг. в рамках единого капиталистического способа производства в США сосуществовали системы рабства и наемного труда. Очевидно, что в таких условиях тип промышленного развития не мог быть единым для всей страны.

Американские историки, экономисты, социологи все более активно разрабатывают комплекс проблем, связанных со становлением индустриального капитализма в США. Но для немарксистской историографии,

---

ШПОТОВ Борис Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

[1] Ерофеев Н. А. Промышленная революция в Англии. М. 1963; Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Тт. 1–2. М. 1971.

[2] Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока. М. 1981.

[3] Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М. 1985, с. 231–234.

особенно современной, характерен отрыв промышленной революции от исторической смены стадий развития капитализма. Даже когда речь идет о машинизации тех или иных отраслей, появлении «индустриальных классов», соответствующих демографических сдвигах и иных явлениях, указывающих на становление «современного индустриального общества», эти стадии нередко игнорируются или подменяются различными «стадиями роста», «модернизацией» аграрного (то есть докапиталистического) общества, сменой форм хозяйственной деятельности и т. п. В рамках этих подходов промышленная революция либо не упоминается, либо, формулируемая абстрактно, не входит в число активно используемых понятий.

Один из основоположников «новой экономической истории» Р. Фогел призвал к переосмысливанию роли техники в экономическом росте и к учету влияния других факторов, например, спроса [4]. Но такой подход привел, по существу, к отказу от изучения ведущей роли новой машинной индустрии по сравнению со старыми формами промышленности. Историки этого направления были заняты исследованием закономерностей и факторов долговременного экономического, в том числе промышленного роста, отразившихся в динамике определенных количественных показателей [5]. Речь шла уже не об «индустриальной революции» как таковой, а о наращивании производства и развитии его экономического механизма.

Промышленный переворот не вписывался в макроэкономические модели, конструируемые представителями «новой экономической истории». Это понятие встречается главным образом в работах, посвященных технике, но и в них оно формулируется нейтрально по отношению к социально-экономическим стадиям развития капитализма [6]. Промышленный переворот отождествляется с началом применения машин, «нетрадиционных» источников энергии и новых видов сырья, появлением массового производства и т. п.[7]. Некоторые социальные аспекты промышленной революции показывались историками «школы бизнеса» и «рабочей» историографией — как «традиционной» (коммонсовско-висконсинской), так и «новой» (к последней примыкает «новая городская история»). Однако речь идет у них не о промышленной революции, рассматриваемой в совокупности обеих ее сторон, а об опосредованных ею явлениях — социальной мобильности, изменениях в социальной психологии и др.; «школа бизнеса» разрабатывает историю форм и методов предпринимательства.

В целом немарксистская историография промышленного переворота — это набор исследований в области техники и технологии, эволюции хозяйственного механизма, демографических, социально-культурных и т. п. явлений, но без общей концепции, способной связать их в одном системном объяснении.

Советскими историками, в первую очередь А. В. Ефимовым и Н. Н. Болховитиновым, сделано немало для изучения промышленной революции в США [8]. Но при этом, во-первых, ощущается потребность в развитии ее общей концепции. К числу спорных, нерешенных и недостаточно изученных проблем относятся такие, как хронологические рамки, критерии и показатели начала и завершения переворота в важнейших отраслях производства и на транспорте, рост индустриального населения и его источники, связь классообразования с процессами урбанизации и миграции, вообще вся совокупность вопросов, относящихся к социальной стороне промышленного переворота. Остается открытым и вопрос о том, какими путями шло в XIX в. индустриальное развитие основных регионов США — Северо-Востока, плантаторского Юга и колонизуемого Запада. Советскими американистами показаны пути аграрного развития США в XIX в.[9], но что касается индустрии, то речь идет по существу только о промышленном перевороте, который отчасти замедлялся из-за наличия «подвижной границы», рабства в южных штатах, хотя в различных регионах страны промышленность развивалась не синхронно и не однотипно.

Если внешние предпосылки промышленной революции в США достаточно очевидны — это изобретение в Англии машин и иммиграция рабочих, мастеровых и даже предпринимателей в Америку, то вызревание соответствующих условий для ее начала представляет собой сложную и не до конца исследованную задачу. Она сводится в основном к вопросу об организации капиталистического производства на основе привлечения не только внешних, но и внутренних трудовых ресурсов. Главным источником наемного труда в колониальный период была иммиграция, но тогда основную роль на производстве играл квалифицированный мастеровой, а доля этих лиц в общем потоке иммигрантов была незначительной.

В ряде американских работ показано наличие в Америке XVII—XVIII вв. неимущих и бедных, особенно среди горожан (20% и более), часть которых работала на мануфактурах и судоверфях. Выдвигалась и гипотеза о массовом превращении в наемных рабочих отслуживших кабальную службу сервентов, если они не получали земли и не имели других средств существования. Однако при этом отмечалось, что и к концу XVIII в. в США еще не было условий для промышленного переворота, так как отсутствовала возможность беспрепятственной массовой эксплуатации рабочей силы [10]. Действительно, «избыточного» населения в американских колониях не создавалось, и в этой связи случаи прямого найма рабочих на производство мало показательны. Иммигранты и колонисты, в том числе малоимущие, энергично боролись за обладание землей, арендовали или приобретали фермы в долг [11]. Поэтому торговый капитал пытался овладеть рядом промыслов, которыми традиционно занимались на дому фермеры.

Организация мелкого производства торговцами — поставщиками сырья и скупщиками готового товара придавала ему черты капиталистического предприятия. Такая организация стимулировалась в США и нехваткой

[4] The Reinterpretation of American Economic History. N. Y. 1971, p. 5.

[5] См.: Нохотович В. Г. «Новая экономическая история» и проблемы промышленного развития США в первой половине XIX в. В кн.: Американский ежегодник. 1973. М. 1973; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980, с. 116–119; Плющев В. И. Современные тенденции клиометрического анализа экономической истории США. М. 1982; Линдстрем Д. Макроэкономические модели развития США в XIX в. В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии. М. 1983, с. 134–161.

[6] Hindle B., Lubar S. Engines of Change. Washington. 1986, pp. 25–26.

[7] Davis L. E., Hughes J. R. T., McDougall D. M. American Economic History. Homewood (Ill.), 1965, pp. 360–368; Ratner S., Soltow J. H., Sylla R. The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare and Decision — Making. N. Y. 1979, pp. V, 182–189, 275.

[8] Ефимов А. В. К истории капитализма в США. М. 1934, с. 197–246; его же. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М. 1969, с. 223–290; Болховитинов Н. Н. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII – первая половина XIX в.). В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М. 1970; его же. США: проблемы истории, с. 115–155; История США. Т. 1. М. 1983, с. 208–220.

[9] См., в частности, Куропятник Г. П. Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций. — Новая и новейшая история, 1976, № 2.

[10] Косарев Б. М. К проблеме формирования рынка наемного труда в Североамериканских колониях Англии. В кн.: Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М. 1968, с. 148, 160.

[11] Куропятник Г. П. Борьба за землю в колониальный период истории США (XVII – начало XVIII в.). — Вопросы истории, 1974, № 8, с. 82.

свободных рабочих рук, и преобладанием мелких фермеров, готовых взяться за оплачиваемую работу или получать за свой труд часть сырья или изделий. Наемные рабочие, особенно иммигранты, стремились при первой возможности уйти с предприятия, чтобы обзавестись фермой [12]. Но американским промышленникам удавалось устанавливать производственные связи с фермерами как с обработчиками сырья и потребителями готовой продукции [13].

Это и послужило основой для организации ряда производств на капиталистических началах — обувного, шляпного, кожевенного, гвоздильного и других. С использованием труда не только рабочих, но и кустарей была создана текстильная, в первую очередь хлопчатобумажная промышленность США, ставшая важнейшей фабричной отраслью страны. Несмотря на ввоз готовых высококачественных изделий из Англии, американскому полуфабрикату — изготовленной машинным способом бумажной пряже, нашлось место па национальном рынке, поскольку ее приобретали широкие массы фермеров для домашнего тканья, а перед англо-американской войной 1812—1815 гг. владельцы предприятий уже не ограничивались выпуском пряжи и раздавали ее для тканья на дом, то есть становились организаторами всего процесса. Механизация ткачества в 1820-е годы устранила этот кустарный сектор, а главным рынком сбыта стал быстро заселяемый Запад [14].

Хлопкопрядение развивалось сразу на машинной основе, минуя предварительную стадию ручного труда. Отсюда — различные хронологические рамки мануфактурной стадии в хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. В первом случае она фактически отсутствовала (существование заведений мануфактурного типа с прялками «дженни» в 90-е годы XVIII в. было непродолжительным). С начала XIX в. уже происходил быстрый рост фабричной системы: в 1810 г. на предприятиях, созданных по образцу фабрик английского предпринимателя Р. Аркрайта, было 70% веретен [15]. Производство шерстяных изделий в силу его большей сложности было механизировано в несколько этапов; оно развивалось по пути перерастания централизованной мануфактуры в фабрику. Переход здесь был более плавным и затянулся до 1830-х годов.

На основании промышленных переписей можно сделать вывод, что на Северо-Востоке США в 1840 г. фабричное шерстяное производство превышало домашнее (за исключением штатов Мэн и Нью-Йорк, где домашняя продукция уступала лишь совокупной стоимости бумажных и шерстяных материй). В целом по стране в том году стоимость всей текстильной промышленной продукции составила около 74 млн. долл., а всех видов изделий, вырабатываемых на дому,— 29 млн. долларов [16]. На Юге и Западе США в 40—50-е годы XIX в. текстильная промышленность развивалась слабо, но среди немногочисленных мастерских уже выделялись предприятия, дававшие основной объем продукции на местах. Однако в результате промышленного переворота главным центром фабричного текстильного производства стал Северо-Восток.

[12] Это являлось одной из причин краха ряда крупных предприятий в Америке XVIII в., например, металлургического завода П. Хазенклевера, который нанял в Германии более 500 рабочих.

[13] Davis J. S. Essays in the Earlier History of American Corporations. Vol. 2. Cambridge (Mass.). 1917. pp. 255—257.

[14] Ware C. F. The Early New England Cotton Manufacture. N. Y. — Boston. 1931; Zevin R. B. The Growth of Cotton Textile Production After 1815. In: The Reinterpretation, pp. 122—127.

[15] Шпотов Б. М. Статистические материалы о начале промышленного переворота в текстильном производстве США. В кн.: Американский ежегодник. 1984. М. 1984, с. 191—193.

[16] Compendium of the Enumeration of the Inhabitants and Statistics of the United States as Obtained from the Returns of the 6th Census. N. Y. 1976. pp. 159—361.

Если начало промышленного переворота в США открывается машинным хлопкопрядением, фабричный тип которого утвердился в конце первого десятилетия XIX в.[17], то окончание технического перевооружения двух важнейших отраслей текстильной промышленности относится к началу 1830-х годов. Имеются данные, что по механизации ткачества северо-восточные штаты к тому времени уже превзошли Англию, где ручных ткацких станков было значительно больше, чем механических [18], так как Англия специализировалась на выделке тонких материй, чтобы завоевать мировой рынок. Правда, по ряду абсолютных показателей хлопчатобумажная промышленность США и в 1860 г. заметно отставала от британской 1833 г.[19], но по ткацким станкам американское предприятие в среднем превосходило английское (по стране в целом — на 33%, по Новой Англии — на 88%, штату Массачусетс — на 127%). К началу гражданской войны в США производилось вдвое больше бумажных материй на душу населения, чем в Великобритании [20].

Ефимов и Болховитинов уже отмечали, что к началу 1860-х годов на Северо-Востоке США появилось крупное заводское машиностроение, что, наряду с прочими признаками, свидетельствует о вступлении промышленного переворота в завершающую фазу (производство машин машинами). Другая точка зрения изложена в статье А. И. Блинова, который указал на наличие в стране и мелких заведений этого профиля и утверждал, что промышленный переворот вообще завершается с созданием специализированной отрасли по выпуску металлорежущих станков, для чего в США потребовалось еще 20 лет [21]. Но такая постановка вопроса едва ли правильна уже по той причине, что создание такой отрасли не только в американской, но и в мировой практике происходит не ранее последней трети XIX в.[22], а промышленная революция в Англии, тем не менее, завершилась к середине столетия (иначе пришлось бы признать, что она продолжалась более века). Кстати, по данным Л. К. Хантера, в 1860 г. самые мелкие машиностроительные заведения (23%) дали всего 5% продукции этой отрасли [23].

Для общей характеристики промышленного прогресса на основе машинной техники существенно то обстоятельство, что в XIX в. мануфактура, а нередко и ремесло, развивались как механизированный уклад в ряде производств. Это происходило не только на Северо-Востоке, но также на Юге и Западе США. Наряду с самим промышленным переворотом, создающим прежде всего крупную индустрию, механизация способствовала параллельному развитию мелких производств. Обращает на себя

[17] Мы не расходимся принципиально ни с Н. Н. Болховитиновым, который считает началом промышленного переворота англо-американскую войну 1812—1815 гг. (Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории, с. 128—129), ни с Е. Г. Куликовой, которая связывает его с введением в конце 1807 г. эмбарго (Куликова Е. Г. Начальный этап промышленного переворота в США. — Вопросы истории, 1981, № 4). Официальная статистика США 1810 г. достаточно определенно указывает на преобладание аркрайтовых предприятий, на появление их, помимо Новой Англии, и в среднеатлантических штатах. В отличие от 1790-х годов, в первом десятилетии XIX в. число этих предприятий в США неуклонно росло, а фабрика стала овладевать всем процессом изготовления тканей через кустарный сектор, что значительно расширило масштабы предпринимательства, привлекло дополнительную рабочую силу. Поэтому даваемая нами приблизительная датировка представляется для данного случая оптимальной.

[18] McGouldrick P. F. New England Textiles in the Nineteenth Century. Cambridge (Mass.). 1968, pp. 18, 269, note 9.

[19] Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории, с. 134—135.

[20] Manufactures of the United States in 1860. Washington. 1865. pp. IX, XX.

[21] Блинов А. И. О сроках и особенностях завершения промышленной революции в США. В кн.: Американский ежегодник, 1971. М. 1971.

[22] Техника в ее историческом развитии. Тт. 1—3. М. 1979. Т. 1, с. 218; т. 2, с. 14—18, 19—25.

[23] Hunter L. C. A History of Industrial Power in the United States, 1780—1930. Vol. 2. Charlottesville (Va). 1979, pp. 234—236.

внимание оснащенность даже небольших мастерских паровыми машинами; особенно много было их в Филадельфии [24].

Промышленный переворот в черной металлургии США до недавнего времени почти не исследовался советскими американистами. Отмечалось лишь отставание этой отрасли вплоть до начала Гражданской войны и не учитывалось, что общепризнанное развитие машиностроения и других металлоемких производств едва ли мыслимо без крупных качественных сдвигов в металлургии. За основной критерий был взят нехарактерный для США середины XIX в. показатель (слабое применение кокса), наличие большого числа мелких и устаревших заводов. Американские исследователи также не сумели в полной мере оценить вытеснение мануфактурной металлургии приемами, наиболее передовыми для первой половины XIX в.[25], какими являлись плавка руды на каменном угле, пудлингование и прокатка, изобретенные в XVIII столетии в Англии.

В США переворот в этой отрасли производства произошел позднее, но в значительно более сжатые сроки и в обратной последовательности: он начался с внедрения прокатки в железоделательном производстве и завершился переводом основного объема выплавки чугуна на минеральное топливо, причем в США в середине XIX в. им был не кокс, как в Англии, а преимущественно антрацит, доступные залежи которого имелись на востоке Пенсильвании. Основными потребителями проката стали железные дороги, хотя для этой цели в 40—50-е годы XIX в. шло не более 20% американского чугуна. Однако утилизация износившихся рельсов как отечественных, так и ввозимых из Англии, и наращивание их собственного производства способствовали созданию в США перед Гражданской войной мощной прокатной индустрии, а это, в свою очередь, потребовало перехода всего производства на каменный уголь и создания крупных заводов-комбинатов, оснащенных паровыми двигателями. С учетом всех видов используемого минерального топлива (антрацит, кокс, коксующийся уголь и их смеси) выпуск чугуна старым способом, то есть на древесном угле, снизился за 1854—1860 гг. с 47% до 30% и продолжал неуклонно снижаться (в 1890 г.— 7%) [26].

Перед Гражданской войной и даже после нее в стране сохранялось еще довольно много металлургических предприятий устаревшего типа, в том числе мелких кричных горнов. Но по объему и стоимости продукции (10—20%) они сдали свои позиции во всех основных регионах США [27]. Кричные горны превратились в придаток крупного железопрокатного производства, и лишь небольшая часть их продукции самостоятельно поступала на рынок. Впрочем, пудлингование не сыграло такой большой самостоятельной роли в развитии американской металлургии, какую оно имело в Англии, где просуществовало с конца XVIII в. до 1860-х годов. В США бессемеровский способ получения стали начал применяться после окончания Гражданской войны, то есть практически сразу после того, как каменный уголь, пудлингование и прокатка в основном успели вытеснить технологию эпохи мануфактуры.

С обоснованием вывода о завершении к началу 1860-х годов промышленного переворота в черной металлургии [28] мы получаем достаточно полную картину перехода от мануфактуры к фабрике в важнейших, решающих отраслях американской индустрии.

Первостепенными экономическими показателями успехов промышленной революции в США стало достижение к 1840 г. решающего перевеса

[24] National Archives and Records Administration. Microfilm Publications. Record Group 29 (NA. MP. RG 29). T. 1157, roll 8.

[25] См., напр., Paskoff P. F. Industrial Evolution. Baltimore. 1983.

[26] Temin P. Iron and Steel in Nineteenth Century America. Cambridge (Mass.). 1964, pp. 266, 268.

[27] Manufactures of the United States in 1860, pp. 681, 694, 707, 716.

[28] Подробнее см.: Шпотов Б. М. Переворот в черной металлургии США (первая половина XIX в.). В кн.: Американский ежегодник. 1987. М. 1987.

продукции промышленного сектора над домашними промыслами в масштабе страны, а к 1860 г.— выдвижение США на второе место в мире по промышленному производству. По общей протяженности внутренних коммуникаций, обслуживаемых паровым транспортом, США вышли на первое место, обогнав Англию. К 1860 г. промышленный переворот в основном уже завершился на Северо-Востоке, и это имело решающее значение для индустриализации всей страны в последней трети XIX века [29].

Прежняя датировка окончания промышленной революции 70—80-ми годами XIX в.[30] справедливо критиковалась Н. Н. Болховитиновым, но дело не только в том, что она оставляет слишком мало времени на индустриализацию. Фабричное производство побеждает в масштабах ведущих народнохозяйственных отраслей, а не в зависимости от его появления в самых отсталых районах — в США этот процесс не завершился и к концу XIX в., учитывая медленное хозяйственное освоение значительной части Дальнего Запада, Аляски, аграрную специализацию ряда районов. Судить же об уровне индустриального развития страны, отличающейся очень существенной хозяйственной неоднородностью отдельных ее частей, можно только по тому району, который является промышленным, то есть находится в приблизительно одинаковых условиях с промышленными западноевропейскими странами [31].

Наиболее сопоставим с развитием западноевропейских стран Северо-Восток США. Здесь промышленному перевороту предшествовал мануфактурный период. Эта область была раньше освоена в хозяйственном отношении, наиболее урбанизирована, располагала максимальной плотностью населения и густой транспортной сетью. В первой половине XIX в. она стала, наряду с иммиграцией, источником заселения окраин, то есть как бы внутренней метрополией по отношению к колонизуемым землям. В 1860 г. 67,3%, а в 1900 г. 52,4% стоимости всего промышленного производства в стране приходилось на Новую Англию и среднеатлантические штаты.

В зоне колонизации индустриальное развитие не получило сколько-нибудь выраженной мануфактурной подготовки. Мелкое, в том числе домашнее, производство стихийно возникало и там, но одновременный динамичный рост индустриального сектора в северовосточных штатах и революция на транспорте практически исключили стадиальный путь создания промышленности на новых землях. Изучение архива промышленной переписи 1860 г. показало, что и в самых молодых штатах, где промышленность только зарождалась, даже мелкие заведения с несколькими рабочими нередко имели паровой двигатель [32]. Времени на мануфактурную стадию почти не оставалось, точнее, она приняла механизированную форму. Даже для заведений с ручным трудом, несмотря на их появление в первой половине XIX в., мануфактурный период оказался сильно укороченным. Кроме того, углублявшееся экономическое районирование способствовало ориентации Запада главным образом на переработку пищевых продуктов, лесоматериалов и на изготовление сельскохозяйственной техники, тогда как промышленная революция создает прежде всего фабричное текстильное производство.

[29] Болховитинов Н. Н. Некоторые проблемы генезиса, с. 197—198; его же. США: проблемы истории, с. 145, 153—154, 360; История США. Т. 1. с. 217—218, 220, 660.

[30] Ефимов А. В. США. Пути развития, с. 280; Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М. 1965, с. 35; Косарев Б. М. О начале промышленного переворота в США. — Ученые записки Ярославского педагогического института, 1966, вып. 58, с. 122.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 566; т. 27, с. 135—136.

[32] NA. MP. RG 29. T 1168, roll 4; A 1156, roll 38; T 1130, roll 1; T 1134, rolls 45—46, etc.

Проводившуюся на Юге машинизацию некоторых отраслей промышленности также нельзя назвать промышленным переворотом, прежде всего потому, что в ней использовался и в широких масштабах труд рабов [33]. Распространению там машинной техники не соответствовал характер утвердившихся на Юге производственных отношений, а само развитие фабричной системы имело до Гражданской войны второстепенное значение, так как в этом регионе преобладала промышленность по первичной обработке сырья — хлопка, табака, риса, сахарного тростника, древесины и т. п.

При рассмотрении проблемы формирования рабочего класса США также следует исходить из того, что условия и предпосылки этого процесса были неодинаковыми в различных частях страны. На Северо-Востоке основным фактором классообразования стал промышленный переворот, на свободных землях Запада — их колонизация, а на Юге этот процесс фактически не развертывался из-за того, что функцию промышленных рабочих выполняли рабы.

В основе образования промышленного рабочего класса лежит присущий самой природе капитализма закон ускорения роста индустриального населения за счет аграрного на этапе создания крупной машинной промышленности. На Северо-Востоке США действие этого закона проявилось особенно рельефно. В 1820—1840 гг. прирост промышленного населения Новой Англии более чем втрое превысил прирост аграрного, тогда как в колонизуемых штатах — Иллинойсе, Индиане, Мичигане и Огайо — в 1,5 раза (в Мичигане население, занятое сельским хозяйством, в те годы росло быстрее промышленного). При этом процент занятых в промышленности на Северо-Востоке США был в 3—4 раза больше, чем на Западе, где подавляющее большинство жителей занималось сельским хозяйством, а их прирост был почти таким же быстрым, как и в промышленном секторе [34].

Показателен и процесс урбанизации [35]. В Новой Англии за 1840—1860 гг. прирост городского населения составил 164,5%, сельского — только 10,4%. В штатах же Иллинойс, Индиана, Айова, Мичиган, Висконсин, Орегон и Калифорния за эти годы число горожан увеличилось с 30 тыс. до 666 тыс., а сельских жителей — с 1419 тыс. до 4547 тыс. человек, так что процент первых оставался незначительным — 2,1 и 12,8. Это говорит о разной степени интенсивности классообразовательного процесса на старых землях, где капитализм развивался в основном вглубь, и на новых, где его развитие происходило в основном вширь [36].

При этом важно то, что в свободных штатах Запада первое поколение ремесленников и рабочих было пришлым — либо в составе иммиграции, либо с Северо-Востока [37]. В штатах, основанных в начале XIX в., промышленное население зафиксировано уже в переписях 1820—1840 годов. В штатах, основанных позднее, первопричиной появления рабочих также был переселенческий процесс. На его основе и можно было за несколько десятилетий и практически на пустом месте, не повторяя всех стадий мануфактуры и промышленной революции, проложить железные дороги к Тихому океану, создать мощную индустрию в районе Великих озер и гигантские промышленные центры, такие, как Цинциннати (в 1860 г.— третий по числу промышленных рабочих город США после Филадельфии и Нью-Йорка), Чикаго, Кливленд, Сент-Луис и др. Принципиальное значение имеет и тот факт, что основание городов на Западе

[33] Starobin R. S. Industrial Slavery in the Old South. N. Y. 1970.
[34] Census for 1820. N. Y. 1976. Compendium, p. 102.
[35] Historical Statistics of the United States. Pt. 1. Washington. 1975, pp. 24—37.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 335—336, 563.
[37] По соответствующим штатам за 1860 г. см.: NA. MP. RG 29. M 653, rolls 55—72, etc.

часто предшествовало систематической колонизации [38], то есть там традиционная стадиальность капиталистического развития проявлялась в еще более урезанном виде, чем на Северо-Востоке, где мануфактурный период был значительно короче западноевропейского.

В советской американистике справедливо подчеркивается роль иммиграции в национальных процессах, становлении капиталистического хозяйства и рабочего класса США, но внутренние источники рабочей силы не получили соответствующего освещения, что привело к недооценке их значения в промышленном перевороте [39]. В фабричной текстильной промышленности США он завершился до начала массовой иммиграции в 1840-е годы, и основной контингент занятых составляли американцы — вначале главным образом дети, затем молодые женщины из фермерских семей. Иммигранты работали тогда на операциях, требовавших специальной выучки. В крупнейшем текстильном центре страны, г. Лоуэлле, который особенно привлекал ищущих работу женщин, в 1836 г. среди работавших в «Гамильтон компани» 96,3% было американского происхождения, в 1850 г.— 61,4% и только перед Гражданской войной — 38,2%. Среди ремесленников Ньюарка (штат Нью-Джерси) уроженцы США составили в 1850 г. 53,5%, через 10 лет — 44,6% [40]. Американцы преобладали среди работавших на предпринимателей кустарей, в некоторых традиционных промыслах, например, среди обувщиков г. Линна и окрестностей, на металлургических заводах г. Рединга (восток Пенсильвании), в промышленности ряда других городов Северо-Востока [41]. Поток иммигрантов стал ощутимо влиять на национальный состав рабочего класса США на завершающем этапе промышленной революции.

Суть промышленного переворота в том и состоит, что структура капиталистического общества изменяется именно под влиянием машин, а не ввоза рабочей силы. Иммиграция стимулировала промышленный переворот и углубляла его социальный итог, но сама являлась следствием другого процесса — бурного капиталистического развития стран Европы, в первую очередь Великобритании. При том, что американский капитализм был тесно связан с этим процессом и в XVII, и в XIX в., вряд ли можно поставить знак равенства между колониальным обществом, в котором без европейских ремесленников и мастеров практически невозможно было организовать какое-либо производство, и США XIX столетия, когда рост товарно-денежных отношений и другие факторы способствовали складыванию рынка рабочей силы.

Там, где длительное время сохраняется связь работника с землей и существуют возможности для развития капитализма вширь, капиталистическая промышленность не застает рынок труда в готовом виде. Но крупная фабричная промышленность, особенно размещенная в сельской местности, с большой быстротой преобразует социально-экономические отношения. Возникновение новых промышленных центров стимулирует процесс отвлечения работника от земледельческого труда к промышленному, а в аграрной стране с многоукладной экономикой, широким мелкотоварным сектором,— и возникновение разнообразных переходных форм как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

В США промышленное производство финансировалось в основном торговой буржуазией, которая за период промышленной революции превра-

[38] Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории, с. 328.
[39] Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.). М. 1965, с. 204—212 и др.; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории, с. 41, 140—143; История США. Т. 1, с. 216.
[40] Dublin Th. Women at Work: The Transformation of Work and Community in Lowell. N. Y. 1979, pp. 26, 139; Hirsch S. E. The Industrialization of Crafts in Newark, 1800—1860. Philadelphia. 1978, p. 47; Jeremy D. J. Transatlantic Industrial Revolution. Cambridge (Mass.). 1981, pp. 158—163, 174; Ware C. F. Op. cit.
[41] NA. MP. RG 29. M 432, roll 311; M 653, roll 1077; Barney W. L. The Passage of the Republic. Lexington. 1987, pp. 40—42.

тилась в предпринимателей индустриальной эпохи, со свойственной ей акционерной формой капитала, организацией дела сразу в крупных масштабах, и т. п. Это был определяющий путь, а скупка-раздача в ремесленно-кустарном секторе быстро вытеснялась машинным способом массового производства. При этом на стадии развертывания фабричного производства скупка-раздача нередко оказывалась «внешним отделением» фабрики или мануфактуры, что уже превращало торговца в промышленника. Слой промышленной буржуазии пополнялся и за счет ее иммиграции, доставлявшей элементы капиталистического общества, так сказать, в «разобранном виде».

В условиях США становление промышленной буржуазии наталкивалось на сопротивление более старых и пустивших прочные корни группировок капиталистов из торгово-денежной элиты, но ее позиции были значительно ослаблены в период «джексоновской демократии» (30-е — начало 40-х годов XIX в.) [42]. Однако на классообразовательный процесс в первую очередь повлияло то обстоятельство, что промышленный переворот происходил на базе американского пути развития капитализма, то есть без осложняющих и деформирующих этот процесс феодальных пережитков. Плантационная же мануфактура явилась побочным продуктом экономического развития южных штатов, а не общей для всей страны переходной формой промышленного предпринимательства.

До Гражданской войны слой промышленников формировался и на Юге, но превращение их в предпринимателей полностью буржуазного типа произошло уже в ходе Реконструкции и индустриализации южных штатов. Диалектика американского капиталистического развития, опиравшаяся на такие его резервы, как фонд колонизуемых земель, передовая техника и технология, массовая иммиграция, заключалась прежде всего в том, что на определенном этапе оно создало плантационное рабство как часть хозяйственного механизма, а затем и уничтожило его в результате Гражданской войны.

Промышленная революция в США обладала как чертами сходства с западноевропейскими, так и определенным качественным своеобразием. Как явление, присущее в первую очередь тем странам, где капитализм утвердился вследствие буржуазных революций мануфактурной эпохи, они имели общее происхождение. Отсюда типичные для конца XVIII — первой половины XIX в. технические и технологические нововведения (английские текстильные машины первого поколения, пудлингование, появление вначале речного парохода, затем локомотива и железных дорог и т. д.) с некоторыми местными особенностями и модификациями — например, широким использованием в США водяного колеса. Налицо и общий социальный итог — формирование двух основных классов капиталистического общества в его фабричной стадии.

Но американский капитализм развивался на свободной земле, что, в конечном итоге, предопределило его основные особенности по сравнению с европейским. В США и перед промышленной революцией стояло меньше деструктивных задач. Ей не противостояли ни пережитки феодализма в экономике и социальном строе, ни развитая мануфактура и цеховое ремесло, вследствие чего и новые формы промышленности утвердились без острых социальных коллизий, таких, как движение луддитов в Англии или восстание лионских ткачей во Франции. Как производители ремесленных изделий домашним способом, американские фермеры не разорялись в неравной конкурентной борьбе с крупными промышленниками, а просто свертывали домашнее производство и переходили на положение покупателей готовой продукции, в наемных рабочих-отходников, работающих на капиталиста кустарей, переезжали на Запад либо в города.

[42] Романова Н. Х. Реформы Э. Джексона (1829- 1837). М. 1988, с. 141–145.

Важнейшей особенностью промышленного развития США как страны капитализма переселенческого типа было то, что эволюция мануфактурного капитализма, как и всей промышленно-капиталистической системы, не была полностью спонтанной, а опиралась в значительной степени на иммиграционный процесс. Однако стадиальность развития капитализма в промышленности все же имела место в первоначальных штатах, начало заселения которых совпало с мануфактурным периодом западноевропейского капитализма. Здесь развитие капиталистических отношений пошло вглубь, что обусловило промышленный переворот на Северо-Востоке и превращение плантаторского Юга в аграрно-сырьевую «внутреннюю колонию», с неизбежной последующей машинизацией ее промышленного сектора. На остальную территорию с подвижной границей капиталистические отношения привносились сразу из двух источников — Западной Европы и заселенных земель США, сокращая или устраняя мануфактурный период на новозаселенной земле. Если машины и паровой транспорт появлялись там прямо в ходе ее освоения, то это уже нельзя назвать промышленным переворотом.

Таким образом, решение вопроса о времени и месте промышленной революции в США видится нами в том, что она началась и завершилась на Северо-Востоке к 1860 годам. На Западе и Юге промышленное развитие приняло другие формы, у которых не было аналогов в Западной Европе. Но пример США, как известно, не уникален. Отсутствие сильных феодальных пережитков, наличие фонда свободных земель как условие развития капитализма вширь, преобладание его фермерского пути в сельском хозяйстве, развитие промышленности как часть этого процесса в метрополии — характерные приметы капитализма на колонизуемой земле, общие для США, Канады, Австралии и Новой Зеландии в домонополистическую эпоху [43]. Изучение его генезиса в сопоставлении с американской моделью позволит лучше представить и глубже понять закономерности капиталистического способа производства.

[43] Солодкина М. М. Историко-экономическое моделирование переселенческого капитализма. В кн.: XVIII научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. М. 1987.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

БРЕСТСКИЙ МИР

А. В. Панцов

26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов по предложению В. И. Ленина принял «Декрет о мире» — первое постановление Советской власти, в котором была изложена программа выхода страны из империалистической войны. В декрете содержалось предложение всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о заключении всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций на условиях полного самоопределения народов[1]. Тем самым большевики выполнили первую часть своих обещаний, касающихся внешней политики правящей пролетарской партии. Ведь еще в 1915 г. на вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти, Ленин ответил: «Мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов». Оставалось выполнить и вторую часть: либо заключить такой мир, либо (в случае, если бы ни Германия, ни Англия с Францией не приняли этих условий) «подготовить и повести революционную войну»[2].

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске советская делегация в полном соответствии с решением ВЦИК и ЦК РСДРП(б) без обсуждения подписала с Германией и ее союзниками договор о мире, откровенно грабительский, империалистический с ее стороны. В чем же причина столь резкого поворота во внешней политике большевиков? И каково в связи с этим место Брестского мира в нашей истории?

Отвечая на эти вопросы, наша историография на протяжении 60 лет следует практически неизменной схеме, согласно которой Брестский мир явился выдающейся победой стратегии и тактики Ленина, заключившего компромисс с германским империализмом в условиях, когда дело всеобщего мира было сорвано империалистами Антанты и США. Центральным в концепции выступает тезис, что Ленин настойчиво вел дело к незамедлительному подписанию мирного договора якобы с первых же дней Октябрьской революции, исходя из установки на мирное сосуществование государств с разным общественным строем. В этом контексте заключение сепаратного мира выглядит не резким изменением в политике большевиков, а логическим результатом развития стратегии Ленина, утверждавшего свою правоту в открытой борьбе с «левыми коммунистами», действовавшими вкупе с Троцким и его единомышленниками. Сторонники данной концепции неизменно подчеркивают, что «авантюристические планы «левых» и «предательская линия» Троцкого угрожа-

ПАНЦОВ Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 13–14.

[2] Там же. Т. 27, с. 50.

ли гибелью Советской власти, так как были направлены на продолжение войны.

Основные элементы этой схемы начали выкристаллизовываться еще во второй половине 20-х годов — в период ожесточенной внутрипартийной борьбы сталинистов и их пособников против Троцкого, а затем и против Бухарина (в «брестский период» Бухарин возглавлял оппозиционную группу «левых коммунистов»)[3]. Окончательно оформление концепции произошло к 1938 г.: дополненная тезисом о «тайном заговоре» группы «левых коммунистов», Троцкого и левых эсеров против Советского правительства, имевшем целью убийство Ленина, Сталина и Свердлова, она была канонизирована и вошла составной частью в краткий курс «Истории ВКП(б)»[4]. Наиболее существенные ее положения (за исключением вышеуказанного тезиса) до сих пор остаются господствующими в нашей литературе[5].

Но все ли в этой концепции соответствует исторической правде? Так ли правы те, кто оценивает Брестский мир как выдающуюся победу ленинской стратегии и тактики? А может быть, этот мир стал победой Ленина над самим собой, над своими прежними взглядами? И в связи с этим действительно ли такими авантюрными были планы «левых», так ли уж резко контрастировали они со стратегией Ленина, и была ли линия Троцкого «предательской»? Чтобы ответить на эти вопросы, постараемся восстановить ход событий, связанных с мирными переговорами в Брест-Литовске, с борьбой большевистской партии за выход из империалистической войны.

Эта борьба началась уже на II Всероссийском съезде Советов с провозглашения лозунга всеобщего демократического мира. С этим лозунгом Ленин обращался не только и не столько к правительствам воюющих держав, сколько ко всем народам, прекрасно понимая, что ни одно из этих правительств не могло принять сформулированные большевиками условия. «Полное осуществление наших мыслей (изложенных в Декрете о мире.— *А. П.*) зависит только от свержения всего капиталистического строя»[6],— подчеркивал он в заключительном слове по докладу о мире. До победы социалистической революции в крупнейших странах Европы большевистский призыв к миру, основанному на принципах демократии, имел, таким образом, чисто пропагандистское, агитационное, а не практическое значение. Главное для большевиков в то время заключалось в том, чтобы на глазах у всего мира столкнуть две принципиально разные программы выхода из войны: коммунистическую и империалистическую. Это должно было усилить влияние Октябрьской революции на международное рабочее движение, еще больше революционизировать массы.

Именно поэтому большевики формально не придавали своим условиям характера ультиматума: в противном случае империалисты могли просто отказаться сесть за стол переговоров не только о мире, но и о перемирии, а заключение его, причем на возможно более длительный срок, было жизненно важно для России. Мирная передышка была необходима для того, чтобы отдохнула старая армия и была сформирована новая, революционная. Не меньшее значение имели и сами мирные переговоры, которые большевики рассчитывали использовать как трибуну

[3] См., напр., Волковичер И. В. Брестский мир. М.-Л. 1928; Гайсинский М. Борьба с уклонами от генеральной линии партии. М.-Л. 1931; Ильин-Женевский А. Брестский мир и партия. – Красная летопись, 1928, № 1(25).

[4] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1955, с. 205–210.

[5] См., напр., Чубарьян А. О. Брестский мир. М. 1964; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. М. 1966; Гусев К. В. Октябрь и борьба за мир. М. 1968; Никольников Г. Л. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). М. 1968; его же. Брестский мир и Украина. Киев. 1981; Минц И. И. Год 1918-й. М. 1982; и др.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 20.

для пропаганды своих взглядов. Что же касается возможности подписания империалистических условий мирного договора, то она тогда категорически отвергалась и Лениным, и всеми его сторонниками. «Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее,— указывал Ленин.— ... мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем» [7].

Декрет о мире был опубликован 28 октября (9 ноября) в «Правде» и «Известиях ЦИК». Однако правительства воюющих держав оставили советские предложения без ответа. В этих условиях 7(20) ноября Совнарком отдал приказ верховному главнокомандующему русской армии генералу Духонину немедленно обратиться к командованию стран Четверного союза с предложением приостановить военные действия в целях открытия мирных переговоров [8]. На следующий день нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий разослал текст декрета послам держав Антанты, предложив немедленно заключить всеобщее перемирие и открыть мирные переговоры со странами германского блока [9]. 9(22) ноября послы союзных с Россией держав приняли решение — на ноту НКИД не отвечать. В тот же день Духонин, отказавшийся выполнить приказ Совнаркома, был смещен с занимаемой должности; на его место назначен Н. В. Крыленко. За подписью Ленина и нового главковерха была послана радиограмма всем солдатским комитетам армии и флота, всем бойцам и матросам с призывом брать дело мира в свои руки и в обход контрреволюционных генералов вступать в переговоры о перемирии с неприятелем [10].

Ни в коем случае не отказываясь от привлечения правительств Антанты к участию в обсуждении проблем выхода из войны, Советская власть тем самым вступила на путь сепаратных переговоров о перемирии с так называемыми центральными империями (Германия и др.). Тайны из этого большевики не делали. Наоборот, вслед за обращением к солдатам и матросам Советское правительство направило ноту послам нейтральных стран, прося их принять все зависящие от них меры к тому, чтобы довести советские мирные предложения до сведения неприятельских правительств и общественности своих стран [11]. За день до этого Троцкий выступил с заявлением о начале публикации секретных дипломатических документов царизма и буржуазно-коалиционных правительств [12]. Факт публикации подтверждал решимость большевиков заключить равноправный, открытый и честный, демократический мир.

Радиограмма Ленина и Крыленко встретила широкий отклик в войсках. 12(25) ноября переговоры о перемирии с противником начали части 2, 3 и 5-й армий [13]. На следующий день в переговоры вступили парламентеры, посланные главковерхом. 14(27) ноября согласие германского командования на официальное ведение переговоров было, наконец, получено. К Германии присоединилась и Австро-Венгрия. Однако по просьбе Советского правительства начало официальных переговоров было отсрочено на пять дней, чтобы дать правительствам Антанты возможность еще раз определить свое отношение к вопросу о мире [14]. За эти дни Совнарком и НКИД пять раз обращались ко всем заинтересованным правительствам с предложением приступить к немедленному обсуждению возможности заключения всеобщего перемирия [15].

[7] Там же, с. 16—17.
[8] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 1. М. 1957, с. 15—16.
[9] Там же, с. 16—17, 707; Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2. М. 1924, с. 158.
[10] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 77—82.
[11] ДВП. Т. 1, с. 22—23.
[12] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 164.
[13] Там же. Т. 17, ч. 1. М. 1926, с. 730.
[14] ДВП. Т. 1, с. 25—28.
[15] Там же, с. 28—32; Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 170—171.

Правительства стран Антанты и США не приняли предложений большевиков. Только после этого Советское правительство начало сепаратные переговоры с Германией и ее союзниками, в ходе которых последовательно прилагало усилия для придания перемирию всеобщего характера. Уже на первом этапе переговоров, проходившем в Брест-Литовске с 20 по 22 ноября (3—5 декабря), советская делегация (Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, А. А. Биценко, С. Д. Масловский-Мстиславский [16], Л. М. Карахан и др.) внесла предложение о немедленном обращении ко всем воюющим странам, не представленным на переговорах, с призывом принять участие в составлении условий перемирия на всех фронтах. Перед державами Четверного союза было выставлено требование не перебрасывать войска на Западный фронт.

Советской стороной была оглашена декларация, в которой предлагалось всем участникам переговоров объявить, что предполагаемое перемирие имеет задачей установить мир на демократических началах, изложенных в Декрете о мире. Поскольку делегаты противной стороны уклонились от ответа, советская делегация отказалась подписать на данной стадии переговоров формальное перемирие. Было принято решение объявить семидневный перерыв и приостановить военные действия на русско-германском, русско-австрийском и русско-турецком фронтах [17]. Одним из наиболее существенных результатов переговоров явилось достижение соглашения об их полной гласности. Прервав на этом обмен мнениями, советская делегация возвратилась в Петроград.

23 ноября (6 декабря), то есть на следующий день после объявления перерыва, НКИД проинформировал о ходе переговоров послов союзных с Россией стран, вновь обратившись к соответствующим правительствам с предложением определить свое отношение к войне и миру [18]. Однако и на этот раз державы Антанты и США ответили на обращение большевиков молчанием. В этих условиях Советское правительство начало подготовку к возобновлению мирной конференции. 27 ноября (10 декабря) Совнарком рассмотрел вопрос об инструкции советской делегации, уполномоченной вести переговоры; в основу ее был положен Декрет о мире. В связи с обсуждением указанного вопроса Лениным совместно со Сталиным и при участии Каменева был подготовлен в тот же день «Конспект программы переговоров о мире», в котором определялись основные принципы демократического мира без аннексий и контрибуций [19]. Советская власть пока ни на шаг не отступала от принятых на II Всероссийском съезде Советов обязательств.

30 ноября (13 декабря) переговоры в Брест-Литовске были продолжены. Наиболее остро встал на них вопрос о запрещении перебросок германских войск с Восточного фронта на Западный на все время перемирия. Немецкое командование считало это условие неприемлемым, и советская делегация [20] была вынуждена в первый же день переговоров обратиться в Наркоминдел за дополнительными инструкциями. Несколько позже, выступая с докладом о ходе мирных переговоров на заседании Всероссийского съезда крестьянских депутатов и вспоминая этот эпизод, Троцкий говорил: «Вопрос мира в тот момент стоял на острие ножа. И ночью мы заявили нашим делегатам: не идите на уступ-

[16] Биценко и Масловский-Мстиславский представляли партию левых эсеров.
[17] ДВП. Т. 1, с. 38—41.
[18] Там же, с. 41—42.
[19] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 121—122, 461, прим. 50; Ленинский сборник XI, с. 16.
[20] На этом этапе переговоров в состав советской делегации входили: А. А. Иоффе (глава делегации), Л. Б. Каменев, А. А. Биценко, М. Н. Покровский, Л. М. Карахан (секретарь), М. П. Павлович, несколько военных консультантов, а также представители трудящихся. Судя по воспоминаниям одного из военных консультантов делегации, генерала А. А. Самойло, ее состав на протяжении всего периода переговоров оставался довольно подвижным (Самойло А. Две жизни. Л. 1963, с. 219).

ки» [21]. На следующий день, столкнувшись с твердой позицией советских представителей, австро-германская делегация отступила. Об этом Карахан немедленно сообщил Троцкому [22].

Таким образом, Советское правительство сделало все возможное, чтобы хотя бы частично отстоять в переговорах интересы народов союзных с Россией держав, несмотря на явное нежелание их правительств идти на всеобщее перемирие. Только после этого, 2(15) декабря, был подписан договор о перемирии между Россией, с одной стороны, Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией — с другой. Перемирие устанавливалось на 28 дней — с 4(17) декабря 1917 г. по 1(14) января 1918 года [23]. После его заключения стороны должны были приступить к мирным переговорам. Они начались в Брест-Литовске 9(22) декабря. В дни непосредственной подготовки переговоров все более крепла решимость большевиков бескомпромиссно отстаивать на конференции принципы демократического мира. В руководстве РСДРП(б) по-прежнему существенных разногласий по этому вопросу не наблюдалось.

Общая линия поведения, за которую ратовали Ленин и все другие лидеры партии, состояла в том, чтобы, всемерно затягивая мирную передышку, максимально использовать агитационные возможности Бреста для дальнейшей революционизации международного рабочего класса в целях скорейшего приближения мировой революции. Расчеты большевиков, казалось бы, полностью подтверждались тем, что Германия, вместо того чтобы воевать, села за стол переговоров; оправдывались они и самим ходом прелиминарной конференции, на которой немцы пошли на большие уступки советской делегации. Все это постепенно подводило руководителей РСДРП(б) к мысли, что Германия просто не в состоянии наступать. Если же это так, считали они, то выигрыш от мирных переговоров должен быть огромный: подписание мирного договора на условиях, предложенных Советской властью.

В случае, если бы немцы все-таки пошли на разрыв переговоров и смогли двинуть войска против Советской России, то (большевики в этом почти не сомневались) российские рабочие и крестьяне под руководством Советов нашли бы в себе силы оказать врагу сопротивление. «Нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру,— подчеркивал Ленин в то время, разъясняя позицию Советского правительства в вопросе о войне.— Пусть она попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга! Это ей не удастся... Если же представить такой случай, когда немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ... без всякого сомнения с удесятеренной энергией, удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу» [24].

О том же тогда говорил и Троцкий [25], но, в отличие от большинства руководящих работников партии, он все же не исключал возможности и иного исхода событий. Выступая 8(21) декабря на объединенном заседании Совнаркома, ВЦИК, Петроградского Совета, других рабочих и крестьянских организаций и никоим образом не отвергая вероятности революционной войны против австро-германского империализма в случае срыва переговоров, он вместе с тем рисовал и другую перспективу: «Если же мы в силу хозяйственной разрухи воевать не сможем, если мы вынуждены будем отказаться от борьбы за свои идеалы, то мы своим зарубежным товарищам скажем, что пролетарская борьба не окончена,

[21] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 199.
[22] Известия ЦИК, 2.XII.1917.
[23] ДВП. Т. 1, с. 47—51.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 117—118.
[25] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 199, 207, 210, 214—215.

она только отложена, подобно тому, как в 1905 году мы, задавленные царем, не закончили борьбы с царизмом, а лишь отложили ее» [26]. По сути дела, это была та же аргументация, которую позже широко использовал Ленин, обосновывая необходимость подписания сепаратного грабительского мира [27]. Судя по стенограмме заседания, собравшиеся ее не приняли. Бурными и продолжительными аплодисментами они встречали только призывы к войне с империализмом [28].

Заключив перемирие с державами Четверного союза, Советское правительство не прекратило усилий, направленных на привлечение к переговорам союзных с Россией государств. 5(18) декабря Троцкий проинформировал об итогах прелиминарной мирной конференции французского посла Нуланса; в обращении к трудящимся Европы, сообщив о подписании сепаратного перемирия, Наркоминдел РСФСР призвал всех, кому дороги идеалы мира, к совместной борьбе с народами Советской России за немедленное прекращение войны на всех фронтах [29]. 9(22) декабря аналогичное обращение, но к трудящимся всех стран, было принято на объединенном заседании Совнаркома, ВЦИК, Петроградского Совета и других рабочих и крестьянских организаций [30]. Борьба за всеобщий мир была продолжена Советским правительством и в ходе мирной конференции.

На первом же заседании глава советской делегации Иоффе огласил декларацию о принципах всеобщего демократического мира. В ней были изложены важнейшие положения Декрета о мире, исходя из которых советская делегация формулировала шесть пунктов, которые, по ее мнению, должны были быть положены в основу мирных переговоров. Эти пункты вытекали из «Конспекта программы переговоров о мире». В них были конкретизированы узловые положения демократического мира: «отказ от аннексий и контрибуций» и «полное самоопределение народов» [31]. Советская делегация заявила, что без признания этих основных принципов она не представляет себе возможности заключения всеобщего мира. По предложению представителей Четверного союза в заседаниях был объявлен перерыв.

Ответ на советскую декларацию был дан 12(25) декабря, что свидетельствовало о серьезных разногласиях в позициях Германии и ее союзников. По словам Каменева, существо разногласий советская делегация представляла следующим образом: «Если Германия не совсем еще потеряла надежду на возможность повести свой народ на новые военные авантюры, то Турция и другие государства окончательно отказались от этой мысли. Нет сомнения, что вопрос о контрибуции и аннексиях, поставленный нами круто, вызвал трения и споры между сторонами, и в этом мы видим главную причину промедления в ответе» [32].

В конце концов разногласия удалось смягчить, и на заседании 12(25) декабря министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин от имени представителей Четверного союза огласил ответную ноту: «Основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров... Делегации Четвертого союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций». Но в ноте содержалась существенная оговорка: предложения советской делегации могли быть осуществлены лишь в случае, «если бы все причастные к войне державы... в соответствующий срок обязались соблюдать общие для всех народов условия» [33]. Иными словами, Германия и

[26] Там же, с. 215.
[27] См., напр., Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 17.
[28] Известия ЦИК, 10.XII.1917.
[29] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 206—210.
[30] ДВП. Т. 1, с. 58—59.
[31] Там же, с. 59—61.
[32] Каменев Л. Б. Доклад мирной делегации.— Известия ЦИК, 20.XII.1917.
[33] Известия ЦИК, 14.XII.1917.

ее союзники ставили возможность заключения демократического мира с Россией в прямую зависимость от того, какова будет позиция стран Антанты и США.

Такой подход коренным образом отличался от точки зрения советской делегации, которая на том этапе даже не поднимала вопрос о возможности сепаратного мира. Поэтому, приняв к сведению существовавшие между сторонами различия во взглядах (в ответной ноте содержался и ряд других ограничительных поправок), советская делегация прежде всего постаралась использовать (главным образом в пропагандистских целях) тот факт, что державы Четверного союза, пусть формально, присоединились к ее формуле всеобщего мира. В тот момент для советской стороны это было самым главным, ибо укрепляло гарантии, что принципы мира, предложенные II Всероссийским съездом Советов, дойдут до сознания широких народных масс во всем мире и окажут свое революционизирующее воздействие. Учитывая это, Иоффе предложил объявить 10-дневный перерыв, чтобы «народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такого мира» [34].

Однако Германии и ее союзникам важно было не прекращать переговоры, а перевести их из области общих деклараций в русло конкретных проблем двусторонних отношений, поскольку на деле они стремились лишь к сепаратному миру с Россией. Формальное же признание ими демократических принципов, зафиксированных в декларации советской стороны, было лишь дипломатическим маневром, призванным замаскировать их истинные намерения: правящие круги этих стран не могли не учитывать популярность советской программы и не желали перед всем миром раскрывать агрессивный характер своей политики. Истинные планы Четверного союза стали ясны уже 15(28) декабря, когда председатель германской делегации фон Кюльман вручил советской стороне австро-германский проект статей мирного договора, касавшихся отношений между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией — с другой.

Прикрывая свою агрессивность фразами о демократии и самоопределении народов, австро-германские империалисты фактически требовали от России признания их права на аннексию. Важнейшее положение их проекта гласило: «Так как Русское правительство в соответствии со своими принципами уже провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Русского государства, право на самоопределение вплоть до отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстонии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выходу из Русского государства». Комментируя эту статью, немецкие делегаты заявили, что у них якобы имеются документы, свидетельствующие о желании населения указанных областей перейти под покровительство Германии, которая «установит там должный порядок» [35].

Советская делегация не сочла возможным обсуждать указанный проект и в тот же день в заседаниях конференции был объявлен перерыв, который Наркоминдел использовал, чтобы еще раз попытаться придать мирным переговорам всеобщий характер. С этой целью 17(30) декабря Троцкий направил специальное обращение к народам и правительствам стран Антанты и США. Подробно изложив суть обеих программ: советской — от 9(22) декабря и союзной — от 12(25) декабря, он обратился к соответствующим правительствам «с последним предложением принять участие в мирных переговорах». При этом он подчеркнул, что, если эти правительства будут продолжать саботировать дело всеобщего мира, то российская делегация все равно возобновит мирную конференцию. Вся вина за возможное в этой связи развитие событий, в том числе и за вероятность заключения сепаратного мира России с Германией и ее союзниками, возлагалась на империалистические круги стран Антанты и США [36]. Это обращение также осталось без ответа.

В итоге, по вине англо-французских и американских империалистов дело всеобщего мира оказалось сорванным. В этих условиях Советское правительство настойчиво добивалось перенесения места проведения конференции в нейтральную страну: оно исходило из необходимости придать переговорам, становившимся откровенно сепаратными, максимально гласный характер. 18(31) декабря Совет Народных Комиссаров по предложению Ленина принял решение перенести мирные переговоры в Стокгольм [37]. На следующий день соединенное заседание ЦИК, Петроградского Совета и общеармейского съезда по демобилизации армии [38] одобрило резолюцию, обязывавшую Совнарком принять меры, чтобы постановление о перенесении мирной конференции в нейтральную страну «было проведено в жизнь» [39]. Вслед за этим Иоффе направил делегациям Четверного союза соответствующее заявление. Однако обеспечение широчайшей гласности переговоров не входило в их планы. Они отклонили предложения советской стороны, и местом продолжения переговоров остался Брест-Литовск [40].

Но еще до выезда туда советской делегации 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) представители центральных империй направили в ее адрес телеграмму, из которой следовало, что Германия и ее союзники считают себя свободными от обязательств, вытекавших из их ноты от 12(25) декабря. Формальным основанием для этого служило истечение 10-дневного перерыва в переговорах, за время которого ни от одной из остальных воевавших держав не поступило заявление о присоединении к мирной конференции [41]. Это обстоятельство еще более осложнило обстановку, в которой предстояло работать советской делегации на втором этапе переговоров. Тактическая ее линия в общих чертах была определена на заседании Совнаркома 18(31) декабря. Судя по материалам заседания, к сожалению, крайне отрывочным, австро-германские условия мира, предъявленные 15(28) декабря, произвели на Советское правительство тяжелое впечатление.

Со всей остротой встала проблема: «Следует ли с точки зрения состояния армии постараться затянуть мирные переговоры или революционно резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый подход, подготавливающий почву для возможности революционной войны?» [42]. В то же время впервые был поднят вопрос о немедленном заключении мира на аннексионистских и экономически тяжелых для России условиях. За день до заседания Совнаркома эти вопросы были включены Лениным в анкету, предложенную им тогда же группе делегатов общеармейского съезда по демобилизации армии. Итоги анкетирования [43] были обсужде-

[34] Там же.

[35] Известия ЦИК, 21, 20.XII.1917.

[36] ДВП. Т. 1, с. 67—70.

[37] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 181, 473, прим. 78.

[38] Общеармейский съезд по демобилизации армии проходил в Петрограде с 15(28) декабря 1917 г. по 3(16) января 1918 года. В его задачу входила разработка мер быстрой и планомерной демобилизации старой армии и формирования новой, революционной.

[39] Текст резолюции был написан Троцким (см. Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, с. 240—242).

[40] Известия ЦИК, 21, 24.XII.1917.

[41] См. Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 616—617.

[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 180.

[43] Ни ответов на ленинские вопросы, ни материалов, обобщающих ответы, в архивах не обнаружено (см. там же, с. 179—180, 472, прим. 77).

ны в Совнаркоме 18(31) декабря в связи с докладом Крыленко о положении на фронте и состоянии армии.

Судить о настроении делегатов, опрошенных Лениным, и о том, к какому ответу пришли (на основании анализа поставленных в анкете вопросов) Ленин и другие члены Советского правительства, можно по резолюции, принятой Совнаркомом. Ее проект был написан Лениным и с несущественной поправкой Ф. Ф. Раскольникова принят [44]. Совнарком пришел к выводу о необходимости продолжать мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами [45]. Одновременно предписывалось вести усиленную агитацию против аннексионизма немцев, добиваться перенесения мирных переговоров в Стокгольм, принимать усиленные меры по реорганизации армии и обороне Петрограда, а также вести пропаганду и агитацию за необходимость революционной войны [46]. В резолюции нет ни слова о возможности подписания аннексионистского мирного договора [47].

Тогда же был решен вопрос и об измененном составе делегации: Иоффе, Каменев, Покровский, Биценко, Карахан, а также военные консультанты А. Самойло и В. Липский и консультанты по национальным вопросам К. Б. Радек, П. И. Стучка, С. Я. Бобинский и В. С. Мицкявичюс-Капсукас. Несколько позже в делегацию был включен нарком государственных имуществ РСФСР, один из лидеров партии левых эсеров В. А. Карелин. Учитывая особую сложность задач, стоявших перед делегацией, ее председателем был утвержден нарком по иностранным делам Троцкий. По его воспоминаниям, Ленин так определял миссию главы делегации: «Чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель». «Мы кратко обменялись в Смольном мнениями относительно общей линии переговоров,— писал Троцкий.— Вопрос о том, будем ли подписывать или нет, пока отодвинули: нельзя было знать, как пойдут переговоры, как отразятся в Европе, какая создастся обстановка» [48].

Второй этап мирной конференции начался в Брест-Литовске 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.). Первые два дня были посвящены формальному изложению определившихся к тому времени позиций обеих сторон относительно общих принципов будущего мира. Руководители делегаций Четверного союза подтвердили отказ от обязательств, которые накладывала на них нота от 12(25) декабря, но продолжали маскировать свои агрессивные намерения рассуждениями о некоем «самоопределении» оккупированных областей. Троцкий решительно отмежевался от данной позиции, дав понять, что ни в какие закулисные сделки советская делегация вступать не будет. «Мы... считаем своим долгом узнать ясно и точно: возможен ли сейчас мир с четырьмя объединенными державами без насилия над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и другими народами, которым русская революция, с своей стороны, обеспечивает полное право на самоопределение, без всяких ограничений и без всяких задних мыслей».— заявил он [49].

В речи Троцкого было выражено принципиальное стремление Советского правительства подписать действительно демократический мирный договор. «Наше правительство,— подчеркнул он,— во главе своей программы написало слово «мир», но оно в то же время обязалось перед

[44] См. Ленинский сборник XI, с. 17.

[45] В первоначальном проекте резолюции было написано: «Затягивать мирные переговоры».

[46] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 181.

[47] В этой связи странным представляется утверждение Чубарьяна, что ответы делегатов съезда на вопросы Ленина укрепили его мнение «о необходимости заключения мира» (Чубарьян А. О. Ук. соч., с. 106).

[48] Цит. по: Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М. [1924], с. 78; см. также: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин. 1930, с. 87.

[49] Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с.10–11, 619.

народом подписать только определенный, демократический мир... С нашей стороны ничего не изменилось. Мы по-прежнему хотим скорейшего мира, основанного на соглашении народов» [50].

В центре дискуссии участников конференции оказались вопросы, связанные с сущностью понятия «самоопределение наций». Обсуждение приняло характер теоретического спора — какие органы могут осуществлять самоопределение, с какого момента возникает государство как юридическое лицо, возможно ли свободное волеизъявление народа при оккупационном режиме и т. п. По предложению фон Кюльмана обе стороны в письменном виде изложили свои точки зрения, что лишний раз подтвердило их диаметральную противоположность. Несмотря на это, Троцкий настаивал на необходимости искать взаимоприемлемый вариант соглашения. Советская делегация тянула время. На компромисс между демократическим принципом самоопределения и правом на аннексию, основанным на оккупации, она идти не могла и не хотела, но дискуссия давала ей возможность всесторонне обосновать свой подход к вопросу о праве наций на самоопределение, что имело агитационно-пропагандистское значение.

5(18) января дискуссия была прервана: делегации Четверного союза в ультимативной форме предъявили советской делегации условия сепаратного мира с Россией. Основные территориальные притязания исходили от Германии. Было выдвинуто требование отделения от России не только Польши, Литвы, Курляндии, части Эстляндии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии [51]. Это были худшие условия мирного договора, чем те, которые были сформулированы в австро-германском проекте договора от 15(28) декабря.

Существенное влияние на ход мирных переговоров на втором этапе оказала позиция украинской делегации, представлявшей на конференции интересы буржуазно-националистической Центральной рады — верховного органа власти Украинской Народной Республики (УНР), территория которой к началу мирных переговоров охватывала бо́льшую часть Украины. В декабре 1917 г. Советское правительство приняло решение признать УНР, и вскоре после этого представитель Рады Н. Люблинский прибыл в Брест-Литовск. На первом этапе переговоров он участвовал в обсуждении всех вопросов, которые вставали перед советской делегацией, фактически выполняя обязанности ее консультанта [52]. На второй этап конференции из Киева в Брест-Литовск прибыла уже делегация во главе с одним из руководителей Центральной рады Голубовичем. Перед советской делегацией, естественно, встал вопрос об отношении к ней. Поскольку УНР была признана РСФСР, советские представители были вынуждены признать полномочия украинских националистов.

Советская делегация не могла без согласования с делегацией УНР решать вопросы, имеющие непосредственное отношение к судьбе Украины. Кроме того, советские представители еще питали надежды, исходя из опыта первого этапа переговоров, на возможность сотрудничества с делегатами УНР. На первых порах, казалось, эти надежды имели под собой реальную почву: судя по сообщению Карахана и официальным заявлениям Троцкого, в начале второго этапа конференции украинская делегация весьма лояльно отнеслась к предложению представителей РСФСР не вести с немцами и австрийцами никаких тайных переговоров [53].

Именно этими обстоятельствами, а отнюдь не «предательскими намерениями» [54], руководствовался Троцкий, следующим образом выразив-

[50] Там же, с. 9.

[51] Известия ЦИК, 11. 12.I.1918.

[52] Там же, 19.XII.1917.

[53] Там же, 2.I.1918; Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 72, 57.

[54] О том, что признание полномочий делегации УНР являлось «предательством» со стороны Троцкого, см., напр., Чубарьян А. О. Ук. соч., с. 128; Никольни-

ший 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) отношение советской делегации к решению представителей УНР принять участие в переговорах: «Заслушав оглашенную украинской делегацией ноту Генерального секретариата (правительства.— *А. П.*) Украинской Народной Республики, российская делегация в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение вплоть до полного отделения заявляет, что, с своей стороны, не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах» [55]. Вместе с тем он специально подчеркнул незавершенность процесса самоопределения Украины, тем самым дав ясно понять, что признает полномочия делегации УНР временно — до завершения указанного процесса, иными словами,— до окончательной победы на территории Украины Советской власти [56].

Вскоре выяснилось, что лояльность, с которой делегация УНР первое время относилась к представителям Советской России, была маневром. Украинские националисты стремились заключить сепаратное соглашение с австро-германским империализмом, чтобы подавить советское движение на Украине. В этих условиях ни о каком «сотрудничестве» с Радой и речи быть не могло, и 2(15) января Троцкий направил украинской делегации официальный протест, в котором, в частности, говорилось: «Так как дело идет о жизненных интересах трудящихся масс России и Украины, то мы не только публично снимаем с себя всякую ответственность за Ваши переговоры, но и непосредственно обращаемся к Украинскому Центральному Исполнительному Комитету в Харькове с приглашением принять меры к тому, чтобы интересы Украинской Народной Республики были достаточно ограждены от беспринципной и предательской закулисной игры делегации Генерального Секретариата» [57].

5(18) января по предложению Троцкого в переговорах был объявлен перерыв. Формальным поводом для него явился предъявленный в тот же день делегациями Четверного союза ультиматум. Фактически же просьба назначить перерыв и выехать в Петроград была получена Троцким от Ленина и Сталина еще 3(16) января и была реакцией на письмо Троцкого Ленину, отправленное накануне из Брест-Литовска [58]. В нем Троцкий впервые формулировал свою концепцию выхода из переговоров, грозивших обернуться немецким ультиматумом [59].

Чтобы понять его точку зрения надо иметь в виду следующее: отношение Троцкого к конференции в Брест-Литовске как к благоприятной возможности для революционизации международного рабочего движения ничем не отличалось от ленинского. Так же как Ленин, он считал необходимым, максимально затягивая переговоры, использовать их для того, чтобы дать европейскому и мировому пролетариату время воспринять самый факт Октябрьской революции и, в частности, ее политику всеобщего демократического мира. «Тактика Троцкого, поскольку она шла па затягивание, была верна»,— указывал Ленин [60].

В то же время, по мере того как в ходе переговоров одна за другой отпадали надежды на подписание мирного договора на принципах, про-

---

к о в Г. Л. Брестский мир и Украина, с. 46. В указанных работах, к сожалению, не ставился вопрос, почему «предательское поведение» Троцкого не вызвало возражений ни со стороны членов советской делегации, ни со стороны ЦК РСДРП(б) и ВЦИК.

[55] Т р о ц к и й Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 69—70.

[56] Там же, с. 71—72.

[57] Там же, с. 72. 8(21) января в Брест-Литовск прибыла делегация Советской Украины в составе председатели Всеукраинского ЦИК Е. Г. Медведева и народного секретаря по военным делам В. М. Шахрая. Однако делегации Четверного союза продолжали признавать УНР.

[58] См. Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 225.

[59] Текст письма не сохранился, но об изложенной в нем концепции можно судить по более поздним выступлениям Троцкого (Т р о ц к и й Л. Д. О Ленине, с. 81; е г о ж е. Мои жизнь, с. 108—109; е г о ж е. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 631, 662).

[60] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 30.

возглашенных Декретом о мире (сначала исчезла надежда на заключение всеобщего, а затем и демократического мира), с особой остротой встал вопрос, как выйти из кризисной ситуации. Анализируя обстановку, в том числе и во время поездок через линию фронта, Троцкий в конце концов пришел к убеждению в неспособности Советской России, в случае разрыва переговоров, вести военные действия против немцев, даже под лозунгом «революционной войны». «Когда я в первый раз проезжал через линию фронта на пути в Брест-Литовск,— вспоминал Троцкий,— наши единомышленники в окопах не могли уже подготовить сколько-нибудь значительной манифестации протеста против чудовищных требований Германии: окопы были почти пусты... Мир, мир во что бы то ни стало!.. Невозможность продолжения войны была очевидна» [61].

Осознавая данное обстоятельство, Троцкий все же полагал недопустимым оформление аннексионистского договора с Германией и ее союзниками на основании ультиматума с их стороны. Он был убежден: надо предоставить рабочим Европы бесспорное доказательство, что мы лишь под штыками на время отказываемся от принципов демократического мира; в противном случае империалисты могут изобразить переговоры как «комедию с искусно распределенными ролями» и тем самым ослабить влияние Октября на рабочие массы. Именно данные представления привели его к формуле: «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем».

Действительно, если бы Германия не смогла наступать (а на это многие руководители партии по-прежнему рассчитывали), такая позиция была бы для большевиков, особенно в интернационалистском плане, наиболее приемлемой. Правда, ее реализация сопровождалась большим риском — ведь, возобновив наступление, немцы впоследствии обязательно предъявили бы Советской России (если бы предъявили вообще) гораздо худшие условия мирного договора: Россия должна была бы отдать им (и в итоге отдала) бо́льшую территорию, чем та, которую они требовали в отклоненном советской делегацией ультиматуме от 5(18) января 1918 года. Именно на этом основании советская историография объявляла концепцию Троцкого «предательской». Однако из всего вышеизложенного видно: ничего предательского в ней не было. Для большинства российских коммунистов чисто территориальные уступки Германии и значили не так много: все ожидали мировую революцию, которая должна была окончательно разрешить территориальные вопросы. В этом был смысл затягивания переговоров, иначе следовало подписать мир еще в декабре, когда его условия были наименее тяжелыми.

Однако это не означает, что концепция Троцкого абсолютно неуязвима для критики. Во-первых, в случае быстрого продвижения противника российская армия могла лишиться всей артиллерии и значительной части военного имущества. Даже подписав в этих условиях мирный договор, Советская Россия вышла бы из войны более ослабленной. Во-вторых, нельзя было полностью игнорировать опасность того, что немцы, развивая наступление, могут не пойти на переговоры о мире с Советами. Опасность эта, впрочем, представлялась многим руководителям партии достаточно эфемерной. «Отказываясь от войны и демобилизуя армию, мы лишаем германцев возможности наступать, так как Гинденбург не сможет заставить немецких солдат идти в наступление против пустых окопов,— подчеркивал Секретариат ЦК РСДРП(б) в письме одному из местных партийных комитетов.— Такая позиция тоже даст выгоду во времени, а если будет необходимость, то для нас никогда не поздно будет заключить явно аннексионистский мир» [62].

---

[61] Т р о ц к и й Л. Д. Моя жизнь, с. 107.

[62] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). Сб. док. М. 1957, с. 191.

При всех недостатках концепции Троцкого нельзя не отметить, что в ней были и существенные достоинства. В частности, она не давала оснований для обвинения большевиков в измене принципам всеобщего демократического мира; лишала державы Антанты формального повода для интервенции против «нарушившей союзнический долг России»; значительно сглаживала весьма серьезные разногласия, которые стали явными как в РСДРП(б), так и в партии левых эсеров уже вскоре после оглашения 15(28) декабря австро-германских условий мирного договора. В конце декабря 1917 г.— начале января 1918 г. в обеих правящих партиях оформилась группировка откровенных противников продолжения переговоров с делегациями Четверного союза. 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) на пленуме Московского областного бюро РСДРП(б) «левые» провели резолюцию, в которой признавалось необходимым «прекращение мирных переговоров с империалистической Германией, а также и разрыв всяких дипломатических сношений со всеми дипломированными разбойниками всех стран»... и провозглашались «немедленное создание добровольческой революционной армии и беспощадная война с буржуазией всего мира за идеи международного социализма» [63].

По мере того как переговоры в Брест-Литовске подходили к критической черте, противников продолжения переговоров становилось все больше. В создавшейся обстановке простое принятие немецкого ультиматума могло серьезно обострить ситуацию в российском революционном движении. «Если Центральный Комитет решит подписать немецкие условия только под влиянием словесного ультиматума,— говорил Троцкий Ленину,—...мы рискуем вызвать в партии раскол. Нашей партии обнаружение действительного положения вещей нужно не меньше, чем рабочим Европы» [64]. Последующие события показали, что в этих словах было немало здравого смысла. Ко времени январского ультиматума держав Четверного союза «левая» оппозиция пользовалась в РСДРП(б) мощным влиянием. В феврале ее положение укрепилось. Признанным лидером и наиболее крупным теоретиком «левых» был Бухарин.

Идею немедленного разрыва переговоров в Брест-Литовске и непосредственного перехода к «революционной войне» против международного империализма «левые коммунисты» обосновывали рядом аргументов как общепринципиального, так и конкретно-исторического порядка. И если первые из них были следствием беспраничного революционного романтизма, то в основе вторых, говоря словами Бухарина, лежали соображения «самого строгого и холодного расчета» [65]. В историографии уже обращалось внимание на это [66], но для большинства советских историков «левые коммунисты» все еще остаются безрассудными авантюристами и романтиками. Правда, теперь, с учетом реабилитации Бухарина, в литературе, как правило, подчеркивается честность и прямота, с которыми «левые» отстаивали свои принципы. В данном случае исследователи идут строго за Лениным — главным оппонентом Бухарина и его единомышленников, подвергавшим критике в основном их ультрареволюционную фразеологию.

Во второй период мирных переговоров Ленин постепенно пришел к осознанию реальной ситуации на советско-германском фронте и опасности любых рискованных экспериментов в отношениях с Германией. Именно поэтому даже план Троцкого, ничего общего не имеющий с предложениями «левых коммунистов», но довольно рискованный, Ленин сразу же после ознакомления с ним, то есть уже 3(16) января, нашел «дискутабельным», предложив Троцкому отложить его окончательное

[63] Социал-демократ. Москва, 12.I.1918.
[64] Троцкий Л. Д. О Ленине, с. 82.
[65] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). Март 1918 года. Стеногр. отч. М. 1962, с. 32.
[66] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М. 1988. с. 95—98.

проведение в жизнь до принятия решения в Петрограде [67]. Ленин впервые всерьез задумался над возможностью сепаратного аннексионистского мира с Германией и ее союзниками вскоре после ознакомления с австро-германскими условиями мирного договора от 15(28) декабря. В конце декабря (начале января) в одном из своих черновых набросков он поставил этот вопрос наряду с теми, которые требовали непосредственного решения [68]. Ко времени возвращения Троцкого в Петроград (а он, видимо, приехал 7(20) января) у Ленина уже существовало твердое убеждение в необходимости немедленного заключения сепаратного мира.

Свои мысли по этому поводу Ленин изложил в виде тезисов, которые огласил на специальном совещании членов ЦК с рядом партийных работников, состоявшемся 8(21) января. Неизбежность незамедлительного подписания аннексионистского договора была обоснована двумя важнейшими причинами — разложением российской армии и непредсказуемостью сроков германской революции. В данных условиях, считал Ленин, вести революционную войну решительно невозможно, «ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство» [69]. Стремясь к передышке на германском фронте, чтобы «иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой массовой организационной работы», Ленин предложил отказаться от тактики искусственного затягивания переговоров [70]. В послесловии к тезисам он объяснил свою новую тактическую позицию изменением объективных условий, складыванием иной, чем прежде, общественно-экономической и политической ситуации, в которой оказалась Советская Россия [71].

На совещании в ЦК присутствовали 63 человека. После обсуждения ленинских тезисов [72] состоялось голосование, которое показало, что большинство присутствующих не приняло точку зрения Ленина. За нее голосовали только 15 участников совещания, 32 выступили за немедленную революционную войну, 16 присоединились к позиции Троцкого [73]. После этого обсуждение вопроса о мире было перенесено в ЦК, где Ленину также не удалось добиться преимущества. 11(24) января на заседании Центрального Комитета большинство голосов (9 против 7) получила формула Троцкого. Она была поддержана, в частности, «левыми» членами ЦК, рассчитывавшими, что ее реализация в итоге приведет к революционной войне.

В отличие от Троцкого и его сторонников «левые» в тот момент, по-видимому, довольно пессимистически оценивали вероятность возобновления Германией мирных переговоров с Советской Россией в случае перехода вермахта в наступление. Почувствовав их настроение, Ленин еще до окончательного голосования внес частичные коррективы в свою позицию: не настаивая более на немедленном заключении мира, он предложил всячески затягивать мирную конференцию. Это предложение было принято 12 голосами против одного [74]. Только Зиновьев продолжал настаивать на немедленном подписании аннексионистского договора, под-

[67] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 225.
[68] См. там же, с. 188—189.
[69] Там же, с. 250.
[70] Там же, с. 244.
[71] См. там же, с. 253—254.
[72] Протокол совещания не сохранился. Существуют лишь конспективные записи выступлений противников немедленного мира, которые вел Ленин (см. Ленинский сборник XI, с. 41—44).
[73] См. Ленин В. И. Полн. собр соч. Т. 35. с. 255.
[74] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М. 1958, с. 173.

черкивая, что оттягиванием Советское правительство лишь ухудшит условия мира [75].

На следующий день точка зрения Троцкого была одобрена большинством голосов объединенного заседания центральных комитетов большевиков и левых эсеров, постановившего предложить эту позицию на рассмотрение III Всероссийского съезда Советов [76]. Сторонники подписания мира вновь оказались в меньшинстве: в то время в ЦК большевистской партии за мир, кроме Ленина и Зиновьева, выступали только Артем (Сергеев), Свердлов, Смилга, Сокольников, Сталин и Стасова. Несколько позже к ним присоединился Муранов [77]. В ЦК партии левых эсеров идею мира пропагандировали Спиридонова, Калегаев, Трутовский, Малкин и Биценко [78]. Как отмечал впоследствии Троцкий, это решение обоих центральных комитетов правящих партий, по установившейся тогда практике, получило силу постановления Совнаркома [79].

14(27) января написанная Троцким резолюция по вопросу о мире была принята III Всероссийским съездом Советов. Его делегаты одобрили все заявления и практические усилия Советского правительства, направленные на достижение всеобщего демократического мира, поручив делегации в Брест-Литовске «отстаивать принципы мира на основах программы Русской революции» [80]. Конкретных указаний делегации III съезд Советов не дал, оставив в силе решение обоих ЦК и предоставив Совнаркому свободу действий по его реализации.

Несмотря на это, часть руководителей «левых коммунистов» усмотрела в резолюции съезда, поскольку в ней отсутствовало прямое указание на недопустимость подписания мирного договора, противоречие постановлению ЦК и 15(28) января направила в ЦК партии заявление, потребовав для окончательного разрешения вопроса о мире созыва в течение недели партийной конференции [81]. Это требование было Центральным Комитетом отклонено. Против него выступили даже некоторые «левые» члены ЦК, в том числе Урицкий, специально подчеркнувший: «На съезде Советов прошла точка зрения Троцкого, т. е. та же, что принята ЦК» [82]. По предложению Ленина ЦК 19 января (1 февраля) постановил вместо конференции созвать 20 февраля (т. е. 5 марта) [83] съезд партии [84].

Троцкий не присутствовал на заседании ЦК 19 января (1 февраля), так как сразу после принятия III съездом Советов резолюции по вопросу о мире выехал в Брест-Литовск, где 17(30) января были возобновлены мирные переговоры. На третьем, завершающем их этапе, бесплодность дальнейших дискуссий была очевидна для обеих сторон, но закрывать

---

[75] Зиновьев Г. Год революции (февраль 1917 г. – март 1918 г.). Л. 1925, с. 751; Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 66.

[76] Социал-демократ, 14.I.1918.

[77] На заседании ЦК РСДРП(б) 11(24) января Сокольников присутствовал с правом совещательного голоса. Сталин и Стасова впоследствии на заседании ЦК допускали некоторые колебания в вопросе о мире (см. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 167–173, 178, 204, 212, 190–191; Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 53.

[78] См. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 384; Троцкий Л. Д. О Ленине, с. 87; Владимирова В. Левые эсеры в 1917–1918 гг.– Пролетарская революция, 1927, № 4 (63), с. 110. Судя по воспоминаниям Л. Ступоченко, являвшейся в то время депутатом Петроградского Совета, в ЦК партии левых эсеров идею мира, по-видимому, поддерживал и Камков (см. Ступоченко Л. В «Брестские» дни (Воспоминания очевидца). – Пролетарская революция, 1923, № 4 (16), с. 105).

[79] Троцкий Л. Д. Моя жизнь, с. 112.

[80] ДВП. Т. 1, с. 91.

[81] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 181.

[82] Там же, с. 176.

[83] С 1(14) февраля 1918 г. на территории Советской России был введен григорианский календарь.

[84] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 175, 179; Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. XI,

конференцию не спешили ни советские представители, ни делегаты держав Четверного союза. Это было связано с подготовкой сепаратного соглашения Германии и ее союзников с УНР, по которому Украина фактически оккупировалась австро-германскими войсками. 27 января (9 февраля) была достигнута соответствующая договоренность, и делегации Четверного союза сразу же в ультимативной форме потребовали от делегации РСФСР дать ответ на свои условия мирного договора.

28 января (10 февраля) на вечернем заседении конференции Троцкий от имени Советского правительства огласил декларацию, в которой содержался отказ от подписания аннексионистского договора и в то же время состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией объявлялось прекращенным. Отмечалось также, что российским войскам будет отдан приказ о полной демобилизации по всему фронту. Кроме Троцкого указанный документ подписали Карелин, Иоффе, Покровский, Биценко и Медведев [85]. Подпись последнего означала, что Украинская Советская Республика не только полностью разделяет политику Советской России, но и не признает сепаратного соглашения, заключенного с союзными державами Радой.

В оглашенной Троцким декларации советская историография до сих пор видит еще один акт «предательства» с его стороны. При этом исследователи ссылаются на то, что Троцкий якобы нарушил директивы партии и правительства. В действительности же, отвергая немецкий ультиматум, Троцкий действовал в соответствии с решением ЦК обеих правящих партий, а также в духе резолюции III Всероссийского съезда Советов. Между ним и Лениным существовала личная договоренность «держаться» до ультиматума немцев, а после ультиматума – сдать позиции [86]. Но нельзя не признать, что такая договоренность шла вразрез с постановлением ЦК. Письменной директивы Ленина подписать мир Троцкий не имел. В ответ на свой запрос по поводу ультиматума он получил лишь телеграмму (за подписями Ленина и Сталина), в которой говорилось: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время» [87].

Что означала данная телеграмма: приказ председателя Совнаркома подписать договор или подтверждение решения ЦК? Скорее всего последнее, тем более, что под телеграммой стояла подпись не только Ленина, но и Сталина. То, что Троцкий действовал в соответствии с решением ЦК, подтверждается и выступлениями ряда делегатов VII съезда РКП(б). Кроме Троцкого об этом говорили Крестинский, Радек, Зиновьев, Ломов. Зиновьев, например, заявил: «Тов. Троцкий по-своему прав, когда сказал, что действовал по постановлению правомочного большинства ЦК. Никто [этого] не оспаривал». Не менее красноречива была реплика Ломова: «Тов. Троцкий вел эту линию... Эта линия была линией Центрального Комитета» [88].

Известие о разрыве переговоров, судя по имеющимся документам и материалам, было воспринято в большевистской партии и в стране в целом весьма позитивно. Оптимизма прибавляло, в частности, то, что советская делегация вернулась из Брест-Литовска с почти полной уверенностью в невозможности германского наступления [89]. Даже такие сторонники мира, как Зиновьев и Свердлов, в этих условиях испытали серьезные колебания. Выступая 29 января (11 февраля) на заседании Петроградского Совета, созванном, чтобы дать оценку поведению делегации, Зи овьев заявил: «Нет сомнения, что выход из создавшегося поло-

---

[85] Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 104, 106.

[86] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 30.

[87] Там же. Т. 35, с. 332.

[88] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 128, 134–135, 137.

[89] Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 1, с. 115; его же. Моя жизнь, с. 115; его же. От Октябрьской революции до Брестского мира, с. 150–153.

жения, найденный нашей делегацией в Бресте, был единственно правильный». По предложению Зиновьева Петроградский Совет принял написанную им же резолюцию, в которой одобрялось «заявление, сделанное русской мирной делегацией в Бресте 28 января 1918 г.» [90].

14 февраля декларация Троцкого получила официальную поддержку и на заседании Центрального Исполнительного Комитета. От имени его Президиума соответствующую резолюцию внес Свердлов. В ней, в частности, говорилось: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте... ЦИК глубоко убежден в том, что рабочие-социалисты всех стран вместе с трудящимся классом России признают полную правильность той политики, которую в течение всего времени переговоров вела в Бресте делегация российской социалистической революции» [91]. В те дни определенную надежду на то, что «демократический» выход из войны удался, по-видимому, разделял и Ленин [92]. По крайней мере Троцкий в своих воспоминаниях неоднократно настаивал на этом.

Затишье на фронте продолжалось недолго. 16 февраля германское командование заявило о прекращении перемирия и возобновлении с 12 часов дня 18 февраля военных действий [93]. Вскоре после получения известия об этом, 17 февраля вечером, состоялось заседание ЦК РСДРП(б). На голосование было поставлено несколько предложений, главное — немедленное обращение к Германии с целью возобновления переговоров для подписания мира. 6 голосами против 5 оно было отклонено. Против него голосовал и Троцкий, ибо, с его точки зрения, для всех, кто следил за развитием событий, германское заявление могло означать не более, чем дипломатический маневр. Но когда на голосование был поставлен вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?». Троцкий вместе с Лениным ответил на него положительно. 6 голосами против одного при 4 воздержавшихся указанный вопрос был решен позитивно. За революционную войну не высказался никто [94].

Факт немецкого наступления стал очевиден к вечеру 18 февраля: немцы ускоренным маршем продвигались к Двинску. В создавшейся ситуации Троцкий присоединился к сторонникам Ленина и вместе с ними в тот же вечер на заседании ЦК проголосовал за немедленное обращение к германскому правительству с предложением незамедлительного заключения мира [65]. 7 голосами против 5 решение было принято. На следующее утро соответствующее постановление вынес Совнарком, тогда же германскому верховному командованию была направлена (за подписями Ленина и Троцкого) радиограмма [96].

Немцы, однако, начали тянуть время. Между тем их наступление развивалось: 19 февраля они заняли Двинск и Полоцк и двинулись в направлении Петрограда. 20 февраля они сообщили, что радиограмма Советского правительства не может рассматриваться как официальный документ, и запросили ее письменное подтверждение [97]. Требуемый документ был незамедлительно послан со специальным дипломатическим курьером, который 23 февраля вернулся в Петроград с новыми германскими условиями мира, составленными в крайне ультимативной форме [96]. Их требовалось принять до 7 час. утра 24 февраля, после чего представителям Советской России предлагалось немедленно выехать в

[60] Зиновьев Г. Год революции, с. 459, 460.
[91] Известия ЦИК, 15(2). II. 1918.
[92] Троцкий Л. Д. О Ленине. с. 87; его же. Моя жизнь, с. 115.
[93] ДВП. Т. 1, с. 105.
[94] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 194–195.
[65] Там же, с. 204.
[96] ДВП. Т. 1, с. 106.
[97] См. Лениский сборник XI, с. 26.
[98] ДВП. Т. 1, с. 714; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 287.

Брест-Литовск и в течение трех дней подписать мирный договор, который затем следовало ратифицировать в течение двух недель.

Новый германский ультиматум содержал еще более обширные территориальные притязания: отторжение от России не только Польши, Литвы, Курляндии и части Белоруссии, но и всей Эстляндии и Лифляндии. Россия должна была вывести свои войска с территории Украины и Финляндии и заключить мир с правительством антисоветской Центральной Рады. Чрезвычайно тяжелыми были экономические и военно-политические условия договора [99].

23 февраля было созвано заседание ЦК РСДРП(б). После выступления Свердлова, огласившего германские условия мира, и Троцкого, разъяснившего некоторые технические детали, связанные со сроками принятия окончательного решения, слово взял Ленин, призвавший собравшихся принять изложенные условия. Его поддержали Зиновьев, Свердлов, Сокольников и — с некоторыми колебаниями — Сталин. С решительными возражениями выступили Бухарин, Урицкий и Ломов. Определенные сомнения в убедительности доводов Ленина высказали Троцкий и Дзержинский, которые наряду с Крестинским и Иоффе в решающий момент голосования против ленинского предложения не выступали. В результате предложение Ленина было принято 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся [100]. Троцкий, оставаясь верным своей концепции, еще 22 февраля сделал официальное заявление об уходе с поста наркома по иностранным делам. Это был правильный шаг. Для Германии и ее союзников такое решение означало радикальный поворот во внешней политике Советского государства, что должно было усилить их доверие к готовности большевиков подписать мирный договор.

Затем состоялось объединенное заседание центральных комитетов РСДРП(б) и партии левых эсеров, а также совместное заседание фракций ЦИК [101]; оба закончились безрезультатно. 24 февраля в 3 часа утра собрался ЦИК. С кратким докладом выступил Ленин. Он сказал: «Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо» [102]. Ленин призвал собравшихся принять германские условия мира [103]. Его поддержал представитель большевистской фракции ЦИК Зиновьев. Меньшевики-интернационалисты, правые и левые эсеры, максималисты и анархисты высказались против. Исход дела решило проведенное в конце заседания поименное голосование: 116 голосами против 85 при 26 воздержавшихся была одобрена резолюция большевистской фракции о принятии германских условий мира [104].

В то же утро соответствующее постановление было вынесено Совнаркомом [105], о чем незамедлительно было сообщено германскому правительству. В ставку германского верховного командования был направлен специальный дипломатический курьер, вручивший представителям вермахта официальный ответ Советского правительства [106]. В ночь с 24

[99] ДВП. Т. 1, с. 112–113.
[106] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 211–215.
[101] Там же, с. 218; Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. Бэнсон. 1985, с. 20; Ступоченко Л. Ук. соч., с. 102–106; Врачев И. Ночь в Таврическом дворце.– Знамя, 1988, № 11, с. 186–189.
[102] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 378.
[103] См. там же, с. 376.
[104] Известия ВЦИК, 3.III.1918; Врачев И. Ук. соч., с. 191–192; Ступоченко Л. Ук. соч., с. 109–111.
[105] См. Леинн В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 381, 491, прим. 149.
[100] См. Ленинский сборник XI, с. 28.

на 25 февраля в Брест-Литовск для подписания мирного договора выехала советская делегация в составе Г. Я. Сокольникова, Л. М. Карахана, Г. В. Чичерина и Г. И. Петровского. Туда были направлены также политический консультант делегации Иоффе и военные консультанты Альфатер, Липский, Данилов и Андогский.

1 марта советской делегации был вручен окончательный текст условий мирного договора, еще более тяжелых, чем содержавшиеся в ультиматуме от 22 февраля: в него было добавлено требование об отторжении Турцией от России округов Ардагана, Карса и Батума [107]. 3 марта мирный договор был подписан. Только после этого германское верховное командование отдало приказ о прекращении военных действий в России.

Но договор предстояло еще ратифицировать. Важнейшими вехами на этом пути стали VII съезд РКП(б) и IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. VII съезд проходил в Петрограде с 6 по 8 марта 1918 года. Первым в повестке дня стоял вопрос о войне и мире. С докладом выступил Ленин, с содокладом — Бухарин. В сжатом виде они изложили взгляды двух направлений в партии: сторонников ратификации договора и «левых коммунистов», настаивавших на его аннулировании [108]. После жаркой дискуссии состоялось голосование внесенных на съезд резолюций — ленинской и предложенной группой противников ратификации. 28 голосами «за» при 9 «против» и одном воздержавшемся за основу был принят ленинский проект. После краткого обсуждения было проведено поименное голосование. Ленинская резолюция была одобрена съездом. «За» проголосовало 30 человек, «против» 2, 4 воздержались [109].

15 марта IV Чрезвычайный съезд Советов, по предложению большевистской фракции съезда, поименным голосованием ратифицировал мирный договор [110]. Завершился один из сложных и противоречивых периодов в истории молодого Советского государства.

Через несколько месяцев после ратификации Брестского договора, в ноябре 1918 г., в Германии произошла революция. Она была, однако, не социалистической, как ожидали большевики, а буржуазной. Но ее победа, означавшая крушение Германской империи, дала возможность ВЦИК принять 13 ноября постановление об аннулировании насильственного договора с Германией и ее союзниками [111].

* * *

Каково же значение Брестского мира в истории нашей страны? Выяснить это можно лишь попытавшись реконструировать систему нравственных и мировоззренческих координат, в которой жили большевики и представители других революционных партий. Надо понять, что среди их ценностных ориентиров Советская власть в России составляла лишь часть огромного целого — мировой социалистической революции, победа которой казалась близкой. Для них не существовало понятия победы социализма в одной стране. Они его попросту отвергали, ибо были прежде всего интернационалистами. В этой системе координат жил и Ленин. «Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии,— говорил он на VII съезде РКП(б),— то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов,.. международная социалистическая революция придет» [112].

[107] ДВП. Т. 1, с. 121.
[108] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 7–40.
[109] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 35–36; Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 197–199, 121, 127.
[110] Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М. 1920, с. 64.
[111] ДВП. Т. 1, с. 565–567.
[112] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 11.

Исходя из этой установки, партия определяла направления внутренней и внешней политики Советской России. В ожидании мировой революции большевики и Ленин пытались первое время, невзирая на полный развал армии и экономическую разруху, с одной стороны, и мощь германского вермахта — с другой, уклониться от признания факта, что Россия войну с Германией проиграла. Война империалистическая должна была, с их точки зрения, в самое ближайшее время перерасти в гражданскую в мировом масштабе, и победу в этой войне должен был одержать мировой социализм. Поэтому они старались на первых порах активно использовать мирные переговоры с противником не для подписания соответствующего договора, а для достижения совершенно иной цели: воздействовать на международное рабочее движение ради подталкивания мировой революции. Иначе они и не могли в то время поступить.

Реальное развитие обстановки в мире не соответствовало теоретической схеме революционного романтизма. Представления большевиков о неизбежности мировой революции столкнулись с жестокой реальностью — мощью австро-германского империализма, грозившего раздавить Советскую власть. Результатом этого столкновения и стал Брестский мир. Таким образом, он явился не победой, а первым тяжелым поражением курса на подготовку мировой революции, которая одна могла обеспечить победу социализма в отсталой России. «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе,— отмечал Ленин,— то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной» [113]. Несмотря на это поражение, общий стратегический курс большевиков и после заключения Брестского мира оставался практически неизменным.

Брестский мир, следовательно, был серьезным маневром Ленина и его сторонников в области тактики, кратковременным отступлением на извилистом пути борьбы за победу мировой революции. Последняя должна была обеспечить победу социализма в России, но до этой победы надо было дожить. Нужно было спасать Советскую власть, и именно Брестский мир дал рабоче-крестьянскому правительству пусть непрочную и кратковременную, но передышку. Это позволило большевикам высвободить силы для организации сопротивления силам внутренней и внешней контрреволюции.

Потребовались, однако, многие десятилетия, чтобы наша партия окончательно отошла от концепции мировой революции, осознав: мир взаимосвязан и взаимозависим, его развитие происходит только естественно-историческим путем, и в этом заключается его объективная реальность. Брестский мир был первым шагом на пути к постижению этой истины.

[113] Там же.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания моего отца, бывшего Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева стали реальностью, когда он уже находился на пенсии. Не считаю себя вправе давать им оценку; это — прерогатива специалистов, изучающих тот трагический и сложный период истории.

Мемуары рождались не просто. В силу сложившихся обстоятельств отец не мог работать с источниками, сидеть в библиотеке. Весь текст диктовался им по памяти, и он провел один на один с магнитофоном много часов. Диктовка началась в 1967 г. и прервалась незавершенной в 1971 году. Надиктованный текст представляет собой первые черновые наброски. За ними должны были последовать еще две-три редакции; так привык работать Хрущев над своими выступлениями, так он собирался поступить и на этот раз.

Распечатанный с магнитофонной ленты исходный текст я приводил в удобочитаемый вид, прилагая все усилия, чтобы не исказить ни смысла, ни стиля. Так легли на бумагу первые десятки страниц, потом сотни, потом число их перевалило за тысячу... Отец успел прочитать только первые несколько сот страниц. После его смерти редактирование последующего текста стало во сто крат сложнее и ответственнее; теперь текст нельзя было изменять даже в мелочах. В этом духе работа идет и поныне.

Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Л. Н. Финогеновой, вложившей свой талант первоклассной машинистки и мужество гражданина в общее дело. Без ее самоотверженной работы в, мягко говоря, далеко не комфортных условиях раздумья Н. С. Хрущева могли бы и не дойти до нас.

Скажу немного о вариантах мемуаров. Публикуемый текст — единственный, который можно считать соответствующим оригиналу. В нем сохранено все, независимо от того, кажутся ли факты или их трактовка интересной публикатору и редакции. Сохраняли мы и вариантные диктовки, относящиеся к событиям, особенно волновавшим автора. В тексте присутствуют повторы, убирать которые я как публикатор не счел возможным. Они несколько затрудняют чтение, но позволяют лучше, глубже вникнуть в проблемы, наиболее занимавшие автора во время его работы над воспоминаниями.

В настоящее время воспоминания Н. С. Хрущева изданы за рубежом на 16 языках. Все они являются переводом с изданий Литл Браун «Хрущев вспоминает» (Бостон. 1971); «Хрущев вспоминает. Последнее завещание» (Бостон. 1974) и соответствуют действительности, но во многих местах текст там существенно сокращен; к тому же некоторые огрехи возникли при компоновке книги, рассчитанной на массового читателя. Поэтому за исходный текст следует принимать данную публикацию как наиболее полную.

Не могу не выразить своего удовлетворения выходом в свет этих записок. Много лет я посвятил работе над ними, как бы сроднился с ними, и мне было очень больно при все чаще возникавших мыслях о том, что, возможно, мне их не суждено будет увидеть напечатанными. Долгие годы это казалось вполне реальным. Теперь я подготовил эти материалы к публикации.

С. Н. Хрущев

Пролог

Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают (и не только спрашивают, но и рекомендуют) записать свои воспоминания, потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время: революция, гражданская война и все, что связано с переходом от капитализма к социализму, развитием и укреплением социализма. Это целая эпоха. Мне выпало на долю принимать активное участие в политической борьбе с первых дней моего вступления в партию. Я все время занимал какие-то выборные должности. Войны, гражданская и Отечественная, внутренние события широко освещены в печати. Но есть и «белые пятна», которые многим непонятны. Да и мне они были долгое время непонятными. После смерти Сталина, когда мы получили возможность приобщиться к тем архивным материалам, которые нам были неизвестны, многое предстало в ином свете. Раньше было только слепое доверие, которое мы питали к Сталину, и поэтому все, что делалось под его руководством, освещалось как необходимое и единственно правильное. Когда же мы сами начали несколько критически мыслить, то стали проверять факты, насколько это возможно, по архивным данным.

Я понимаю заботу моих товарищей, настоятельно рекомендовавших мне взяться за перо. Пройдет время, и буквально каждое слово людей, живших в наше время, станет «на вес золота». Тем более тех людей, кому выпала доля близко стоять у руля, который направлял весь огромный корабль на перестройку общественно-политической жизни нашей страны и тем самым оказывал огромное влияние на мировое развитие. Однако я должен буду работать, не пользуясь фактически архивным материалом. Это слишком сложно, да и в моем положении сейчас, вероятно, невозможно.

Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить. Я буду указывать источники, к которым надо прибегнуть, чтобы более детально узнать, проверить и понять факты. По вопросам, которые я считаю особенно интересными для будущего поколения, все факты были проверены и записаны протокольно. С ними можно будет детально ознакомиться. Сейчас эти архивные материалы недоступны, но они станут достоянием всех. Да и сейчас я считаю, что большинство материалов не являются закрытыми.

Я хотел бы высказать свое мнение по ряду вопросов, зная по опыту, как будущее наше поколение будет охотиться за каждым словом об этом важнейшем и ответственнейшем периоде, в котором мы жили, творили и создали мощное государство. Это делалось нашими усилиями, усилиями народа, партии и руководителей того времени, которые были организаторами масс. Мне повезло: я тоже был в их числе, в разное время и на разных этапах, от самого маленького звена нашей партии — первичной партийной организации и вплоть до высшего руководящего органа — ЦК партии, его Политбюро и Президиума, постов Председателя Совета Министров и Первого секретаря Центрального Комитета. Мне приходилось присутствовать при решении многих вопросов, быть участником

ХРУЩЕВ Сергей Никитич — доктор технических наук.

претворения в жизнь принятых решений, участником событий этого ответственного периода. Считаю поэтому своим долгом высказать свое мнение.

Заранее знаю, что нет такого мнения, которое бы всех удовлетворяло, да я и не преследую этой цели. Но хотел бы, чтобы среди тех мнений, которые будут в той или иной форме записаны и останутся как наследство для будущих поколений, и мое мнение было известно. Такие мнения были по отдельным вопросам и общими, и разными. Это естественно. Ничего противоречивого тут нет. Да, собственно, так и в дальнейшем будет. Истина рождается в спорах. Даже в одной партии, стоящей на одной, принципиальной марксистско-ленинской позиции, у людей могут быть разные понимания, разные оттенки при решении того или другого вопроса. Живя во время, которое требует гибкого подхода к решению тех или иных вопросов, я знаю, что возникнут разные точки зрения и, возможно, даже противоположные, но это меня не смущает.

Я полагаюсь на тех людей, которые будут как бы судьями. Судить же будет народ, который станет знакомиться с этими материалами и делать свои выводы. Не думаю, что то, что я скажу,— обязательно истина. Нет, истину будет находить каждый, сопоставляя разные точки зрения по тому или другому вопросу в то или другое время. Только этого я и хочу. Глуп тот, кто хотел бы все подстричь под одну гребенку, а все, что не подходит под нее, все это объявить ересью, глупостью, а может быть, даже преступлением. Пусть судит сама история, пусть судит народ.

Поэтому заранее прошу извинить за то неправильное, что́ читатель может найти в моих записях. Это моя точка зрения, я так сейчас смотрю, так понимаю, так и пишу. Не хочу приспосабливаться и поэтому не хочу умалчивать, не хочу замазывать, не хочу приглаживать, не хочу лакировать нашу действительность. Она не требует этой лакировки, потому что она сама по себе грандиозна. Ведь мне посчастливилось жить в такое переломное время, когда старый, сложившийся уклад жизни на буржуазно-помещичьей основе мы сломали, сбросили его и строим новую жизнь на основе новых и теории, и практики.

Теория без практики — это мертвая теория. Нам пришлось на основе самой прогрессивной, марксистско-ленинской теории прокладывать путь практике. Это очень сложно, поэтому тот период не исключает ошибок и промахов, вольных или невольных. Как говорится, да простят нас потомки, учитывая, что это был первый опыт. Поэтому он единственный, а уж второй — какое-то его повторение. Пусть и судят нас с учетом условий, в которых мы жили и творили. Мы поработали и только потом начали заниматься воспоминаниями, чтобы не упустить того хорошего, что́ в нашей истории создано нами, партией, рабочим классом и трудовым крестьянством, и не повторить тех ошибок и, я бы сказал, преступлений, которые были совершены якобы во имя партии и якобы для партии. Сейчас ясно, что это было злоупотребление властью. Причина происхождения этого злоупотребления освещалась в докладах на XX съезде партии и повторно в какой-то степени на XXII съезде партии. Я считаю, что все, что было по этому поводу сказано, было правильным. Я и сейчас стою на этих же позициях и именно с них буду рассказывать об ответственном времени кануна Великой Отечественной войны и военного периода и потом последовательно стану излагать ход событий, насколько у меня хватит сил, так, как я его видел, понимал и оцениваю сейчас.

С чего же начать? Думаю, что надо начинать с фигуры Сталина. Почему? Потом, дальше (если мне удастся довести дело до конца) это будет ясно. А если тут же дать в какой-то степени объяснение, то можно сказать, что до смерти Сталина мы считали, что все, что делалось при его жизни, было безупречно правильным и единственно возможным для того, чтобы выжила революция, чтобы она укрепилась и развивалась.

Правда, в последний период жизни Сталина, до XIX съезда партии и особенно сразу же после него, у нас, людей из его близкого окружения (имею в виду себя, Булганина, Маленкова и в какой-то мере Берию), зародились уже какие-то сомнения. Проверить их мы тогда не имели возможности. Только после смерти Сталина, и то не сразу, у нас хватило партийного и гражданского мужества открыть занавес и заглянуть за кулисы истории. Тогда я и узнал некоторые факты, которые хочу осветить.

XIV партконференция

В апреле 1925 г. открылась XIV партийная конференция. Я был избран на нее от Юзовской парторганизации. Во главе ее стоял Моисеенко («Костян», как мы его называли). Это был студент, не окончивший медицинского института, прекрасный оратор и хороший организатор. Разошлись мы с ним позднее. Его отличал сильный мелкобуржуазный налет, а его связи и окружение были чуть ли не нэпманскими. Поэтому мы его выставили потом из секретарей. Это скандальное дело дошло до ЦК КП(б) Украины, и к нам приезжала комиссия. Она разбирала наши споры, признала наши доводы основательными, и он был освобожден от должности секретаря.

А тогда, когда шла конференция, Моисеенко буквально завоевал умы коммунистов Юзовского округа. По подготовке он был на голову выше других членов нашего актива. Не помню, сколько тогда от нашей Юзовской организации было избрано делегатов. Человек восемь, что ли, с решающим голосом и человека четыре с совещательным, в том числе я. Делегаты тогда избирались демократично. Я возглавлял Петрово-Марьинскую районную партийную организацию, а по количеству членов партии она занимала шестое или седьмое место. На первом месте стоял Юзовский район, потом Макеевский, затем, кажется, шли Буденновский, шахты Рутченково и т. д., наконец Петрово-Марьинский. Поэтому меня избрали с совещательным голосом.

Это для меня было большой радостью. Главное — возможность побывать в Москве, посмотреть столицу, побывать на всесоюзной конференции, послушать и увидеть вождей. Украинской организации было отведено на конференции центральное место в зале. (Сейчас там заседает Верховный Совет СССР. А тогда это, кажется, был Владимирский зал, он не был еще перестроен, имел колонны и был менее удобен для таких больших заседаний. Другого подходящего зала в Кремле не было, и именно в этом помещении проходили партийные съезды и конференции.) Слева от нас сидела Московская делегация, а справа — Ленинградская. Мы занимали центр зала, а в этом центре у Юзовской делегации были первые места. Вообще пролетарской Донбасской организации принадлежало боевое положение в партийной организации Украины. Секретарем ЦК КП(б) Украины являлся тогда Каганович, председателем Совнаркома — Чубарь, Григорий Иванович Петровский был председателем ВУЦИК, Скрыпник — членом Политбюро; Шлихтер тоже занимал видное положение в партийной организации Украины.

На меня работа конференции произвела исключительно сильное впечатление. Я увидел руководителей государства и партии. Они были тут же, близко. А жили мы тогда в Каретном ряду, в Доме Советов (так, что ли, он назывался). Жили довольно просто, нары там были, и мы, как говорится, вповалку на них спали. Я помню, что тогда Постышев, кажется, секретарь Харьковской парторганизации, приехал с женой и тоже так, в ряду, спал вместе с нами, и там же, рядом, спала его жена. Это вызывало шутки в отношении Постышева. Мы тогда были все молоды. Постышев пользовался уважением в партийной организации, и моим в том числе.

Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять выгодное место. Каждая делегация имела отведенные ей места, а уж внутри делегации каждый делегат занимал то место, которое было свободно. Вот мы и хотели сохранить за собой первые места перед трибуной. Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака. Однажды я вышел и сел на трамвай, не зная маршрутных номеров, а трамвай, оказывается, не туда шел, куда мне нужно, и он меня завез неизвестно куда. Тогда я отказался от услуг транспорта и стал ходить пешком. Приходилось рано вставать и бежать, но зато я приметил путь, как добраться безошибочно в Кремль с тем, чтобы занять в зале место поближе.

Потом начали делегации фотографироваться. Уже тут, на конференции, выделялся Сталин. Он был признан первой персоной не только нами, рядовыми руководителями партийных организаций. Руководитель нашей областной партийной организации Моисеенко обратился с просьбой к Сталину от Юзовской делегации сфотографироваться с нами. Нам сказали, что Сталин согласился и что он потом передаст, когда у него будет такая возможность. Мы ждали. Наконец, в одном из перерывов нам сказали, чтобы мы собрались в Екатерининском зале, там будем фотографироваться всей делегацией. Мы все, конечно, собрались. Пришел Сталин. Стали рассаживаться, расселись. Сталин сел, как мы его и просили, посередине.

Почему я об этом фотографировании вспоминаю? Фотограф возился у своего аппарата. Это был Петров, крупный специалист своего дела, много лет работавший в Кремле. Его знали все партийные работники, которые бывали на съездах и на конференциях. Петров как фотограф начал указывать, как кому нужно голову повернуть, куда кому смотреть. Вдруг — реплика Сталина: «Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя, нельзя командовать!» Этот инцидент на меня и на моих друзей произвел (мы потом обменивались мнениями) хорошее впечатление. Нам казалось, что Сталин действительно является демократичным человеком, что его такое замечание было не случайным и что эта шутка органично присуща натуре Сталина. Это был такой эпизод, который на меня хорошо подействовал. Потом, во время работы конференции, выступление Сталина, его реплики тоже говорили в его пользу. Я все больше и больше проникался глубоким уважением к этой личности.

Несколько слов о времени нэпа

Скажу несколько слов о нэпе. Я помню то время, когда после разрухи и голода вдруг ожили города, появились продукты, начали падать цены. Это было, конечно, отступление. Но оно помогло нам оправиться от последствий гражданской войны, набраться сил. В этом проявилась мудрость В. И. Ленина, когда он в 1921 г. пошел на такой опасный, но неизбежный, необходимый, смелый, решительный и прозорливый шаг — переход к новой экономической политике. Новая экономическая политика — это, так сказать, общая формулировка, а по существу открывалась возможность для оживления частной собственности и оживления кулака, я уж не говорю о середняке. Поднялся торговый элемент и даже крепко стал на ноги.

В 1925 г. я столкнулся с нэпманами. Тогда были арендаторы, которые держали мельницы. Произошел такой анекдотичный случай: арендатором мельницы оказался человек, который отличился во время гражданской войны, был награжден орденом Красного Знамени...

На тему о нэпе, я помню, бывали частые споры среди партийных руководящих кадров и в волости, и в уезде. В уезд нас часто вызывали и обязательно, как говорили тогда (да и сейчас говорят), для накачки за то, что мало мы продаем хлеба через кооперацию, мало продаем мяса и

других продуктов питания. Я как секретарь райкома почти каждый день ходил на базар и присматривался. Тогда лозунги были «Учиться торговать!» и «Кто кого?». Мы через кооперацию должны были победить торговцев и торговлю взять в свои, государственные руки, но не путем административных мер, а путем лучшей кооперативной торговли. Мы стремились дешевле продавать, лучше обслуживать, иметь более качественный товар. Вот рычаги, которыми мы должны были овладеть.

Бывало, иду по базару, смотрю— наши кооперативные лотки торгуют, и частник рядом сидит. Мне всегда было больно смотреть, потому что больше толпилось людей у частных магазинов, а ведь это были рабочие и служащие, других на руднике не было. Почему так получалось? Мясо у нас было не хуже. Частник брал за счет лучшей расфасовки, более внимательного отношения. К тому же хозяйка хочет выбрать, хочет немножко поковыряться, посмотреть то и другое, пощупать руками, вот торговец ее и обхаживал. Кроме того, частник уже имел своих постоянных покупателей, которым он давал в кредит, а это имело большое значение. Кооперативы этого не делали.

Бывало, я, обойдя базар, сейчас же направлял свои стопы в кооператив, в главный магазин и там встречался со своим другом Ваней Косвинским. Он был председателем рабочего кооператива. Очень хороший товарищ, коммунист, отличился во время гражданской войны, воевал в тылу у белых, командовал бронепоездом. Бронепоезд был примитивный, рабочие сами сделали его в своих мастерских. Вот, помню, как только дверь открываю, он сразу: «Ну, что, идешь опять ругать?» «Да, иду ругать». «Я сам уже ходил, сам смотрел. Что я могу сделать? Мы все делаем, что, казалось бы, нужно, а все-таки больше привлекают покупателя частные торговцы».

Осенью буквально был уже завал товаров и сельскохозяйственных продуктов — овощей, арбузов, дынь и птицы. Дело в том, что Петрово-Марьинский район по тому времени был крайним юго-западным районом промышленной Юзовки. Это был уже, как говорится, край света угольных шахт. Дальше шахт тогда не было (теперь они и дальше шагнули, к Днепропетровску). Поэтому там жили крестьяне. Села были богатые, степные, хорошо обеспеченные землей. Там имелись села и с греческим населением, очень крупные. Греки были скотоводами. Они любили и помногу держали овец. Поэтому у них были баранина и брынза, крестьяне привозили на продажу гусей, уток и индеек. И все это задешево. Стандарт на цены у нас тогда сохранялся довоенный. До войны фунт мяса стоил в Юзовке и в окрестностях 15 копеек. 15 копеек стоило мясо и в 1925 г., и в 1926 году. До 1928 г. имелся избыток мяса.

Тут я несколько отклонился от темы, но это отклонение имеет к ней отношение. В Петрово-Марьинском районе тогда существовали две коммуны. Особенно хорошо работала коммуна в Максимилиановке, большом красивом селе. Там была и партийная организация, как тогда называли — ячейка. Председателем правления коммуны являлся Колос. Он давно уже умер, да и тогда это был человек в летах. Очень порядочный, хороший коммунист, по профессии портной. Заместителем у него был замечательный крестьянин Емельян Гомля или, как его тогда называли украинцы, Емелька Гомля. Этот умный человек обладал исключительным чувством юмора. Бывало, когда он выступал и критиковал бюрократические налеты советских учреждений, так люди, как говорится, животы от смеха надрывали. Он часто бывал на партконференциях, на окружных съездах. Помню, однажды выступал он и критиковал руководителей округа за то, что они редко бывают на селе: «Что же вы? Вот мы просим, просим, чтобы к нам приезжали из округа, но им, видно, плохо село видно, потому что здесь много дыма (металлургический завод и шахты), и за этим дымом они нас не видят». И другие тому подобные примеры он приводил.

Их коммуна хорошо жила, а это было не так часто в то время среди коммунаров. Большинство коммун имело потребительский характер, и жили они за счет подачек от государства, сами себя не прокармливали. А эта коммуна как раз жила на собственные средства. Там подобрались хорошие люди и хорошие организаторы. Они хорошо обрабатывали землю, честно работали. Трактора у них не было, да я и сам тогда о тракторе только слышал, что он есть на свете, а, как говорится, в глаза его не видел. Работали тогда главным образом на волах и лошадях. Обстановка политическая тогда была хорошая. Рабочие понимали лозунги партии, усвоили их, а ведь это болезненно было — новую экономическую политику проводить, и они правильно ее понимали.

Сталина же широкая публика, выражаясь языком обывателя, узнала тогда, когда развернулась жестокая борьба внутри партии, борьба с троцкистской оппозицией в 1923—1924 годах *. Тогда Сталин и всплыл как организатор, как Генеральный секретарь Центрального Комитета. Впрочем, тогда особая роль Сталина слабо воспринималась в широких партийных кругах, я уж и не говорю о беспартийных. В борьбе того времени особенно выделялся Зиновьев, председатель Коминтерна. Коминтерн тогда приобрел большой авторитет: это была международная коммунистическая организация, которая держала курс на мировую революцию. Зиновьев возглавлял ее, следовательно, он и являлся как бы главным в этом движении. Бухарин в то время тоже был очень популярен и очень уважаем. По-моему, уже к тому времени была написана его книга, которая называлась «Азбука коммунизма». Молодые коммунисты учились коммунистическому миропониманию прежде всего по этой «Азбуке коммунизма». Отсюда выросла и популярность Бухарина.

Лично я Бухарина видел и слышал, еще когда служил в Красной Армии в 1919 году. Тогда наша часть стояла в Курске, и я не знаю, по какой причине, но в это же время Бухарин с большой группой коммунистов приехал в Курск. Он выступал на партийном активе губернии. Я тоже был приглашен как секретарь ячейки своей воинской части. Там-то я видел и слышал Бухарина. Бухарин очень всем нравился своим характером, своим демократизмом, а в то время это имело большое значение (хотя это и сейчас имеет значение). Да, он очень нравился всем, а меня он буквально очаровал. Потом я встретился и с товарищами, которые входили в его группу. Это были простые коммунисты из Москвы, моего же уровня и политического развития. Они тоже говорили о демократичности Бухарина, и это особенно подкупало тогда. Они говорили, что он с ними вместе живет в общежитии, в столовой питается с ними из одного котелка, и прочее. Это имело, конечно, большое значение.

Произошел раз такой случай. У меня был приятель, Лев Абрамович Римский. С ним я много лет работал в Донбассе и потом встречался в Москве, когда он работал в Наркомате черной металлургии. Он был приятелем Тевосяна: они вместе учились в Горной академии, оба окончили ее и сохраняли дружеские отношения. Он работал в отделе кадров в Наркомате черной металлургии, а начинал свою деятельность комсомольцем в Одессе. Потом работал в Киевском губкоме и в Сталино (Юзовка была переименована и названа именем Сталина).

Мне пришлось с Римским работать, когда после Петрово-Марьинского района, кажется в 1926 г., я был избран заворгом окружного партийного комитета. Заворг в те времена, собственно, являлся вторым секретарем окружного комитета. Секретарем был Моисеенко, тогда имелся лишь один секретарь. Потом шел заведующий орготделом, который считался заместителем секретаря окружного комитета. Потом шел заведующий агитпропом. В мое время заведовал агитпропом Сергеев. Я не помню его настоящую фамилию, он был еврей. Это был замечательный коммунист, преданный делу партии, и хороший работник. К сожалению, он, как и многие тысячи ему подобных, погиб во время террора, который ввел в партии Сталин. Римский же был начальником окружной партийной школы. Я не помню, в каком году, в 1926-м, а может быть, в 1927-м, слушатели партийной школы поехали в Москву во время зимнего перерыва в занятиях набраться ума-разума, посмотреть столицу, познакомиться с ее достопримечательностями. Это — естественное желание всех людей Советского Союза, да и не только Советского Союза, побывать в Москве.

Римский, как он потом рассказывал, решил позвонить Сталину и попросить, чтобы тот принял их делегацию. Думаю, что, наверное, не весь состав партийной школы туда ездил, а какая-то группа, но большая, видимо, человек 60. Впрочем, это не столь важно для данного вопроса. Римский рассказывал: «Я позвонил по телефону, меня соединили со Сталиным (это на меня произвело впечатление — доступность Сталина), и я попросил, чтобы он принял меня вместе со слушателями партийной школы. Сталин согласился и сказал, что Римскому передадут (он записал адрес), когда он сможет это сделать. Вот позвонили, и они поехали в Кремль (тогда, до 1937 г., Кремль еще был доступен людям), они прошли туда через Никольские ворота. Я сейчас не помню, какими вопросами заинтересовался Сталин. А привожу этот эпизод потому, что мне запомнилось характерное высказывание Сталина, которое мне импонировало и на меня произвело сильное впечатление».

Далее Римский рассказывал, как он обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, мы вот с бывшей Юзовки. Сейчас Юзовка переименована и носит Ваше имя. Поэтому мы хотели, чтобы Вы письмо написали юзовским, сталинским рабочим. Это произвело бы хорошее впечатление на население Сталинского округа». Сталин ему так ответил: «Я не помещик, а рабочие завода не мои крепостные. Я им писать не буду и не люблю, когда это делают другие». Лев Абрамович Римский был сугубо партийный человек, исключительной чистоты и честности. Коммунистическая щепетильность до мелочей пронизывала его сознание, все его поведение, деятельность и всю его жизнь. Вот почему он был приятно поражен случившимся. Приехав домой, он рассказал все в окружном комитете партии, и это стало достоянием всей округи. Такая фраза Сталина произвела очень сильное впечатление. Этот случай говорил о демократичности, доступности и правильном понимании Сталиным своего места.

Помню еще и такой эпизод, относящийся тоже к тем временам. Тогда разгорелась острая борьба с троцкистами, а потом с зиновьевцами. Я все время находился на партийной работе, заведовал орготделом в окружном комитете, участвовал в работе XIV партийной конференции и XIV партийного съезда, XV партийной конференции и XV партийного съезда. По годам я не сделал сейчас выборок, да это и не столь существенно: я ведь говорю не об этом, а о личности Сталина. Тогда практиковались заседания Политбюро с ведением стенограммы. Все стенографировалось, и эти стенограммы рассылались партийным организациям. До района, по-моему, они тоже доходили, там привлекался партактив, и их зачитывали. И вот, помню, читали мы одну стенограмму. Читали усердно, хотели разобраться в сути споров и определить свое отношение к ним.

Кажется, Сталин спорил не то с Троцким, не то с Зиновьевым. А я запомнил его выражение, которое мне понравилось: что-то Сталин доказывал, те с ним не соглашались и не уступали, дискуссия была очень острой, и Сталин, когда они с ним не согласились, выразился так: «Ну, что же вы? Я все сделаю, чтобы сохранить единство партии, чтобы обеспечить ее монолитность. Это необходимо для победы. Но раз вы так себя ведете, бог с вами, бог с вами». На это его выражение я и обратил внимание. Конечно, я религиозным человеком ни тогда, ни даже в раннем своем возрасте уже не был и, конечно, это выражение не характеризова-

* Здесь и дальше автор пользуется терминологией, принятой тогда и продолжавшей существовать в пору, когда он записывал свои воспоминания.

ло Сталина как религиозного человека, хотя он и учился в духовной семинарии. Оно значило: что же я с вами сделать могу, зла я не желаю, бог с вами, одумаетесь и сами поймете ошибочность своей позиции. Такая терпимость мне понравилась, в моем понимании это говорило в пользу Сталина.

Позднее, когда я узнал Сталина, то вспомнил об этом и понял, что это — его ловкость, его иезуитство. Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству партии и если не уважение, так хотя бы терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые искренне хотели правильно его понимать. И я в том числе тоже явился жертвой сталинской уловки.

XV съезд партии

На XV партсъезде развернулась очень острая борьба с зиновьевцами. Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум съезда и потребовала на основе Устава ВКП(б), чтобы от этой делегации выступил содокладчик. Они выдвинули Зиновьева и хотели, чтобы он сделал содоклад к докладу Сталина. Я сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIV съезде партии доклад делал еще Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. А на XV съезде Сталин уже делал доклад. Это было для нас, делегатов съезда, вполне понятным, выявились разные точки зрения, разная политика, в ЦК партии наметились большинство и меньшинство. Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше, после смерти Ленина, а Сталин. Помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится, воробьи обо всем чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, даже и для обывателей, что в партии наметился глубокий раскол.

Мы и во время XV съезда тоже разместились в Каретном ряду, в Третьем Доме Советов. Нам сказали, что к нам приедет Яковлев и проинформирует нас по вопросам, которые наметились в партии и которые будут подняты и обнажены на съезде. Пришел Яков Аркадьевич Яковлев. Он тогда работал в РКИ. Серго тогда, по-моему, был председателем РКИ, а он — одним из его заместителей. Это было собрание, на которое мы никого не допускали, кроме членов украинской делегации. Возглавлял тогда украинскую делегацию Каганович, в ее руководство входили Петровский, Чубарь, Шлихтер и Скрыпник, основные члены Политбюро ЦК КП(б)У. Яковлев рассказал, по каким вопросам имеются разногласия с зиновьевцами и что проблема стоит очень остро. Таким образом, нас уже как бы подготовили. В этом смысле то было фракционное собрание, но оно велось с согласия Сталина и, я думаю, по его поручению. Мне неизвестно, кто знал об этом из других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Когда открылся съезд и только что создали его руководящие органы, зиновьевцы сейчас же выставили своего содокладчика по докладу от Центрального Комитета. Так было принято. Потом Сталин сделал доклад. Зиновьев выступил с содокладом. Мы опять занимали места в центре, справа от нас находилась Ленинградская делегация, а слева — Московская. С Московской делегацией мы по всем вопросам контактировали и ополчились против ленинградской оппозиции, как тогда ее называли. Вот тогда мне и пришлось встретиться не как с другом, а как с врагом с моим хорошим товарищем, которого я очень уважал.

Когда я пришел из армии в 1922 г., редактором газеты «Диктатура труда» в Юзовке был Абрамсон. Я не помню его имени. Тогда он работал в Ленинграде секретарем одного из райкомов партии. Очень хороший коммунист. И вот теперь он — зиновьевец, как и все ленинградцы. Из известных в партии людей к зиновьевцам примыкал, в частности, Бадаев. Он работал тогда в Ленинграде, и зиновьевцы выставляли его как щит. Для увеличения веса своей делегации зиновьевцы привлекли и Николаеву. Она тоже была хорошим, активным членом партии, очень страстно выступала, будучи хорошим оратором. Дискуссия эта продолжалась затем по группам и индивидуально, при личных схватках во время перерывов между заседаниями съезда, в Георгиевском зале и в коридорах. Одним словом, везде, где встречались двое, уже шла дискуссия, если эти люди принадлежали к разным лагерям.

Сталин, Бухарин и Рыков выступали за линию ЦК, то есть за линию Сталина. Это грубовато, но так говорили — вот линия ЦК, а там — линия оппозиции. Не помню, от какой организации приехала одна делегация, которая передала в президиум съезда стальную метлу. Председательствовал Рыков. Рыков взял эту метлу и сказал: «Я передаю эту метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов». Это было воспринято тогда дружными аплодисментами, смехом, да и сам Рыков при этом улыбался. Уже позднее, когда Рыков сам стал жертвой этой метлы, я вспомнил эти слова и как они были тогда сказаны. Тогда, видимо, Рыков доверял Сталину и считал, что эта метла не будет направлена во вред партии, а будет направлена только против антипартийных отщепенцев, оппозиции, которая сворачивала с генеральной линии.

А тогда у нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг него и поддерживал Сталина, правы. Я и сейчас считаю, что тогда наша идейная борьба была в основе правильной. При другом характере Сталина эти разногласия, которые были доведены до такого накала, может быть, не стали бы столь трагическими и роковыми. Но это я сейчас так говорю, а тогда этих вопросов не возникало; тогда, как говорится, рассуждали по-дровосецки: лес рубят, щепки летят. Велась, я бы сказал, беспощадная борьба с оппозицией.

Если оглянуться на путь, пройденный нашей партией и народом, и в свете этого пройденного пути оценить тогдашнюю роль Сталина, то она на фоне тех событий и соотношения сил в партии окажется в основе положительной. Я имею в виду такие оппозиции, как троцкистская, зиновьевская, право-левацкий блок Сырцова — Ломинадзе. Если же оценивать персонально роль Сталина, то он резко выделялся: его роль и его деятельность по сплочению партии, по мобилизации ее сил на преодоление трудностей, восстановление промышленности, сельского хозяйства, на индустриализацию и строительство Красной Армии были решающими. Поэтому не случайно Сталин занял ведущее место в партии, и партия его поддержала. Надо принять во внимание и то, что в первые годы революции его фамилия была недостаточно популярна среди широких масс и даже в самой партии. Более популярными были Зиновьев, Каменев и особенно Бухарин. Ленин правильно сказал: «Бухарчик — это любимец партии». По «Азбуке коммунизма», написанной Бухариным, наши кадры учились марксизму-ленинизму. Популярность его в широких массах была очень большой. Но как организатору предпочтение все-таки отдавалось Сталину, а Бухарин занимал видное положение в партии как пропагандист, как агитатор. Он был редактором «Правды», и это действительно был редактор, который требовался для «Правды». Он явился организатором пропаганды марксистского учения. Хотя, как Ленин сказал, и сам он допускал ошибки.

Переезд в Харьков

В 1928 г. я был переведен на работу в Харьков. Там тогда размещались правительство Украины и Центральный Комитет КП(б)У. Я был утвержден заместителем заведующего orготделом ЦК партии, а заведовал отделом Николай Несторович Демченко, которого я очень уважал. Он заслуживал этого. Он тоже погиб безвременно, и погиб от руки Сталина,

хотя и был очень предан генеральной линии партии, Центральному Комитету и лично Сталину.

Почему я был переведен в Харьков? После освобождения по нашему требованию Моисеенко от поста секретаря к нам приехал секретарем окружного комитета Строганов. Сам он был из Нижегородской организации, членом партии числился с 1905 года. Неплохой человек, но довольно-таки ограниченный. Он не соответствовал тем требованиям, которые предъявлялись к Сталинской организации, крупной, боевой, промышленной и разносторонней. Тут и угольная промышленность, и металлургия, и химия, и строительная индустрия, и сельское хозяйство. Одним словом, Сталино — крупнейший центр, прежде всего промышленный, но в немалой степени и сельскохозяйственный. А этот человек оказался мелким. Мы очень любезно его приняли и, так сказать, ощупывали со всех сторон и обнюхивали как старого большевика. Уже позднее о нем злословили, что хотя он и старый большевик, но и старая калоша, хотя был он не так уж стар. Любил он выпивать, и довольно-таки изрядно. Потом он стал заниматься интриганством. Одним словом, не прижился, и сложилась такая обстановка, что актив стал его игнорировать и тем самым поставил меня в довольно тяжелое положение: я лишь его заместитель, а по всем важнейшим вопросам идут ко мне и не идут к нему.

Мне это было понятно, но для него это было тяжело, принижало его роль. Ко мне шли, потому что я вырос в этом районе, отец мой работал на шахте Успенке, в четырех верстах южнее Юзовки. Я и детство провел там, и юность, там учился слесарному ремеслу на заводе Боссе. У меня был очень широкий круг друзей, с которыми я провел детство и юность, работая в шахтах. По тому времени я неплохо разбирался в вопросах производства — угольной промышленности, химической, металлургической и строительном деле. Тогда это было главным. По тем временам руководитель, который не разбирался в добыче угля или в металлургии, химии и строительстве, считался, грубо говоря, дураком. Как раз в такое положение попал Строганов, хотя человек он был неглупый. Он тоже позднее погиб, бедняга, и я очень тогда его жалел, да и сейчас жалею: он не заслуживал ни ареста, ни расстрела, а был расстрелян.

Меня вызвал в ЦК КП(б) Украины Каганович, первый секретарь ЦК, и предложил переехать на работу в Харьков, в орготдел ЦК. Он мотивировал это тем, что в аппарате ЦК очень мало рабочих. Он был прав, там было много разношерстной публики в смысле рабочего стажа, а тогда придавалось очень большое значение социальному происхождению работников, занимавших партийные и советские посты. «Надо нам аппарат орабочить»,— сказал он. Я говорю: «Считаю, что это правильно, но я хотел бы, чтобы это орабочивание было не за мой счет. Я очень не хотел бы уезжать из Сталино, там я сросся со всей обстановкой, с людьми. Поэтому мне очень трудно будет, я не знаю новой обстановки и не смогу, видимо, ужиться в орготделе Центрального Комитета».

Но я знал обстановку. Я же заведовал орготделом в окружкоме и поэтому бывал в орготделе ЦК КП(б)У на совещаниях; инструктора приезжали к нам для обследования и прочих дел. Я многих из них знал и был согласен с Кагановичем, что некоторые люди там не заслуживали доверия, а многие и уважения, даже если и не было оснований не доверять им. Поэтому я считал, что меня там встретят плохо. В ЦК КП(б)У ревниво относились к Сталино, да и парторганизация Сталино тоже знала свое место в партии и поэтому, может быть, давала некоторый повод к этому: мы, дескать, пролетарии, мы шахтеры, металлурги, химики, соль Земли, соль партии.

И я попросил тогда, что если мне нужно будет уехать из Сталино (чтобы дать возможность Строганову развернуться и не мешать ему сделаться центральной фигурой, чтобы люди его признавали, шли к нему как к первому руководителю окружной партийной организации), то просил бы послать меня в Луганск. Я сейчас не помню фамилию секретаря Луганского окружкома, но он мне нравился. У меня были с ним очень хорошие отношения, поэтому я с радостью хотел туда поехать, поэтому и просил послать меня в Луганск. А там я хотел бы опять пойти работать секретарем районного партийного комитета. Видимо, там такая работа нашлась бы. Каганович говорит мне: «Если Вы так ставите вопрос, то у нас в ЦК нет никакой необходимости, чтобы Вы уходили из Юзовки. Поэтому оставайтесь на месте». Я попрощался, ушел, стал думать и пришел к выводу, что если Центральный Комитет делает мне такое предложение — работать заместителем заведующего орготделом ЦК КП(б)У, то это ведь высокий пост и, видимо, есть веские соображения, которые побудили к тому Кагановича.

Каганович ко мне очень хорошо относился. Мы с ним познакомились буквально в первые дни Февральской революции. Он тоже работал в Юзовке и выступал на первом же митинге, который проводили тогда в Юзовке, а я на нем присутствовал. Я участвовал в митинге как представитель рабочих депутатов Рутченковских копей на первом совещании в Бахмуте (это был уездный наш город). Потом вторично, через неделю — две, мы собрались в Юзовке, там же был Каганович. Он прибыл от Юзовской организации и довольно активно вел себя на этих совещаниях. Тогда он носил фамилию Кошерович. Я не знал, что он Каганович, я его знал как Кошеровича. Кагановичу я не только доверял и уважал его, но, как говорится, и стоял горой за него.

Тогда Каганович еще не был признанным партийным руководителем (я уж и не говорю о партийном вожде). В ЦК КП(б)У у него были очень сложные отношения с коллективом. Против него вели борьбу «старики» — Петровский, Чубарь и другие, не признавала его Екатеринославская группа, где было сильным влияние Григория Ивановича Петровского. Опорой Кагановича, собственно, был Донбасс, главным образом Сталино, Луганск и Артемовск (бывший Бахмут). В Бахмуте Кагановичу доверие оказывалось больше через Радченко, чем непосредственно. Там был секретарем Никитенко, а он являлся близким человеком Радченко, Радченко же был председателем Совета профсоюзов Украины. Сам рабочий, очень авторитетный человек, член партии, кажется, с 1912 г., он тоже безвременно погиб. Хотя сам Радченко был интриганистым руководителем, но человеком честным, и сомнений в его преданности делу партии не могло быть. А его интриганство проявлялось в отношении к определенным лицам, но не к партии, не к ее генеральной линии.

Итак, после разговора с Кагановичем я, все взвесив, уже сам не хотел оставаться в Сталино, потому что видел, что у меня могут сложиться плохие отношения со Строгановым, а я не хотел какой-то борьбы с ним. Его только что прислали, он не знал пока производства, но мог узнать, это не мотив для неуважения. Я считал, что лучше мне уйти и пусть он укореняется. Тогда я сказал Кагановичу, что согласен пойти в орготдел ЦК КП(б)У, но с условием, чтобы послали меня работать при первой возможности в какой-либо округ, а в какой, мне было безразлично, хотя желательно, чтобы в промышленный. Я считал, что сельского хозяйства я все же не знаю, никогда в сельскохозяйственных районах не работал, а все время был связан с промышленностью и чувствовал себя здесь в своей тарелке.

Начал работать на новом месте. В Харькове мне не понравилось, как я и ожидал. Канцелярская работа: через бумаги живого дела не видишь. Это специфическая работа, а я человек земли, конкретного дела, угля, металла, химии и в какой-то степени сельского хозяйства. В Сталино сельское хозяйство не было главным, главным у нас был уголь. Уголь — это хлеб промышленности, и ему мы уделяли большое внимание. У меня сложились хорошие отношения с руководством угольной промышленно-

сти. Тогда ею руководил Рухимович. Я его очень уважал. Он тоже безвременно погиб, был расстрелян. У меня были хорошие отношения и с руководителем Югостали (это, собственно говоря, Министерство черной металлургии Юга), которая находилась в Харькове. Возглавлял ее, кажется, Иванов. Я меньше его знал, чем Рухимовича, потому что Рухимович ни одного совещания угольщиков и хозяйственников не проводил без меня: он всегда приглашал меня, и я присутствовал от окружного комитета партии. И вдруг у меня все это оборвалось, и я стал заниматься бумагами, а это пища не для меня, меня сразу отвернуло от нее. Я раз или два ходил по этому вопросу к Кагановичу и стал напоминать ему, что он мне обещал помочь уйти.

Переезд в Киев

Однажды Каганович мне позвонил и говорит: «Вы просили меня перевести Вас в какой-либо округ на партийную работу. Если Вы не возражаете, то я бы Вам предложил Киев. Состоялось решение, в Киев идет секретарем окружного комитета товарищ Демченко, а Демченко просит, чтобы Вас отпустили с ним заведовать орготделом Киевского окружкома. Если Вы согласны, то можете буквально сейчас же (это было воскресенье) брать билет и выезжать в Киев. Там все известно, Демченко знает, и он с удовольствием Вас встретит».

Я, не раздумывая, дал согласие. Киевская организация тогда у нас не считалась пролетарской, боевой. Шла такая слава, что в Киеве сильна украинская националистическая тенденция. Так оно действительно и было. Пролетариат там был слабый, а интеллигенция группировалась вокруг украинской Академии наук. Возглавлял эту интеллигенцию тогда Грушевский. Там была сильна и троцкистская организация. Считалось, что там сложно работать, особенно русским: к ним не особенно хорошее было отношение. Поэтому я полагал, что, так как националисты считали меня безнадежным русаком, мне будет там трудно.

Тем не менее я сейчас же приобрел билет и вечером выехал в Киев. Утром уже был там. Первый раз в жизни попал я в Киев, в этот большой город. До этого я, собственно говоря, видел, не считая Москвы, Харьков, Екатеринослав и Мариуполь. Я не называю здесь Бахмут, а Юзовка еще не считалась даже городом. Киев на меня произвел сильное впечатление. Как только я приехал, то с чемоданом в руке пошел прямо на берег Днепра. Меня тянуло взглянуть на Днепр, потому что я много слышал и кое-что читал о нем. Мне хотелось увидеть эту мощную реку.

Начал я свою партийную и трудовую деятельность в Киеве вместе с Демченко. Председателем облисполкома был Войцеховский. Он тоже безвременно погиб, его расстреляли. Это был человек с некоторым налетом украинского национализма. Раньше он состоял в подпольной социал-демократической украинской организации, но был честный и уважаемый человек. Мягкий по характеру, лощеный интеллигент, но приятный человек и старательный работник. В Киеве он был «на своем месте». Демченко учился на медицинском факультете, но не окончил его. Член партии с 1916 г., он к рабочим не особенно тяготел, а больше тянулся к интеллигенции и занимался вопросами Академии наук. Потом ему от ЦК КП(б)У было поручено заниматься Западной (или, как украинцы говорили, Захидной) КПУ, то есть Львовщиной, Тернополем и прочим. Это была большая политическая работа, и я считал, что он хорошо ее делал.

Вот таким образом я попал в Киев. На меня была взвалена текущая местная внутренняя работа — рабочие и село. Нужно признаться, что сейчас мне очень приятно вспоминать о том времени. Мне работалось там хорошо и легко. Киевляне ко мне относились с большим доверием и, я бы сказал, с уважением. Имелись и трудности, было много безработных, чего в Донбассе мы не встречали. Шел 1928 год, а в Киеве с Красным знаменем ходили по улицам, демонстрируя, безработные. Мы их потом собрали в старом помещении Киевской городской думы, там был зал человек на 400—500, и там они митинговали. Имелись там еще и меньшевики, и эсеры, и украинских националистов оставалось много, сильное было и троцкистское влияние. Троцкисты использовали трудности, которые имелись в Киеве.

Эти безработные тоже были довольно характерными, потому что безработицы тогда на Украине вообще-то не было, даже имелся недостаток в рабочих, а вот там было много безработных, даже коммунистов. Годами ходили они без работы. Когда я предложил: «Пожалуйста, я вам могу сейчас же работу найти»,— они вроде бы обрадовались. Спрашивают: «Куда?» Я говорю: «В Донбасс».— «Нет, мы,— говорят,— еще походим». И вот целый год ходят они и еще готовы, видимо, год-два ходить. Но в Донбасс ехать не хотят: это провинция. Там шахтеры, а они не приспособлены к такому труду. Меня это возмущало, потому что я детство там провел и для меня Донбасс, Юзовка — родная стихия, я скучал по шахтерам, сжился с ними...

Проработал я в Киеве весь 1928 год. В 1929 г. мне уже стукнуло 35 лет. Это был последний год, когда я мог еще думать о поступлении в высшее учебное заведение, а я окончил только рабфак, и меня все время тянуло получить высшее образование. Поэтому я стал добиваться посылки меня на учебу.

В Промакадемии

Тут я встретил сопротивление. К тому времени Каганович уже уехал в Москву, работать в ЦК, а вместо него был прислан Косиор. В Киеве считали, что я — близкий к Кагановичу человек (а это так действительно и было) и поэтому ухожу еще и потому, что не хочу с Косиором иметь дело, не хочу с ним работать и поддерживать его. Это было не так. Я Косиора мало знал, но с уважением относился к нему. Косиор по характеру довольно мягкий, приятный человек и разумный. Я бы сказал, что в смысле отношений с людьми он стоял выше, чем Каганович, но как организатор он, конечно, уступал ему. Каганович — более четкий и более деятельный человек: это действительно буря. Он может даже наломать дров, но решит задачу, которая ставится Центральным Комитетом. Он был более пробивной человек, чем Косиор.

Я посчитал необходимым поехать в Харьков и объясниться с Косиором. Я сказал ему: «Мне уже 35 лет. Я хочу учиться. Поймите меня. Я прошу ЦК КП(б)У понять и поддержать меня и прошу, чтобы ЦК рекомендовал меня в Промышленную академию. Я хочу быть металлургом». Косиор с пониманием отнесся к моей просьбе и согласился. Когда встал вопрос о том, что я ухожу, Демченко очень огорчился и долго уговаривал меня остаться, хотя и с пониманием относился к тому, что человек хочет учиться. Вот тогда-то я увидел и почувствовал истинное отношение людей к себе.

Когда я поставил вопрос об уходе на учебу и попросил отпустить меня, то даже решение не сразу было принято. После заседания Бюро некоторые товарищи зашли ко мне и говорят: «Ты действительно хочешь учиться или у тебя, может быть, с Демченко не выходит? Ты скажи нам открыто». Говорили с намеком, что поддержат меня, если у меня с Демченко не выходит дело и плохо складываются отношения. Я отвечал: «Нет, прошу правильно понять меня. У меня с Демченко наилучшие отношения. С таким человеком, как Демченко, я готов бы работать и дальше, но хочу учиться». «Ну, тогда другое дело, мы тебя поддержим». И на следующем заседании было принято нужное решение.

Я уехал в Москву. Там тоже встретил трудности, потому что у меня не было достаточного руководящего хозяйственного стажа. В Промышленной академии товарищи говорили, что я не подойду им, и рекомендовали идти на курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии. «А здесь,— говорят,— создано учебное заведение для управляющих, для директоров». Пришлось мне побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить, чтобы ЦК поддержал меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии.

Поселился я тогда в общежитии на Покровке, в доме № 40. Он и сейчас там стоит. Не знаю только, что в этом здании находится. По тому времени это было хорошее общежитие: коридорная система, отдельные комнаты. Одним словом, идеальные условия. Учебное здание Промышленной академии помещалось на Ново-Басманной, это тоже недалеко. Я не пользовался трамваем, ходил пешком через Земляной вал и прямо через переулок, где был, кажется, Дом старых большевиков, потом сворачивал на Ново-Басманную налево. Дорога занимала всего несколько минут: такой ежедневный небольшой моцион.

Начал я учиться. В академии люди были очень разные и по партийности, и по общей подготовке. Многие окончили сельскую школу и знали только четыре действия арифметики, а с другой стороны, там были люди, которые имели среднее образование. А я пришел, закончив рабфак: это считалось — имею среднее образование. Наша группа была подобрана довольно-таки сильной. Но у нас имелись один-два таких товарища, которые отставали по математике, и они нас тянули назад. Народ взрослый, упорный, поэтому не преподаватель требовал, чтобы человек учился, а человек сам требовал от преподавателя, чтобы тот его учил. Но на все требуется время. Бывало, не его вызывали к доске, а он сам идет к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны те или другие математические формулы. Мы же сидим и возмущаемся, что и нас держат, потому что для нас это уже пройденный этап.

Так было и в 1929 году. А когда я пришел в академию осенью 1930 г., то столкнулся с таким явлением. В академию пришло очень много людей, которые, собственно, не особенно-то хотели учиться, но в силу сложившихся политических условий вынуждены были оставить хозяйственную, партийную или профсоюзную деятельность. Вот они и расползались по учебным заведениям. Промышленная академия стала буквально уютным уголком, где могли отсиживаться такие люди, потому что стипендия приличная, столовая неплохая и общежитие хорошее: у каждого — комната, а некоторые маститые хозяйственники имели возможность получить две комнаты и устроиться там с семьей.

Шефствовал тогда над Промышленной академией Куйбышев, председатель Госплана. Ну, что могло быть выше? Уважаемый и влиятельный человек, который действительно поддерживал Промышленную академию. То был как раз период острой борьбы с «правыми». «Правые» развернули свою деятельность: Рыков, Бухарин, Угланов. Они повели борьбу, и очень сильную. Руководство партийной ячейкой академии было в руках «правых». Секретарем ячейки был Хахарев, довольно влиятельный человек, с дореволюционным партстажем, кажется, с 1906 или 1907 года. Сам он из Нижнего Новгорода, известный человек, прошел подполье. Вокруг него группировалась эта, так сказать, старая гвардия. Но она была пораженной: ведь она выступала против генеральной линии партии. Она группировалась вокруг Бухарина и поддерживала его, поддерживала Угланова, поддерживала Рыкова против Сталина и против Центрального Комитета партии.

Мы пришли с Юга. У нас было довольно большое землячество (донбассовцы, днепропетровцы, луганчане, артемовчане, харьковчане). Мы стояли на позициях Центрального Комитета. Завязалась борьба, и я тоже

довольно активно втянулся в эту борьбу. Главным образом меня тогда поддерживал Табаков. Он тоже позднее безвинно погиб, его расстреляли. По национальности он был еврей, очень хороший коммунист. Я его узнал, когда он был директором треста, а потом — объединения по производству керамики для металлургии. В Донбассе находился Красногоровский завод огнеупоров для облицовки доменных и мартеновских печей, и Табаков занимался этим делом. У меня с ним установился хороший контакт, он опирался на Юзовскую организацию, и тут-то в академии мы сошлись с ним. У нас существовало единое партийное мнение, и другие товарищи нас поддерживали, например, Аллилуев с Дальнего Востока. Он и сейчас, кажется, жив, пенсионер. (Этот Аллилуеа ничего общего с Аллилуевым, тестем Сталина, не имеет, просто однофамилец.) Были у нас и другие товарищи, и довольно-таки большая группа, но все же мы оставались в меньшинстве. Может показаться, что я отвлекаюсь. Казалось бы, какое это имеет отношение к теме? Я ведь хотел говорить о Сталине, о его роли. Но это как раз имеет прямое отношение к теме.

В Промышленной академии развернулась борьба за генеральную линию Центрального Комитета против «правых» и зиновьевцев, а потом право-левацкого блока Сырцова — Ломинадзе. В этой борьбе моя роль резко выделялась в том коллективе, и все это было на виду у Центрального Комитета. Поэтому всплыла и моя фамилия как активного члена партии, который возглавляет группу коммунистов и ведет борьбу с углановцами, рыковцами, зиновьевцами и троцкистами в Промышленной академии. Политическая борьба шла очень острая. Ведь там большинство составляли члены партии с дореволюционным стажем, и нужно сказать, что эта группа была очень солидной: в ней имелись влиятельные люди. Например, помню нашего донбасского товарища Макарова. Он был в Юзовке директором Юзовского завода, сам же он — нижегородец, член партии с 1905 г., очень умный и уважаемый человек. Он официально не объявлял, что он заодно с «правыми», но поддерживал «правых» и против «правых» нигде даже не заикался. Видимо, он договорился с «правыми», что будет вести себя несколько скрытно, не выявлять себя сторонником оппозиции. Считалось, что он вроде бы стоит на позиции генеральной линии партии, а на самом деле он своей деятельностью способствовал усилению группы Угланова, Бухарина, Рыкова.

Остроту борьбы можно показать на таком примере. Выборы президиума общего собрания нашей партийной организации заняли однажды целое заседание, и оно открылось только на следующий день. Помню, как мои товарищи выставляли мою кандидатуру в президиум, но знаю, что я раза два или три проваливался и не был избран. Когда шли выборы в президиум, то все кандидаты должны были выйти на трибуну и рассказать свою биографию. Кандидат с послереволюционным стажем члена партии уже был как бы обречен. Вот такая имела место борьба. А уж в бюро ячейки выбирали вообще особо. Меня несколько раз выдвигали, и моя кандидатура никак не проходила. Вообще же тогда часто проходили переизбрания бюро ячейки, потому что развернулась острая борьба, так что люди менялись.

«Правда» часто выступала против «правых», и, как правило, после каждого ее выступления созывалось общее партсобрание, а оно уже переизбирало бюро. Но «правые» так приладились, что, когда Хахареву уже нельзя было оставаться секретарем партийной организации Промышленной академии, выдвинули Левочкина. Левочкин, из Брянска, был менее заметной фигурой, но по существу тоже «правый». Поэтому линия Бюро а поддержку «правых» продолжалась и после перевыборов. Еще раз состоялось выступление «Правды». Опять прошло очень бурное собрание, долго выбирали президиум, в конце концов меня избрали в него, и я стал председателем собрания партийной организации Промышленной академии, фактически же общего собрания Промакадемии в целом, поскольку

там все были членами ВКП(б). Заседание проходило бурно. Толчком к нему стали события, о которых я расскажу для характеристики обстановки, которая сложилась в то время.

Это было в 1930 году. Партия готовилась к своему XVI съезду. На местах шли отчетные собрания. Опять разгорелась широкая и глубокая дискуссия. Тогда «правые», чтобы устранить меня от участия в дискуссии перед выборами делегатов на районную партийную конференцию, придумали такой ход. Мы, шефствуя над колхозом имени Сталина в Самарской области, собирали отчисления на покупку этим колхозом сельскохозяйственного инвентаря. И вот бюро партийной ячейки решило послать делегатов вручить колхозникам инвентарь. Конечно, «вручение инвентаря» было условным, потому что мы не возили с собой машины, а просто знали их цену и сказали, что вот для покупки такого-то инвентаря (сеялки, комбайны и пр.) собрали такую-то сумму денег и вручаем ее партийной организации колхоза имени Сталина. Выбрали для поездки делегацию. Она состояла из двух человек: включили меня и Сашу Здобнова. Здобнов — тоже слушатель Промышленной академии, с Урала, хороший товарищ. Он тоже, видимо, погиб потом в «мясорубке» 1937 года.

В дороге я читал брошюру о том, что такое комбайн. Приехали мы, провели собрание и прожили там несколько дней. Тогда-то и узнал я о действительном положении на селе. Раньше я себе его практически не представлял, потому что жили мы в Промышленной академии изолированно и чем дышала деревня не знали. Приехали мы туда и встретили буквально голод. Люди от недоедания передвигались, как осенние мухи. Помню общее собрание колхозников, мы выступали все время с переводчиком, потому что колхоз оказался по составу населения чувашским, и они все в один голос просили нас, чтобы мы им дали хлеба, а машины произвели на них мало впечатления: люди буквально голодали, я такое впервые увидел. Нас поместили к какой-то вдовушке. Она настолько была бедна, что у нее и хлеба не было. Что мы с собой в дорогу взяли, только этим и жили, да еще делились с этой вдовушкой.

Закончили мы свои дела, вернулись в Москву, а в это время уже шли районные партийные конференции в столице. Наша партийная организация тоже избрала человек 10 или больше — не помню сколько. Состав слушателей Промышленной академии был велик, норма же представительства была тогда небольшой, потому что Московская партийная организация по сравнению с теперешним составом тоже была сравнительно невелика. От Промышленной академии на районную конференцию были избраны Сталин, Рыков и Бухарин. Не помню, был ли избран Угланов. Кажется, нет, потому что его кандидатура была более одиозной. Бухарин же и Рыков были избраны как члены Политбюро. Мы считали, что «правыми» был сделан обдуманный и ловкий ход, с тем чтобы провести на конференцию Рыкова и Бухарина именно от нашей организации: они выступили с предложением, не объявляя, конечно, что выступают от «правых», избрать от нашей партийной организации на районную конференцию вождей партии и назвали такие кандидатуры: Сталин, Рыков, Бухарин. В то время Бухарин и Рыков еще находились на таком уровне, что их кандидатуры прямо не отводили, ведь они являлись членами Политбюро. Поэтому выступать, поддерживая Сталина и отводя Рыкова и Бухарина, было нельзя, да это, видимо, и не встретило бы тогда поддержки в Политбюро. Были избраны также некоторые слушатели академии, которые поддерживали «правых».

Когда мне об этом рассказал Табаков, наиболее близкий мой товарищ, то мы с ним откровенно обменялись мнениями по всем политическим вопросам. Вообще он был довольно развитым и подготовленным в политическом отношении человеком. А поздно вечером раздался звонок. Меня вызывают к телефону. Это было редкостью, потому что в Москве я ни с кем никакого знакомства не имел. Подошел я к телефону: «Говорит Мехлис, редактор «Правды». Вы можете ко мне приехать в редакцию?» Я сказал, что могу. «Тогда сейчас подготовьтесь, я пришлю свою машину. Срочно приезжайте, у меня есть к вам дело». Отвечаю: «Хорошо».

Через несколько минут автомашина была уже около общежития Промышленной академии. Я сел в нее и поехал в «Правду». Это было первое мое знакомство с Мехлисом. Он зачитал мне письмецо из Промышленной академии, где рассказывалось о политической махинации, которая была подстроена для избрания делегации «правых» от партийной организации академии. Все знали, что в Москве в Промышленной академии учатся в абсолютном большинстве старые большевики, бывшие директора заводов, фабрик, объединений. Они проходили там подготовку и переподготовку по повышению своих технических знаний. Мехлис зачитал текст и спрашивает: «Вы согласны с содержанием этой корреспонденции?» Говорю: «Меня тогда там не было». «Знаю, что Вас не было, но заметка верна?» «Полностью согласен, она отражает действительность». «А Вы можете ее подписать?» «Как же я могу подписать? Не я же писал и автора не знаю». «Нет, нет,— говорит,— ваша фамилия не будет фигурировать и даже автора не будет. Я верю вам, я слышал о вас и вашей позиции. Если вы подпишете, то, значит, в заметке действительно правдиво отражается обстановка, которая сложилась в партийной организации Промышленной академии». Я сказал: «Хорошо», и подписал. Он сейчас же на своей машине отвез меня в общежитие Промышленной академии.

А назавтра вышла «Правда» с этой корреспонденцией. Это был гром среди ясного неба. Забурлила Промышленная академия, были сорваны занятия, все партгрупорги требовали собрания. Секретарь партийной организации Левочкин вынужден был созвать его. Все хозяйственники в академии были аполитичные люди, а некоторые — просто сомнительные лица. Кое-кого из них я знал: наши были, донецкие. Приходили они ко мне и говорили: «Что ты склоку заводишь? Что тебе нужно?» Я отвечал: «Слушай, ты же ничего не понимаешь, это же «правые», куда они тебя тянут?» А они ни черта не понимали, кто такие «правые» и кто такие «левые».

Это собрание было самым бурным. На нем-то меня и избрали в президиум, и я стал председателем собрания. Тут и активизировалась группа, которая стояла на позициях Центрального Комитета и вела борьбу с «правыми», то есть с руководством нашей организации, так как оно в основном было «правым». Не помню, сколько времени шло заседание. Закончилось оно тем, что были отозваны все делегаты, кроме Сталина,— и Рыков, и Бухарин, и представители нашей партийной организации, после чего избрали новых делегатов, в том числе меня, на районную партийную конференцию. Таким образом, затея «правого» бюро отправить меня представителем от партийной организации академии в колхоз, чтобы устранить возможность избрания меня на районную партконференцию и лишить возможности там выступить, провалилась. Наоборот, эта группа потерпела катастрофу, все ее представители были отозваны, а на Бауманскую районную конференцию избраны сторонники генеральной линии Центрального Комитета ВКП(б). Это случилось настолько поспешно, что мандаты на районную конференцию, которые мы получили и распределили между вновь избранными делегатами, были выписаны еще на прежних делегатов. Я тоже пошел на конференцию с мандатом, принадлежавшим кому-то другому. Стали проверять документы и говорят, что ведь это же мандат на такого-то человека. Отвечаю: «Да, выписан на него, а я вот такой-то». Прошло, потому что партийная организация Бауманского района все уже знала.

В Бауманском райкоме тоже не все занимали достаточно четкую позицию. Секретарем его являлся Ширин. Я затрудняюсь сейчас сказать,

был ли он «правым» или просто пассивным человеком, недостаточно политически зрелым и недостаточно политически активным. Одним словом, Бауманская организация не была боевой, но и не считалась оппозиционной, поддерживающей «правых». А инцидент с мандатом, с которым я пришел на конференцию, кончился шуткой. Мы договорились среди делегатов, что я должен буду выступить там и изложить нашу позицию, чтобы никто не считал, что мы выбрали «правых». Добавлю, что когда я выступил, то конференция встретила меня довольно прохладно. Я уже был избран тогда секретарем партийной организации академии. Поэтому именно мне пришлось выступать, чтобы районная партийная конференция знала, что парторганизация Промышленной академии твердо стоит на позициях генеральной линии партии и что избрание «правых» — уловка бывшего партийного руководства академии, которое сочувствовало «правым», а теперь лишено доверия и переизбрано.

Во время моего выступления раздавались неодобрительные голоса, мол, знаем мы, дескать, Промышленную академию. Слава о ней шла плохая в смысле ее партийной линии. Поэтому мне пришлось доказывать, что те делегаты, которые подали реплику, имеют, конечно, основания не доверять, но что делегация, которая сейчас присутствует на районной партийной конференции, отражает другую точку зрения, нежели делегаты, которые были избраны раньше, и что мы твердо стоим на партийных позициях (за генеральную линию партии, как тогда обычно заявляли). Партийная конференция нам поверила.

После этого моя фамилия стала известна в Московской партийной организации и в Центральном Комитете. Это, собственно говоря, и предрешило мою дальнейшую судьбу как партийного работника. Как я позже узнал, она была предрешена также и тем, что в Промышленной академии со мной вместе училась Надя Аллилуева, жена Сталина. Я не знал до моего избрания секретарем, что она училась с нами. Но она всю эту борьбу наглядно видела и, вероятно, приходя домой, информировала Сталина. Рассказывала, конечно, и о других. Вот Воробьев, бравый такой парень из комсомольцев, так он Сталина только что «Николаем Палкиным» не называл, а вообще-то ругал по-всякому. В нашем понимании это тогда было преступлением. Мы считали, что это — покушение на партию. И лишь потом, через десятки лет, поняли, что такая характеристика была правильной и что такое прозвище очень подошло бы Сталину.

В целом Бауманская конференция проходила очень бурно. На первых ее заседаниях я не присутствовал, тогда я еще не имел мандата, но потом мне рассказывали. Выступала Надежда Константиновна Крупская, и ее выступление партконференция приняла плохо. Ее речи тогда шли не в такт генеральной линии партии, и многие говорили тогда, особенно в кулуарах, что осуждают ее выступление. Тогда, конечно, и я тоже стоял на такой позиции. И у меня, и у других было двойственное чувство: с одной стороны, уважение к Надежде Константиновне как соратнику и ближайшему к Ленину человеку; с другой стороны, она выступала, не поддерживая Сталина. Потом-то я уже по-другому стал оценивать это, главным образом после смерти Сталина, когда я стал иначе рассматривать и деятельность Сталина, оценивать его как вождя и как личность. Видимо, Надежда Константиновна была по-своему в те времена, безусловно, права. Но партийная конференция ее не понимала, не принимала и осуждала ее выступление.

Так началась моя деятельность партийного работника. Вскоре я был избран в Бауманский районный партийный комитет. Это произошло в январе 1931 г., а конференция проходила, по-моему, в июле 1930 года. В то время я познакомился с Булганиным. Он был в Бауманском районе директором Электрозавода. В Москве проводилась партийная конференция, и я входил в комиссию, которая проверяла парторганизацию Электрозавода. Тогда к проверкам привлекали людей, которые имели

большой партстаж, поэтому на всю Москву не хватало таких людей. Не особенно-то охотно шли мы на это, нас отрывали от занятий. Сам Булганин не проходил проверку, он находился за границей, и лишь после того, как он приехал, мы с ним беседовали. Он произвел на меня тогда очень хорошее впечатление, а потом получил за свою работу высокую награду — орден Ленина.

Когда к нам в академию приходил секретарь райкома партии Ширин, то он там никаким уважением не пользовался, и ему даже говорить не давали. Цихон пришел, авторитетный человек, нарком труда, а до того бывший секретарем Бауманского райкома (позднее он тоже погиб, расстреляли его), и ему не дали выступить. Он говорил: «Послушайте, я имел дело со строителями, и даже там больше порядка придерживались, чем у вас, а ведь вы — слушатели академии».

Вернусь к Аллилуевой: она была парторгом академической группы. Как-то приходит она ко мне и говорит: «Я хотела бы с вами согласовать нашу линию, сейчас партийная группа обсуждает такой-то вопрос, как нам правильно записать политическую характеристику момента?» Обсуждение было связано с борьбой с «правыми». Я ответил ей, а сам потом, когда она ушла, думаю: «Она, придя домой, расскажет Сталину, и что он скажет?» Но на следующий день она ничего не сказала, а я ее не спрашивал. Видимо, моя оценка оказалась правильной. Когда я стал встречаться со Сталиным, то сначала ничего не понимал, почему он упоминал какие-то факты из моей деятельности в Промышленной академии. Я молчал и не отвечал: не знал, радоваться мне или ежиться из-за этого. А сам думал: «Откуда он знает?» Потом, смотрю, вроде он улыбается. Тогда я сообразил: видимо, Надежда Сергеевна подробно информировала его о жизни нашей партийной организации и о моей роли как ее секретаря, представив меня в хорошем свете.

Вероятно, Сталин и сказал после этого Кагановичу: «Возьмите Хрущева на работу в МК». Перспектива работы с Кагановичем мне импонировала, потому что я к нему относился с большим доверием и уважением. Лишь потом я узнал его характер, и его грубость сразу вызвала у меня антипатию. Так я был приобщен к Московской партийной организации, это была большая честь. Ведь Московская организация — столичная. Но никогда я не забуду, как мне было здесь нелегко. Как-то Каганович спросил меня: «Как вы себя чувствуете?» Говорю: «Очень плохо». Он удивился: «Почему?» Отвечаю: «Я не знаю городского хозяйства, а все эти вопросы надо здесь решать».— «Какие у вас с Булганиным отношения?» Отвечаю: «Формально отношения очень даже хорошие, но я думаю, что он меня не признает как настоящего руководителя городским хозяйством, а для города это первое дело». Он говорит: «Вы переоцениваете его и недооцениваете себя. А он к вам ходит?» — «Ходить-то он ходит, согласовывает. Но мне кажется, что он лучше знает дело и если и приходит ко мне, то просто как к секретарю МК. А вообще у нас очень хорошие отношения, и я с уважением к нему отношусь».

Позднее, когда мы поработали вместе, я увидел, что Булганин — очень поверхностный, легковесный человек. Он не влезал глубоко в хозяйство, а в вопросах политики мог считаться даже аполитичным, никогда не жил бурной политической жизнью. Я не знал его биографии, хотя мне было известно, что он работал в железнодорожной ЧК по борьбе с мешочниками, а потом его выдвинули директором завода. Директором он был, видимо, по тем временам неплохим. Он ведь имел среднее образование, что тогда было редким явлением. Директорами, как правило, становились рабочие. Каганович его называл бухгалтером. Верно, по стилю работы он был бухгалтер.

В то время я считал, что просто придан в поддержку Булганину. Сталин, бывало, нас всегда вместе вызывал или приглашал на семейные обеды и всегда шутил: «Приходите обедать, отцы города». Каганович

с нами не ходил. Он хоть и оставался секретарем МК, но, видимо, Сталин уже в этой роли его не признавал, а считал секретарем ЦК. А мы, «отцы города», представляли Москву. По существу, так оно и было, потому что Каганович просто физически не имел возможности заниматься делами столицы, по уши был загружен делами ЦК. Он работал очень добросовестно: как говорится, ни дня, ни ночи не видел.

Знакомство со Сталиным

Посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятным, пока была жива Надежда Сергеевна. Она была принципиальным, партийным человеком и в то же время чуткой и хлебосольной хозяйкой. Я очень сожалел, когда она умерла. Накануне ее кончины проходили октябрьские торжества... Шла демонстрация, и я стоял возле Мавзолея Ленина в группе актива. Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно, и Сталин стоял на Мавзолее в шинели (он, как всегда в ту пору, ходил в шинели). Крючки у него были расстегнуты и полы распахнулись. Дул ветер, Аллилуева глянула и говорит: «Вот мой не взял шарф, простудится и опять будет болеть». Все это было очень по-домашнему и никак не вязалось с вросшими в наше сознание представлениями о Сталине, о вожде.

Потом кончилась демонстрация, все разошлись. А на следующий день Каганович собирает секретарей московских райкомов партии и говорит, что скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна. Я тогда подумал: «Как же так? Я же с ней вчера разговаривал. Цветущая, красивая такая женщина была». Искренне пожалел: «Ну, что же, всякое бывает, умирают люди...» Через день или два Каганович опять собирает тот же состав и говорит: «Я передаю поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась». Вот и все. Причин, конечно, нам не излагали. Застрелилась, и все тут. Ее похоронили. Сталин ходил провожать ее на кладбище. По его лицу было видно, что он очень переживал, оплакивал ее.

Уже после смерти Сталина я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. На это есть документы. А мы спросили Власика, начальника охраны Сталина: «Какие причины побудили Надежду Сергеевну к самоубийству?» Вот что он рассказал: «После парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову. (В Кремле у него большая квартира была. Я тоже там обедал несколько раз. Приходил туда узкий круг лиц: командующий парадом, в тот раз, по-моему, Корк, принимающий парад — это нарком Ворошилов, и некоторые члены Политбюро, самые близкие к Сталину. Шли туда прямо с Красной площади. Тогда демонстрации надолго затягивались.) Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было. Все разъехались, уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала проявлять беспокойство — где же Сталин? Начала его искать по телефону. Прежде всего она позвонила на дачу.

Они жили тогда в Зубалове, но не там, где жил последнее время Микоян, а через овраг. На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила: «Где товарищ Сталин?» «Товарищ Сталин здесь». «Кто с ним?» Тот назвал: «С ним жена Гусева». Утром, когда Сталин приехал, жена уже была мертва. Гусев — это военный, и он тоже присутствовал на обеде у Ворошилова. Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву никогда не видел, но Микоян говорил, что она очень красивая женщина. Когда Власик рассказывал эту историю, он так прокомментировал: «Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал ей».

Тогда еще ходили глухие сплетни, что Сталин сам убил ее. Были такие слухи, и я лично их слышал. Видимо, и Сталин об этом знал. Раз слухи ходили, то, конечно, чекисты записывали и докладывали. Потом люди говорили, что Сталин пришел в спальню, где он и обнаружил мертвую Надежду Сергеевну; не один пришел, а с Ворошиловым. Так ли это было, трудно сказать. Почему это вдруг в спальню нужно ходить с Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что ее уже нет? Одним словом, эта сторона дела до сих пор темна.

Вообще-то я мало знал о семейной жизни Сталина. Судить об этом я могу только по обедам, где мы бывали, и по отдельным репликам. Случалось, Сталин, когда он был под хмельком, вспоминал иной раз: «Вот, я, бывало, запрусь в своей спальне, а она стучит и кричит: «Невозможный ты человек. Жить с тобой невозможно». Он рассказывал также, что, когда маленькая Светланка сердилась, то повторяла слова матери: «Ты невозможный человек». И добавляла: «Я на тебя жаловаться буду». «Кому же ты жаловаться будешь?» «Повару». Повар был у нее самым большим авторитетом.

После смерти Надежды Сергеевны я некоторое время встречал у Сталина молодую красивую женщину, типичную кавказку. Она старалась нам не встречаться на пути. Только глаза сверкнут, и сразу она пропадает. Потом мне сказали, что эта женщина — воспитательница Светланки. Но это продолжалось недолго, и она исчезла. По некоторым замечаниям Берии я понял, что это была его протеже. Ну, Берия, тот умел подбирать «воспитательниц».

Аллилуеву же я жалел еще и чисто по-человечески. Славным она была человеком. Когда она училась в Промакадемии на текстильном факультете, овладевая специальностью химика по искусственному волокну, то была избрана партгрупоргом и приходила согласовывать со мной всякие формулировки. Я при этом всегда как бы оглядывался: вот придет она домой и расскажет Сталину о моих словах... У Винниченко есть рассказ «Пиня». Этот Пиня был выбран старостой в тюремной камере, поэтому он за всех принимал решения. Избрали меня в Промакадемии секретарем парткома, и почувствовал я себя Пиней. Но ни разу не пожалел, что сказал Надежде Сергеевне то или что-то другое. Да и скромница она была в жизни. В академию приезжала только на трамвае, уходила вместе со всеми и никогда не вылезала как «жена большого человека». Есть старая истина: судьба нередко лишает нас лучших.

А Сталин нравился мне и в быту, если я встречался с ним у него на обедах. Иной раз при встрече в домашней обстановке я слышал, как он шутил. Шутки у него были для меня довольно необычными. Я обоготворял его личность и шуток поэтому от него не ждал, так что любая шутка мне казалась необычной: шутит «человек не от мира сего».

Я уже рассказывал, что он часто вспоминал факты моей работы в академии, а я смотрел и недоумевал: откуда он знает? Потом понял; откуда он знает некоторые эпизоды из моей жизни. Видимо, Надежда Сергеевна информировала его о жизни партийной организации Промышленной академии в то время, когда я там учился, а потом и возглавлял партийную организацию. По-видимому, она представляла меня в хорошем свете как политического деятеля. Поэтому Сталин и узнал меня через нее. А сначала я приписывал свое выдвижение на партийную работу в Москве Кагановичу, потому что Каганович меня очень хорошо знал по Украине, где мы с ним были знакомы буквально с первых же дней Февральской революции. Потом уж я сделал вывод, что, видимо, мое выдвижение было предпринято не Кагановичем, а скорее всего исходило от Сталина. Это, конечно, импонировало Кагановичу. Наверное, Надежда Сергеевна меня, грубо говоря, расхваливала Сталину.

Мне нравилась их семья. У Сталина я встречал старика Аллилуева и его жену, тоже пожилую женщину. Приглашался туда и Реденс со своей женой, старшей сестрой Надежды Сергеевны Анной Сергеевной, и ее брат. Он мне тоже очень нравился — молодой и красивый человек в командирском звании, не то артиллерист, не то из танковых войск... Это были такие непринужденные семейные обеды, с шутками и прочим. Сталин на этих обедах был очень человечным, и мне это импонировало. Я еще больше проникался уважением к Сталину и как к политическому деятелю, равного которому не было в его окружении, и как к простому человеку. Но я тогда ошибался. Теперь я вижу, что не все понимал. Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю, и в своем окружении он был выше всех на много голов. Но он был еще и артист, и иезуит. Он способен был на игру, чтобы показать себя в определенном качестве.

Хочу описать еще одну встречу со Сталиным, которая произвела на меня сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был Каминский, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу, он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются его конкретные знания, например, машина остановилась, то он сейчас же пошлет других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в обществе более скучен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее глубоко, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я такую точку зрения слышал и раньше, еще когда учился на рабфаке. Тогда проводилась в жизнь такая идея, что нам, конечно, нужны и институты, но главным образом нужно побольше техникумов, чтобы иметь у нас не столько просто образованных людей, знающих ту или другую отрасль, сколько специалистов, окончивших техникумы, если проще говорить — ремесленников, которые знали бы дело у́же, но зато глубже, чем инженер той же специальности. У нас тогда и споров не было, мы всецело придерживались такой точки зрения. Да и сейчас я считаю, что она правильна. Поэтому слова Сталина произвели на меня тогда хорошее впечатление: вот человек, который знает суть и правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи индустриализации страны, подъема промышленности и создания на этой основе неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На этой же базе основывался и подъем благосостояния народа.

Закончили беседу. Сталин сказал: «Я не смогу быть у вас, а придет к вам Михаил Иванович Калинин. Он вас поприветствует». Когда завершилась беседа со Сталиным, мы увидели, что уже началось заседание в Колонном зале и нам надо туда бежать. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда доклад уже кончился. С докладом, по-моему, выступал Каминский. Потом говорили слушатели и, наконец, выступил Михаил Иванович. Мы все уважали его и внимательно слушали. Но он говорил как раз обратное тому, о чем только что сказал Сталин. Правда, он тоже утверждал, что надо учиться, овладевать знаниями и быть квалифицированными руководителями нашей промышленности: «Вы кадровые командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать литературу, должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками своей специальности, своих машин и приборов, вы должны быть знатоками нашей литературы, искусства, истории и прочего». Те, кто был у Сталина, переглядывались. Ведь мы только что пришли от него, а Калинин по этому вопросу говорил как раз противоположное услышанному от Сталина. Я был на стороне Сталина, считая, что он конкретнее ставит задачи, ибо прежде всего мы должны быть специалистами, мастерами своего дела и не разбрасываться, иначе мы не будем иметь настоящей цены. Тот, кто глубже знает свой предмет, более полезен для своей Родины и для дела.

Когда началась моя партийная деятельность в Москве, то в январе 1931 г. состоялась районная партийная конференция. Тогда районные партконференции проводились или через шесть месяцев, или через год. На этой-то конференции я был избран в январе секретарем Бауманского районного партийного комитета, а Коротченко — председателем районного Совета. Заворгом в райкоме стал товарищ Трейвас, очень хороший товарищ. Агитмассовым отделом заведовал, по-моему, товарищ Розов, тоже очень хороший, деятельный человек. Потом еще Шуров. У него так кончилась карьера: не помню, либо его арестовали, либо он покончил жизнь самоубийством в Сибири в 1937 году.

Трейвас в 20-е годы был широко известен как комсомольский деятель. Это был дружок Саши Безыменского. Они вместе являлись активными деятелями Московской комсомольской организации. Трейвас — очень дельный, хороший и умный человек. Но меня еще тогда Каганович предупредил, что, мол, у него имеется политический изъян: он в свое время, когда шла острая борьба с троцкистами, подписал так называемую декларацию 93-х комсомольцев в поддержку Троцкого. Безыменский ее тоже подписал. «Поэтому,— сказал Каганович,— требуется настороженность, хотя сейчас Трейвас полностью стоит на партийных позициях, не вызывает никаких сомнений и рекомендуется от Центрального Комитета заворгом».

Сейчас, когда прошло столько лет, я должен сказать, что Трейвас работал очень хорошо, преданно, активно. Это был умный человек, и я им был очень доволен. Но с ним я проработал только полгода, а потом меня избрали секретарем Краснопресненского райкома партии. Это считалось повышением на партийной лестнице, потому что Красная Пресня занимала более высокие политические позиции, чем Бауманский район ввиду ее славного исторического прошлого — Декабрьского восстания 1905 года. Краснопресненская парторганизация была ведущей партийной районной организацией в Москве. Трейвас же остался в Бауманском районе. А секретарем Бауманского райкома избрали, по-моему, Марголина.

Трейвас кончил свою жизнь трагично. Он был избран секретарем Калужского горкома партии и хорошо там работал. Гремел, если так

можно сказать, этот Калужский горком. Но когда началась «мясорубка» 1937 года, то и он не избежал ее. Я опять встретился с Трейвасом, когда он уже сидел в тюрьме. Сталин тогда выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов. Поэтому я тоже ходил. Помню, Реденс был тогда начальником управления ОГПУ Московской области. Это тоже интересная фигура. Реденс, бедняга, тоже кончил жизнь трагически. Он был арестован и расстрелян, несмотря на то, что был женат на сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой, то есть являлся свояком Сталина. Я много раз встречал Реденса на квартире у Сталина, на семейных обедах, на которые я тоже приглашался как секретарь Московской партийной организации, да и Булганин как председатель Моссовета.

Вот с этим-то Реденсом ходили мы и проверяли тюрьмы. Это была ужасная картина. Помню, зашел я в женское отделение одной тюрьмы. Жарища, дело было летом, камера переполнена... Реденс предупредил меня, что там можно встретиться с такой-то и такой-то, там все попадаются знакомые. Действительно, сидела там одна очень активная и умная женщина — Бетти Глан. Она и сейчас, кажется, еще жива и здорова. Была она вторым по счету директором Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. Но она была не только директором, а фактически одним из его создателей. Я тогда не бывал на дипломатических приемах, а она как выходец из буржуазной семьи знала этикет высшего общества, и Литвинов ее всегда туда приглашал, так что она как бы представляла наше государство на этих приемах. Теперь я встретил ее в тюрьме. Она была полуголая, как и другие, потому что стояла жарища. Говорит: «Товарищ Хрущев, ну какой же я враг народа? Я честный человек, я преданный партии человек». Вышли мы оттуда, зашли в мужское отделение. Тут я встретил Трейваса. Трейвас тоже говорит мне: «Товарищ Хрущев, разве я такой-сякой?» Я тут же обратился к Реденсу, а он отвечает: «Товарищ Хрущев, они все так. Они все отрицают. Они просто врут».

Тогда я понял, что наше положение секретарей обкомов очень тяжелое: фактические материалы следствия находятся в руках чекистов, которые и формируют мнение: они допрашивают, пишут протоколы дознания, а мы являемся, собственно говоря, как бы «жертвами» этих чекистских органов и сами начинаем смотреть их глазами. Таким образом, это получался не контроль, а фикция, ширма, которая прикрывала их деятельность. Позднее я подумал, а почему Сталин так сделал? Теперь ясно, что Сталин это сделал сознательно, он продумал это дело, чтобы, когда понадобится, мог бы сказать: «Там же партийная организация. Они ведь следят, они обязаны следить». А что такое «следить»? Как именно следить? Чекистские органы не подчинены нашей партийной организации. Следовательно, кто за кем следит? Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями.

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы руководящего коллектива — Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне Сталин резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь.

Раз присутствовал я на совещании узкого круга хозяйственников. Это было в 1932 г., когда Сталин сформулировал свои знаменитые «шесть условий» успешного функционирования экономики. Я тогда работал секретарем Бауманского райкома партии. Мне позвонили, чтобы я явился на Политбюро, выступит Сталин. Я сейчас же приехал в ЦК, там было

уже полно людей. Зал, в котором мы заседали, небольшой, вмещавший максимум человек 300, был битком набит. Слушая Сталина, я старался не пропустить ни одного слова и, насколько мог, записал его выступление. Потом оно было опубликовано. Повторяю, краткость выражений и четкость формулирования задач, которые были поставлены, подкупали меня, и я все больше и больше проникался уважением к Сталину, признавая за ним особые качества руководителя.

Я встречал и наблюдал Сталина также при непринужденных собеседованиях. Это случалось иной раз в театре. Когда Сталин шел в театр, он порой поручал позвонить мне, и я приезжал туда или один, или вместе с Булганиным. Обычно он приглашал нас, когда у него возникали какие-то вопросы, и он хотел, находясь в театре, там же обменяться мнениями по вопросам, которые чаще всего касались города Москвы. Мы же всегда с большим вниманием слушали его и старались сделать именно так, как он нам советовал. А в ту пору советовал он чаще в хорошей, товарищеской форме пожеланий.

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с туалетами. Даже «по маленькому» люди бегают и не знают, где бы найти такое место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия». Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу: надо создать культурные платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты. И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались товарищи из провинции. Эйхе (он тогда, кажется, в Новосибирске был секретарем парторганизации) с такой латышской простотою спрашивал меня: «Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что вы занимаетесь уборными в городе Москве и что это — по поручению товарища Сталина?» «Да, верно,— отвечаю,— я занимаюсь туалетами и считаю, что в этом проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе — это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах, как Москва». Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда говорили, вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и характеризуют его. Помню, однажды на заседании Политбюро встал несколько необычный вопрос об одном лице, командированном Внешторгом в какую-то латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного вопроса. Вызвали этого человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати пяти. Начинается обсуждение. К нему обращается Сталин: «Расскажите нам все, как было, ничего не утаивая». Тот рассказывает, что приехал в эту страну делать какие-то заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и куда он ездил. Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин. А человек продолжает: «Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал обед. Ко мне подсел какой-то молодой человек и спрашивает: «Вы из России?» «Да, из России». «А как вы относитесь к музыке?» «Люблю послушать, если хорошо играют на скрипке». «А что вы приехали закупать?» «Я приехал закупать

оборудование». «А вы в России служили в армии?» «Да, служил». «В каких частях?» «В кавалерии, я кавалерист, люблю лошадей и сейчас, хотя уже не служу». «А как вы стреляете? Вы же были военным». «Неплохо стреляю». А назавтра мне перевели, что было обо мне написано в газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист, представитель какой-то газеты, но он не представился мне, а я по своей неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал, что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок и спортсмен, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к тому же скрипач, и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо злого умысла».

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним, особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной комиссии, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно, ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого человека, мне его стало жалко: он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро? Человек этот говорил очень чистосердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: «Рассказывайте, рассказывайте», причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит: «Ну, что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера, пиратов... А больше ничего не было?» «Ничего». «Давайте считать, что вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее». Мне очень понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходили в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами как люди, не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен перерыв и все пошли в «обжорку», как мы между собой в шутку ее называли, он, бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо, потрясенный неожиданным для него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение Сталину, после чего Сталин сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы показать, каков он и как решает такие дела.

Еще один эпизод. Это произошло, наверное, в 1932 или 1933 году. Тогда возникло в обществе движение, как мы тогда их называли, отличников. Лыжники, рабочие Московского электрозавода, который занимал тогда передовое место в столице, решили совершить лыжный поход из Москвы в Сибирь или на Дальний Восток. Они благополучно его завершили, возвратились и были представлены к наградам. Их наградили какими-то значками или даже орденами. И, конечно, было вокруг этого много шума. Потом туркмены решили на конях прискакать из Ашхабада в Москву и тоже совершили свой переход. Их тоже встретили с почетом, одарили подарками и опять же наградили. Потом и в других городах и областях развернулось «движение отличников».

Вдруг Сталин сказал, что надо это прекратить, иначе конца не будет: если мы начнем поощрять, а мы уже начали, так все станут ходить, скакать, чем-то «отличаться» и отрываться от производства. «Мы,— сказал он,— превратимся в бродяг, будем публично поощрять такое бродяжничество и даже награждать за него. Нужно прекратить!» И тут же положил конец «движению отличников». Мне это тоже очень понравилось: во-первых, ненужная была шумиха; во-вторых, действительно неверное направление дела поощрения к бродяжничеству, каким-то бесконечным походам и переходам. Сталин же по-хозяйски подошел к вопросу: нужно направлять усилия людей в другом направлении, к тому, что поднимает производство, способствует сплочению народа, удовлетворению его потребностей и т. п. Хорошо разок совершить спортивный поход на лыжах, но это в принципе никакого особого значения не имеет, потому что по-настоящему спорт надо развивать все же на другой основе.

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать кролиководство. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все директора поддерживали их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит недостаток, а недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: «Вы приготовьтесь к докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно, воровским способом». Карточки были разные для работающих и для неработающих. Для работающих — тоже разные, и это тоже один из рычагов, который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы, милицию и чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономили или отобрали, лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за хлеб, за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам способствовал успеху пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень обеспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на заседаниях Политбюро обычно царила сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз, например, вспылил Серго, вообще очень горячий человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца и чуть не ударил его...

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов. А Сталин подал реплику: «Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много, очень много осталось воров, а вы думаете, что всех вы-

ловили». На меня это сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он реплику, понравилось мне очень: в этаком родительском тоне. Это тоже поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и негласное. Настал день, когда этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь городского партийного комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший: ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в «обжорку», а я как-то задержался. Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику, унижавшую и оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии, вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

В первые же годы революции и в гражданскую войну все было еще наоборот. Помню, наступали мы и заняли у белых город Малоархангельск; пришел ко мне местный учитель, человек небольшого ума, и спросил, какой пост ему дадут, если он вступит в партию. Меня это возмутило, но я сдержался и сказал: «Самый ответственный пост». «А какой?» «Дадут винтовку в руки и пошлют бить белогвардейцев. Это сейчас самый ответственный пост. Решается вопрос, быть или не быть Советской власти. Что может быть более ответственным?» «Ну, если так, то я не пойду в партию». Говорю: «Самое лучшее. Вы не ходите!».

Я отвлекся для примера. А тут Сталин, вождь, у которого, казалось, я должен брать уроки доброго отношения к людям и понимания их, пускает такую реплику. Вот уже столько лет прошло, а его слова все еще сидят осколком у меня в памяти. Они оставили отрицательное мнение о Сталине. В его словах прозвучало пренебрежение к людям. Латыш, о котором шла речь, был простой человек, видимо, из рабочих. Тогда латышей вообще среди нашего актива было очень много. Вот встречался я, например, с одним латышом, он командовал 72-м полком 9-й стрелковой дивизии. И на партийных постах, и в хозяйстве, и в Красной Армии было много латышей, и я всегда относился к ним с большим уважением. Да и вообще не было тогда у нас деления людей по национальностям. Деление было по преданности делу: за революцию или против? Это было главным. Потом уже стало нас разъедать мелкобуржуазное отношение к людям: а какой нации? А раньше имело значение только социальное положение: из рабочих он, из крестьян или из интеллигенции? Интеллигенция была тогда, как говорится, на подозрении. Ведь в первые годы революции сравнительно мало людей интеллигентного труда состояло в рядах Коммунистической партии.

(*Продолжение следует*)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЕЛИ

В. Г. Трухановский

Известный французский писатель Андре Моруа однажды заметил: «Разве жизнь Дизраели не удивительнее любой сказки «Тысячи и одной ночи»?» И маститый автор многочисленных книг биографического жанра был близок к истине.

Бенджамин Дизраели родился 21 декабря 1804 г. в Лондоне в состоятельной буржуазной семье. Отец его был известный литератор, любивший больше всего книги и библиотеку Британского музея. В семье была еще дочь Сара и два брата. Ни в элитарной закрытой школе, ни в университете Бенджамин не учился. Он получил семейное воспитание и в результате самообразования приобрел весьма обширные познания в области истории, классической литературы, различных религиозных учений.

Молодой Бенджамин вскоре сформировался как исключительно честолюбивая и властолюбивая личность. Чтобы обрести власть, необходимо большое состояние — к этому заключению Дизраели пришел уже в юношеском возрасте и пытался добыть деньги, играя на бирже и спекулируя акциями латиноамериканских горных предприятий. Спекуляции закончились крахом, и Бенджамин оказался по уши в долгах, которые давили его до конца жизни. Неудачей закончилась и авантюристическая попытка создать крупную общенациональную английскую газету. Призаняв денег у друзей, Дизраели отправился в полуторагодичное путешествие по странам Средиземноморья, из которого он вывез глубокие симпатии к туркам и их образу жизни, а также сохранившийся на всю жизнь интерес к древним цивилизациям.

В 20 лет Дизраели решает заняться литературной деятельностью. Несколько месяцев упорного изнурительного труда — и в свет вышел его первый роман «Вивиан Грей», имевший шумный и несколько скандальный успех. Впоследствии Дизраели стали считать родоначальником политического романа в Англии. В 40-х годах, повзрослев и узнав жизнь, Дизраели пишет ряд романов социального плана, став родоначальником и этого жанра. Выдающимся достижением в этом жанре является роман «Сибилла, или Две нации», в котором ярко показано существование в Англии двух наций, пребывающих в остром конфликте,— богатых и бедных. Это художественное произведение — вершина литературного творчества Дизраели. Лучшие его романы до сих пор переиздаются и пользуются вниманием читателей.

Литература давала деньги и известность. Но путь к власти лежал через парламент. К 30-ти годам Дизраели уже был принят в лондонском высшем свете. Там ему покровительствовали в основном женщины. Однажды после обеда в доме Каролины Нортон, внучки известного драматургв Шеридана, Дизраели был представлен лорду Мельбурну — одному из крупнейших государственных деятелей Англии. Неожиданно

ТРУХАНОВСКИЙ Владимир Григорьевич — член-корреспондент АН СССР.

почтенный лорд спросил Дизраели: «Ну, а теперь скажите мне, кем бы Вы хотели стать?». Ответ был быстрым и ошарашивающим: «Я хочу стать премьер-министром Англии».

Борьба за место в палате общин была очень трудной. Четырежды Дизраели проваливался на парламентских выборах, пока в 1837 г. не прошел в парламент от консервативной партии. В том же округе был избран от консерваторов и крупный бизнесмен — Уиндхем Левис. Его жена Мэри Энн активно участвовала в избирательной кампании обоих. Вскоре она овдовела и вышла замуж за Дизраели, который был на 12 лет моложе жены. Брак оказался счастливым.

Последовали насыщенные важными событиями в истории Англии и жизни Дизраели годы, годы политической борьбы в парламенте, которая осложнялась различными маневрами и интригами, столкновениями честолюбивых замыслов и амбиций различных деятелей. Дизраели находился в эпицентре этой борьбы, без каких-либо предрассудков и принципов прокладывая путь к своей цели. Происхождение и отсутствие нужной финансовой основы очень мешали уже немолодому политику. Но его большие способности, твердая воля, огромная работоспособность в конце концов обеспечили ему положение лучшего оратора в парламенте, затем лидера консерваторов. Сыграл свою роль и Его Величество Случай. В разорванной противоречиями, расколотой партии консерваторов не нашлось людей равных или превосходящих Дизраели по способностям, необходимым для руководства партией и страной. И поэтому, когда консерваторы оказывались у власти, воплощалась в жизнь голубая мечта Дизраели — он становился премьер-министром.

Будучи у власти с 1874 г. по 1880 г. Дизраели уделял первостепенное внимание колониальным и внешнеполитическим проблемам. Он добивался расширения империи, его усилиями королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Со своей стороны Виктория пожаловала своему любимцу титул графа, и он стал лордом Биконсфильдом.

Дизраели был выдающимся государственным деятелем Англии XIX столетия. Ф. Энгельс в конце века писал: «Консерваторы лишь тогда чего-нибудь стоят, когда их возглавляет человек вроде Дизраели»[1]. Успеха Дизраели добился благодаря не только сильной воле и уму, но и гибкости характера, которая помогала ему приспосабливаться к меняющимся условиям и общественным потребностям.

Дизраели до сих пор чтут в Англии. Лидеры консерваторов и историки в наше время часто взывают к его памяти. Дизраели считают основателем консервативной партии в том виде, как она в основном действовала на протяжении последних полутора столетий. Он сформулировал и впервые применил на практике принципы «демократического торизма», позволяющие консерваторам в различных исторических условиях сохранять власть в своих руках. Дизраели провозгласил и осуществлял внешнюю политику империализма, во многом определявшую международные отношения конца XIX — первой половины XX века. Его апологеты утверждали, что он дал консервативной партии Англии двуединую политику «демократизма и империализма».

Ниже публикуется фрагмент из книги о Бенджамине Дизраели, готовящейся к выпуску в свет издательством «Мысль».

Время часто бывало безжалостным к окружающим Дизраели людям. В 1868 г. скончался его брат Джеймс. Он оставил Бенджамину 5 тыс. фунтов. Быстро ухудшалось здоровье жены. Фатальное заболевание прогрессировало, но оба, и Мэри Энн, и Бенджамин, скрывали друг от друга, что они знают — это рак.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 38, с. 256.

Жена стоически принимала участие в различных приемах и обедах. На пасху 1872 г. она сопровождала мужа в Манчестер, где он с большим успехом выступал перед массовыми аудиториями. Но для нее в ее 80 лет это была уже слишком большая нагрузка.

В июле супруги были на приеме, и крайне ослабевшая Мэри Энн потеряла сознание. После этого она уже не выезжала. 15 ноября 1872 г. виконтесса Биконсфильд скончалась в Хьюэндине, где и была похоронена. Дизраели нежно относился к жене, их соединяло большое чувство. Он говорил: «Мы женаты 33 года, и мне ни на одну минуту не было с ней скучно». Дизраели любил жену и сестру, но к остальным членам семьи относился равнодушно. Жизнь у него была нелегкая, полная не столько успехов, сколько огорчений и неприятностей. На основании своего долгого опыта Дизраели сформулировал рациональный и оптимистический философско-психологический принцип отношения к жизни. Он говорил другу: «Не позволяйте вашим мыслям концентрироваться на том, чего вы хотите, но чего вы не получили; всегда фиксируйте ваш мозг на том, чего вы добились».

Человек так устроен, что если он достиг какого-то успеха в жизни, ему хочется, чтобы свидетелями его успеха были его родные и близкие, чтобы они разделили его радость. Эти чувства не были чужды и Дизраели. Ф. Роуз, поверенный и близкий друг Дизраели, через много лет вспоминал свой разговор с ним в момент, когда он в первый раз стал премьер-министром. Роуз сказал тогда: «Если бы только ваша сестра была жива и увидела ваш триумф. Какое бы счастье это доставило ей». На это Дизраели ответил: «О, бедная, бедная Сара! Мы утратили свою аудиторию, мы потеряли своих зрителей»...

Смерть жены имела для Дизраели много тяжелых последствий. Он лишился любимого человека, друга, проявлявшего о нем огромную заботу и оберегавшего от всех житейских сложностей. Кроме того, изменилось финансовое положение — исчезли ежегодные поступления в семейный бюджет тех 4,5 тыс. фунтов, которыми пожизненно располагала Мэри Энн. Прекрасный дом на Парк-Лэйн тоже принадлежал ей пожизненно. Она не могла завещать его мужу. И после смерти жены Дизраели, проживший в этом доме более 30 лет, был вынужден покинуть его и поселиться в гостинице. Он был одинок, и друзья усиленно приглашали его на обеды, а также погостить в их загородных резиденциях. Он охотно пользовался этими приглашениями.

После 1872 г. Дизраели искал утешение в напряженной работе. Знаменательно, что его спокойное поведение в предшествовавшие годы оппозиции также сыграло положительную роль — его авторитет в стране неожиданно резко возрос. Эта перемена политической погоды началась еще в последние месяцы жизни Мэри Энн. В феврале вся лондонская знать собиралась в соборе св. Павла на торжественное богослужение по случаю выздоровления наследника престола принца Уэльского после опасной болезни. Среди других двигалась и карета Дизраели, и огромные толпы народа приветствовали его с гораздо большим энтузиазмом, чем самого виновника торжества.

Когда несколько позднее он посетил Манчестер, то восторженная толпа выпрягла лошадей и сама повезла по улицам карету Дизраели. Его выступления в Манчестере получили большой резонанс. Именно тогда он подверг правительство особенно уничтожающей критике. Он сказал, что, сидя напротив правительственной скамьи, он видит перед собой «гряду потухших вулканов. Ни над одним из них не взовьется хотя бы слабый язычок пламени». А тем временем положение страны остается опасным, опасность — в недостаточно энергичной имперской политике правительства Гладстона. Либеральная партия как будто специально поставила целью разрушение Британской империи. «И, господа, из всех ее усилий именно это ближе всего к успешному завершению».

Конечно, это был тонко рассчитанный пропагандистский прием — воздействовать на умы шовинистически настроенных людей, недовольных «слабой» внешней политикой Гладстона. Чувствуя свою популярность, Дизраели испытывал психологический подъем, и его манчестерские речи в изобилии были пересыпаны афористическими фразами. Именно тогда от него услышали: «Справедливость — это правда в действии», «Английский народ никогда не бывает так велик, как в час большой победы», «Не может существовать экономика без должной производительности», «Насколько легче быть критичным, чем правдивым» и т. п.

В Англии важным политическим барометром являются внеочередные выборы в палату общин взамен выбывающих досрочно по разным причинам депутатов. В 1873 г. такие выборы показывали ухудшение позиций либералов и улучшение отношения к консерваторам. И опять в основе этих перемен в настроении избирателей лежало их разочарование недостаточно активной внешней и имперской политикой Гладстона.

Он это понимал и прибег к часто практикуемому маневру: в январе 1874 г. он получил согласие королевы на роспуск парламента и проведение новых выборов. Расчет строился на том, что внезапность акции не даст консерваторам времени должным образом подготовиться к выборам. Чтобы обеспечить поддержку избирателей, Гладстон обещал отменить подоходный налог. Апелляция к кошельку и желудку избирателей — часто практикуемый и зачастую безотказно действующий прием.

Но Гладстон при этом просчитался дважды: выборы были для Дизраели неожиданными, но он был готов к такой неожиданности; апелляция же к кошельку не дала ожидаемых результатов. Консерваторы искусно показали, что экономическая политика либералов, если они останутся у власти, причинит лишь вред и жизненному уровню рядового англичанина, и экономике страны в целом.

Выборы состоялись в феврале 1874 г. и принесли победу консерваторам. Партия Дизраели получила 350 мест в палате общин, партия Гладстона — 245. Ирландская группа насчитывала 57 человек. Таким образом, консерваторы получили на 50 мандатов больше, чем все другие партии, представленные в палате общин. Это означало, что впервые за много лет консерваторы стали хозяевами положения в стране. Полный контроль над государственными делами получал и их лидер — Бенджамин Дизраели. Министром иностранных дел вновь стал лорд Стэнли (позже ставший графом Дерби).

Дизраели был доволен тем, как ему удалось сформировать правительство. Счастливый премьер-министр чувствовал усталость и нуждался в отдыхе. Он отправился в Брайтон,— пожалуй, самый модный и тогда и теперь приморский курорт на юге Англии. Здесь у старого политика было время размышлять о своем успехе и о цене, какая за него заплачена. И он пришел к выводу, что для достижения большой цели люди должны жертвовать всем остальным. Но тогда возникал второй вопрос: стоила ли его победа тех усилий и жертв, которых она потребовала? Ответ он дал положительный. Но одно важное обстоятельство омрачало достижение великой цели. Когда его поздравляли с достигнутым триумфом, Дизраели добрым друзьям отвечал: «Да, но он пришел слишком поздно».

И все же он с величайшей готовностью и радостью принял тяжелое бремя власти, хотя ему было уже 70 лет. Возраст и по нынешним меркам солидный, а уж тогда тем более. Приступая к далеко не легким обязанностям премьер-министра, Дизраели, вероятно, забыл свои неоднократные утверждения, что справиться с решением исторических задач, стоявших перед Великобританией, могут только молодые люди с их нерастраченными силами и энергией. Ведь недаром через четыре года, будучи на вершине славы, он говорил: «Власть! Ко мне она пришла слишком поздно. Были времена, когда я, просыпаясь, чувствовал, что могу перемешать династии и правительства; но все это ушло в прошлое». Здесь Дизраели был искренен. И тем не менее впереди у него было шесть лет деятельности в качестве премьер-министра Англии, плотно насыщенных внутриполитическими, имперскими и международными делами.

Внешняя политика Англии — политика глобальная. Ее владения находились на всех материках. Ее флот действовал на всех морях и океанах. Английские товары и деньги проникали в самые отдаленные уголки земного шара. Особую важность в период существования правительства Дизраели приобрел Восточный вопрос. Развернувшаяся в связи с ним борьба определяла во многом и характер отношений Англии с ведущими европейскими державами, и прежде всего с Россией.

В международных отношениях эта проблема возникала в связи с тем, что в XIX в. экономическое, социальное и культурное развитие порабощенных народов Балканского региона достигло такого уровня, что они начали поднимать вооруженные восстания против османского господства. Все это в сочетании с отставанием развития собственно турецких территорий и неспособностью турецких султанов осуществить в империи преобразования, диктуемые изменившимися условиями, привели многих деятелей европейских государств к заключению о неизбежности распада турецкой империи.

Позиция российского правительства в этом вопросе была весьма сложной. Нельзя отрицать, что царизм преследовал определенные территориальные и политические экспансионистские цели. В то же время нельзя не видеть, что действия российского правительства в Восточном вопросе имели существенные положительные моменты: общегосударственные интересы требовали обеспечения безопасности южных районов страны и свободы мореплавания в Черном море, а также возможности для своих судов выходить в Средиземное море и далее на океанские просторы. Россия добивалась этих целей как дипломатическим, так и военным путем. Ее действия имели и важную объективно прогрессивную черту: они расшатывали основы турецкого господства на Балканах и помогали порабощенным народам Балкан приблизить день своего освобождения от тяжкого иноземного господства. Так в политике России переплетались позитивные и негативные моменты, отражая всегда присутствующую в международных отношениях диалектику.

Английская политика в отношении Турции формировалась в конце войны против Наполеона и в послевоенный период. Она сводилась к сохранению статус-кво. Эта политика была направлена против России, так как имела целью использовать Турцию в качестве активного антироссийского барьера. Что это означало на деле, показала Крымская война. Английская политика была враждебна также жизненным интересам порабощенных народов Балкан, ибо предполагала сохранение власти Турции на неопределенное время.

Однако английская политика — всегда политика гибкая. Предусматривая сохранение территориальной целостности Турецкой империи, Лондон весьма заботился о том, чтобы эта целостность не была нарушена в пользу России или балканских народов. В то же время политика «целостности» подразумевала отторжение от Турции в пользу Англии различных территорий; каких и когда — это зависело от обстоятельств. В начале списка таких территорий можно поставить Ионические острова, приобретенные Англией в 1815 году. Дизраели, выступавший рьяным поборником доктрины «целостности Турции», продолжил этот список. Крупнейшие достижения Дизраели на международной арене связаны именно с обеспечением интересов Англии при решении Восточного вопроса. Дизраели внес в борьбу за эти интересы и свой бурный темперамент, и незаурядные дипломатические способности, и готовность идти на боль-

шой риск, и волю в достижении преследуемой цели. Важными вехами на этом пути были покупка акций компании Суэцкого канала, «приобретение» острова Кипр и Берлинский конгресс 1878 года.

В 1869 г. француз Фердинанд Лессепс закончил постройку на территории Египта канала, соединившего Средиземное и Красное моря. Канал имел важное стратегическое и экономическое значение. Он сокращал путь для судов, следующих из Европы в Индию и Тихий океан на тысячи миль. Вскоре более трех четвертей всех торговых грузов, шедших через Суэцкий канал, стали английскими. Однако акции компании, управлявшей каналом, принадлежали наполовину французам и наполовину хедиву Египта, который номинально входил в состав Османской империи.

Хедив был безмерно расточителен и в конце 1875 г. оказался на грани банкротства. Он решил срочно продать свою часть акций канала и получить таким образом 4 млн. фунтов стерлингов. Англичане держали под пристальным наблюдением все египетские дела и узнали, что хедив начал переговоры о продаже акций с французами. Английские представители в Египте, со своей стороны, вступили в контакт с хедивом и информировали об этом Лондон. Неожиданно возникла возможность помешать французам прибрать к рукам весь пакет акций и заполучить половину их в распоряжение Англии. Дизраели посвятил королеву и положение дел, и она горячо поддержала его намерение.

Деньги нужны были большие и очень срочно. Однако парламент был распущен на каникулы и не мог санкционировать нужные ассигнования. Обратиться к банку Англии Дизраели не рискнул — там поставили бы вопрос на рассмотрение правления, и в результате было бы упущено время и нарушена секретность. Премьер-министр решил использовать свои связи с Ротшильдами. Но нужна была санкция кабинета. Дизраели волновался: а вдруг после заседания кабинета пойдут слухи о задуманной сделке и кто-то успеет перехватить инициативу? Он посадил у двери комнаты, где заседал кабинет, своего личного секретаря Монти Кори, который должен был начать действовать в ту минуту, когда Дизраели появится в дверях и произнесет одно слово: «да». Как только кабинет согласился на покупку акций, Кори помчался к Ротшильду.

Банкир сидел за ленчем, но Кори прорвался к нему, объявил, что завтра премьер-министру нужны 4 миллиона. Ротшильд оторвал от грозди винограда ягодку, положил в рот, выплюнул кожицу и спросил: «Под какие гарантии?» «Под гарантию британского правительства»,— выпалил Кори. Банкир сказал: «Вы их получите». Сделка состоялась. Дизраели писал пребывающей в состоянии восторга Виктории: «Дело сделано. Он Ваш, мадам» (речь шла о канале). Собравшийся впоследствии парламент вотировал нужную сумму. Правда, были среди депутатов и возражавшие. Гладстон в критической речи выразил возмущение сделкой.

Пошли разговоры, что покупка акций Суэцкого канала английским правительством предвещает оккупацию Египта Великобританией. Разумеется, эти предположения были с возмущением отвергнуты. Но в 1882 г. у египетских берегов появилась английская эскадра, подвергла их бомбардировке, и вскоре английские войска заняли Египет. Все это было проделано, когда премьер-министром был уже Гладстон — тот самый Гладстон, который так сурово осуждал Дизраели за его операцию с акциями Суэцкого канала. Английские политики приводили различные мотивы в оправдание своих действий в Египте. Конечно, фигурировал и тот довод, что необходимо защитить пути в Индию от посягательств России. Но в 1983 г. английский историк Б. Портер резюмировал суть проблемы так: «Конечно, это было чистейшее лицемерие. Удобное, но не убедительное прикрытие того, что в действительности было не чем иным, как политикой национальной агрессии». И далее: «С другой стороны, это было проявление существа викторианского либерализма».

В 1875 г. национально-освободительная борьба балканских народов достигла невиданного дотоле размаха и привела к возникновению Восточного кризиса. Взялись за оружие народы Боснии, Герцеговины и Болгарии. Повстанцам Боснии и Герцеговины удалось освободить некоторые из своих земель. Восстание болгар сильно встревожило турецкое правительство, ибо центр восстания — город Стара Загора — находился неподалеку от столицы Турции — Константинополя. К тому же Болгария была богатейшей провинцией Османской империи и потеря ее имела бы тягчайшие стратегические и экономические последствия. Поэтому турецкие власти мобилизовали все свои возможности и подавили болгарское восстание с неслыханной жестокостью.

События на Балканах получили широкий резонанс в мире. Свирепо подавляя восстания, турецкие власти одновременно с большим шумом провозглашали свое намерение провести ряд реформ, идущих навстречу пожеланиям порабощенных народов. Это был тактический маневр. Реформы осуществлять турки не собирались, а шум поднимали с целью обмануть мировое общественное мнение и ослабить национально-освободительное движение.

В мае 1876 г. в Болгарии вновь вспыхнуло вооруженное восстание, на этот раз более мощное и широкое. Но и оно было потоплено в крови. Каратели сожгли и разорили свыше 100 болгарских населенных пунктов, убили более 30 тысяч человек. Жестокости, чинимые турецкими властями, потрясли весь цивилизованный мир.

Болгарское восстание стало в 1876—1877 гг. важнейшим вопросом в политической жизни Англии. Возмущение турецкими зверствами охватило довольно широкие слои общества. А как отнеслось к событиям на Балканах правительство? Дизраели и большинство его министров, как и королева, заняли сразу же протурецкую позицию. Правительство стремилось представить сообщения о турецких зверствах как сильно преувеличенные, всячески создавало впечатление, что турецкие обещания реформ искренни и серьезны, нужно только не мешать их проведению в жизнь и, наконец, что восстания на Балканах — это «дело русских». Х. Пирсон суммирует мотивы поведения Дизраели: «Он никогда не колебался в убеждении, что Россия является угрозой цивилизации. Слабую, обанкротившуюся, утратившую свое достоинство Оттоманскую империю он поддерживал исключительно потому, что считал, что ничтожные и коррумпированные турки представляют для Европы меньшую опасность, чем рабство и варварство татар (то есть народов России.— *В. Т.*). И самым трудным в его карьере было удержать Англию от сотрудничества с Россией против Турции в 1876 году, когда Гладстон делал все, что в его силах, чтобы разжечь гуманистические симпатии английского народа».

А между тем в Англии происходило резкое размежевание на сторонников восставших народов и на защитников тех, кто их зверски подавлял. Страна разделилась на «русских» и «турок». Дизраели опирался на поддержку «высоких десяти тысяч», то есть на аристократию, крупную буржуазию и верхушку государственного аппарата. Либеральная интеллигенция энергично выступила с осуждением турецких зверств. Много сделала для правдивого освещения происходящего на Балканах газета либерального направления «Daily News». 23 июня 1876 г. она опубликовала сообщение своего корреспондента о том, что по турецким сведениям истреблено 18 тыс. болгар, а по сведениям из болгарских источников — 30 тысяч. Публиковавшуюся в «Daily News» информацию перепечатывали другие газеты.

«Daily News» направила в Болгарию своего специального корреспондента Дж. Макгахана. В корреспонденции, опубликованной в начале августа, он писал: «Три дня тому назад я прибыл в Пловдив — главный город той части Болгарии, которая явилась ареной «подвигов» башибузуков, а следовательно, место, где можно получить наиболее достоверную

информацию о зверствах, взбудораживших общественное мнение Европы... Существуют вещи настолько ужасные, что о них нельзя говорить без содрогания... турецкие зверства признаны всеми, в том числе и теми, кто дружественно настроен к туркам, и даже самими турками». Корреспондент сообщал, что русский и французский консулы насчитывают до сотни разоренных населенных пунктов и полагают, что число убитых достигает 40 тысяч. Корреспондент описывает ужас, который он испытал при виде гор обезглавленных трупов и черепов, исклеванных хищными птицами, пепелищ и чудом спасшихся женщин, оплакивающих своих погибших родных.

Макгахан разоблачал неблаговидное поведение Дизраели и английского посла в Константинополе Генри Эллиота: «Для Дизраели и Эллиота важно не то, что они (турки.— *В. Т.*) убили десятки тысяч невинных людей, а то, что газеты приводят неверные цифры, определяя число убитых». Он видел спасение для Болгарии в том, что на помощь ей придет русский народ. Макгахан обещал болгарам: «Я снова вернусь к вам, но на сей раз с русскими войсками». И свое слово он сдержал.

В английском народе сообщения о турецких зверствах в Болгарии вызвали такое глубокое возмущение, что оно вылилось в форму массовых митингов протеста, проходивших во многих городах. «Daily News» призвала общественность к созданию специальных комитетов для организации митингов и других акций протеста. Рабочий комитет в Лондоне провел в августе 1876 г. массовый митинг; в его резолюции говорилось: политика консервативного правительства «компрометирует честь нации, делая Великобританию соучастницей преступлений, которые находятся в полном противоречии с гуманностью и просто позорны для цивилизованной страны». В архиве Форин оффис в особой папке и сейчас хранятся более 500 резолюций протеста английской общественности против протурецкой политики правительства Дизраели.

Дизраели возмущало вмешательство народа в его политику. Куда девались рассуждения о сотрудничестве правящих кругов с трудящимися! Неужели английский народ «должен учить свое правительство так, как учат шепелявящего ребенка правильно произносить слова?» — негодовал премьер-министр, полный решимости не поддаваться нажиму снизу (эта решимость основывалась на том, что консервативное правительство опиралось на устойчивое большинство в парламенте).

6 сентября 1876 г. Дизраели получил по почте дарственный экземпляр только что опубликованной брошюры Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос». Появление брошюры произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Сразу же было распродано 40 тыс. экземпляров, и вскоре— 200 тысяч. Брошюру перевели во многих странах, включая Россию, где она также имела большой успех. Гладстон рассказал о зверствах, чинимых турками на Балканах, и утверждал, что ответственность за них несет вместе с турецкой администрацией правительство Дизраели: оно не только ничего не сделало для их прекращения, но через посла Эллиота советовало туркам «действовать беспощадно». Вскоре Гладстон опубликовал вторую брошюру по этому вопросу. Выступая за национальную и политическую независимость Болгарии, он считал, что в этом вопросе Россия и Англия должны сотрудничать, а не занимать противоположные позиции.

Такая позиция соответствовала настроениям английского народа. В результате политический авторитет Гладстона возрос, что впоследствии явилось одним из факторов, обусловивших его возвращение к власти. Чем больше росла популярность Гладстона, тем ниже падал авторитет Дизраели. Это приводило премьер-министра в бешенство. И народные протесты, и выступления Гладстона он рассматривал как акции, направленные против него лично. Если и раньше он относился к своему главному политическому противнику с ненавистью, то теперь она достигла

точки кипения. Его чувство к Гладстону вполне разделяла королева Виктория.

В виде уступки общественному мнению Дизраели вынужден был отозвать из Константинополя посла Эллиота. Обороняясь против обвинений Гладстона, он использовал все возможности, чтобы доказать, будто беспорядки на Балканах спровоцированы русскими. Как замечает историк и биограф Дизраели Р. Блэйк, «чем большим туркофобом становился Гладстон, тем в большего русофоба превращался Дизраели». Политические противоречия перерастали в личную борьбу. В этой борьбе, стремясь опорочить противника не только как политика, но и как личность, Дизраели позволял себе применять недозволенные приемы. Он объявил Гладстона сумасшедшим и повсюду распространял эту версию. В этом неблаговидном деле ему помогала королева Виктория.

Сначала премьер-министр называл поведение Гладстона злонамеренным, позорным и не имеющим оправдания. В это время поведение Гладстона уже объяснялось его безумием. Но еще в октябре 1876 г. Дизраели писал лорду Дерби: «Потомки по достоинству оценят этого беспринципного маньяка Гладстона, эту невероятную смесь зависти, мстительности, лицемерия и суеверия. Главной его отличительной чертой, когда он занимает пост премьер-министра или лидера оппозиции, или когда он молится, выступает с речами или в печати, является то, что он не джентльмен». Эти высказывания встречаются и в переписке Дизраели с Викторией, и в его письмах к друзьям.

Но уже к февралю 1877 г. появилось выражение «этот полусумасшедший». 3 октября 1877 г. Дизраели писал леди Бредфорд о Гладстоне: «Можно с уверенностью сказать, что он сумасшедший. Положение представляется именно в таком виде». А герцог Сазерленд, отражая настроения верхов, договорился до того, что в январе 1878 г. публично утверждал: «Главными агентами России являются Гладстон и генерал Игнатьев» (русский посол в Турции).

Гуманистическая позиция значительной части английского народа, включая и общественную деятельность Гладстона, связывала антирусскую инициативу Дизраели и его правительства и облегчила России задачу помощи национально-освободительному движению на Балканах военными средствами. 29 августа лорд Дерби с большой неохотой отправил в Константинополь телеграмму: «Впечатление, которое произвели в Англии события в Болгарии, полностью уничтожили всякие симпатии к туркам. Всеобщее настроение таково, что если Россия объявит войну Высокой Порте, правительство ее величества практически не сможет вмешаться». В связи с этой телеграммой болгарский историк И. Митев писал: «Народные массы Англии связали руки своему правительству, лишив его возможности оказать помощь Турции в войне против России или самому объявить ей войну». Несомненно, это обстоятельство существенно влияло на принятие важнейших решений Петербургом.

Если вся Европа была охвачена негодованием по поводу турецких зверств на Балканах, то наивысшей степени возмущение достигло в России. Широкие общественные круги высказывались за оказание славянским народам, страдавшим от турецкого гнета и репрессий, всяческой помощи, включая военную. В Сербию и Черногорию, воевавшие с Турцией, прибывали русские добровольцы. Российское правительство занимало осторожную позицию. Оно стремилось действовать дипломатическими средствами и избежать войны. Это была вполне реальная возможность. Проблема отношений турецкого правительства с его славянскими подданными приобрела международный характер. Она активно обсуждалась правительствами ведущих европейских держав, и поэтому заинтересованность России в ее решении была естественной. Турция между тем не проявила желания кончить дело компромиссом. Она не заняла бы столь вызывающей позиции, если бы правительство Дизраели тайно

(а иногда не совсем тайно) не подстрекало ее правителей к действиям, приведшим в конце концов к войне.

Вопреки существованию в стране и в правящих кругах различных мнений по восточной политике Англии Дизраели готов был вовлечь страну в войну на стороне Турции. Именно поэтому он приходил в негодование по поводу развертывавшейся в Англии агитации против турецких зверств, поскольку она давала предлог и моральное основание для военного выступления России в защиту угнетенных и подвергающихся издевательствам христиан. Вместе с тем правдивая информация о том, что творят турки в славянских районах своей империи, воздействовала на английское общественное мнение и это мешало Великобритании вступить в войну на стороне Турции.

Вопрос о готовности Дизраели ввергнуть страну в войну против России в 1877—1878 гг. изучался со всей серьезностью. Авторитетный английский историк, большой знаток Восточного вопроса Е. Ситон-Уотсон на основании обширного документального материала пришел к выводу, что Дизраели стремился к войне с Россией и искал предлог для этого. Такое заключение разделяют и многие другие историки.

Какие цели при этом преследовались? Прежде всего отбросить Россию, с тем чтобы она не мешала Англии по-своему решать Восточный вопрос, помешать войне России против Турции в союзе с освободительным движением народов Балкан, которая была чревата непредсказуемыми неприятными последствиями для Англии. Дизраели и королева Виктория очень опасались, что в ходе такой войны Константинополь и проливы могут оказаться в руках России и тем самым для русских судов откроется путь в Средиземное море. Наконец, война Англии во имя сохранения «целостности и независимости» Турции дала бы возможность Лондону приобрести в свое безраздельное владение некоторые турецкие территории и важные стратегические пункты. Казалось бы, одно с другим несовместимо, но не для гибкого ума Дизраели.

Известны важные документы, раскрывающие образ мышления Дизраели в то время. 23 октября 1876 г. он имел обстоятельную беседу по Восточному вопросу со своим «политическим и личным другом» лордом Баррингтоном, который ее в тот же день подробно записал. Речь шла о войне и мире. «А что если русские войдут в Болгарию?» — спросил Баррингтон. На это Дизраели заметил, что он полон решимости не допустить, чтобы русские прямо или косвенно стали обладателями Константинополя. Баррингтов продолжал: «Многие в Англии говорят: а почему нет? Ведь Англия может занять Египет и тем самым заполучить главную дорогу в Индию». «Ответ очевиден... Ключом к Индии является Константинополь, а не Египет и не Суэцкий канал». Дав такой ответ, Дизраели рассказывал, что между ним и российским канцлером Горчаковым уже «несколько месяцев идет великая политическая дуэль»; русские уверяют: «Мы не собираемся завладеть Константинополем». И Дизраели заметил: «Возможно, и нет». Он так изложил свою позицию: «Англия должна одержать победу в дипломатической сфере (что касается войны, то это дело само собой разумеющееся)... И это явится блестящим завершением его великолепной карьеры». Итак, Дизраели допускал: заявление царского правительства о том, что оно не преследует цель захвата Константинополя в данное время и при данных условиях, соответствует истине. Однако это не суть важно. Англия должна заполучить этот «ключ к Индии».

В беседе с Баррингтоном премьер-министр изложил лишь часть своих замыслов, связанных с восточным кризисом. В разговоре с лордом Солсбери Дизраели заметил, что если Англия будет действовать так, как он предлагает, и «кроме того оккупирует в Черном море нечто равноценное Мальте и Гибралтару, а именно Варну, Батум или Синоп, что является возможным, то положение может быть спасено». Взглянув на карту Ближнего Востока и Черного моря, можно понять грандиозность замыслов Дизраели.

Реализация этих замыслов мыслилась путем военного вмешательства Англии в войну. Дизраели сам составлял планы военной операции. Он высчитал, что для «удержания Галлипольского полуострова и линии к северу от Константинополя» потребуется 46 тыс. английских солдат. Департамент разведки указал, что для задуманной операции потребуется минимум 75 тысяч. В ответ Дизраели назвал разведчиков невеждами. А задуманная операция означала не что иное, как захват Англией проливов и Константинополя.

Одновременно в стране развертывалась оголтелая шовинистическая кампания по обработке общественного мнения. Пышно расцвел джингоизм. Новый словарь английского языка Вебстера поясняет, что «джинго — это человек, который похваляется своим патриотизмом и выступает за агрессивную, угрожающую, воинственную внешнюю политику, шовинист». Это выражение вызвало к жизни и понятие «джингоизм», которое означает политику разнузданных угроз по адресу других государств. Джингоизм в английской внешней политике — явление долговременное, оно придавало политическую и эмоциональную окраску отношениям Англии не только с Россией, но и с некоторыми другими странами.

Представляет безусловный интерес для понимания антирусских настроений в Англии в то время переписка В. В. Стасова с В. В. Верещагиным. Эта переписка дала Стасову основание опубликовать 23 июля 1879 г. в газете «Новое время» статью «Еще о выставке Верещагина в Лондоне». Стасов писал: «Прежде всего необходимо обратить общее внимание на любопытный факт, обнаружившийся по поводу этой самой выставки. Это необыкновенная ненависть к России и ко всему русскому, царствующая в настоящее время в целых слоях английского общества и в их выразительнице — английской печати... Так поступили нынче почти все известные своим русофобством органы лондонской печати: «Глоб», «Пэпл Мэлл», «Стандард», «Морнинг пост». Но всех их превзошел «Таймс», как известно, стоящий нынче во главе русофобов».

Картины на сюжеты последней русско-турецкой войны служили постоянной темой бесед для многих посетителей выставки. В их разговорах картины и художник оставались совершенно в стороне, но в то же время «высказывалась самая страстная, самая дикая ненависть к русскому походу и русским освободительным подвигам». «Итак,— заключает Стасов,— читатель видит: ни одного шага без политической ненависти и высокомерия, ни одного шага без «мороза» и «самовара», неудобств русской жизни и совершенств своей, без величия английских государственных людей и их глубокого зрения».

В свете этих фактов неудивительно, что правительство Дизраели сделало все возможное, чтобы сорвать дипломатические усилия, направленные на урегулирование возникшего кризиса политическими средствами. В то же время, как убедительно показывает Ситон-Уотсон, «русская внешняя политика на протяжении кризиса преследовала в основном миролюбивые и ограниченные цели». Английские историки признают, что заверения российского посла в Лондоне Шувалова и канцлера Горчакова о желании найти мирный выход из кризиса были искренни.

В начале ноября 1876 г. Александр II был в Ливадии. Англичане просили, чтобы он срочно принял там английского посла лорда Лофтуса. Царь вместе с Горчаковым принял посла. Посол осведомился, не стремится ли Россия получить во владение Индию и Константинополь. Царь и канцлер отвергли любые подозрения подобного рода. При этом они дали согласие на созыв международной конференции, которая урегулировала бы мирным путем проблему, возникшую в связи с восстанием славян в европейских владениях Турции. Россия соглашалась тем самым принять вердикт, выработанный ведущими европейскими державами.

И лишь в случае срыва конференции оставляла за собой свободу действий. Была достигнута договоренность, что конференция состоится в декабре 1876 г. в Константинополе и ее участниками будут Россия, Англия, Германия, Австро-Венгрия и Франция. Казалось бы, дипломатические события развиваются в благоприятном направлении.

Но 9 ноября на банкете у лорд-мэра Лондона Дизраели выступил с речью, в которой он угрожал России войной. Гладстон назвал это выступление «почти невероятной провокацией со стороны Дизраели». Через два дня Александр II в Москве ответил на выступление Дизраели, заявив, что если Турция не проведет реформ, улучшающих положение ее славянских подданных, то Россия объявит ей войну. Заявление царя было свидетельством того, что в стране усилились позиции сторонников войны, и этому безусловно способствовало поведение английского правительства. В России была объявлена частичная мобилизация, увеличивавшая армию на 22 дивизии.

Дизраели в состоянии боевого азарта, забыв о своих болезнях и недомоганиях, намеревался сам ехать в Константинополь. Дерби с трудом смог уговорить его не делать этого, ибо это выглядело бы странным — ведь русские назначили своим представителем на конференции всего лишь посла в Турции графа Игнатьева. В результате туда поехал член кабинета министр колоний лорд Солсбери. Он был умным политическим деятелем и действовал с учетом объективных условий. Дизраели это возмущало. Позднее он писал Дерби: «У Солсбери, кажется, много предубеждений. И он не отдает себе отчета в том, что главная задача, с которой его послали в Константинополь, состоит в том, чтобы удержать русских подальше от Турции, а не создавать идеальные условия существования для турецких христиан. Он оказывается более русским, чем Игнатьев». Зная о такой позиции английского правительства и об ожесточенном сопротивлении Турции проведению необходимых реформ, стоит ли удивляться, что конференция оказалась безуспешной?

В феврале 1877 г. граф Игнатьев был послан в европейские столицы с целью добиться договоренности, которой не удалось достичь в Константинополе. В результате 31 марта был подписан Лондонский протокол, требовавший от Турции проведения реформ. Английское правительство протокол подписало, но одновременно поддержало Турцию, отклонившую протокол. Так провалилась последняя попытка предотвратить войну. В связи с приездом Игнатьева в Лондон для подписания протокола Дизраели заметил, что российское правительство стремилось лишь построить «золотой мост» для отступления, сохранив достоинство. В этом ему не только не помогли, но и помешали. И прежде всего Дизраели. Отклонение Турцией при поддержке Англии Лондонского протокола привело к тому, что 24 апреля 1877 г. началась русско-турецкая война.

И все же Лондонский протокол сыграл известную положительную роль. Дизраели и его единомышленники были лишены возможности принять участие в войне вместе с Турцией против России. Ведь Россия официально начала военные действия, чтобы заставить Турцию реализовать требования, содержавшиеся в протоколе, под которым стояла подпись английского правительства. Особенно трудно это было сделать в том морально-психологическом климате, который был создан в Англии агитацией против турецких зверств. К этому прибавлялись острые расхождения и в консервативной партии, и в оппозиции — одни выступали за войну, а другие были категорически против. Такой же раскол произошел и в самом правительстве.

Несогласные члены кабинета получили наименование «группа трех лордов». Это были Карнарвон, Солсбери и Дерби — очень авторитетные и политически сильные люди. Что касается самого Дизраели, то лорд Карнарвон писал своему другу лорду Солсбери: «Дизраели, насколько это зависит от него, намерен добиваться, чтобы мы приняли участие в

войне на стороне Турции». Когда в конце марта Карнарвон побывал в Виндзоре, его тревога усилилась. Он писал Солсбери: «Дизраели подготовил здесь почву, чтобы избавиться от несогласных с его политикой министров, и полностью склонил на свою сторону королеву. «Она готова к вступлению в войну и скорее сложит с себя корону, чем смирится с русским оскорблением» (подразумевалась возможная победа России в войне).

Дизраели всячески пытался убедить российское правительство в том, что в его кабинете царит совершенное единодушие и все министры поддерживают воинственную позицию премьера. Но в Петербурге хорошо знали, что в действительности происходит в Уайт-холле. Здесь мы сталкиваемся с уникальным явлением в истории дипломатии. Министр иностранных дел лорд Дерби информировал русского посла в Лондоне графа Шувалова о спорах и столкновениях позиций в английском правительстве. Ценные сведения Шувалов узнавал и от жены Дерби.

В конце концов Дизраели и королеве стало известно, что русский посол получает сведения о секретах правительства от супругов Дерби. Действия графа объясняли «неосторожной болтливостью». Но эта болтливость была умышленной. Историки объясняют ее «аристократической масонской солидарностью». Действительно, два крупных аристократа сблизились и совместно действовали для достижения цели — ведь оба стремились предотвратить войну между Англией и Россией. Масонская солидарность вряд ли играла здесь существенную роль, но оба деятеля хотели, чтобы в Петербурге знали истинное положение в английском правительстве и избегали шагов, которые были бы на руку партии войны. Естественно, что контакты Дерби с Шуваловым привели к охлаждению между Дизраели и его министром иностранных дел.

Премьер-министр, со своей стороны, прибегал к необычному маневрированию. В апреле 1877 г. он назначил нового посла в Константинополь. Это был Генри Лейярд — племянник Сары Остин, опекавшей Дизраели в годы его юности. В июне Дизраели установил с ним личную секретную связь и передавал указания ему в обход и втайне от Дерби и Форин оффис.

Нечто похожее предпринял Дизраели и в отношении России. 15 августа он пытался добиться от кабинета решения заявить русским, что Англия вступит в войну, если те предпримут очередное наступление против турок. Правительство не приняло этого предложения. Тогда, чтобы запугать российское правительство, Дизраели строго секретно направил своего личного эмиссара к Александру II. Он должен был заявить царю, что английское правительство абсолютно едино в своей решимости вступить в войну при указанном выше условии. Только королева знала об этой акции Дизраели. Акция была весьма сомнительного свойства. Дизраели действовал за спиной Дерби и министерства иностранных дел. Он тайно нарушал решение собственного правительства. Царь знал правду от Шувалова, но все же эта акция Дизраели, возможно, побуждала российское правительство к осторожности.

Война между Россией и Турцией шла на балканском и закавказском театрах военных действий. Борьба была трудной, людские потери многочисленны, турецкая армия была сильным противником. Перелом в войне наступил после того, как 10 декабря 1877 г. русские войска взяли Плевну. 20 января они вошли в Адрианополь, а через месяц выдвинулись к Константинополю. В это время Англия ввела свою эскадру в Мраморное море, и русское командование воздержалось от ввода войск в столицу Турции, хотя реально было в состоянии это сделать.

Война закончилась полным разгромом Турции. Результаты его были зафиксированы в прелиминарном мирном договоре, подписанном в Сан-Стефано, вблизи Константинополя. Договор предусматривал освобождение Болгарии от турецкого господства, восстановление болгарского на-

ционального государства. Устанавливалась полная независимость Сербии, Черногории и Румынии. Босния и Герцеговина получали автономию. Вопрос о проливах в договоре не ставился.

Сан-Стефанский договор был очень выгоден славянским народам Балкан; получала по этому договору некоторые выгоды и Россия. Все это не устраивало прежде всего Англию, а также Австро-Венгрию. Поэтому обе эти державы в сотрудничестве с Германией, Турцией и Францией сразу же стали прилагать энергичные усилия, чтобы лишить, по крайней мере частично, Россию и балканские народы плодов русской победы в войне.

Договор в Сан-Стефано, которым она закончилась, вызвал резкое недовольство Лондона. Английских политиков не устраивало то, что этот договор восстанавливал престиж России, серьезно ослабленный Крымской войной, свидетельствовал о крупном успехе русского оружия, предоставлял свободу славянским народам Балкан. Все это подрывало могущество султанской Турции — средневековой монархии, паразитировавшей на порабощенных народах, которую последовательно поддерживало правительство Дизраели. Не сумев в силу обстоятельств, а не из-за отсутствия желания, вступить в войну на стороне Турции, теперь оно активно добивалось пересмотра Сан-Стефанского договора в угодном Англии смысле.

Действия Дизраели и его министров обставлялись ими как альтруистические усилия, имеющие единственную цель — защитить бедную Турцию от свирепого русского медведя. В действительности же Англия стремилась лишить Россию плодов ее победы, уменьшить, и существенно, завоевания славянских народов, которых они добились благодаря этой победе. Кроме того, в обстановке дипломатической борьбы, развернувшейся в Европе после окончания Восточной войны, английское правительство намеревалось захватить некоторые важные в стратегическом отношении турецкие территории в Восточном Средиземноморье. Прикрыть эту очевидную агрессию и совместить ее с показной ролью защитника территориальной «неприкосновенности Турции» было нелегко. Но английские деятели придумали формулу: Англия не захватывает у Турции, скажем, важный турецкий остров, а получает его взамен обещания защитить Турцию.

Провести операцию пересмотра Сан-Стефанского договора предполагалось таким образом, чтобы она оказалась унизительной для России и нанесла существенный урон ее международному престижу. Для достижения этих целей правительство Дизраели предприняло военные и дипломатические меры. Правящие круги использовали все имеющиеся в их распоряжении средства воздействия на умы людей во враждебном России духе. Нагнетание русофобии создало обстановку все нарастающей военной истерии. Война между Англией и Россией могла вспыхнуть в любой момент.

Андре Моруа писал: «Созывается заседание кабинета министров. Первый министр желает подготовить войну. «Если мы будем тверды и стойки, то добьемся мира и продиктуем тогда наши условия Европе»,— говорит он». Заявление Дизраели вызывает два недоуменных вопроса. Во-первых, как понимать слова «добьемся мира»? Война между Россией и Турцией уже прекратилась и мирный договор между ними подписан 3 марта 1878 года. Никакой другой войны нет, если не принимать за войну готовность Дизраели развязать военные действия. Во-вторых, что значат слова «продиктуем тогда наши условия Европе»? Они вскрывают истинное отношение Англии к Европе и роль, которую она была намерена играть в решении европейских дел.

Дизраели все это говорил всерьез. Об этом свидетельствуют предпринятые им в срочном порядке военные меры: производится призыв запасных, вотируются ассигнования на военные нужды, адмиралу Хорнби отдается приказ идти в Мраморное море с эскадрой броненосцев и стать

у Принцевых островов на виду у Константинополя. Из Индии вызываются армейские части, чтобы занять турецкий остров Кипр и залив и порт Искендерон-Александретту на юго-восточном берегу Турции.

Лорд Дерби, считая, что эти меры провоцируют войну с Россией, не желал нести ответственность за такую политику и ушел в отставку. Его преемником на посту министра иностранных дел стал лорд Солсбери. Это был окончательный разрыв между Дизраели и Дерби, который вскоре порвал и с партией, возглавляемой Дизраели.

Интересно, что все эти военные акции осуществлялись без соблюдения необходимых мер секретности, на глазах у широкой публики. Делалось это умышленно: чтобы подогреть военную истерию и запугать Россию. На этом фоне разворачивалось дипломатическое наступление Англии на Сан-Стефанский мир.

Деятельности Англии на дипломатическом направлении благоприятствовал ряд объективных факторов. Все ведущие европейские державы были недовольны усилением России в результате ее победы в войне. При таких условиях для России была бы весьма опасна война с Англией. Царское правительство искренне стремилось избежать этой войны, и в Лондоне об этом хорошо знали. Готовность России к компромиссу облегчала решение задачи, которую поставила перед собой английская дипломатия. Элемент компромисса был заложен уже в Сан-Стефанском мире. Весьма чувствительный для Англии вопрос о проливах — «ключ к Индии» — в мирном договоре не фигурировал, то есть Россия демонстрировала свою готовность не претендовать на проливы и на Константинополь. Но это оказалось недостаточным для того, чтобы Сан-Стефанский мир был приемлемым для Англии.

Готовность правительства России решить дело миром проявилась и в том, что еще в январе, до подписания мира с Турцией оно признало (и сообщило об этом Лондону) право ведущих европейских держав на то, чтобы с ними консультировались по вопросам, представляющим общий европейский интерес. Но этого Англии и Австро-Венгрии оказалось недостаточно. Тогда в марте было в принципе достигнуто соглашение о созыве в недалеком будущем международного конгресса, который рассмотрит условия русско-турецкого мира. После этого английское правительство начало лихорадочно работать над тем, чтобы заранее заключить с рядом стран сепаратные соглашения, которые предопределили бы решения будущего конгресса в выгодном для Англии плане.

Шантаж с демонстративной подготовкой к войне побудил российское правительство официально запросить английское правительство: чего вы хотите, чего, собственно, добиваетесь? Шувалов поставил эти вопросы перед Солсбери, что и положило начало переговорам между Россией и Англией, приведшим к заключению 30 мая 1878 года англо-русского соглашения. При этом четко определилось, что английское правительство недовольно главным образом двумя положениями Сан-Стефанского договора: во-первых, тем, что Болгария создавалась на обширной территории от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, и, во-вторых, что к России в Закавказье отходили слишком значительные по размеру (как считали в Лондоне) территории. По англо-русскому соглашению Россия сделала важные уступки по обеим этим позициям. Казалось бы, Англия могла быть удовлетворена. Но нет, нажим на Россию, на этот раз коллективный, продолжался уже на конгрессе.

6 июня Англия и Австро-Венгрия подписали соглашение о совместных действиях на конгрессе против России. Бисмарк, канцлер Германской империи, некоторое время делавший вид, будто он заинтересован в сотрудничестве с Россией, теперь переметнулся на сторону Англии. Неожиданно он выступил с двухчасовой речью на заседании рейхстага, в которой занял определенно антирусскую позицию. Он готов был действовать в роли «честного маклера», чтобы добиваться от России удовлетворения

английских требований. Такое поведение Бисмарка побудило Дизраели согласиться с тем, чтобы конгресс был созван в Берлине.

Одновременно в глубочайшей тайне Дизраели вел переговоры с правительством Турции, требуя, чтобы оно отдало Англии остров Кипр в качестве компенсации за английскую поддержку. 26 мая султан согласился на это союзническое вымогательство. И, наконец, как замечают историки, и «Дизраели и Солсбери были в прекрасных отношениях с Францией и Италией». Все это создавало крайне трудную обстановку для российской дипломатии на Берлинском конгрессе, который открылся 13 июня 1878 года.

Дизраели в это время было уже 73 года, и он часто недомогал, но на конгресс приехал с большим желанием, в боевой форме, захватив с собой в качестве второго делегата Солсбери, показавшего себя способным и любящим свою работу дипломатом. Они выехали из Лондона 8 июня, продвигались медленно, чтобы не устать, ночевали в Кале, Брюсселе, Кельне. В Берлин Дизраели прибыл 11 июня отдохнувшим. Это оказалось очень кстати. Как только он устроился в отеле Кайзергоф, прибыл человек от Бисмарка: канцлер высказал пожелание немедленно встретиться с английским премьер-министром и поговорить один на один, до того, как начнутся встречи с другими делегатами.

Встреча состоялась и продолжалась час с четвертью. Дизраели видел Бисмарка 16 лет назад в Лондоне. Тогда это был сильный, рослый, с осиной талией человек гвардейских статей. Теперь канцлер сильно растолстел, расплылся, отрастил седую бороду, обрамлявшую грубое лицо. Говорил он четко, прямо, временами резко. Было ясно, что хозяином конгресса будет Бисмарк, а главным действующим лицом — Дизраели. Они сразу же прекрасно поладили между собой. Дизраели прямо заявил Бисмарку: либо мир на английских условиях, либо война с Россией. «Честный маклер» тут же согласился с этой формулой, и последовавшие заседания конгресса были посвящены лишь ее реализации в документах конгресса.

Об истории Берлинского конгресса написано много книг и статей. Но нас интересует не сама история, а пребывание Дизраели на конгрессе. Материалы об этом имеются в изобилии, и главное место среди них занимают те, что вышли из-под пера самого Дизраели. Он ежедневно посылал королеве подробные письма и кроме этого вел для Виктории ежедневный дневник, содержание которого регулярно отправлял в Виндзор. И в письмах, и в дневнике автор часто, но всегда к месту и ненавязчиво вставляет фразу, как он чтит и обожает свою королеву. Он пишет, как семья германского императора окружает его почетом и вниманием, «и все это благодаря воодушевлению их одним лицом, которому он, Дизраели, обязан всем». Дизраели писал не только королеве, но и некоторым своим министрам, Ротшильду и, конечно, своим близким друзьям, милым сестричкам — леди Бредфорд и леди Честерфилд. Все это сохранилось и позволяет в деталях воспроизвести как политическую позицию Дизраели по обсуждавшимся на конгрессе вопросам, так и обстановку, в которой проходил конгресс.

Дизраели был писателем, знал, что больше всего интересует его адресатов, и умел изящно и занимательно рассказать им об обсуждении политических вопросов, о случавшихся порой пикантных происшествиях, рисовал интересные, живые портреты участников конгресса. Живописны его зарисовки светских мероприятий — бесконечных ежедневных обедов и приемов. Дизраели с головой ушел в эту светскую мишуру. Он любил за рюмкой вина, в ходе светской беседы знакомиться с людьми, узнавать их мысли и мимоходом подкинуть свои соображения. И сегодня берлинские письма и дневник, написанные летом 1878 г., читаются с захватывающим интересом.

Россию на конгрессе представляли 80-летний канцлер Горчаков и посол в Лондоне граф Шувалов. Это была интеллектуально сильная пара дипломатов. Положение российских делегатов в Берлине было трудным и сложным. Они имели против себя единый фронт ведущих европейских держав — участниц конгресса. Бисмарк, председательствовавший на конгрессе, очень старался предстать в роли объективного нейтрального посредника. Это ему нужно было для того, чтобы скрыть свою истинную роль — надежного союзника Дизраели в его борьбе против интересов России. Позиция российских представителей ослаблялась также тем, что они открыто враждовали друг с другом. Нетерпеливый Шувалов не любил засидевшегося у власти Горчакова, страшно завидуя ему. Как бывает в таких случаях, делегация разделилась на сторонников и противников Горчакова. К этому прибавлялись противоречия, существовавшие в высших сферах Петербурга, за которым было решающее слово.

Впоследствии, когда в России поднялась волна недовольства решениями конгресса, стало модным критиковать Горчакова за исход переговоров. Поскольку это был умный человек, последовательно отстаивавший интересы России, то критики упражнялись в основном в подчеркивании его физической немощи в 1878 году. Вероятно, при этом краски несколько сгущались. Во всяком случае бесспорно одно: Горчаков занимал в Берлине твердую позицию и был сильным противником Дизраели и Бисмарка, за что эти деятели и тогда, и после платили ему устойчивой ненавистью; и в отличие от Шувалова, много лет гордившегося «дружбой» с Бисмарком, Горчаков понимал, что германский канцлер — в действительности хорошо маскирующийся недруг России.

Дизраели относился к Горчакову и Шувалову с должным уважением, хотя и держался временами (в интересах дела) с нарочитой грубостью. Он неоднократно отмечает в письмах, что разговаривал «громовым голосом» с Горчаковым и Шуваловым. Эта резкость в обращении с российскими представителями должна была подчеркнуть решительность и незыблемость английской платформы. А сообщение об этом должно было понравиться королеве-русофобке.

На конгрессе Дизраели выступал не на французском языке (как это было принято в то время в подобных случаях), а на английском. Впоследствии в ход было пущено несколько различных объяснений причин этого отступления от дипломатического этикета. Однако у Р. Блейка, прекрасного знатока биографии Дизраели, можно прочесть такую фразу: «Дизраели вызвал огромную сенсацию, изложив свое первое обращение к конгрессу на английском, а не на французском языке, обидев тем самым русских». И далее Блейк замечает, что, каковы бы ни были мотивы этого поступка Дизраели, «он был рассчитан на то, чтобы с самого начала подчеркнуть британскую непримиримость». Эта непримиримость сказалась прежде всего при рассмотрении вопроса о Болгарии.

Для Дизраели два вопроса имели первостепенную важность — во-первых, Болгария и, во-вторых, Батум и Армения. Другие проблемы его занимали мало, и их решение он переложил на Солсбери и советников. Дизраели добивался, чтобы территория Болгарии была намного уменьшена по сравнению с той, которая намечалась в Сан-Стефанском договоре, не достигала Адриатического моря и, наконец, чтобы ее южной границей был балканский горный хребет. Населенная болгарами территория южнее балканских гор должна была остаться под властью Турции. Он поддержал претензии Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину.

Здесь Дизраели действовал в блоке с Бисмарком. Между этими двумя главными фигурами на конгрессе было много общего. Оба равнодушно, если не враждебно, относились к судьбам балканских славян, распоряжаясь ими как пешками на шахматной доске европейской политики. Во внутренней политике своих стран оба стремились сохранить и упрочить власть аристократов-землевладельцев.

18 июня Дизраели сообщал королеве: «Я заявил, что английские предложения под названием «Разграничение Болгарии» следует рассматривать как ультиматум. Оцепенение в лагере русских... На протяжении всего обсуждения Австрия целиком поддерживала Англию». На следующий день на банкете у итальянцев Дизраели «по большому секрету, как старому другу», сказал итальянскому послу графу Конти, что оценивает положение очень мрачно, и если Россия не примет его требований, он взорвет конгресс. Все понимали, что уход Англии с конгресса означал бы только одно — Лондон взял курс на войну с Россией. А такая война задевала самым решительным образом интересы всех держав, собравшихся на конгрессе в Берлине.

Горчаков не мог без согласия Петербурга брать на себя ответственность за принятие крайне невыгодных для России и для балканских славян английских требований. Он срочно направил полковника А. А. Боголюбова к царю за инструкциями. А тем временем в Берлине англичане шумно декларировали, что их предложения по Болгарии ультимативны. Был распространен слух, что Дизраели поручил Кори организовать специальный поезд на завтра, которым английская делегация покинет Берлин. Дизраели запугивал срывом конгресса (а, следовательно, войной) участников конгресса и прежде всего Горчакова и Шувалова. Бисмарк и представитель Австро-Венгрии Андраши усердно помогали ему в этом.

Россия не хотела войны, и царь санкционировал компромисс, то есть принятие английских требований. В дневнике от 21 июля Дизраели записал: «До того, как я лег в постель, я с удовлетворением узнал, что Петербург сдался». На следующий день он телеграфировал королеве: «Россия капитулирует и принимает английскую схему установления европейской границы Турецкой империи». Своему коллеге Норткотту Дизраели сказал: «Я должен разговаривать самым жестким языком... Меня все время изображали человеком войны, и я должен был разговаривать, как Марс».

Второй важной для Дизраели проблемой была граница между Россией и Турцией в Закавказье. Русские войска имели успех на этом театре военных действий и заняли территорию в основном с армянским населением и ряд городов. К этому вопросу и перешел конгресс после достижения договоренности о Болгарии. Его решение в принципе, но не в деталях, было предрешено в англо-русском меморандуме от 30 мая. В этом соглашении фиксировалась готовность России вернуть Турции часть занятой территории и город Баязед, а английское правительство, со своей стороны, соглашалось с «желанием императора России занять порт Батум и сохранить свои завоевания в Армении».

Но соглашение соглашением, а Дизраели стремился к тому, чтобы «как можно больше ограничить контроль России в районе Черного моря», а также и в Закавказье. Поэтому на конгрессе российским делегатам приходилось с большим трудом отстаивать лондонскую договоренность. В общем Дизраели хотел помешать переходу Батума в распоряжение России. Ему «неожиданно» помогло странное обстоятельство. В Лондоне произошла (или была организована?) утечка информации. По официальной версии, в Форин оффис возникла необходимость снять копии с англо-русской конвенции. Это поручили сделать «временно и без зарплаты работавшему там клерку». Клерк снял копию и продал ее газете «Глоб», где конвенция и была опубликована 14 июня. Это послужило сигналом для развертывания в Англии шовинистической джингоистской кампании с требованием не допускать уступок России на Берлинском конгрессе.

Ах, как кстати это оказалось для Дизраели! Упорствуя по вопросу о Батуме, он мог ссылаться на нажим общественного мнения. Опять назревал кризис на конгрессе. Борьба закончилась тем, что Батум перешел в распоряжение России, которая обязалась объявить его вольным портом. К ней также отходили Карс и Ардаган.

Главным аргументом джингоистов было то, что Англия якобы за свои уступки России не получает никакой компенсации. Хотя к этому времени Дизраели уже вынудил султана отдать Кипр Великобритании, от общественности это тщательно скрывалось (здесь утечки информации не произошло!). Нараставшая активность джингоистов являлась нажимом не только на Дизраели, но и на Россию.

В начале июля Дизраели сообщил Бисмарку, что Англия приобрела Кипр. Германский канцлер на это заметил: «Вы сделали мудрую вещь. Это прогресс. Это будет популярно. Нации нравится прогресс». В дневниковой записи для королевы Дизраели, приведя эти слова Бисмарка, добавляет: «Его понимание прогресса явно сводится к тому, чтобы что-нибудь захватывать».

Хотя на протяжении последних лет германский канцлер в европейских делах использовал Англию против России и Россию против Англии, однако на конгрессе он был целиком на стороне последней. Через несколько лет Дизраели вспоминал: «Между мной и Бисмарком было полное согласие. Он был один из немногих людей, к которым я в своем возрасте мог чувствовать искреннюю привязанность». После Берлинского конгресса к висевшим в домашнем кабинете Бисмарка двум портретам прибавился третий. Хозяин объяснял гостям: «Это мой государь, это моя жена, а это мой друг». Речь шла о портрете Бенджамина Дизраели.

Несмотря на это афиширование дружбы, отношение Бисмарка к Дизраели было сложное. Как заметил английский историк Б. Уоллер в книге «Бисмарк на перепутье», канцлеру «очевидно, нравился Дизраели, но не только его яркой и пышной ролью на конгрессе, сколько деловым подходом в закулисных переговорах и захватом Кипра. Это было дополнительным признаком заинтересованности Англии в европейской политике и шагом на пути к разделу Турецкой империи, чего хотелось Бисмарку».

Дизраели с триумфом возвратился в Лондон. От станции Чэринг Кросс до резиденции премьера на Даунинг-стрит, 10 его экипаж приветствовали толпы лондонцев. Прибыв в резиденцию, он предстал перед толпой в открытом окне и торжественно объявил: «Я привез почетный мир». Это была вершина политической карьеры Дизраели. Королева предлагала ему несколько наград и отличий. Он согласился принять лишь «Орден Подвязки», высший орден страны, учрежденный королем Эдуардом III в 1348 году.

Общественное мнение в России весьма критически отнеслось к решениям, принятым в Берлине. Это объяснялось тем, что Берлинский трактат перечеркнул более выгодный для России и балканских славян Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Многие считали, что Россия пролила слишком много крови в войне с Турцией, чтобы ей навязывали такие условия мира. Образованная часть общества понимала, что противниками России, сыгравшими важную роль в Берлине, были Дизраели и Бисмарк. Этим определялось отношение к ним в России.

Наиболее резкими критиками итогов Берлинского конгресса в России были славянофилы. Их центром было Московское славянское общество, главой которого являлся И. С. Аксаков. Он назвал Берлинский конгресс «трижды проклятым». Несомненно, такая реакция на родине морально травмировала Горчакова. «Берлинский трактат 1878 года,— писал Горчаков,— я считаю самой темной страницей в моей жизни. Когда я вернулся из Берлина в Петербург, я именно так и выразился о Берлинском трактате в моем мемуаре, поданном мною Государю Императору. В этой всеподданнейшей записке я писал так: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере».

Можно понять горечь и разочарование Горчакова. Но все же, если принимать во внимание все условия и обстоятельства, то нельзя не признать, что российская дипломатия в Берлине в общем добилась того, что было в ее силах.

Главным достижением Дизраели на Берлинском конгрессе английские правящие круги считали то, что Россия не смогла полностью воспользоваться результатами своей победы в войне. Потесненными оказались и народы, ведшие национально-освободительную борьбу против турецкого господства. Дизраели сумел натравить участников конгресса друг на друга и тем самым разорвать союз трех императоров. Восстанавливалась преобладающая роль Англии в европейских делах. Б. Портер замечает, что Россия, Австрия и Германия в результате конгресса оказались «отодвинутыми на задний план». Дизраели еще из Берлина писал Виктории: «Теперь вы арбитр европейских дел». Возвратившись в Лондон, он заверил королеву, что она очень скоро станет, если уже не стала, «диктатором Европы».

Но все это был временный, краткосрочный успех. Мир быстро развивался, и это развитие шло не в пользу Англии. Прошло совсем немного времени, и славянские народы Балкан обрели независимость и создали собственную государственность. Очень помогли этому усилия и жертвы, принесенные Россией в войне, ее борьба на Берлинском конгрессе. Именно поэтому 1878 г. считается годом освобождения Болгарии от османского рабства. И сегодня народы России и Болгарии помнят о незабываемых событиях прошлого, когда несгибаемая воля и мужество болгарских патриотов, слившись с героизмом воинов России, принесли радость освобождения на древнюю землю Болгарии. Освободительная русско-турецкая война 1877—1878 гг. положила конец пятивековому чужеземному игу. Она увенчала успехом национально-освободительное движение болгарского народа, содействовала возрождению Болгарского государства.

Также не удалось надолго «отодвинуть Россию на задний план». Уже в 1879 г. Германия, стремясь повернуть европейские дела в свою пользу, заключает союз с Австро-Венгрией, который вскоре в 1882 г. превращается в тройственный германо-австро-итальянский союз. Это был вызов английскому курсу «блестящей изоляции». Под воздействием этой угрозы, Англия «забыв традиции» пошла на союз с Францией и Россией. Как известно, борьба этих двух военных коалиций в конце концов привела к первой мировой войне.

К числу важнейших достижений Дизраели в искусстве политика относятся прекрасные деловые отношения, которые ему удалось установить с королевой Викторией и ее двором. Это было далеко не простым делом.

До прихода Дизраели к власти в Англии в воздухе носились идеи республиканизма. Хотя поведение Виктории на троне, если сравнивать с ее предшественниками, было безупречным, тем не менее довольно многие люди в Англии ставили вопрос: а нужна ли нам монархия? И отвечали на него отрицательно: ведь Англия демократическая страна, зачем ей король или королева? Монархия и демократия противоречат друг другу. Особенно усилились республиканские настроения в Англии после свержения во Франции в 1870 г. Наполеона III. Республиканизм приобрел в английском обществе ореол респектабельности. Ему отдавали дань члены парламента, профессора и даже титулованные леди и джентльмены. Все они открыто выражали свои симпатии идее республики.

Англичане — народ рациональный, практичный. И поэтому, выступая против монархии с теоретических позиций, они атаковали ее наиболее настойчиво и последовательно материальными, денежными аргументами. На содержание королевы и ее двора парламент ежегодно отпускал 385 тыс. фунтов стерлингов. Звучали «невежливые» вопросы: «Что она делает с этими деньгами?», «Стоят ли исполняемые Викторией протокольные, церемониальные функции этих больших денег?» Тут же королеву упрекали, что после смерти мужа она погрузилась в многолетний траур и свела свою церемониальную деятельность к минимуму. Членов парламента раздражало, что Виктория не желала даже участвовать в ежегодной церемонии открытия очередной сессии парламента.

Вышел в свет памфлет, анализирующий финансовое положение королевы, выдержанный в неблагоприятных для нее тонах. Автор памфлета утверждал, что точно установить размеры личного состояния Виктории не представляется возможным, но есть основания полагать, что оно достигло гигантских размеров — 5 млн. фунтов [2]. В общем, эта аргументация подводила к заключению, что монархия — слишком дорогое удовольствие для Англии, да к тому же и ненужное. Все это энергично обсуждалось на публичных митингах и в печати. Накал страстей приводил к тому, что предпринимались неоднократные попытки убить королеву. Последняя такая попытка, седьмая по счету, была предпринята в 1882 году. Виктория считала, что за распространение идей республиканизма несет ответственность и Гладстон, но этот упрек в его адрес не имел под собой оснований.

К моменту прихода к власти правительства Дизраели, в 1874 г. республиканские настроения в Англии пошли на убыль. Новый премьер-министр считал монархию важнейшим элементом сохранения существующей социальной системы в стране. Он много и вполне успешно трудился над укреплением контактов с троном и преуспел в этом в полной мере. Вскоре у него установились отношения дружеского сотрудничества с Викторией.

Дизраели добился этого несколькими способами. Он был не только первым министром, но и писателем, неплохо знал человеческую натуру. Поэтому он докладывал королеве государственные дела живо, интересно, с забавными деталями и характеристиками отдельных лиц. Королева слушала и читала все это как главы из художественного произведения. Контраст с докладами Гладстона — сухими, формальными, очень скучными — был огромен. Виктории очень нравилось читать письма Дизраели и свободно, часто с отступлениями от этикета, беседовать с ним.

Очень важным ходом со стороны Дизраели, и ходом, не лишенным риска, было последовательное, иносказательное убеждение королевы, что все в Англии делается и должно делаться по ее воле. Английская конституция говорила о правах трона другое, но она была неписанная, и Дизраели исподволь внушал Виктории, что она обладает реальной верховной властью. Это было не так, но королеве очень нравилось, особенно когда Дизраели говорил ей в лицо: «Все в действительности зависит от Вашего величества», «Я живу только для Вас и работаю только для Вас, и без Вас все будет потеряно». Это не было тривиальным объяснением в любви, это была своеобразная политическая лесть. Лесть, и не политического характера, занимала в отношении Дизраели к Виктории очень важное место.

Виктория была неглупа, но она была живым человеком, и к тому же женщиной. На эту тему у Дизраели был разговор с Мэтью Арнольдом, английским поэтом и критиком, смотрителем школ. «Вы, конечно, слышали,— сказал Дизраели,— что меня называют льстецом. И это верно. Все любят лесть. Но когда дело касается королей, то здесь вы должны льстить, не стесняясь». Дизраели следовал этому рецепту, но старался, чтобы безграничная лесть была оформлена изящно.

Лесть присутствует по существу во всех его письмах королеве. Возьмем, для примера, его письма с Берлинского конгресса. Рассказав о делах, Дизраели продолжает: «Он надеется, что его самая любимая

[2] Позднее, когда Виктория скончалась, было установлено, что ее личное состояние достигало 2 млн. фунтов стерлингов.

государыня чувствует себя хорошо и счастлива. Будучи далеко от Вашего Величества в чужой земле и имея на своих плечах огромную ответственность, он более сильно, чем когда-либо, чувствует, насколько его счастье зависит от исполнения его долга перед Вашим Величеством и от того, как высоко Ваше Величество оценивает мои действия». И еще: «Дизраели надеется, что Ваше Величество помнит о своем милостивом обещании не писать по ночам или, по крайней мере, не так утруждать себя. Он живет только ради нее, работает только ради нее. Без нее для него все потеряно».

Дизраели не очень хитрил в своих письмах Виктории. Королева действительно ему нравилась, ему льстило ее доброе отношение. Он счел для себя великой честью и поощрением, когда зимой 1877 г. королева, довольная действиями Дизраели в Восточном вопросе, приехала в Хьюэндин, в дом своего премьер-министра, на ленч. Это была редчайшая и высокая честь. Дизраели был страшно польщен. Ему не очень легко давалось поддержание отношений с королевой, и поэтому правдиво звучат его слова: «Ничто так не выматывает, как руководство людьми... Но еще труднее, пожалуй, руководство женщинами».

Сразу после Берлинского конгресса престиж Дизраели был еще очень высок. Он был неотделим от престижа партии тори, и в эти дни казалось, если немедленно будут проведены выборы в парламент, то избиратели безусловно в своем большинстве проголосуют за консерваторов. Они вновь получат большинство в палате общин и тем самым сохранят власть еще на пять-шесть лет. Это означало бы, что Дизраели остался бы премьер-министром на эти годы.

Но был существенный аргумент и против такого решения. Срок действия парламента по конституции — шесть лет. В 1878 г. действующая палата общин располагала полномочиями еще на два года. В эти годы положению Дизраели ничто не угрожало, ибо его партия имела большинство в парламенте. Таким образом, предстоял трудный выбор — распустить парламент немедленно и провести новые выборы или продолжать работать еще два года и уже затем «обратиться к стране», как в Англии иногда называют парламентские выборы.

Дизраели решил новые выборы не проводить. Очевидно, уж очень он преувеличивал свой авторитет, если полагал, что за два года ничто его не поколеблет. Это была крупная ошибка. Дизраели не смог предвидеть, как разовьются в ближайшие два года события в сфере внутренней и внешней политики. Хотя признаки важных грядущих перемен уже были зримы.

Начавшийся в 1840-х годах период бурного экономического развития продолжался с некоторыми осложнениями и затруднениями до 70-х годов. Но уже в 1876 г. начался экономический кризис. Он распространился на промышленность, сельское хозяйство, торговлю, финансы. Росла безработица, развернулось мощное стачечное движение. Увеличилось число банкротств промышленных компаний и банков. Сельское хозяйство страдало от притока в страну из Америки массы дешевого зерна, сбивавшего цены на английское. Положение усугублялось тем, что четыре года подряд в Англии были очень низкие урожаи из-за плохой погоды— летом лили непрерывные дожди. Все это вызывало раздражение и озлобление городского и сельского населения, недовольство правительством, что не могло не сказаться на грядущих парламентских выборах.

Эти настроения еще больше усилились, когда обнаружилось, что вместо «почетного мира» Англия получила сразу две войны — в Афганистане и Южной Африке. Войны тяжелые, дорогие и неудачные для английского оружия. Неутомимый Гладстон не преминул использовать это обстоятельство против Дизраели. Он нападал на имперскую политику премьер-министра и прежде всего на его действия в Афганистане. Большую популярность приобрела фраза Гладстона: «Поймите, что в глазах всемогущего Господа жизнь в горных, занесенных снегом деревнях Афганистана так же священна, как ваша собственная».

В довершение всего после напряженной работы, связанной с конгрессом в Берлине, сильно сдало здоровье Дизраели. Все это сказывалось на работе кабинета. Перед лицом возникших затруднений министры растерялись, утратили инициативу и динамизм в работе.

8 марта 1880 г. было объявлено о решении правительства распустить парламент и провести новые выборы. На следующий день Дизраели опубликовал свою избирательную платформу. Это был бледный, неконструктивный и даже ошибочный в политическом отношении документ. Он в основном был направлен против национально-освободительного движения в Ирландии, что сразу же превратило многочисленных иммигрантов из Ирландии, обосновавшихся в Англии, в смертельных врагов Дизраели. Его попытка сыграть на национальных противоречиях, натравив англосаксов на ирландцев, обернулась против него самого.

Гладстон, которому уже был 71 год, и его сторонники были неутомимы в своих атаках на Дизраели. Гладстон обвинял его в пренебрежении к законам, в неправильном использовании власти, в том, что он «ослабил империю ненужными войнами, обесчестил ее в глазах Европы тем, что украл у Турции остров Кипр», и т. д. и т. п. Эти атаки были весьма эффективны, тем более, что Дизраели не отвечал на них под тем предлогом, что пэры не могут произносить речи в ходе избирательной кампании. Дело было, пожалуй, в том, что престарелый тори был не совсем здоров, устал. Должный ответ либералам не смогла организовать и консервативная партия, которая оказалась неподготовленной к избирательной кампании, хотя время проведения ее выбирали лидер консерваторов и его коллеги.

Выборы принесли сокрушительное поражение консерваторам. Либералы получили в новой палате общин 363 места, а партия Дизраели — только 238. Внешне Дизраели невозмутимо перенес поражение, хотя понимал, что теперь для него все кончено. Уходящий премьер-министр имеет право рекомендовать королеве присвоить титулы ряду лиц по его выбору. В числе тех, на кого пал его выбор, был верный помощник и друг, умный, скромный, исполнительный Монти Кори. Королева поморщилась, но все же Кори стал бароном Роутоном.

Встал вопрос о преемнике Дизраели на посту премьер-министра. Виктория была очень огорчена тем, что ее любимец должен покинуть этот пост. Ее возмущало, что на его место может прийти Гладстон, которого она ненавидела так же, как его ненавидел Дизраели. Правда, Гладстон с 1875 г. не был лидером либералов, таковым являлся маркиз Гартингтон. Это попытались использовать Дизраели и Виктория. Дизраели советовал королеве поручить формирование правительства Гартингтону — «ведь он джентльмен и в душе консерватор». Но самой крупной фигурой у либералов был бесспорно Гладстон, и руководящая верхушка партии рекомендовала Виктории сделать премьер-министром именно его. Она не могла пойти против парламента и скрепя сердце пригласила Гладстона.

В душе королевы теплилась надежда, что Гладстон все же может отказаться из-за возраста. Но он сразу же согласился. Соперник Дизраели был интеллектуально и физически сильным человеком. Он работал еще 14 лет и стал премьер-министром в последний, четвертый раз в 1892 г., все еще при королеве Виктории, когда ему было 82 года.

21 апреля 1880 г. Дизраели провел последнее заседание своего кабинета. В мае он в письме лорду Литтону дал интересный и достаточно точный анализ происшедшего. «Что бы ни говорили философы,— писал Дизраели,— но существуют такие вещи, как везение и удача... Благодаря им на мою долю выпало править Англией в годы, когда страна пере-

живала упадок в торговле (или другие явления), которые, я убежден, нельзя было предвидеть... Бедственное положение страны является причиной, причем единственной, падения правительства, которое я возглавлял... Фермеры разорены, у меня самого нет уверенности в том, что может наступить оживление в торговле... Бедствие настолько глубоко, что его не может устранить хороший урожай, даже если бы нам удалось его получить».

Что касается ситуации в партии, Дизраели подчеркивал: «Положение требует молодых сил и энергии. Когда они будут найдены,— а они будут найдены,— я удалюсь с поклоном». Он был убежден в том, что именно консервативная партия явится источником этих новых сил. «Партия тори — она существует уже более полутора столетий как организованная политическая сила, пережившая потерю американских колоний, время Наполеона Первого, билль о реформе лорда Трея. И от нее нельзя избавиться, как от нагара на свече». Этот анализ Дизраели оправдала история.

25 апреля Дизраели покинул дом № 10 на Даунинг-стрит. В этом трехэтажном особняке находится официальная резиденция английских премьер-министров. На первом этаже расположена комната, где происходят заседания правительства, на третьем — квартира главы правительства. Он въезжает в казенную квартиру в момент вступления в должность и освобождает ее, как только уходит с этого поста. Массивная дверь с цифрой «10» захлопнулась за экс-премьером навсегда.

Дизраели отправился к себе в Хьюэндин. Он много лет мечтал пожить там весной и летом: по его мнению, это было лучшее время года для жизни на природе. И теперь, наконец, такая возможность представилась. Он не строил иллюзий на будущее. Правительство Гладстона прочно утвердилось минимум на шесть лет; у него было устойчивое большинство в парламенте, и новые выборы были делом далекого будущего. А Дизраели шел уже 76-й год, да и здоровье было плохое. Но характер отставного премьер-министра остался по-прежнему активным и динамичным. И даже теперь, на закате жизни, он собирался не только наслаждаться природой, но и принимать посильное участие в политической и общественной жизни, а также писать новые книги.

Через два дня после того как Дизраели покинул Даунинг-стрит, королева дала ему прощальную аудиенцию. Она подарила ему свою бронзовую статуэтку и пожала руку, когда он по придворному ритуалу «целовал руки» монархини. Это было со стороны Виктории выражением большой симпатии и признательности бывшему первому министру. Впоследствии он трижды гостил у королевы как частное лицо. Дружба между ними продолжалась, они часто писали друг другу письма. Виктория спрашивала совета по трудным вопросам, Дизраели давал советы, причем делал это ответственно, взвешенно, сдержанно.

Дизраели оставался лидером консерваторов. Это означало, что ему время от времени нужно было наведываться в Лондон. Дома своего у него там не было со времени кончины жены. Альфред Ротшильд предоставил Дизраели обширные покои в своем доме, где он мог чувствовать себя свободно и уютно. Дизраели размышлял о пройденном жизненном пути, о политической катастрофе, постигшей его на последних парламентских выборах.

В Хьюэндин, хотя и не очень часто, приезжали друзья и коллеги. Разговоры с ними касались политики и литературы. Один из них, лорд Рональд Говер, вспоминал, что Дизраели неоднократно возвращался к результатам парламентских выборов 1880 года. «Я самый несчастный из всех смертных,— говорил он.— Шесть плохих урожаев один за другим, каждый последующий хуже предыдущего, явились причиной моего свержения. Как Наполеона, меня сломила стихия... Но со всем этим уже покончено». В этих словах — свидетельство того, какими мерками измерял Дизраели собственную роль и место в истории. Имя Наполеона упомянуто совсем не случайно.

До конца дней своих Дизраели не утратил глубокой ненависти к своему политическому противнику Гладстону. Однажды на одном из приемов дочь Гладстона, показывая на какого-то дипломата, спросила Дизраели: «Кто это такой?» В ответ она услышала: «Это самый опасный политик в Европе, если не считать меня, как сказал бы Ваш отец, или, как я бы предпочел заметить, если не считать Вашего отца». Но в частной переписке Дизраели позволял себе выходить далеко за рамки светской вежливости. «Я думаю, что этот отъявленный негодяй,— писал он о Гладстоне,— настолько злобный человек, что он не задумается ввергнуть нас в большую войну с тем лишь, чтобы удовлетворить свое маниакальное тщеславие».

В марте 1881 г. Дизраели произнес в палате лордов свою последнюю важную речь. Поводом к ней было намерение правительства эвакуировать Кандагар, город на юге Афганистана. «Но, мои лорды,— заявил он,— ключом к Индии являются не Герат и не Кандагар. Ключ к Индии находится в Лондоне». В этих словах заключался большой смысл. Мощь Англии, ее ресурсы, ее парламентская система — все это были ключи к Индии.

Поселившись в Хьюэндине, Дизраели сразу принялся писать роман, известный под названием «Эндимион». Ни материальные, ни какие-либо другие факторы не заставляли его на этот раз взяться за перо. И дело было не только в том, что его натура не терпела бездеятельности. Дизраели был настоящим, хотя и своеобразным писателем: писать для него было естественной потребностью.

Дизраели получил за этот роман 10 тыс. фунтов. Это позволило ему снять в аренду хороший дом на Керзон-стрит, в фешенебельном районе Мэйфэр, куда он и переехал 10 января 1881 года. Покончив с «Эндимионом», Дизраели тут же засел за новый роман, известный под названием «Фальконет». Но закончить его было ему не суждено... Было написано всего страниц тридцать. Они свидетельствуют, что главная тема задуманного романа — сведение счетов с Гладстоном, который был представлен в крайне неприглядном свете, естественно, под вымышленным именем. Читатель по описанию легко мог догадаться, чей портрет на самом деле рисует автор.

В марте 1881 г. в Лондоне была очень плохая погода. Дули сырые, пронизывающие, холодные ветры. Измученный частыми приступами подагры и астмы, Дизраели старался усилием воли справиться со своими физическими недугами. Он принимал гостей в своем доме, посещал заседания палаты лордов, ездил на званые обеды и приемы. И простудился. 23 марта Дизраели слег. Простуда резко обострила застарелую астму, дыхание было затруднено. Королева очень встревожилась, посылала ему букетики подснежников — «ваших любимых весенних цветов». Были организованы консилиумы самых видных докторов. Вся эта медицинская суета и озабоченность врачей и друзей были ясны для Дизраели. Он понимал, что конец приближается, и говорил: «Я предпочел бы еще пожить, но я не боюсь смерти».

19 апреля 1881 г. Дизраели не стало. Он был, согласно его воле, похоронен на маленьком кладбище в Хьюэндине. В наши дни многочисленные, особенно по субботам и воскресеньям, посетители дома — музея Дизраели в Хьюэндине могут пройти сотню метров от дома до небольшой аккуратной приходской церкви и у ее восточной задней стены увидеть могилу Дизраели. Он захоронен здесь вместе с женой и своим другом — миссис Бриджес Уильямс. Могила, как и все кладбище, содержатся в идеальном порядке. Общая обширная могила обнесена невысокой скромной, но изящной металлической литой оградой, выкрашенной в тем-

по-голубой цвет. Надпись на стене напоминает о тех, кто здесь похоронен.

Подснежник был любимым цветком Дизраели. Вскоре в память Дизраели была создана «Лига подснежника». 19 апреля, в день его смерти, в Англии отмечается «День подснежника». Русский купец П. И. Щукин, посетивший Лондон весной 1886 г., впоследствии вспоминал: «19 апреля, в памятный день смерти лорда Биконсфильда, множество мужчин и дам имели на груди и шляпах желтый цветок — примулу; даже лошади и собаки были украшены любимым цветком покойного лорда. В магазинах дамского платья были выставлены ленты и материи желтого цвета primrose, у ювелиров — эмалевые цветы primrose. В Вестминстерском аббатстве статую Биконсфильда убрали цветами primrose. Как во Франции violette de Parme — политический цветок бонапартистов, так в Англии primrose — политический цветок консерваторов».

* * *

В начале марта 1881 г. Дизраели уже почти никого не принимал. Но для одного человека он сделал исключение. Это был видный английский социалист, создатель ряда социалистических организаций Генри Гайндман. Дизраели принял его у себя дома. Вышел к нему, будучи очень слаб, нездоров. Но острота интеллекта не покидала Дизраели до конца жизни. Гайндман очень долго рассуждал о необходимости перестройки Англии на принципах социализма, как он их понимал. Хозяин внимательно слушал. Время от времени Гайндман останавливался и спрашивал: «Вы согласны со мной, Вы тоже так считаете?» Дизраели отвечал: «Я ничего не считаю, г-н Гайндман. Я слушаю Вас». Когда беседа подошла к концу, Дизраели высказал свое, очевидно, глубоко продуманное суждение о будущем Англии: «Почему социалистическое движение не одержит победу? Об этом Вы спрашиваете? Потому что частная собственность разрушит Ваши планы. Я не хочу расхолаживать Вас, но Вы должны учитывать, что наша страна — особая, ее очень трудно повернуть, сдвинуть с места». Бенджамин Дизраели за время своей невероятной политической карьеры многое сделал для того, чтобы такой Англия оставалась на долгие, долгие десятилетия.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СССР В ЯПОНИИ

Нобуаки Сиокава

О работе японских исследователей по изучению истории советского общества за рубежом, в том числе и в СССР, знают мало. Между тем в Японии активно ведется разработка вопросов этой истории, многие исследования отличает оригинальность взглядов на ту или иную проблему.

Изучение Советской страны после 1917 г. пошло по двум направлениям. Одно из них было представлено интеллигенцией, придерживавшейся левых взглядов и стремившейся разглядеть будущее нового общества. Оно было довольно сильным в 20-х и первой половине 30-х годов, однако в дальнейшем на его пути возникли серьезные препятствия. В предвоенный период правительство Японии заняло жесткую позицию в отношении левой интеллигенции. К тому же были ограничены возможности использования оригинальных источников. Культ личности Сталина и события, связанные с ним, внесли смятение в среду левой интеллигенции и затруднили объективное понимание развития СССР. Но в то же время японское правительство упорно собирало информацию о Советском Союзе, рассматривая его как потенциального противника на Дальнем Востоке.

В 30-е и в первой половине 40-х годов особенно активно изучали СССР два учреждения: 3-е отделение исследовательского отдела МИД Японии и исследовательский отдел управления Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Эти исследования, хотя и велись по указаниям правительства, однако не были лишены научной ценности. В условиях, когда официальное изучение марксизма стало невозможным из-за политических преследований, часть марксистов постаралась устроиться на работу в подобные выше названным государственные учреждения, чтобы иметь возможность продолжать свои исследования.

Поражение во второй мировой войне кардинально изменило обстановку в японском обществе. Усилилось противодействие господствующей в стране авторитарной системе. Поскольку единственной партией, последовательно выступавшей против захватнической войны, была Коммунистическая партия Японии (КПЯ), в среде интеллигенции необычайно вырос ее авторитет, а также интерес к теории марксизма. Вторая половина 40-х и все 50-е годы – время наибольшего авторитета марксизма и самых сильных симпатий к Советскому Союзу со стороны японской интеллигенции. Однако на развитие этой тенденции наложили отпечаток и «холодная война», и культ личности Сталина. Получилось так, что люди, стремившиеся поддержать Советский Союз, выступая против американского империализма в условиях обострения «холодной войны» между Западом и Востоком, в конечном итоге поддерживали и культ личности, и связанные с ним деформации. Показательным для обстановки того времени было издание на японском языке – среди множества других советских книг – «Истории ВКП(б). Краткий курс» и его популярность в среде интеллигенции, не говоря уже о специалистах-советологах.

Преодоление последствий культа личности стало насущной задачей и для японской интеллигенции. Середина 50-х годов – время бурных событий, требовавших тщательного анализа. Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности оказал сильное влия-

НОБУАКИ СИОКАВА – преподаватель факультета права Токийского университета

ние на многих ее представителей. Затем произошли известные события в Венгрии 1956 года. Японская интеллигенция начала по-другому смотреть на марксизм, социализм и Советский Союз.

Исследования истории России и СССР начинают базироваться на документах, а не на выдержках из «Краткого курса». Стало возможным использовать ранее недоступные материалы в виде микрофильмов. По-настоящему серьезные исследования истории СССР в Японии начались на рубеже 60-х годов. Примечательно, что Общество исследователей истории СССР начало свою деятельность в год открытия XX съезда КПСС. Его печатный орган начал выходить в 1960 году. В 60-е годы большинство японских историков-русистов наиболее важными считали вопросы, связанные с историей революции в России. Отсюда интерес к изучению экономической структуры дореволюционной России и истории революционного движения. Как правило, исследования завершались периодом революции, в к анализу послереволюционного общества обращались лишь отдельные энтузиасты. Вопрос о причине культа личности и связанных с ним трагических событиях мучил многих людей, но своего отражения в исследованиях он тогда не получил.

Расширение тематики научных исследований наметилось в конце 60-х годов. Заметную роль в этом сыграла деятельность Юдзуру Танкути. Ряд событий заставил молодых ученых и студентов серьезнее отнестись к истории социалистической страны. Были переведены на японский язык книги, которые в Советском Союзе широко распространялись в форме «самиздата», в частности произведения А. Солженицына. На настроения интеллигенции повлияли и события «пражской весны» 1968 года. В Японии, как и в других странах, набирало силу студенческое движение, в среде которого особенным авторитетом пользовались так называемые новые левые. В среде молодых ученых усилился интерес к истории Советского Союза. В начале 1970 г. они приступили к самостоятельным исследованиям. С этого времени выросло число солидных трудов по истории советского периода.

За прошедшее 20-летие изучение истории СССР в Японии набрало силу. Совершенствовалась и методика исследований, более разнообразной стала их тематика. Росло число ученых, занимающихся этими вопросами, хотя нельзя сказать, что число их велико. К тому же они работают в сложных условиях, им отпускается недостаточно средств для исследовательской работы и организации учебных курсов, поскольку японское правительство не проявляет особого энтузиазма к изучению данной проблематики. Не часто предоставляется возможность молодым ученым стажироваться в Советском Союзе [1], японо-советский научный обмен также недостаточно развит. Научные изыскания по истории СССР в Японии в прошлые годы держались благодаря усилиям горстки энтузиастов. Но теперь они вступили в новый этап, когда необходимо обеспечить условия для их развития, включая оживление японо-советских научных контактов.

Изучение истории СССР в Японии при всем разнообразии тем и методов имеет ряд особенностей. Многие историки в той или иной степени испытали влияние марксизма. Со второй половины 50-х годов появились различные марксистские течения. Одни поддерживали идеи Л. Д. Троцкого, другие – позицию Мао Цзедуна, третьи сочувствовали итальянским коммунистам, были приверженцы «рыночного социализма», и те, кто пытался соединить К. Маркса с М. Вебером, З. Фрейдом, Ж.-П. Сартром и т. д. Возникло направление марксистов-экономистов – школа Уно [2]. Вместе с тем растет число ученых-обществоведов, стоящих на антимарксистских позициях. Среди них немало таких, кто пытался заимствовать отдельные положения марксизма. Особое место в экономической истории занимает школа Хисао Оцука, которая представлена учениками этого самобытного исследователя истории западноевропейской экономики.

С середины 70-х годов влияние марксизма в Японии ослабевает, усиливается американское влияние на общественные

[1] Фактически только с 1989 г. начала действовать система обмена стажерами между Японией и СССР (система стажировки начинающих преподавателей высших учебных заведений существовала в 70-х годах, но в скромных размерах).

[2] Основана Кодзо Уно (1897–1977). Влияние этой школы велико во всей Японии и прежде всего в Токийском университете, где Уно преподавал.

науки, что было обусловлено разнообразными причинами.

Во-первых, для многих японцев уменьшилась притягательность социалистических стран, и прежде всего Советского Союза. В определенном смысле это было следствием застоя 70-х годов. Но свою роль сыграли и достижения немарксистского обществоведения. Различные точки зрения, разнообразие методов, обстановка свободных, действительно научных дискуссий нередко давали хорошие результаты. Как бы там нв было, находившиеся долгое время под сильным воздействием марксизма общественные науки в Японии сегодня переживают переломный момент, что отразилось на изучении истории СССР.

Во-вторых, хотя за последние 20–30 лет японские исследования по истории СССР значительно продвинулись вперед как качественно, так и количественно, но осталось множество «белых пятен», которые большей частью концентрируются в определенных областях. К числу наиболее изученных относится история экономики и социальных движений, что связано с влиянием марксизма. Правда, японские ученые-марксисты имеют свою точку зрения на некоторые проблемы в области экономической истории России и Советского Союза, отличающуюся в определенной степени от взглядов советских историков [3], что дает им возможность вести продуктивные дискуссии. Истории права и политической истории традиционно не придавалось сколько-нибудь серьезного значения, но в последние годы и здесь наблюдаются значительные перемены. Отстает изучение истории дипломатии и культуры. Исследование истории общественной мысли одно время шло полным ходом, но потом стало приходить в упадок. Свою роль играет и «социальная история», мода на которую пришла из Европы, где она сформировалась под влиянием французской школы «Анналов». Социально-исторические исследования в рамках изучения истории России и СССР пока еще находятся в начальной стадии. В Японии наиболее широко изучался период с середины XIX в. до середины 30-х годов XX века. Число ученых, занимающихся другими периодами, чрезвычайно мало.

В-третьих, наметившийся в СССР после XX съезда КПСС процесс перестройки исторической науки вызвал большой интерес у многих японских историков (это в немалой степени и способствовало возрастанию в это время в Японии роли исследований по истории СССР). Когда же атмосфера обновления, возникшая после XX съезда КПСС, сменилась застоем 70-х годов, японские исследователи пали духом. После 1973 г. японо-советские симпозиумы по истории проводятся регулярно, но их организация во многом не удовлетворяла японскую сторону, так как круг участников с советской стороны был ограничен, ученые выступали только с официальными речами, свободный обмен мнениями был затруднен. Симпозиум советских и японских историков в 1987 г. в Москве был первым подтверждением того, что перестройка стала ощущаться и в научных контактах [4].

Японские исследователи истории СССР поддерживают контакты не только с советскими, но и с американскими и западноевропейскими коллегами. Особым авторитетом у японских историков пользуются английские ученые; весьма значительно влияние таких, как Э. Карр, А. Ноув, И. Дойчер, М. Дэвис. Японцам импонировала традиционность изучения истории в Англии и уравновешенность английских историков. Первые 5 томов (из 14) труда Э. Карра «История Советской России» были переведены на японский язык и произвели сильнейшее впечатление на многих читателей. Американские исследования вначале уступали по своей популярности английским. В условиях «холодной войны» в США развернулась идеологическая дискуссия по вопросу о применимости к Советскому государству термина «тоталитаризм».

[3] Например, наиболее существенны различия во взгляде на развитие капитализма после отмены крепостного права и в толковании отработочной системы в России. По поводу истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе многие японские историки также заняли критическую позицию в отношении общепринятого до перестройки официального мнения советских ученых. Применительно к истории социальных движений японские ученые склонны подчеркивать значение стихийного характера крестьянского, рабочего и национального движений.

[4] В июне 1989 г. в Токио состоялся очередной, IX симпозиум советских и японских историков.

В Японии, где было сильно влияние марксизма, эту дискуссию не подхватили. В 60–70-е годы ситуация стала постепенно меняться. С одной стороны, в США критиковались работы, написанные с позиций «холодной войны», и появились более объективные исследования; с другой – в Японии постепенно выросло влияние американских обществоведов. Контакты с советскими учеными и значительное влияние марксизма, а также развитие связей с английскими и американскими учеными способствовали формированию самобытного характера японских исследований по истории СССР, отличающихся как от советских, так и от западных. Японские историки занимают самостоятельную позицию и ведут трехсторонний диалог.

В-четвертых, исследования по советским проблемам (не только историческим, но и в других областях) не вызывают у японского правительства особого интереса и поддерживаются лишь благодаря энтузиазму отдельных ученых. В этом Япония коренным образом отличается от США, где (как, кстати, и в довоенной Японии) к изучению «потенциального противника» относятся с большим вниманием, поскольку считается делом государственной важности. Лишь в редких университетах готовят преподавателей русского языка, истории, политики и экономики СССР. Многие специалисты по СССР преподают предметы, не имеющие ничего общего с их главной сферой научных интересов. К тому же, в Японии нет, как в США, традиции региональных исследований, поэтому здесь почти нет курсов по истории, политике, праву, экономике и культуре отдельных регионов. Очень мало специализированных центров. Часто наблюдается ситуация, когда ученые прикреплены к различным факультетам: к филологическому, экономическому или юридическому. Все это осложняет проведение единых региональных исследований.

Одним из университетских центров объединенного исследования СССР является Центр славяноведения в университете Хоккайдо. Кроме журнала на японском языке «Славяноведение» этот центр выпускает «Acta Slavica Japonica», в котором печатаются статьи на английском и русском языках. В Токийском университете и некоторых других работает довольно много специалистов по Советскому Союзу, но все они разбросаны по различным факультетам из-за отсутствия единых центров [5]. Кроме того существуют Центр изучения СССР при Японском научно-исследовательском институте международных проблем и основанный недавно Институт исследования Советского Союза, но эти учреждения не слишком большого масштаба [6].

Есть еще несколько научных обществ, но нет организации, координирующей их работу. Наиболее централизованный характер имеет деятельность созданного в 1956 г. Общества изучения истории России (около 200 членов). Оно не пользовалось какой бы то ни было официальной поддержкой и было «неформальным объединением». С 1960 г. оно издает журнал «Изучение истории России». Ученые, занимавшиеся историей советского периода, выделились в отдельную группу и создали Общество изучения Советского Союза, также не получившее официальной поддержки. В нем состояло около 100 человек. Оно выпустило в свет сборник исследований в 3-х томах (4-й должен выйти в ближайшее время) [7].

Существуют также всевозможные научно-исследовательские общества по отдельным отраслям общественных наук: Общество русской литературы, Научное общество социалистической экономики, Общество изучения социалистического права, Общество изучения Советского Союза и стран Восточной Европы и т. д. Но и они не имеют единого центра.

Все это затрудняет процесс целостного изучения СССР. Правда, в последнее время произошли определенные сдвиги. Так, японское общество славянских и восточноевропейских исследований (создано в 1979 г., свыше 300 членов) объединило в своих рядах ученых различной специализации. Это общество вносит большой вклад в развитие международных контактов, издавая раз в год журнал «Japanese Slavic and East European Studies» (статьи на английском и русском языках). Центр славяноведения на о-ве Хоккайдо фактически координирует контакты исследователей-славистов на всей территории Японии. Очень полезным оказался изданный этим центром «Список исследователей Советского Союза и стран Восточной Европы» (3-е изд.– 1988 г.– содержит сведения о результатах исследований 1202-х японских специалистов по Советскому Союзу и Восточной Европе). Постепенно налаживается организационное обеспечение разработки данной проблематики.

Тема «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года» издавна вызывала интерес у многих японцев. Сначала внимание ученых сосредоточивалось на деятельности партии большевиков, но вскоре оно стало смещаться в сторону эсеров и непартийных народных движений [8]. Центральной фигурой этого нового течения является Харуки Вада. Одна из особенностей его понимания русской революции состоит в теории «комплексной революции». Смысл ее в том, что Февральская революция соединила в себе буржуазную и рабоче-солдатскую революции, а Октябрьская– рабоче-солдатскую, крестьянскую революции и революцию национальных окраин. Затем силы, консолидированные в октябре 1917 г., на этапе гражданской войны разошлись и между ними установились конфликтные отношения. Переходом к нэпу Советская власть признала самостоятельность крестьян и создала тем самым условия для привлечения их вновь на свою сторону [9]. Вада – еще и авторитетный педагог, под его руководством воспитывается много молодых ученых.

Хисаси Нагао принадлежит к тому же поколению исследователей истории революции, что и Вада. Он сделал акцент на самодеятельности народных масс, не связанных с партией, и рассматривал Советы как места сосредоточения этого независимого народного движения [10]. Цуёси Хасэгава долгое время занимался в США изучением Февральской революции и написал монографию на английском языке [11]. Недавно он вернулся в Японию и в настоящее время работает в Центре славяноведения университета Хоккайдо. Ёсимаса Цудзи в монографии о рабочем движении пытался выяснить его внутреннюю логику. Он подчеркивает значение выступлений рабочих на местах, которые отличались от движения под предводительством В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, ставившего своей целью захват власти [12]. Растет число исследований крестьянского и национального движения. Недостаточно разрабатываются вопросы, связанные с поведением буржуазии и меньшевиков. В японских исследованиях не признается руководящая роль большевиков, но вместе с тем отсутствует особый интерес к либералам и меньшевикам.

По истории гражданской войны и периода «военного коммунизма» исследований не так много. Здесь можно назвать сборник Вакио Фудзимото [13]. Норио Исии продемонстрировал оригинальный подход к анализу периода от Октябрьской революции до введения нэпа. Он изучал специфику новой власти, которую назвал «системой партия – государство». Исии написал множество научных работ, в которых освещены разные стороны процесса становления этой системы.

Много внимания уделяется истории развития советской деревни. Японские ученые традиционно питали глубокий интерес к аграрно-крестьянским вопросам [14]. Пионером в этой области был Хайхатиро

---

[5] В Токийском университете есть еще русское отделение одного из курсов факультета общего образования. Кроме того, ученые, рассредоточенные по различным факультетам, организовали неофициальный Координационный комитет изучения России и славяноведения.

[6] Центр изучения СССР в 1985 г. начал издавать журнал «Изучение СССР», который выходит дважды в год. Институт исследования Советского Союза со своей стороны выпустил в начале 1989 г. первый номер журнала «Исследование Советского Союза» (будет выходить дважды в год) и первый номер «Бюллетеня Института исследования Советского Союза» (будет издаваться раз в два месяца).

[7] От нэпа к сталинской эпохе. Токио. 1982 (на яп. яз.); Государство и общество в сталинскую эпоху. Токио. 1984 (на яп. яз.); Советское общество после Сталина. Токио. 1987 (на яп. яз.).

[8] См. Исследование русской революции. Токио. 1968 (на яп. яз.).

[9] См. Мир крестьянской революции. Токио. 1978 (на яп. яз.).

[10] Нагао Хисаси. Октябрьская революция в России. Токио. 1972 (на яп. яз.); его же. Изучение Октябрьской революции в России. Токио. 1973 (на яп. яз.).

[11] Hasegawa Thuyoshi. The February Revolution. Washington. 1981.

[12] Цудзи Ёсимаса. Русская революция и развитие отношений между рабочими и администрацией. Токио. 1981 (на яп. яз.).

[13] Фудзимото Вакио. Проблемы периода образования Советского государства. Киото. 1987 (на яп. яз.).

[14] Выражаю благодарность Хироси Окуда за помощь, оказанную при написании этого раздела.

Осаки[15]. Затем стали выходить работы, основанные на первоисточниках. Юдзуру Таниути подробно рассмотрел вопрос о существовании сельской общины в советской деревне 20-х годов[16]. Особенно интересно подробное описание сельского схода и выборов в сельские Советы в 20-х годах.

В настоящее время Юдзуру Таниути уже завершил книгу, в которой исследует процесс коллективизации деревни[17]. Таниути показывает влияние коллективизации на сельскую общину и реакцию последней на ход объединения крестьян «революцией сверху». Как считает Таниути, в этом процессе наиболее важную роль сыграл применявшийся во время продразверстки и в годы коллективизации так называемый урало-сибирский метод («общественный метод» или «метод общественного воздействия», как его еще называли)[18]. Он предусматривал решение вопроса о поддержке продразверстки (а позже и коллективизации) на сходе сельской общины; основывался на свободном волеизъявлении крестьян и опирался на традиции общинного самоуправления. На практике же для того, чтобы на общинном сходе было принято решение о поддержке подразверстки (а позже и коллективизации), требовалось давление извне со стороны специальных уполномоченных, в массовом порядке направлявшихся в деревни из городов. «Урало-сибирский метод» и методы насилия, применяемые уполномоченными,— это две стороны одной медали. Уполномоченные, направленные высшими партийными органами, фактически отстранили от дел Советы, действуя вместо них, что вело к слиянию функций партии и Советов.

Сращивание функций партии и государства наблюдалось и раньше, но распространение этого явления в огромных масштабах в деревнях, стало определяющим событием в истории взаимоотношений этих двух институтов.

Таниути исследовал структуру управления в деревне, партийную и государственную систему 20-х – начала 30-х годов[19]. Он приходит к выводу, что сращивание партии и государства, огосударствление самой партии стало основным признаком сталинского режима. Концепция Таниути в основных чертах была воспринята молодыми учеными, которые развивают и корректируют ее. Например, Нобуаки Сиокава предложил включить в систему отношений партии и государства и такой фактор, как «общество». Он утверждает, что сформировавшаяся в 1920 г. система отрицала независимость общества, с которым, однако, еще считались в период нэпа, а в 30-е годы стремились поставить под непосредственный контроль[20]. Кэндзи Утида написал интересную работу о системе номенклатуры. Исследования Таниути оказали огромное влияние на японских ученых и не только специалистов по аграрным вопросам. В довоенной японской деревне также большую роль играла община, и мнение, что именно это обстоятельство легло в основу авторитарного политического режима довоенной Японии, было весьма распространенным.

Работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»[21] оказала сильное влияние на многих специалистов по истории экономики. В результате этого и частично под влиянием трудов Таниути, возникла дискуссия вокруг характера русской сельской общины: она принадлежала к азиатскому или германскому типу? Но поскольку этот спор вели в основном не специалисты по истории СССР, он не мог дать каких-либо плодотворных результатов. Что же касается специалистов, то они абстрактным рассуждениям о типах общин предпочли более конкретное изучение сельской общины в России и СССР до и после революции. В качестве примера такого исследования может служить работа Коити Ясуда. Он делает упор на изучении дореволюционной России, но уделяет определенное внимание и дискуссии вокруг общины 20-х годов. Харуки Вада тоже работает над этой темой[22]. Деревню 30-х годов описали Нобуо Симотомаи и Такэси Томита.

Среди ученых более молодого поколения следует в первую очередь назвать Хироси Окуда. Его первая работа[23] была посвящена кустарной промышленности на селе, которая сама по себе играла второстепенную роль в экономике деревни, но с помощью ее анализа Окуда удалось очень живо описать ситуацию в советской деревне 20-х годов. Он показал, что кустарная промышленность в процессе коллективизации неизбежно приходит в упадок. В дальнейшем Окуда опубликовал ряд работ о влиянии коллективизации на сельскую общину. В них на основе местных материалов исследуются отдельные районы (Поволжье, Московская область, западные районы с их хуторской системой, Средняя Азия, где распространено кочевое скотоводство и т. д.). Хироси Арата написал ряд работ о переходе от «военного коммунизма» к нэпу и о подразверстке в период 20-х годов. Нориаки Мацуи работает над проблемой существования двора как основной структурной единицы деревни в условиях коллективизации.

Велик интерес японских ученых к исследованиям А. В. Чаянова и других экономистов-аграрников, принадлежащих к так называемому неонародничеству. Сочинения Чаянова еще до войны были переведены на японский язык (после войны появились новые переводы) и до сих пор продолжают оказывать большое влияние не только на исследователей Советского Союза, но и на экономистов-аграрников во всем мире. Садаму Кодзима изучает вопрос о месте Чаянова в истории экономической мысли России и СССР. Сюити Кодзима уделяет особое внимание идеям неонародничества в дореволюционной России[24].

Вопросами деревни в период перехода от «военного коммунизма» к нэпу занимаются Норио Исии, Синъити Кадзикава, о голоде в Поволжье 1921 г. написал работу Хидэки Сакамото.

Изучением индустриализации в СССР японские ученые стали заниматься позже, поэтому и результаты здесь сравнительно невелики. Перегибы и извращения, допущенные в политике и практике индустриализации, до сравнительно недавнего времени не были в Японии достаточно популярной темой. И все же имеется несколько исследований по этой проблеме. Например, Такэси Камидзима[25]. Систему управления промышленностью изучал Тайитиро Оэ, кустарную промышленность – Хироси Окуда[26]. Последний описал процесс, столкновение интересов крупной промышленности города и мелкой промышленности деревни, который в конечном итоге и привел к краху кустарной промышленности. Сравнительно много сочинений по истории рабочего класса. Здесь в первую очередь следует назвать тему рабочего контроля в первые годы Советской власти (работы Арата Сёно, Ёсимаса Цудзи).

Следующий период – начало нэпа. На эту тему несколько работ написал Нобуаки Сиокава. Нобуо Симотомаи выпустил монографию, в которой рассматривается вторая половина периода нэпа[27]. По его мнению, снятие с поста председателя ВЦСПС Томского, в конце 20-х годов, не согласного с политикой форсированной индустриализации, означало роспуск «нэповских профсоюзов», что способствовало становлению сталин-

---

[15] Осаки Хэйхатиро. Развитие советской аграрной политики. Токио. 1960 (на яп. яз.).

[16] Таниути Юдзуру. История советской политики. Токио. 1962 (на яп. яз.). Перевод на англ. яз. большей части этой работы см.: Taniychi Yuzuru. The Village Gathering in Russia in the Mid-1920s. University of Birmingham. 1968.

[17] Таниути Юдзуру. Становление сталинского политического режима. В 4-х тт. Токио. 1970-1986 (на яп. яз.). См. на англ. яз. обзор содержания этой книги: Hirooka Nacko, Okuda Hiroshi, Uchida Kenji. The Peasants and the Stalin Regime.– Acta Slavica Japonica, 1988, т. VI.

[18] Этой проблеме Таниути посвятил работу, которая довольно хорошо известна за рубежом: Taniuchi Yuzuru. A Note of the Ural-Sibierian Method.– Soviet Studies, Vol. 33, № 4 (October 1981).

[19] Таниути Юдзуру. Анализ современного социализма. Токио. 1978 (на яп. яз.); его же. Мысли о современном социализме. Токио. 1988 (на яп. яз.).

[20] Сиокава Нобуаки. Партия – государство – общество в истории Советского Союза. В кн.: Государство и общество в сталинскую эпоху. Токио. 1984 (на яп. яз.).

[21] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I, с. 461 сл.

[22] Ясуда Коити. Русская революция и община. Токио. 1971 (на яп. яз.); Вада Харуки. Маркс, Энгельс и революционная Россия. Токио. 1975 (на яп. яз.).

[23] Окуда Хироси. История советской экономической политики. Токио. 1980 (на яп. яз.).

[24] Кодзима Сюити. Изучение аграрной истории России. Киото. 1987 (на яп. яз.).

[25] Камидзима Такэси. История советской экономики. Токио. 1977 (на яп. яз.).

[26] Окуда Хироси. Ук. соч.

[27] Симотомаи Нобуо. Советская политика и профсоюзы. Токио. 1982 (на яп. яз.).

ского политического режима. Сиокава является автором двухтомной монографии о положении рабочих в годы первой пятилетки [28], в которой поднимаются такие вопросы, как социалистическое соревнование, заработная плата, технологические процессы, деятельность партийных и профсоюзных организаций на предприятиях, формы объединения рабочих на советских предприятиях. Одновременно в монографии затрагиваются изменения на рынке рабочей силы, отходничество и организованный набор, социальная структура рабочего класса, текучесть рабочей силы; делается попытка разобраться в реальном положении советского рабочего класса в тот период. Хироаки Куромия выпустил на английском языке монографию по проблемам промышленности и труда в тот же период [29].

Тема массовых репрессий второй половины 30-х годов издавна волновала многих японских историков, однако исследований по этому вопросу мало. Книги Роя Медведева «К суду истории» и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына сразу же были переведены на японский язык. Из самостоятельных японских исследований можно назвать работы Масанори Кикути [30], Харуки Вада и Такэси Томити. Несколько работ посвящены внутрипартийной борьбе в 20-е годы.

Историей советского права занимаются Исаму Фудзите и его ученики, а также Цунэо Инако, Кэнъити Накаяме и группа молодых ученых, исследующих отдельные области советского права (Акио Коморида – трудовое право, Тайнтиро Оэ – финансовое право, Кан Уэда – уголовное право и криминология) [31], Тосио Морисита (история Конституции и семейного права), Хироси Ода (развитие концепции законности) [32] и др.

Определенные результаты получены и в других областях изучения истории СССР. В области истории дипломатии известны труды Хироси Момосэ и Томоёси Хираи [33]. Такаюки Ито занимается взаимоотношениями СССР и стран Восточной Европы [34]. Синдзи Ёкотэ написал несколько работ о дипломатической деятельности Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова, рассматривая ее через призму взаимозависимости внешней и внутренней политики. В последнее время внимание японских исследователей обращено к вопросам истории национальных отношений. Будучи специалистом по истории Турции, Масаюки Ямаути обратился к отношениям России (а затем и СССР) и исламских народов. Он является автором монографии о С. Галиеве и сборника работ об отношениях СССР с исламскими народами [35]. Кадзуо Накаи продолжает изучение развития Украины [36]. Сэйдзи Такахаси занимается историей Грузии, Тэруюки Хара – историей проживающих в СССР евреев. Развивается изучение и истории других национальностей.

Исследования в области истории образования проводятся педагогами, но, к сожалению, почти отсутствует сотрудничество между ними и историками. Вышел в свет сборник работ по истории образования в Советском Союзе 20-х годов [37]. Появились первые работы по истории других отраслей культуры.

Исследования послевоенного периода истории СССР, которые, как правило, анализируют современное положение, еще не получили в Японии достаточного развития. В большинстве случаев этой

---

[28] Сиокава Нобуаки. «Социалистическое государство» и рабочий класс. Токио. 1984 (на яп. яз.); его же. Рабочий класс при сталинском режиме. Токио. 1985 (на яп. яз.).

[29] Hiroaki Kuromiya. Stalin's Industrial Revolution. Cambridge. 1988.

[30] Кикути Масанори. Сталинская эпоха с точки зрения истории. Токио. 1966 (на яп. яз.).

[31] Фудзите Исаму. Исследование истории теории советского права. Токио. 1982 (на яп. яз.); и др.

[32] Морисита Тосио. Исследование теории советской Конституции. Токио. 1984 (на яп. яз.); его же. Социализм и формы брака. Токио. 1988 (на яп. яз.); Ода Хироси. Власть и закон при сталинском режиме. Токио. 1986 (на яп. яз.).

[33] Момосэ Хироси. Советский Союз и современный мир. Токио. 1979 (на яп. яз.).

[34] Takayuki Ito. The Genesis of the Cold War; Confrontation over Poland. In: The Origins of the Cold War in Asia. University of Tokyo Press and Columbia University Press. 1977.

[35] Ямаути Масаюки. Грезы Султана Галиева. Токио. 1986; его же. Священная армия – Зеленая армия – Красная Армия. Токио. 1988 (на яп. яз.).

[36] Накаи Кадзуо. История советской национальной политики. Токио. 1988 (на яп. яз.).

[37] Реформа образования и всестороннее развитие детей. Токио. 1987 (на яп. яз.).

проблемой занимаются журналисты и публицисты.

По сравнению с другими исследованиями по новейшей истории СССР, активнее всего анализировалось экономическое положение Советского Союза. Здесь ведущая роль принадлежит группе ученых из университета Хитоцубаси во главе с Кадзуо Нономура, ныне покойным Минору Ока, Нобору Миянабэ, Ёсиаки Нисимура, Масаки Кубонива [38]. Из стен этого университета вышло много исследователей экономики СССР. Немало видных специалистов и за его пределами. Например, Цунэаки Сато написал ряд работ, в которых анализируются актуальные вопросы современности, а его очерк социалистической экономики используется как учебное пособие [39].

Принадлежащий к школе Уно Хиромаса Накаяма основное внимание уделяет аграрным проблемам [40]. В книге, посвященной аграрной политике СССР в послевоенный период, говоря о социальном расслоении колхозного крестьянства, он выдвигает концепцию «системы рангов в структуре колхозного крестьянства по роду занятий». Масаюки Ивата предложил свою теорию социалистической экономики, основанную на данных об экономике Югославии и Польши [41]. Садаёси Оцу выпустил недавно книгу на довольно малоизученную тему – о рынке рабочей силы в СССР [42]. Кроме того, много различных специалистов работает в области социалистической экономики, и между ними ведется оживленная полемика [43].

Современное советское право – вторая после экономики область, где широко ведутся исследования учеными, чьи имена уже приводились выше. Особую ценность представляет работа Исаму Фудзита, в которой дается систематическое описание советского права в целом [44]; а также коллективный труд [45], в котором проводится исследование всех аспектов гражданских свобод [46].

Сфера политики и дипломатии сравнительно бедна исследованиями, что, вероятно, является следствием того, что японские учепые, как уже отмечалось, старались избегать касаться вопросов современной политики. Однако это не значит, что исследования в данной области не ведутся. Хироси Кимура и Томоёси Хираи уже давно трудятся на этом поприще. Сюго Минагава выпустил монографию, посвященную Верховному Совету [47]. Цуёси Хасэгава, который занимался изучением более ранних эпох, проявил большой интерес к современной советской политике. Он, в частности, исследует гарантии безопасности и политику государственной обороны. Среди ученых молодого поколения можно назвать Нобуо Симотомаи, который исследует советскую политику в целом [48], а также Ютака Акино и Синдзи Ёкоте, изучающих советскую внешнюю политику.

Опираясь на богатый опыт своего пребывания в СССР, Сигэки Хакамада в ряде статей изложил свои наблюдения по вопросам повседневной жизни и социальной психологии советских людей. В его книге, рассчитанной на широкого читателя, в доходчивой форме освещаются различные стороны развития советского общества [49].

То, что с 70-х до середины 80-х годов СССР переживал период застоя, отрази-

---

[38] Ока Минору. Введение в плановую экономику. Токио. 1963 (на яп. яз.). Миянабэ Нобору. О стоимости сельскохозяйственной продукции в Советском Союзе. Токио. 1967 (на яп. яз.). Нисимура Ёсиаки. Собственность и детерминизм при современном социализме. Токио. 1986 (на яп. яз.), и др.

[39] Сато Цунэаки. Современная социалистическая экономика. Токио. 1975 (на яп. яз.).

[40] Накаяма Хиромаса. Сельское хозяйство в современном Советском Союзе. Токио. 1976 (на яп. яз.).

[41] Ивата Масаюки. Новые горизонты современного социализма. Токио. 1983 (на яп. яз.); и др.

[42] Оцу Садаёси. Рынок рабочей силы в современном Советском Союзе. Токио. 1988 (на яп. яз.).

[43] Более подробно о японских исследованиях социалистической экономики см.: Takenami S., Ohtsu S. Japanese Studies on Soviet and East European Economies.– Japanese Slavic and East European Studies, 1981, Vol. 2.

[44] Фудзита Исаму. Введение в советское право. Токио. 1986 (на яп. яз.).

[45] Социализм и гражданские свободы. Киото. 1984 (на яп. яз.).

[46] Подробнее о японских исследованиях в области советского права см.: Цунэо Инако. Изучение советского права в Японии.– Советское государство и право, 1978, № 1.

[47] Shugo Minagawa. Supreme Soviet Organs. Nagoya. 1985.

[48] Симотомаи Нобуо. Современная политика Советского Союза. Токио. 1987 (на яп. яз.).

[49] Хакамада Сигэки. Советский Союз. Токио. 1987 (на яп. яз.).

лось и на восприятии его японцами. У определенной их части возобладали отрицательные эмоции по отношению к СССР и социализму в целом. Появились и такие авторы, которые в своих книгах выдвигали концепцию «советской угрозы». Эта пропаганда предназначалась той части населения, которая почти ничего не знала о Советском Союзе. Ответственность за возникновение подобной обстановки лежит на антисоветской политике японского правительств и на выступлениях правых сил. Однако ученые и в этот период продолжали вести активные исследования, но и их коснулось разочарование в политике Советского Союза, притуплялось желание углубленно изучать СССР.

Начавшаяся перестройка вызвала у японцев сначала чувство недоверия, а затем – постепенно укреплявшейся надежды. Интерес к Советскому Союзу за два – три года заметно вырос. Даже те ученые, которые прежде стояли в стороне от анализа современности, обратили свои взоры к перестройке. О том, как велик интерес японцев к ней, говорит тот факт, что число изданий по проблемам современного Советского Союза, вышедших с 1986 по 1989 гг., превысило 20 томов. Заслуживает внимания и интерес японских советологов к перестройке в области исторической науки в СССР [50].

Советологи, которые долгое время тяготели к историческим исследованиям, под влиянием перестройки направили свою энергию на изучение современности. Среди историков особенно активно работают Харуки Вада, Цуёси Хасэгава, Сигэки Хакамада, Хироси Окуда; среди политологов – Хироси Кимура, Нобуо Симотомаи; среди экономистов – Цунэаки Сато, Рихито Ямамура. Перестройка еще не завершена, она находится в процессе развития. К ней приковано внимание японских советологов. Это, несомненно, станет стимулом для их дальнейших исследований в области истории.

[50] Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. Sapporo. 1979.

P. K. GRIMSTED. *A Handbook for Archival Research in the USSR.* The Kennan Institute for Advanced Russian Studies. [W. p.]. 1989. 430 p.
П. К. ГРИМСТЕД. *Справочник по изучению архивных документов в СССР*

Известный американский историк, член советско-американской комиссии по сотрудничеству в области архивного дела Патриция Кеннеди Гримстед на протяжении 30 лет изучает вопросы теории и практики архивного дела в СССР. Она хорошо знакома с организацией советских архивов, их составом и содержанием и постоянно информирует об этом зарубежных, главным образом американских, исследователей. Ею написаны ряд статей и монографии об архивах и хранилищах рукописей Москвы и Ленинграда, Прибалтики и Белоруссии, Украины и Молдавии [1].

В рецензируемой книге Гримстед обобщает свой опыт работы в советских архивах, характеризует деятельность государственной архивной службы СССР и состав советских архивов. Книга предназначена для американских и других зарубежных исследователей, которые будут работать в советских архивах, и является первой работой из числа подготовленных в соответствии с программой сотрудничества между советскими и американскими архивистами, подписанной Главархивом СССР и Американским советом научных обществ (АСНО) в феврале 1987 года. Во введении к книге президент АСНО С. Н. Кац отметил, что новый труд Гримстед содержит обстоятельную характеристику состава документов советских архивов, данную с полнотой, которой не обладают другие издания на многих языках, включая и русский (с. X).

Автор описывает сеть советских государственных архивов, объясняет понятие «Государственный архивный фонд СССР» (ГАФ СССР) и отмечает, что декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г., подписанный В. И. Лениным, создал теоретическую и практическую базу для работы архивов, обеспечил строго централизованную систему управления ими. Касаясь системы Госархива СССР, автор подчеркивает широту и сложность ее функций, связанных с управлением широкой сетью государственных архивов на всей территории СССР, включая центры временного хранения документов на районном уровне.

[1] G r i m s t e d P. K. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Moscow and Leningrad. Princeton. 1972; e j u s d. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Estonia, Latvia, Lithuania and Belorussia. Princeton. 1981; e j u s d. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Ukraine and Moldavia. Princeton. 1988.

Говоря об отличиях советской практики организации документов от американской и западноевропейской, Гримстед подчеркивает, что советская методика до сих пор сохраняет значительные элементы прежней западной практики (в основном немецкой), в то время как западные страны от нее уже отказались. Рассматривая вопросы экспертизы научной и практической ценности документов, автор обращает внимание на то, что в советском понимании «экспертиза» аналогична западному «отбору» (selection), но в том и в другом случае этот термин тесно связан с управлением документацией. Автор уделяет внимание также гласности и обсуждению нового архивного закона.

Особая глава книги посвящена стандартным правилам описания архивных документов. Автор знакомит читателя с вопросами применения «принципа происхождения» в советских архивах и указывает, что последние обычно классифицируют документы по той схеме систематизации, по которой они были созданы в учреждении. Предметно-тематическая классификация не применяется (кроме западных областей Советского Союза) (с. 60). Гримстед подробно объясняет понятия «опись», «дело», «единица хранения», причем не только в современных, но и дореволюционных архивах.

Детально охарактеризовав все виды архивных справочников и их зарубежных аналогов, составляющих систему научно-справочного аппарата, автор указывает, что не все архивы имеют опубликованные путеводители. Вне поля зрения Гримстед не осталось и то обстоятельство, что скорость компьютеров в вычислительном центре Главархива СССР очень отстает от западных стандартов.

Автор предупреждает зарубежных ученых, что им в первую очередь придется столкнуться в СССР с проблемой доступа к справочным средствам, а значит, и с доступностью архивов и хранилищ рукописей. Этот процесс можно было бы упростить, считает она, если тщательнее разработать правила доступа к фондам различных архивных учреждений, которые существенно отличаются друг от друга. Гримстед изучила существующую в СССР организацию использования архивных документов и отмечает, что в настоящее время этому вопросу стало уделяться большее внимание, а советские архивы активизировали свою публикаторскую деятельность. При этом подчеркивается, что включение «идеологического аспекта» в основные задачи всегда отличало советские архивы от западных, так как первым был свойствен классовый подход к архивному делу (с. 107).

Автор резко критикует существующую в нашей стране систему допуска исследователей в государственные архивы, хотя и отмечает, что по сравнению с 50–60-ми годами эта процедура для иностранцев значительно упростилась, поскольку улучшилась работа и самих архивных учреждений. Как отмечается в книге, проблема допуска в советские архивы для зарубежных исследователей полностью не снята, и рано говорить о каких-либо изменениях, внесенных гласностью и перестройкой в ее разрешение (с. 110). Автор подробно описывает процедуру получения зарубежными исследователями разрешения работать в архивах и библиотеках СССР. Бывают случаи, когда зарубежные ученые посылают запрос, но не получают на него ответа из-за сложной системы согласований. Запросы на документы, хранящиеся в архивах союзных республик, апробируются МИД СССР, так как архивные управления этих республик не имеют прямой связи с западными странами. Если запрос одобрен в Главархиве, он направляется в союзную республику или в соответствующий архив с указанием подготовить документы для изучения.

Как правило, зарубежные исследователи не удовлетворены условиями работы в советских архивах, так как не имеют возможности пользоваться справочным материалом, не имеют права общаться с компетентными архивистами и поэтому значительное время тратят на поиск ар-

хивных документов (с. 126). Им не разрешается работать в читальных залах государственных архивов (кроме ЦГАЛИ). Для этого существует специальный читальный зал для иностранцев в Главархиве, где они не могут пользоваться необходимыми справочными средствами, включая описи, часто являющиеся единственным источником информации по многим архивным фондам.

Но более всего огорчает зарубежных исследователей, считает Гримстед, право архивной администрации определять круг документов, которые можно предоставить иностранным ученым. Несмотря на то, что данная процедура разработана Главархивом, она распространяется и на архивы, не входящие в его систему. Таким образом, не сам ученый, а архивисты подбирают для него документы.

На Западе в последнее время возрос интерес к семейной истории и генеалогии. Поэтому вполне естественна тяга зарубежных исследователей к подобной документации и в советских архивах. Автор сожалеет, что в СССР отсутствует учреждение, которое могло бы быть спонсором архивных запросов и исследователей из зарубежных стран.

В книге приводятся данные о пяти основных библиотеках Москвы и Ленинграда, которые обладают богатейшими рукописными фондами и справочными средствами. По мнению автора, несмотря на потери архивных документов в результате войн, стихийных бедствий и частых перемещений архивных фондов, архивные коллекции СССР являются одними из богатейших в современном мире. Гримстед пишет, что трудно найти другую страну, где бы выделялся больший бюджет на централизованное архивное управление, строительство и оборудование архивных зданий, интенсивные программы по реставрации и сохранности документов.

В СССР, считает автор, найден идеальный компромисс по сохранению документов (с. 6–7). Советская архивная практика сопоставляется с аналогичной практикой в США, Канаде и странах Западной Европы. Гримстед пишет, что «советские архивы, очевидно, являются той огромной системой, куда гласность только начинает проникать и где перестройка себя еще не проявила» (с. XV–XVI). Для западных стран существенным элементом архивного дела является презумпция открытости документов, а для того, чтобы документы закрыть, требуются специальные акты. Противоположное явление наблюдается в советских архивах (с. X).

Вряд ли можно согласиться с суждениями автора по вопросу о национализации архивов в первые годы Советской власти. Фактически в декрете СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. речь шла не о национализации архивов, а о реорганизации и централизации архивного дела. На стр. 13 в сноске 22 автор отмечает, что с середины 70-х годов термин «документоведение» вытеснил термин «делопроизводство». Это не так. Оба термина существовали параллельно с предвоенных лет. Новая книга Гримстед расширяет представление западных ученых и исследователей о государственных архивах СССР. В целом она отвечает растущим интересам не только американских исследователей, но и ученых других стран мира.

К. И. Рудельсон, В. Н. Гармаш

E. BAUER. *Konfidentenberichte über die europäische Emigration in London 1852–1861.* Trier. Karl-Marx-Haus. 1989. XX, 630 S.
Э. БАУЭР. *Тайные сообщения о европейской эмиграции в Лондоне 1852–1861 годов.*

Поражение европейских революций 1848–1849 гг. вызвало массовую эмиграцию их участников из Франции, Германии и Австрии в Англию и другие страны. Эмигранты сохраняли тесные контакты с революционным подпольем на континенте, влияли на него и порою руководили его действиями. Прусские, саксонские и ганноверские полицейские органы прилагали усилия, чтобы добыть сведения о немецких революционерах, обменивались между собой выпусками литографированного издания «Доверительные полицейские сообщения», а берлинский полицей-президент К. Л. фон Хинкельдай в 1851–1866 гг. созывал ежегодно с той же целью конференции при участии представителей следственных органов всех немецких государств и Дании, поскольку датский король как герцог Голштинии входил в Германский Союз.

В Дании соответствующие розыскные функции осуществлял директор полиции К. Брэструп. В 1852 г. он тайно поехал в Лондон, где установил связь с Э. Бауэром, младшим братом известного младогегельянца Б. Бауэра, раскритикованного К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии».

Эдгар Бауэр (1820–1886 гг.), тоже младогегельянец, был знаком с Марксом и Энгельсом, являлся участником революции 1848 г. в Пруссии, после правительственной амнистии редактировал ряд газет в Гамбурге, а потом в Копенгагене, где познакомился с профессором лингвистики П. Хьортом, дружившим с Брэструпом. Перебравшись в Англию, он в течение 10 лет занимался там публицистикой, выпускал демократические листки, брошюры и сборники, сотрудничал в печати разных стран.

Никто, однако, не знал, что в ноябре 1852 г. он послал в Копенгаген Брэструпу подробное сообщение с описанием всей революционной эмиграции в Лондоне. Затем вплоть до мая 1861 г. он достаточно регулярно направлял через тайные каналы Хьорту и Брэструпу идентичные материалы, получая взамен по тем же каналам солидное вознаграждение. Всего за девять лет он переслал таким способом 135 донесений и более 50 писем общим объемом свыше 2 тыс. страниц. Датская полиция делилась этими известиями с немецкой и австрийской.

Бауэр рассказал массу подробностей о повседневной жизни и деятельности революционных мигрантов из Германии, Австрии, Италии, Франции, Румынии, Греции, польских областей. Среди тех, о ком, он сообщал,– Маркс, Энгельс, В. Либкнехт, Д. Брэтиану, Н. Муссабини, А. Е. Чарторыский, Дж. Мадзини, Л. Кошут, Л. Блан, А.-А. Ледрю-Роллен, В. Гюго, чартисты, Р. Оуэн, А. Руге, К. Шаппер и мн. др. Конечно, ни один из «поднадзорных» не подозревал о втором лице Бауэра. Вернувшись в 1861 г. после новой амнистии в Пруссию, он утратил связь с датской полицией.

Его «послания» хранились в личных архивах Брэструпа и Хьорта, а в 1899 г. стараниями директора департамента иноземной службы Дании П. Веделя почти все попали в копенгагенский Королевский архив. После того как в 1980 г. соответствующие его фонды были открыты для специалистов, научный сотрудник марксистского исследовательского центра в ФРГ Эрик Гамби обнаружил эти документы и написал работу об Э. Бауэре, впервые характеризовавшую его двойную жизнь [1]. Брошюра вызвала большой шум среди историков революционного движения и общественной мысли. Понадобилось более фундаментальное обоснование сенсации. С данной целью и была предпринята рассматриваемая публикация.

Гамби включил в нее 88 сообщений Бауэра за 1852–1858 гг. и 47 писем от 1858–1861 годов. Сотрудницы упомянутого центра Маргрет Дитцен и Элизабет Ной, проведя большую текстологическую работу, подготовили их к печати под общей редакцией и с комментариями Гамби. Полная научная оценка этого источника может быть осуществлена лишь большим кругом специалистов, ибо он охватывает многосторонние аспекты истории ряда стран и самые различные события середины XIX в., начиная с быта эмигрантов и кончая организацией покушений на Наполеона III и тонкостями политической линии лорда Пальмерстона.

А. В. Шельский

---

[1] G a m b y E. Edgar Bauer: Junghegelianer. Publizist und Polizeiagent. Trier. 1985.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПАЛАНГЕ

Журнал «Вопросы истории» совместно с Институтом истории Академии наук Литовской ССР провели в Паланге 18–20 сентября 1989 г. читательскую конференцию, на которой наряду с обсуждением деятельности и планов работы журнала ее участники обменялись мнениями по актуальным проблемам развития отечественной исторической науки. На конференцию прибыли ученые научно-исследовательских центров союзных и автономных республик, Москвы и Ленинграда.

Главный редактор журнала «Вопросы истории» член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Прежде всего я хотел бы выразить признательность всем, кто откликнулся на наше приглашение и приехал на эту встречу, чтобы обсудить работу журнала, а также состояние и перспективы развития исторической науки.

В настоящее время история становится активным элементом общественно-политической жизни страны. Ее значение и роль усиливаются в связи с тем, что нередко противники перестройки, не решаясь открыто выступать против политики и идеи перестройки, идут окольным путем: переносят остроту полемики в область истории, отрицают право общества на правдивое и полное знание различных моментов его истории, призывая не ворошить прошлое, не писать о негативном. Сегодня, когда перед обществом со всей остротой встали вопросы морали, обострился интерес к нравственным основам исторической науки. Нужно, в частности, подняться до нового понимания классовых взаимоотношений. Возникло противоречие между ростом общественного интереса к истории и уровнем развития самой исторической науки. Она пока еще не может ответить на ряд вопросов, нынешнее ее состояние вызывает очень большие нарекания и может быть оценено как критическое. Некоторые считают, что кризис охватил только исследование советского периода. Вряд ли это правильный подход. Надо исходить из того, что когда мы говорим о кризисе в той или иной науке, это не означает, что ему подвержены все ее сферы.

Из чего же складывается кризис советской исторической науки? Во-первых, мы не имеем фактически в своем современном арсенале ни одного фундаментального научного труда, который способен пережить наше время. Такими трудами не являются и обобщающие многотомники по истории нашей страны, второй мировой войны, международного рабочего движения. Они не стали проявлением высокого интеллектуального, теоретического и методологического взлета советской исторической науки. Во-вторых, нас меньше всего интересовали новые идеи, новые концепции. Для многих это была очень удобная система: она ограждала их от научных дискуссий, обеспечивала видимое благополучие состояния исторической науки.

Мы провозглашали, будто являемся единственными, уникальными обладателями марксистско-ленинской методологии, и считали, что уже одно только это выводит нас на мировой уровень общественной мысли. Более того, некоторые деятели от науки с серьезным видом заявляли, что вообще не существует понятия «мировой уровень развития науки» применительно к обществоведению. Это значило, что нам не с кем сравнивать себя, да и не нужно, мы всегда выше, потому что обладаем марксистским методом познания. На практике оказалось, что этим методом владеют и ученые, которых мы причисляли всегда к буржуазной историографии, и владеют иногда не хуже, чем мы, и знакомы с трудами Маркса, Энгельса, Ленина подчас глубже нас. Подтверждением этого служит, в частности, то, что только в 1989 г. была впервые опубликована на русском языке работа Маркса «Разоблачения о дипломатической истории XVIII века». Говорить, что мы являемся собственниками наследия марксизма-ленинизма и лучше нас никто в нем не разбирается, по меньшей мере нескромно. Точно так же мы не имеем права утверждать, что владение марксистско-ленинской методологией автоматически обеспечивает высокое качество исследований.

Если мы хотим действительно быть на уровне мировой науки, мы должны следовать критериям, на основании которых можно судить, научный это труд или имитация. У нас в последние годы этого не было. И это привело к резкому падению профессионализма историков, к тому, что лишь немногие наши исследователи работают на современном уровне мировой науки.

В результате поток серой литературы не сократился, а может быть даже возрос. Мы переживаем снижение уровня исторического образования, нашего исторического самовыражения, самопонимания, исторического мышления. Оказалось, например, что лучшие, более или менее объективные, правдивые труды по истории советского общества написаны не у нас, а на Западе. Получилось так, что пока мы делали свою, в известном смысле парадную историческую науку, западные авторы изучали нашу историю по документам, первоисточникам, издавали книги, которые мы сейчас переводим и публикуем.

Советская историческая наука не выйдет из кризиса до тех пор, пока не будет ее публичного покаяния. Оно нужно для того, чтобы в обществе изменилось отношение к нашей науке. Сейчас ей не верят. Если сама она не выступит публично, не проведет четкий самоанализ своего состояния и причин, которые привели ее к такому положению, перелома в обществе в пользу исторической науки не произойдет. Только после честного публичного покаяния общество может поверить, что мы действительно осознаем всю серьезность создавшегося в нашей науке положения.

Свое место в достижении этой цели принадлежит и журналу «Вопросы истории». Сейчас критика в его адрес идет по двум линиям. Его критикуют, во-первых, за то, что он в погоне за популярностью якобы отходит от науки, публикует легковесные материалы в ущерб глубоким, обстоятельным, строго научным исследованиям; во-вторых, за то, что в нем больше публикуется негативных материалов, нежели позитивных, показывающих наши достижения. В действительности редакция старается уйти от того, что ранее называлось наукой, а было лишь ее имитацией, и стремится печатать что-то новое. В прошлом, когда господствовал сталинизм с его идеологией и практикой, из истории, как теперь стало известно, выкидывали все именно «негативное», оставляя в ней только «позитивное». Поэтому сейчас задачей любого исследования является прежде всего восстановление полной правды. Это необходимо для того, чтобы вернуть народу огромные пласты исторической жизни, которые мы изъяли из нашего обихода. Такова объективная потребность общества.

С сожалением приходится констатировать, что наше историческое мышление сильно деформировано. И это касается не только молодежи, но в значительной степени и самих историков. И поэтому сейчас важно вводить в научный обиход новые документы, забытые имена, новые факты даже без их трактовки. В результате историческая ткань приобретет совсем другие краски и будет рождаться иное понимание прошлого. Конечно, не всем это нравится, потому что разбиваются стереотипы, устоявшиеся формулы, наши прежние представления о многих событиях, явлениях и лицах. Здесь мы сталкиваемся с тем, что у нас практически стали исчезать аналитические исследования. В основном появляются работы описательные, в которых излагаются какие-то факты, приводятся документы, но дело не доходит до обобщения этих фактов и, тем более, до выработки новых концепций. И мы как бы уже смирились с этим, перестали даже требовать, чтобы в каждом труде просматривалась позиция его автора.

Очень остро стоит сейчас проблема архивов. Без фундаментальной базы наука не может выйти на новые рубежи. Нужно всерьез решить проблему использования архивных фондов, многие из которых до сих пор не доступны исследователям. Пока не будет принят закон об архивах, соответствующий нормам правового государства, движения вперед в этой области не будет.

Как выделить в исторической науке те направления, те основные пути, которые могли бы привлечь сегодня внимание исследователей? Идти только по линии

заполнения «белых пятен» было бы неверно. Не выведет нас на качественно новый уровень и реализация комплексных программ, которые составлялись исходя из старых представлений об исторической науке, о проблемах, требующих ее рассмотрения. То же относится и к приоритетным направлениям. В основе планирования науки должны стоять проблемы неизведанные. До сих пор в научно-исследовательских институтах, когда еще только закладывалась коллективно какая-нибудь работа, предопределялся и ее результат. Если появлялось какое-то сомнение в нем, работу из плана исключали. Такое планирование вело лишь к усугублению застоя в науке.

Сейчас уже определились проблемы, исследование которых могло бы вывести нашу науку хотя бы на новые подходы к прошлому. Нельзя превращать изучение этих проблем в своего рода моду, как это случилось, например, с вопросом об альтернативности в истории. Возьмем такую проблему, как «Партия и власть в советском обществе». Тема эта острая, непростая, но она дает возможность по-новому взглянуть на некоторые важные аспекты развития СССР. Один из них связан с пониманием Октябрьской революции. Судя по нашим учебникам, ее совершили одни большевики. Никаких других политических сил в этой революции словно бы и не участвовало. А куда же подевались партии, которые шли на революцию вместе с большевиками? Все эти проблемы нуждаются в дальнейшем изучении. Кроме того дискуссия на тему «Партия и общество» могла бы открыть возможность для создании более правдивой истории нашей партии. У нас нет пока целостной современной концепции по национальному вопросу. Мы еще не отошли от централизма в подаче материала по отечественной истории. Возьмите, например, учебник для 10 класса – ведь он написан с централистских позиций. Признавая на словах, что мы пишем историю многонационального государства, на самом деле повествуем в учебнике только о том, что происходило в русских районах, и редко вспоминаем о событиях на Украине, в Белоруссии, не говоря о Прибалтике. Коль скоро мы хотим, чтобы у нас было действительно федеративное государство, мы должны решительно отказываться от идеологии централизма, в том числе и в подаче исторического материала.

Отвечая далее на вопросы участников конференции, А. А. Искендеров затронул ряд аспектов развития советской исторической науки. Одна из причин, из-за которой она оказалась в кризисном состоянии, состоит, по его мнению, в том, что мы самоизолировались от мировой науки, возведя с этой целью искусственный барьер Между тем советская историческая наука – часть мировой. Пока мы этого не поймем, наша наука на мировой уровень не выйдет. На Западе продолжали после революции работать многие русские ученые, оказавшиеся в эмиграции. Мы очень плохо знаем их работы, хотя некоторые из них могли бы пополнить наш научный арсенал.

О нашей истории пишут не только на Западе, нами интересуются в Китае, на Ближнем Востоке и т. д. За последние годы в Пекине, Стамбуле, Анкаре появилось очень много работ о нашем прошлом. Журнал будет давать обзоры этой литературы, привлекая с этой целью китайских и других авторов.

Наши представления о современной стадии развития капитализма устарели. Не уверен, что нужно нам употреблять термин «общий кризис капитализма». Необходимо пересмотреть концепцию современного капитализма. Ведь это в значительной мере – новое явление, и для его анализа необходим иной понятийный аппарат. Нового подхода требует и современный национализм. Со времен Сталина сам этот термин приобрел негативную окраску. Между тем во многих странах он определяет явления позитивные. Попробуйте обвинить в национализме какое-либо арабское движение! У них национализм имеет иной смысл, они понимают его прежде всего как патриотизм. Мы же, напротив, если надо что-то осудить, в том числе и патриотизм, используем термин «национализм». Так возникает противоречие между новым политическим мышлением и старыми догмами и стереотипами.

Наша послевоенная история тесно связана с историей социалистических стран, несмотря на это мы как-то отдалили от себя их ученых. Они сами откровенно признают, что им легче сотрудничать с западными историками, чем с нами. Журнал сейчас пытается наладить творческие контакты с историками социалистических стран, в частности, провести встречу главных редакторов исторических журналов этих стран. Но трудностей в этом деле немало, здесь тоже необходимо преодолеть старое мышление. В истории отношений между СССР и другими социалистическими странами накопилось немало сложных, острых проблем. Примером может служить вопрос о судьбе польских офицеров, которые осенью 1939 г. были интернированы в нашей стране. Вряд ли мы уже убедим поляков в том, что польских офицеров в Катыни убили гитлеровцы.

Не менее сложные проблемы, требующие новых подходов, есть и в нашей истории. Многие из них (например, оценка событий в Прибалтике в 1940 г.) можно решить только в тесном сотрудничестве с историками Литвы, Латвии и Эстонии. Есть и более общие проблемы истории нашей страны, которые требуют всестороннего исследования. Возьмем соотношение в ней демократии и тоталитаризма. Одни считают, будто сталинизм никакого отношения ни к социализму, ни к партии не имеет; другие полагают, что истоки сталинизма нужно искать в нашей истории. А это сделать гораздо труднее, чем сказать, что сталинизм был в ней случайностью. В связи с этим встает немало вопросов. В частности такой, как отличие взглядов и действий между теми, кто совершал революцию, и теми, кто пожинал ее плоды, кто потом выступал от ее имени, какова цена революции и т. д.

Чтобы историки могли квалифицированно работать, их необходимо освободить от излишней опеки и заорганизованности их труда. К сожалению, нынешние организационные структуры АН СССР и Отделения истории скорее мешают, чем помогают развитию творческой мысли. Вряд ли будет способствовать развитию фундаментальных исследований, в том числе в области исторической науки, превращение Академии наук в хозрасчетную организацию. Только в подлинно творческой обстановке могут рождаться новые идеи, так необходимые сегодня нашему обществу.

Стимулировать исследовательскую работу можно, в частности, путем публикации критических рецензий как своеобразной преграды для серых работ. Но пока в этом плане хвалиться какими-то достижениями еще рано. Реакция на критику остается не научной. Одной из причин этого является монополизм в науке, другой – старое мышление, боязнь нового. Ратуя сегодня за историческую правду, мы должны решительно преодолевать охранительные тенденции, которые еще в целом преобладают в нашей среде. Поэтому журнал будет всячески поддерживать критический настрой тех, кто отдает свои силы делу перестройки советской исторической науки.

М. М. КОЖОКИН (кандидат исторических наук, Институт США и Канады АН СССР). Рост самосознания общества невозможен без осмысления исторического опыта и овладения ценностями гуманитарной культуры, созданными многими поколениями людей. Дискуссии об альтернативности истории, ставшие столь популярными в последние годы,– это во многом теоретическое выражение нашего понимания ситуации, сложившейся в стране. Не в первый раз в спорах о давно минувших событиях мы пытаемся решать современные проблемы.

Сегодня мы сталкиваемся со странной ситуацией: резко возрос интерес к прошлому и в то же время наблюдается явное недоверие к истории как науке. История – дисциплина по преимуществу мировоззренческая, призванная ориентировать человека в жизни, помогать ему в решении разнообразных проблем. Однако сейчас история недостаточно выполняет эту свою функцию. Как научная дисциплина она существует в отдалении от реальных проблем современного человека, который не видит и не ищет в ней опоры.

Перед нами стоит задача, обращенная к духовным потребностям современного человека. Речь идет не только об интересах осознанных, но и потребностях, не вполне понятых. Я имею в виду формирование историзма как метода научного мышления. Человек должен расти в осознании изменчивости мира, в осознании того, что завтра возникнут проблемы, о существовании которых мы зачастую сегодня даже не подозреваем.

Задача заключается прежде всего в поднятии и изучении новых пластов исторической реальности с прицелом на создание по-новому осмысленной истории. На-

пример, история нашей страны преподносится зачастую так, словно предпосылки Октябрьской революции прослеживаются чуть ли не с X в., а вся история человечества представляется как неуклонное движение к социалистической революции в России.

Преодоление такой трактовки – задача первостепенной важности. Помимо всего прочего, иначе нельзя научно поставить изучение истории нерусских народов нашей страны. Пока что она выступает в роли «довеска» к истории русской, а ведь это одновременно и часть истории других цивилизаций: мусульманской, балтийской и т. д. Словом, истории нашей страны необходимо вернуть ее место во всеобщей истории. Это будет достойное место, потому что не может быть всемирной истории без истории России, как и истории России вне контекста всемирной истории.

Изучение различных цивилизаций (впрочем, не только их) непосредственно связано с серьезными методологическими проблемами. Сейчас в советской исторической науке мы наблюдаем неординарную ситуацию: появляются первые научные работы, в которых история рассматривается с иных, чем это делается в марксистской традиции, методологических позиций. Я ни в коей мере не хочу выносить оценку данному явлению, ибо в принципе считаю недопустимым критерии «положительное» и «отрицательное» при анализе научных исследований. Любая научная работа является продвижением к постижению истинного знания. Но нелепо было бы закрывать глаза на это явление и делать вид, что оно укладывается в рамки «творческого развития марксизма». Нет, это более сложное, более значимое для нашей науки явление, и оно требует особого осмысления.

Общие, или концептуальные, проблемы развития исторической науки в конечном счете можно разрешить только путем кропотливого и добросовестного труда историка. Но может ли он плодотворно работать, практически не имея доступа к архивным документам? Положение дел в этой области не меняется. Проект Закона СССР об архивах до сих пор не опубликован для широкого обсуждения. Катастрофическая ситуация сложилась с библиотеками: пожары и наводнения лишь высвечивают медленную гибель книг в тиши библиотечных хранилищ. Не лучше дело обстоит и со многими музеями. Налицо глубокий кризис технического обеспечения труда историка.

В заключение несколько слов о работе журнала «Вопросы истории». Можно спорить и не соглашаться с отбором материала, публикуемого на его страницах, в целом с его направлением, но нельзя не признать самого главного: журнал обрел свое собственное лицо, отличное от других изданий. Сегодняшнее направление журнала я определил бы как научно-просветительское, просветительское – в том добром смысле этого слова, каким оно было в России в XIX – начале XX века. Грань, отделяющая просветительство от популяризации научного знания, очень зыбка и подвижна. Но она существует, и требуется немало усилий, чтобы ее не преступать. «Вопросы истории» считаются нашим центральным историческим журналом. И невольно возникает вопрос, не вытесняют ли «Исторические портреты» и «Историческая публицистика» на его страницах научные статьи, открывающие новые пласты исторической реальности, предлагающие и разрабатывающие новое понимание нашей истории? Верный ответ на этот вопрос, видимо, такой: нужны публикации и тех и других материалов.

В. А. ДЬЯКОВ (доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Всем ясно, что на переломном этапе развития исторической науки, в который мы вступили, необходимо особо пристальное внимание к вопросам методологии. Даже наши идейно-политические противники признают большое влияние марксистско-ленинской теории на развитие мировой науки. Серьезной помехой положительному воздействию этой теории на обществоведение является догматически-начетнический подход к марксизму, широко распространившийся в нашей стране в годы культа личности и в период застоя. Долгое время общественные науки развивались у нас в условиях насаждаемого сверху положения, что буквально каждое слово К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, касающееся прошлого человечества или путей его развития, представляет собой единственно возможную, непререкаемую научную истину. Развернувшаяся в нашей стране перестройка и

аналогичные процессы в других социалистических странах не только сделали необходимыми серьезные перемены и в области исторического знания, но и создали для этого благоприятную обстановку.

На словах мы давно боремся с догматизмом и начетничеством. Но подлинное освобождение исторической науки от этих стереотипов и навыков – трудный и длительный процесс. Он затрагивает различные стороны исследовательской работы, касается множества явлений и событий в экономической, социально-политической и культурной сферах исторического процесса, а также оценки отдельных деятелей прошлого.

Под влиянием догматически понимаемых положений исторического материализма у советских историков выработалась склонность к далеко не всегда обоснованному выдвижению на первый план социально-экономического аспекта истории, развился гипертрофированный интерес к любым проявлениям классовой борьбы, преувеличенное внимание к изучению левых течений в общественном движении. В результате поле зрения исследователей неоправданно сузилось, из него выпала значительная часть политической и культурной истории, почти исчезли сведения об умеренных и консервативных силах общества, отодвинулась в глубокую тень деятельность большинства монархов и полководцев, видных политиков и духовных лиц, писателей и художников, а без них история стала безликой и скучной. Вредное воздействие оказала примитивная трактовка принципа партийности, из-за которой исследователи зачастую утрачивали чувство научной объективности в анализе событий, социальных, политических или идейных столкновений.

Диалектическое понимание взаимодействия между базисом и надстройкой было значительно ослаблено, в особенности Сталиным, для которого было характерно примитивное понимание зависимости любого явления лишь от производственных отношений и классовой борьбы. В результате советская историческая наука долгое время не уделяла достаточного внимания изучению этно-национальных проблем, предвзято подходила к оценке национально-освободительных движений, отождествляя с национализмом едва ли не все проявления национального самосознания. Борьба с этими перекосами ведется, но до полного их преодоления еще далеко.

Среди советских историков довольно широкое распространение получило искаженное сталинизмом и догматически закрепленное толкование детерминизма в истории. Оно выражалось, с одной стороны, в попытках механически вывести мировоззрение и поступки людей из их социальной принадлежности, а с другой – в практически полном отрицании альтернативных вариантов в развитии исторического процесса.

Весьма поучительна, но пока слабо изучена альтернатива общественно-исторических движений Европы, которая существовала в середине и второй половине XIX века. В нашей историографии господствует убеждение, что единственно прогрессивной в то время была ориентация на общеевропейскую революцию, возглавляемую рабочим классом капиталистически развитых стран Запада. На этой позиции стояли Маркс, Энгельс и их единомышленники. Она была обусловлена тогдашними объективными условиями и уровнем общественного сознания в данном регионе. Однако существовала и альтернатива, связанная с нараставшими буржуазно-демократическими и национально-освободительными движениями народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Восточноевропейская альтернатива отчетливо осознавалась идеологами и руководителями этих движений, в том числе М. А. Бакуниным, который предлагал, начав с разрушения Австрийской, Прусской, Российской и Оттоманской монархий, создать на их месте республиканскую федерацию народов, освободившихся от феодального и национального гнета и способных поддержать впоследствии пролетарскую революцию на Западе. Факты подтверждают наличие указанных тенденций развития, но реальным, как мы теперь можем судить, оказалось что-то третье, включающее существенные элементы двух первых, но не совпадающее с ними.

Вопрос более частного характера связан с отношением к так называемому панславизму. Термин этот заимствован из западной, в основном немецкой, публицистики 40-х годов XIX в. и получил в сочинениях Маркса и Энгельса негативную трактовку. Между тем идея славянской общности неодинаково интерпретировалась

различными идейно-политическими течениями, и правильно судить о прогрессивности или реакционности соответствующих концепций можно только при тщательном сопоставлении их с конкретными историческими условиями.

Марксизм XIX в. явно недооценивал силу и самостоятельное значение национально-освободительных и демократических движений. Всерьез воспринималась лишь борьба польского и венгерского народов. В то же время часть славянских народов считалась «обломками наций», лишенными будущего и неспособными создать собственную государственность. Несостоятельность таких оценок убедительно опровергается последующей историей Центральной и Юго-Восточной Европы, в которой свое законное место занимают Болгарское, Чехословацкое и Югославское государства. Недостаточно обоснованным оказался и взгляд основоположников марксизма на революционно-демократическую концепцию Бакунина, его трактовку идеи славянской общности. Знакомство с фактами не оставляет сомнения в том, что многие их негативные оценки Бакунина базировались на неполной и неточной информации, а иногда были и обусловлены идейно-политическими пристрастиями и личными эмоциями.

Определенную связь с изложенным имеет и вопрос о резко негативном отношении Маркса и Энгельса к общей направленности и конкретным целям внешней политики России в конце XVIII и в XIX веке. Международные отношения в Европе они оценивали, исходя из ориентации на общеевропейскую революцию, из убеждения во второстепенном значении национально-освободительных и демократических движений, в реакционности любых политических интерпретаций славянской идеи. Особенно преувеличенным выглядит их тезис о «русской угрозе» применительно и периоду, когда Российская империя потерпела поражение в Крымской войне.

Осваивая богатое содержание научного социализма, ученые обязаны соотносить его выводы с последними данными науки и с сегодняшней действительностью, тщательно анализировать его положения, исходя из современных методологических, историографических и источниковедческих критериев.

Ю. И. РОМАНОВ (кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР). Лицо журнала «Вопросы истории» во многом преобразилось, в его работе прослеживается стремление к новым подходам в освещении многих проблем отечественной и всеобщей истории, «белых пятен». Появились новые рубрики: «Историческая публицистика», «Трибуна молодого историка», опубликованы материалы «круглых столов» по наиболее «горячим» проблемам. Внимание читателей привлекли «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» К. Маркса, письма А. М. Панкратовой. Неоднозначно отношение к статье В. В. Поликарпова (1989, № 3), ибо его обвинения в адрес В. И. Бовыкина сродни тем, что допускались в свое время в отношении историков «нового направления». Медленно меняется раздел историографии. В нем пока нет проблемных, ярких статей, многие рецензии аннотационны. На это есть объективные причины – до сих пор приходится рецензировать книги, вышедшие или подготовленные в застойное время. На страницах журнала следует поднять и вопрос о серьезном отставании значительной части выпускаемой литературы от уровня информированности общества, от содержания идущих в среде историков обсуждений.

Журнал делает немало для возрождения исторической науки, а если не все удается, то это вина не столько его, сколько нас, историков. Что хотелось бы видеть в журнале? Прежде всего, концептуальные статьи, особенно методологического характера. Сегодня мы преуспели в критике. А что дальше? Конечно, нужны и в последующем публикации о преступлениях сталинщины, о деформациях социализма, ленинской национальной политики и т. д. Но главное сейчас – это объективная, доказательная разработка проблем советской эпохи, и прежде всего сущности социализма.

Странным выглядит такое положение, когда в пору демократизации общества. создания правового государства журналы (не только «Вопросы истории») не поднимают вопроса о статусе ученого-обществоведа, о его праве на творчество, о его социальной защищенности. Предстоит восстановить такие существенные черты исторической науки, как объективность, свобода научного поиска и творчества. Все это приносилось раньше в жертву директивно-командному заказу. Исторические учреждения и историки превращались в исполнительный придаток аппарата правительственных и партийных органов.

На страницах журнала практически отсутствуют статьи ученых союзных республик. Исключением явилась статья «Казахстанская трагедия» (№ 7, 1989 г.) Отнюдь не локальный интерес представляют, например, такие проблемы, как вхождение Средней Азии, Казахстана да и других регионов в состав России. Следует отказаться от односторонней концепции добровольного присоединения народов этих регионов к России. Фактически не исследована объективно проблема некапиталистического развития ранее отсталых народов. Сейчас в ее решении намечаются новые подходы. Мера социалистичности преобразований в этих регионах должна быть осмыслена заново, с учетом мирового опыта. Исследование этой проблемы дает прямой выход на современные национальные отношения.

На страницах журнала хотелось бы видеть освещение проблем ислама и культуры в тюркоязычных республиках СССР, исторические портреты первых советских национальных историков, погибших в годы репрессий. Слой национальных историков, сформировавшихся в первое десятилетие Советской власти, был чрезвычайно тонок. Практически все они были выбиты в период культа личности. Тем самым была нарушена преемственность поколений ученых. Историческая наука деформировалась, растеряла ряд качеств научной дисциплины, обюрократизировалась, что сказалось на ее организации и кадровом составе. Многие профессиональные историки сегодня не в состоянии преодолеть догматизм, отказаться от стереотипов, взять на себя решение общественных запросов. В то же время в среде историков осознается необходимость для дела перестройки правдивой, ответственной, свободной от конъюнктурных обстоятельств истории, но пока еще значительных «прорывов» нет.

Отдельные выступления публицистов и историков, скоропалительные, нередко необоснованные обобщения под флагом «воссоздания объективной истории» порождают опасность снова столкнуть историческую науку на путь конъюнктурного развития. Поэтому необходимо отказаться от установки на отождествление ограниченных представлений о социализме с адекватным выражением его сущности. Историки упустили из виду то, что многообразные проявления самосознания эпохи не всегда совпадают с ее реальным содержанием, что следует проводить различия между тем, что мыслит сама о себе эпоха, и тем, чем на самом деле она является.

По-прежнему остаются недоступными многие архивные фонды. Без них нельзя разрабатывать актуальную проблему переселения людей в Казахстан, их включения в хозяйственную, политическую жизнь республики, функционирования на территории республики объектов системы ГУЛАГ, разрешить споры о числе жертв голода 1932–1933 гг. в Казахстане.

В области дореволюционной истории необходимо взвешенно, без эмоций подойти к вопросу о правомерности удревления истории казахского народа. Критического подхода требует проблема формирования политических сил революции в крае. Господствовавший долгое время тезис, что рабочий класс составлял и здесь авангард революционной борьбы, оказался несостоятельным. Требуется углубленное изучение социально-экономического развития аула и деревни, политической истории республики в 20-е годы, объективная оценка так называемых националистических и великодержавных уклонов. Больной вопрос для казахского народа – коллективизация и насильственное переведение на оседлость кочевых хозяйств, осуществленные военно-административными, карательными методами, что поставило под угрозу само существование казахского этноса.

К. Н. НУРПЕИСОВ (член-корреспондент АН Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР). Одной из задач журнала «Вопросы истории» должна стать работа по восстановлению исторической памяти народов нашей страны, в значительной степени потерянной в годы сталинщины. Известно, что народы Советского Востока и частично Поволжья, в основном тюркоязычные, в течение многих столетий пользовались алфавитом на основе арабской письменности. В конце 20-х годов по приказу сверху арабский шрифт был заменен латинским, а в 1940 г.– кириллицей. В результате, в течение одного поколения основная масса казахов, узбеков, киргизов, туркмен, таджиков, татар, башкир и других наро-

дов оказалась неспособной пользоваться арабским языком, на котором многие века создавались шедевры их духовной культуры, писались и публиковались научные труды, накапливались источники.

В 20-е и особенно в 30-е годы люди, пользовавшиеся арабским алфавитом, объявлялись панисламистами, пантюркистами и даже «врагами народа». Этот процесс «размывания» исторической памяти шел одновременно с процессом физического уничтожения ее носителей: в 20–40-е годы был уничтожен цвет национальной интеллигенции. Уничтожению ее видных представителей во многом способствовала кампания борьбы с так называемым национал-уклонизмом. Почти 60 с лишним лет в литературе Казахстана писали о группировках, названных по фамилии их руководителей («мендешевщина», «сейфуллиновщина», «садвакасовщина», «ходжаевщина», «рыскуловщина» и т. д.). Однако до сих пор нет конкретно-исторической оценки каждой из этих группировок.

Эти группировки не выступали против линии партии на строительство нового общества и переход казахского народа от докапиталистических отношений к социализму. Участники этих групп в поиске новых путей и методов строительства нового общества в условиях бывшей колониальной, отсталой окраины царской России просто не всегда находили верные решения частных вопросов строительства социализма. К тому же на их взгляды оказывала влияние родоплеменная идеология мелкобуржуазной, крестьянской среды, из которой вышло абсолютное большинство ответственных работников республики 20-х годов. За редким исключением все, кому многие годы приписывается руководство так называемыми националистическими или полунационалистическими группировками, являлись активными участниками борьбы за власть Советов и строительства социализма и пали жертвами сталинщины в 30-е годы.

Начиная с конца 20-х – начала 30-х годов и до последнего времени история Октября и гражданской войны в Казахстане освещалась однобоко: больше писали о победах, чем о трудностях, больше говорили о лагере революции (зачастую в общем плане), а лагерь контрреволюции представляли безликой массой белогвардейцев и алашордынцев. Только сейчас открываются архивные фонды, имеющие отношение к истории организации и деятельности партии Алаш, автономии Алаш-Орды и ее правительства; многие годы специалистов не допускали к документам, им запрещали использовать источники, исходившие из лагеря контрреволюции.

Алаш-ордынское движение в 1917–1920 гг. прошло по меньшей мере четыре этапа. С февраля до осени 1917 г. имели место, с одной стороны, поддержка Временного правительства, с другой – заигрывание с революционными силами, попытки захватить власть на местах. После победы Октября, который алашордынцы не приняли, они решили образовать автономию и избрать свое правительство, хотя передовая часть казахского общества, особенно революционно настроенная молодежь, выступила против провозглашения автономии Алаш-Орды. С февраля 1918 г. до начала гражданской войны алашордынцы формально поддерживали Советскую власть. Несколько изменив тактику, они внедрили в местные органы Советской власти своих представителей, вели политику ее «размывания». С начала гражданской войны примерно до середины 1919 г. шло главным образом вооруженное сопротивление Советской власти. С середины 1919 г. начинается переход отдельных представителей, в том числе и лидеров, а также многих рядовых участников алашордынского движения, на сторону Советской власти. Этому во многом способствовала объявленная Советской властью амнистия его участникам, которая сыграла большую роль в окончательном распаде Алаш-Орды.

Л. Е. РЕПИДА (доктор исторических наук, Институт истории АН Молдавской ССР). У нас сложилась парадоксальная ситуация: образовался разрыв между исторической наукой и историческими знаниями. Отсюда и проблема «белых пятен». Речь должна идти скорее не об исследовании еще не изученных явлений, а о придании хорошо исследованным проблемам новых акцентов.

Хотя подписка на журнал «Вопросы истории» и возросла, он все же излишне академичен, для привлечения новых читателей ему следует стать более популярным и доходчивым. Поднимая ту или иную проблему, журнал должен стимулировать ученых различных регионов к участию в дискуссии, чтобы в результате ее

делать научные обобщения. Большинство работ историков основывалось до сих пор на общесоюзных показателях, без учета специфики регионов, республик. Между тем происходившие в них процессы подчас оказывали заметное влияние на судьбу всей страны. Возьмем, в частности, нэп, как он проходил в разных регионах страны? Думаю, что неоднозначно.

В последнее время появилось много воспоминаний, мемуаров. Создается впечатление, что в них есть определенный отход от истины в результате, как мне кажется, проводимой в наше время редактуры. В частности, публикуемые в «Огоньке» воспоминания Н. С. Хрущева вызывают досаду именно тем, как те или иные факты подаются. Если уж публиковать мемуары, то надо сохранять даже тот стиль, который был характерен для их автора.

Здесь затрагивали вопрос о вхождении народов в состав России. Это большая проблема, требующая особого внимания и деликатности: сегодня это один из коренных вопросов в межнациональных отношениях. В прежние годы в литературе была принята в основном концепция преимущественно добровольного вхождения народов в состав России и прогрессивного значения присоединения к ней тех или иных регионов, при этом обходились факты царского гнета и негативные его последствия. В последнее время некоторые исследователи из одной крайности кинулись в другую: трактуют все происходившие в этих регионах процессы исходя из ленинского положения: «Россия – тюрьма народов». Конкретный пример.

По вопросу присоединения Бессарабии к России сейчас в печати немало публикаций, но в большинстве из них налицо выдергивание фактов из исторического контекста. Известно, что в результате русско-турецких войн к России отошла часть территории, входившая в состав Османской империи, часть Молдавского княжества, а также часть территории, входившей ранее в состав Речи Посполитой. Из этих разрозненных территорий и была образована губерния, получившая название Бессарабии. Левобережье этой губернии входит сейчас в состав Молдавской республики. Все это легко прослеживается по опубликованным материалам. Но внимание общественности акцентируется на насильственном разъединении Молдавского княжества в 1812 г., как будто тогда ему принадлежали все названные выше территории и как будто оно тогда что-то могло решать. Война шла между Российской и Османской империями, к событиям были причастны Австрийская империя, Франция и Англия. И этот огромный комплекс проблем следует рассматривать в совокупности.

В Молдавии сейчас много пишут и говорят о голоде 1947 г., характеризуя его исключительно как следствие неправильных действий Советской власти. Конечно, они имели место, но проблему следует ставить всесторонне. В 1940 г. Бессарабия занимала первое место в Европе по смертности населения. В период фашистской оккупации положение еще более усугубилось: сыпной тиф, туберкулез, засуха и неурожай. Молдавия после освобождения получила в 3 раза больше хлеба, чем было ею заготовлено (кстати, то, что заготавливалось в республике, там и оставалось). Нередко в печати появляются необоснованные данные о масштабах репрессий 1940–1941 гг. в Молдавии: сначала фигурировала цифра 5 тыс. человек, затем некоторые исследователи стали писать об 11 тыс., другие говорят уже о 200 тыс. человек. Откуда эти цифры? Ведь историки должны оперировать только объективными данными.

А. Б. СОКОЛОВ (кандидат исторических наук, Ярославский педагогический институт). Поставив задачу формирования правового государства, мы оказались перед необходимостью проанализировать, как проходил этот процесс в странах, имеющих давние традиции уважения прав человека, таких, например, как Великобритания. Процесс формирования правового государства там был очень длительным: английское общество обнаруживает черты гражданского только в нашем столетии.

Гражданское общество формируется в Англии по мере развития капиталистических отношений и в тесной связи с укреплением конституционной монархии. Раннее развитие здесь элементов правового государства объясняется, с одной стороны, ранним развитием капиталистических отношений, а с другой – определенными традициями, связанными, в частности, с тем, что уже с XIII в. существовал и действовал парламент. Важным этапом в формировании идеи прав человека и правового

государства стала буржуазная революция середины XVII века. Особое значение в этом плане имели взгляды левеллеров. Они выдвинули проект конституции («Народное соглашение»), предполагавший установление республики на основе всеобщего избирательного права. Речь по существу шла о том, что люди в своих политических правах равны от рождения.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения революции и эволюции в процессе создания правового государства. Стало уже чуть ли не общепринятым указывать на то, что на Западе правовое государство формировалось в условиях бурного развития революционного процесса с частыми проявлениями террора. Мне представляется, что это справедливо лишь отчасти и в большей степени по отношению к Франции. В Англии же прошла одна, максимум две революции, если считать таковой события 1688–1689 годов. В дальнейшем классовая и общедемократическая борьба при всей своей остроте на разных этапах развития этой страны не достигала характера общенационального кризиса.

В 1679 г. в обстановке очередного политического кризиса, связанного с резкой поляризацией общественных сил и образованием группировок тори и вигов, был принят закон о неприкосновенности личности, положивший начало процессу создания правового государства. В соответствии с принятым в 1689 г. «Биллем о правах», только парламент имел право утверждать законы, король не мог противодействовать их проведению в жизнь, а также издавать свои, не утвержденные парламентом. Таким образом, уже тогда ставились и решались вопросы о разделении законодательной и исполнительной власти, о функциях последней.

В 1695 г. были сняты некоторые цензурные запреты. Это способствовало подъему печати, позволило сделать шаг к тому, что мы сегодня называем гласностью. Увеличилось число периодических изданий, в начале XVIII в. в Англии проходит настоящая «памфлетная война». Акт 1696 г. регулировал судопроизводство, установив, в частности, что для доказательства виновности требуются показания двух свидетелей. В то же время явно недемократической оставалась избирательная система Англии: число лиц, входивших в электорат, к 1715 г. составляло примерно 4,3% ее населения. Эмансипации английского общества противоречило также сохранение тайны прений в парламенте.

Говоря о формировании правового государства в Великобритании, следует вспомнить, что именно она стала родиной двухпартийной системы, зародившейся здесь еще в конце XVII века. Оформление партий потребовало более чем полутора столетий, и только к середине XIX в. они приблизились к тому, что можно было бы назвать партиями в современном смысле слова. И тем не менее уже в XVIII в. деятельность партийных группировок, их борьба в парламенте и на национальной арене способствовали той тенденции в политическом развитии страны, которая определяла ее движение к правовому государству.

Первый, начальный этап развития английской буржуазной политической системы завершается к 30-м годам XIX века. Дальнейшие изменения, направленность которых определили парламентские реформы 1832 и 1867 гг., а также предоставление избирательных прав женщинам в 1918 г. позволили сделать процесс движения Великобритании к правовому государству необратимым. Итак, переход к правовому государству явился здесь не каким-то единовременным актом, это был длительный процесс. Он проходил достаточно трудно, при постоянном противостоянии консервативных тенденций в общественно-политической жизни. Острые политические ситуации не стали при этом стопором процесса демократизации, напротив, они играли роль стимулятора. Положительную роль сыграла и сформировавшаяся в Англии система двух партий.

Н. В. КИСЕЛЕВА (кандидат исторических наук, Ростовский университет). Развитие советской исторической науки на протяжении десятилетий происходило в рамках политизации общественных отношений, в условиях концептуальной заданности, сложившейся вследствие этой политизации. Работы на исторические темы все больше напоминали школьные учебники математики: ответы были известны заранее, возможны были лишь поиски вариантов решения. Все более очевидно смещались ценностные установки; не поиск истины, а максимальное соответствие политической конъюнктуре становилось желанным результатом. В научных организациях утвердился бюрократический стиль деятельности.

Лишь некоторые периоды, такие, например, как середина 50–60-х годов, в силу политических условий оказывались для исторической науки сравнительно плодотворными. Удавалось продвинуться в достижении достоверной реконструкции тех или иных событий, преодолеть наиболее очевидные неадекватные действительности оценки. Но это был лишь относительный прогресс при сохранении общего неблагополучного положения, при незыблемости принятых установок о победе в СССР социализма к концу 30-х годов, о принципиальном единстве и преемственной связи всех этапов становления советского общества, о безальтернативности принятого курса и оптимальном характере достигнутых итогов развития страны.

С середины 80-х годов стал возможен переход к новому этапу развития советской исторической науки, который можно характеризовать как переход от состояния квази-науки к реальной независимой науке. Однако пока объективная ситуация такова, что необходимые условия для перехода складываются с трудом. Например, по существу не меняется архивная политика. К разработке закона об архивах не привлечена научная общественность, подготовка его неоправданно затягивается. Невольно напрашивается вывод, что есть вполне реальные силы, заинтересованные в том, чтобы оставить историческое знание на полуголодном источниковом пайке. Хотелось бы, чтобы журнал «Вопросы истории» включился в борьбу за открытость архивных документов. Без решения этой проблемы на новый, соответствующий объективным общественным потребностям уровень знаний нам не выйти.

Д. В. БЛЕЙЕРЕ (кандидат исторических наук, Институт истории АН Латвийской ССР). История сейчас стала полем политических битв. Для того, чтобы создать новое, мы должны переосмыслить прошлое. Процесс этот сам по себе сложный и, естественно, не обходится без издержек. Но нас должно интересовать и то, как в этой ситуации выглядят историческая наука и ее творцы. Следует признать, что историки из этой ситуации не всегда выходят наилучшим образом. Догматизм, некомпетентность, недостаточный профессионализм – основные пороки, характерные, впрочем, не только для исторической науки. В исторической науке это является прямым результатом ее чрезмерной политизации. Уже с 30-х годов, со времени выхода «Краткого курса» истории отводилась роль всего лишь толковательницы официальной точки зрения. Чем ближе к современности, тем уже становились рамки научной свободы.

Существовавшая долгие годы система воспитала два типа историков. Одни считали, что их задачей является только сбор фактов. Разработка концепции – не их дело. Другие стали виртуозами по созданию схоластических концепций, слабо или вовсе не подкрепленных фактами. Оба типа в значительной степени оказались неподготовленными к новой ситуации, потребовавшей от историка эрудиции в сочетании со свободой и широтой мышления, умения ставить и решать концептуальные проблемы.

Эти проблемы актуальны для всей советской исторической науки, но особую остроту они приобрели в республиках Прибалтики, в частности в Латвии, где ярко проявляется кризис доверия к историкам. И это при том, что интерес к истории высок как никогда. Тут имеются несколько причин. Во-первых, недовольство уровнем исследования и концептуальным подходом к ряду проблем истории Латвии, особенно к имеющим актуальное политическое звучание сегодня: создание латышской государственности, история межвоенной Латвийской республики, комплекс вопросов, связанных с пактом Молотова – Риббентропа, события 1940–1941 гг. в Латвии, сталинские репрессии и др. Во-вторых, последние годы показали, что общество в целом имеет недостаточный объем исторических знаний. С одной стороны, это связано с «реакцией отторжения» политизированных исторических концепций, противоречащих коллективному историческому опыту народа, с другой – с неспособностью и нежеланием историков довести исторические знания до общества. Мы часто пишем сухо, тяжелым слогом. Казенный стиль овладел школьными учебниками. Популяризация исторических знаний ведется совершенно недостаточно, к тому же часто в допотопных формах. У нас нет красочно и ярко написанного

курса истории Латвии, популярных изданий по отдельным ее периодам, почти отсутствует историческая литература для детей.

Для преодоления кризиса исторической науки важнейшим условием является ее демократизации – как в плане организации исследований, так и освобождения истории от идеологического обслуживания власти. Несомненно, социальный заказ для истории будет существовать всегда, но заказчик должен прислушиваться к доводам ученых, а не наоборот. В сущности, рецепт восстановления престижа исторической науки прост: истории в меру своих возможностей должна представить объективную картину прошлого. Тогда она займет подобающее место в жизни общества. Ведь сейчас общественность часто ждет от исторической науки гораздо большего, чем она в состоянии дать.

Выполнение этих условий зависит от общего процесса демократизации общества и науки. Но многое, несомненно, и в наших силах. Институтом истории АН Латв. ССР прилагаются определенные усилия к преодолению кризисной ситуации. Одним из направлений является перераспределение сил исследователей для изучения самых актуальных и наименее изученных проблем истории Латвии. Впрочем, это не означает, что все усилия будут направлены только на события XX века. Не менее важны проблемы этнической истории, древнейшей истории Латвии, многие проблемы периода феодализма. Если раньше они часто рассматривались как более или менее желательное приложение к истории послеоктябрьского периода, то сегодня равноценное внимание должно быть уделено всем периодам и проблемам истории. Кроме того общая неразработанность в советской науке многих пограничных истории научных направлений, таких, как этнопсихология, социальная психология и др., оказывает отрицательное влияние не только на развитие фундаментальных исторических исследований в целом, но и на их практические результаты. Недаром столь бесполезными оказались многие исследования по межнациональным отношениям.

Очень важной задачей является расширение исторического кругозора общества. Имеется ряд основополагающих источников, которые как бы не существуют для массового исторического сознания, так как они были изданы в 20–30-е годы и теперь устарели с точки зрения качества перевода и научного аппарата или же вообще не издавались на латышском языке. Дело осложняется еще и тем, что у нас почти нет специалистов по вспомогательным дисциплинам (археография, текстология, палеография, геральдика и др.). Совершенно неудовлетворителен уровень знаний латыни и других языков, необходимых для изучения истории Латвии. По многим вспомогательным дисциплинам специалистов можно подготовить только за рубежом, но это все еще практически невозможно.

Журнал «Вопросы истории» за последние два года стал гораздо интереснее. Но есть один аспект, которому он не уделяет достаточного внимания. Толстые исторические журналы в значительной мере выполняют функции координации исследований – действительной координации, а не бюрократической, выражающейся в различных планах. Если же с этой точки зрения посмотреть на публикации последних десяти лет в журнале «Вопросы истории», то обращает на себя внимание то, что проблемам истории Латвии, а также Прибалтики в целом уделено явно недостаточное внимание. Журнал так же, как и другие центральные органы печати историков, в значительной мере сохраняет московско-ленинградско-центристскую ориентацию. Между тем проблемы истории Прибалтики, как показали события последнего времени, имеют отнюдь не локальный характер. Прибалтийскими историками по многим направлениям исследований достигнуты значительные результаты. Но к сожалению, они далеко не всегда доходят до всесоюзного читателя.

Г. А. ШАДЖЮС (доктор исторических наук, Институт истории АН Литовской ССР). Сегодня мы с уверенностью можем отнести к приобретениям перестройки тот факт, что историческая наука, наконец, рассматривается как заслуживающая не только постоянного внимания, но и глубокого, системного изучения. Процесс этот уже идет, о чем свидетельствует множество публикаций в печати по разным периодам и проблемам, дискуссии, «круглые столы» и т. д., но немало и трудностей.

Мы десятилетиями страдали не только от того, что ежедневно, ежечасно ощущали на себе влияние административно-командной системы, но еще и потому, что сами вольно или невольно культивировали ее в своем сознании, испытывая «страх» перед любой, даже научной канцелярией, нередко сопротивляясь новым концепциям, идеям. К сожалению, приходится констатировать, что и до сих пор нередко, почувствовав непробиваемость бюрократической брони, мы пасуем. Но перестройка – это уже давно не переделка лозунгов. Это прежде всего переделка самого себя и своего отношения к своим прежним работам, к таким понятиям, как «человек» и «общество».

К правдивому освещению истории мы должны стремиться не только потому, что эта цель зиждется на естественном праве любого ученого. Но это и историческая необходимость. Наше возросшее самосознание тесно связано со стремлением к независимости, демократии, с уважением к взглядам, концепциям зарубежных оппонентов, историков, эмигрировавших за границу.

Сегодня мы все признаем, что историческая наука, особенно исследовавшая советский период во времена сталинщины и застоя, в основном опиралась на догмы и псевдопринципы. Поэтому сейчас и в Литве при критическом взгляде на изложенные в академических работах, учебниках, монографиях «истины» от них не остается камня на камне. Это в равной степени относится как к истории возникновения и развития Литовской республики, так и ее развития в годы сталинизма и застоя. Мы загоняли наше прошлое в надуманные схемы, из которых сейчас с трудом выбираемся. Только в годы перестройки историки смогли подойти к ряду самых заповедных, доселе неприкасаемых тем истории. Осуществляя пересмотр старых концепций, хотим мы этого или не хотим, мы опираемся прежде всего на людей и институты, сформированные во время распада догматического социализма. Для ряда ведущих историков – в свое время частицы административно-командного аппарата – осуществление этой новой модели общества равносильно их социальной смерти.

И еще одна важная проблема. Идет пятый год перестройки, однако в нашей среде процесс избавления от ортодоксальных мышления и деятельности развивается медленно. Между тем, чем скорее это будет происходить, тем быстрее мы продвинемся вперед. В новых условиях мы должны заново прочитать классиков марксизма-ленинизма, изучить содержание ленинской концепции социализма, определить, насколько эти работы имеют значение для революционного обновления общества, для практики перестройки.

В этом году исполнилось 50 лет со дня подписания секретных протоколов между СССР и Германией, согласно которым суверенное Литовское государство перешло в сферу влияния Советского Союза. Литовские историки уже сказали правду об этих протоколах. Но, к сожалению, в советской историографии еще до сих пор проскальзывает мысль, что они установили своего рода черту для фашистской экспансии в Восточную Европу, что они были направлены не против суверенных прибалтийских государств, а наоборот, оградили, защитили их от гитлеровской оккупации.

Август 1939 г. стал важной вехой в истории не только СССР, но и прибалтийских республик. Он начал поворот в отношениях между СССР и прибалтийскими республиками, завершившийся в середине июня 1940 г. ликвидацией независимых государств в Прибалтике. В литературе появился и кардинально новый взгляд на события июня-июля 1940 г. в Литве. Историки сейчас признают, что 15 июня 1940 г. с вводом в нее дополнительных частей Красной Армии суверенитет Литовского государства был фактически утрачен. Поэтому вместо термина «период мирного развития социалистической революции» предлагаются сейчас новые понятия: «оккупация», «аннексия» Литвы. Подвергается пересмотру и мысль, что вступление Литвы в СССР было актом народной воли. Историки республики, можно сказать, единодушно высказали свое мнение по этому поводу.

Много внимания историками сейчас уделяется истории Литвы сталинского десятилетия, когда еще сохранялась, хотя и ослабевающая год от года, возможность альтернативного развития, которая опиралась на внутренние (сопротивление национального подполья) и внешние (обстановка «холодной войны» на Западе) факторы. Казарменный социализм, который в соответствии с предначертаниями Сталина

стропла страна, требовал атмосферы постоянного страха. Создать его можно было только с помощью насилия. И в Литве успешно применялась теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Эта теория и здесь оправдывала беззакония, репрессии, депортации.

Историки республики опровергли тезис, что террор в качестве метода борьбы начал применяться Советской властью в Литве только как ответ на выступления контрреволюции. На деле это было совсем не так. Убедительно доказано, что жестокость изначально присутствовала в социальных потрясениях. Уже в июле 1940 г. террор объявляется по сути государственной политикой: начались аресты, расстрелы, ссылки, высылки. К началу 50-х годов ситуация в республике коренным образом изменилась. Однако страх и ожесточение, с которыми и в дальнейшем в литературе ассоциировался образ «буржуазного национализма» — этого старого, но одновременно и нового врага — остался. Подвергалась деформации национальная политика. Недостатков накопилось чрезвычайно много. Так продолжалось до начала перестройки.

И только в период перестройки в работах историков началось выправление перекосов в подходе к идее интернационального, которая стала пониматься как движение к дружбе, единению через расцвет наций, а не их слияние. Идея национального, в свою очередь, не рассматривается уже как нечто преходящее,— это уже вовсе не пережиток или извращение, даже не излишество, как представлялось еще не так давно. Ряд вопросов требует, конечно, дальнейших исследований, а многие выдвинутые новые концепции — более глубокой мотивации. Некоторые историки до сих пор с трудом отказываются от идей казарменного социализма и сформировавшейся в застойные времена модели истории Литвы, особенно советского периода. Влияние прошлого далеко не преодолено, стереотипы живучи.

Г. И. ЗАГОРСКИЙ (доктор юридических наук, Институт военной истории Министерства обороны СССР). Рост популярности журнала «Вопросы истории» определяется прежде всего его содержанием. В нем можно найти материалы для специалиста-исследователя, преподавателя вуза, школьного учителя, широкого читателя, интересующегося историей. Вместе с тем журнал остается научным изданием, уделяя основное внимание объективному показу сложных проблем истории.

История во все времена и у всех народов имела огромное нравственное значение, служила базой для формирования духовного облика, исторического сознания народа. В связи с этим остро стоит вопрос об объективном освещении исторических фактов. Важно при этом из одной крайности — приукрашивания событий (что имело место раньше) — не впасть в другую, не менее опасную,— в поиск только негативных явлений. Любой вывод должен быть основан на учете всех факторов, как внутренних, так и внешних, действовавших в рассматриваемый период, при тщательном анализе всех материалов, освещающих в той или иной мере исследуемую проблему, в том числе фактов, дававших возможность другим исследователям делать иные выводы. Только в этом случае можно достичь истинного знания.

Воспитание историей выдвинулось сегодня на авансцену идеологической, политико-воспитательной работы. Одним из проявлений перестройки является пристальное внимание широкой общественности к изучению истоков самоотверженности советских людей, стремление узнать как можно больше о героических свершениях своих земляков. Я полностью разделяю высказанную здесь озабоченность малочисленностью либо полным отсутствием популярных изданий, специально предназначенных для школьников. Эту ситуацию надо срочно менять. Сейчас, когда проходит реформа в области образования, и качестве важнейшей ставится задача резкого повышения интеллектуального уровня учащихся. Чтобы этого достичь, необходимо каждому из них дать полное представление об истории нашей родины, о героическом прошлом их предков, о бесстрашии и самоотверженности народов СССР в годы тяжких испытаний, предоставить им возможность познать живую историю со всеми ее событиями и конкретными людьми. Видимо, вопросы военно-патриотического воспитания могли бы освещаться и на страницах исторических журналов, в том числе и «Вопросов истории».

А. З. ВАКСЕР (доктор исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР). Обращение историков, редакций журналов к «белым пятнам» понятно. Оно удовлетворяет потребности общества и способствует росту исторического сознания народа. Речь, конечно, должна идти не об отрицании всего сделанного историками за 70 с лишним лет, а о решительном отказе от догм, скрупулезном сборе фактического материала, который по тем или другим причинам игнорировался, о критическом переосмыслении известных фактов. Механическое отбрасывание одних концепций и их скороспелая замена «новыми», подчас сильно попахивающими нафталином, едва ли целесообразна. Интересы науки и практика перестройки требуют отказа от лихих, бездумных атак на прошлое, серьезной критической и созидательной работы.

Для истории как науки аксиоматична необходимость изучения первичной производственной ячейки общества, будь то феодальная вотчина, капиталистическая мануфактура или социалистическое предприятие. Именно здесь реализуются и воспроизводятся экономические отношения, методы соединения производителей со средствами производства, порождаемые ими устойчивые интересы, определяющие мотивацию труда больших групп людей, их поступки, социальную психологию. Здесь формируются классы и социальные группы. Не развивая этого направления, мы лишаемся возможности понять генезис социалистического способа производства, его противоречия, причины прошлых ошибок и нынешнего кризиса. Здесь скрыты и некоторые из ответов на жгучий вопрос — какое общество мы построили и в каком живем сейчас.

Конкретное изучение хода обобществления промышленности в 1917—1920 гг. показывает, что на первых порах социалистическая собственность зарождалась в разных формах: государственной, муниципальной, групповой и др. При этом предприятие как средоточие материально-вещественных элементов производства и коллективы оказывались слитыми воедино. Необходимость строжайшей централизации экономики в годы гражданской войны привела по существу к полному огосударствлению промышленности. Тем не менее теоретически (см. вторую Программу РКП(б) и социально-экономически возможность разнообразия форм социалистической собственности в крупной, средней промышленности сохранялась.

Нэп положил конец этой альтернативе. Вся полнота власти на предприятиях, и трестах, синдикатах сосредоточилась в руках государственных органов. Непосредственное вмешательство коллективов профсоюзов в управление признавалось безусловно вредным и недопустимым. Предприятие оказалось отделенным от коллектива. Система «вольного найма», сдельной оплаты усиливала отчуждение тружеников от средств производства, распределения и обмена, их незаинтересованность в конечных результатах труда. На первом этапе, когда в производстве было занято поколение участников Октября, влияние таких факторов в известной мере нейтрализовалось революционным энтузиазмом, уровнем сознания. Оно поддерживалось производственными совещаниями и другими формами вовлечения трудящихся в управление. По основным отношением общественной собственности выступала связь трудовых коллективов, рабочего класса с государством диктатуры пролетариата.

В итоге первичная социалистическая производственная ячейка оказалась внутренне противоречивой, не обеспечивала широких и устойчивых предпосылок, условий для формирования нового типа работника-хозяина, коллективиста, воспроизводства этих качеств в новых поколениях рабочих. Такой тип производственной ячейки создавал предпосылки для роста командно-административной системы, присущих ей методов руководства экономикой. Именно в подобной взаимодополняемости административной системы и основы производства — первичной ячейки кроется одна из глубочайших причин их долговечности и постепенного внутреннего ослабления.

Укрепление административной системы — результат действия и объективных факторов, и устремлений высшего руководства партии и государства. Естественный результат этого процесса — нарушение связи трудящихся с государством. А это означало, что сфера действия отношений собственности при внешнем расширении в период индустриализации и в последующие годы по сути сужалась. Внутри же первичной производственной ячейки возможности воспроизводства их были минимальны. Эта внутренняя слабость впервые резко проявилась в годы первой пяти-

летки, на рубеже 30-х годов, когда рабочий класс пополнился многочисленной армией выходцев из деревни, почти не связанных с пролетарским государством и даже в определенной мере враждебных ему. Резко упали дисциплина, экономические показатели и т. д. Первичная производственная ячейка — неотъемлемая часть нэпа — по существу не выдержала массовой индустриализации.

Перемены же, последовавшие в 30-е годы: отказ от ограниченного хозяйственного расчета, усиление элементов внеэкономического принуждения, репрессии, прямой отрыв государства от масс — еще более сузили действие общественной собственности как объективного экономического отношения, трансформирующегося в интересы. Доказательство — чрезвычайное законодательство конца 30-х — начала 40-х годов.

В заключение несколько соображений относительно понятия «строительство социализма» и того, какой социализм мы построили. Во-первых, общество нельзя «построить». Подобный подход в принципе неверен. Общество — живой организм, который постоянно изменяется в меняющихся условиях. Надо поэтому исследовать механизм воспроизводства и материальной базы, и общественных отношений, и культуры, и личности. Только при таком подходе мы получим научно достоверные ответы. Нельзя изучать историю «линейно», как мы делали многие годы. И тогда станет ясно, почему реальность отличалась от идей, которыми руководствовались «строители».

Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ (член-корреспондент АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР). Сейчас часто можно услышать, что мы только учимся демократии. Возникает вопрос: по какому учебнику? В России, скажем, судебная реформа 1864 г. ввела суд присяжных, была целая плеяда выдающихся русских адвокатов — Кони, Плевако и многие другие. В 1917 г., к сожалению, одним из первых декретов был отменен суд присяжных и создана в экстремальных условиях гражданской войны «революционная тройка». Но до каких же пор эта тройка будет продолжать свое существование? Мы пишем о необходимых гарантиях против возобновления репрессий, но ведь суд остается абсолютно таким же, каким был в те годы. Приговор выносят три человека, причем двое из них не имеют необходимой квалификации. Когда же мы восстановим традиции, которыми Россия гордилась?

Журнал «Вопросы истории» часто обвиняют в том, что он дает мало положительного материала по советской истории. Действительно, надо давать и положительные материалы, освещать все стороны жизни. Разумеется, необходимо, например, показывать становление СССР как крупной промышленной державы и т. д., но не следует забывать и об издержках индустриализации. С тех же позиций объективности и всесторонности надо освещать и историю зарубежных стран. Например, в тот же период в Германии, всего за шесть лет была ликвидирована безработица, создана мощная военная машина, достигнуты значительные успехи в экономике, в развитии промышленности. Но, говоря об этом, нельзя не говорить о ее внешней и внутренней политике, так же как нельзя рисовать Германию 30-х годов только как фашистскую, не отмечая ее несомненных достижений. Иначе непонятно, как она могла сражаться едва ли не со всем миром, причем на подготовку к войне у нее ушло не так уж много времени.

Несколько слов о создании Ассоциации молодых историков. Меня это радует, хотя я против того, чтобы делить историков по возрастному признаку. Важна их гражданская позиция. Но то, что такая организация создана, является одним из положительных явлений нашего времени. Вся тяжесть дальнейших исследований сляжет на молодых ученых. И я связываю свои надежды в этом плане с Ассоциацией молодых историков, хотя до сих пор они себя еще не показали. Старшее поколение пока идет впереди.

Я согласен с высказываемым мнением, что пора прекратить практику «ритуальных» сносок на труды основоположников марксизма-ленинизма. Каждый историк должен решать сам — обращаться к этим трудам или нет, хотя нельзя не признать, что общий дух догматизма практически существует до настоящего времени, только одни сноски заменяются другими. С этой практикой должно быть покончено.

Л. С. ТРУСКА (кандидат исторических наук, Вильнюсский педагогический институт). Особенность перестройки в Литве, как и в других Прибалтийских республиках, заключается в том, что происходит она в условиях национального возрождения. Эти два процесса дополняют друг друга. Сегодня — огромнейший спрос на историю буквально во всех слоях населения Литвы. История прежде всего новейшего времени является одним из важнейших факторов политической жизни республики. В республике выходит сейчас около сотни газет, листков неформальных организаций, и в каждом издании публикуются материалы на исторические темы. Лекторы-историки — нарасхват.

Перестройка и процессы национального возрождения застали историков врасплох. Идет пятый год перестройки, а они так и не смогли, например, написать новый учебник, нет исследований по политической истории. В Литве за 50 лет Советской власти было написано много о политической истории, но по ложной схеме, и все эти труды сегодня не выдерживают критики. Необходимо переосмыслить всю историю республики новейшего времени, ранее освещавшуюся с антилитовских, антинациональных позиций. Пока есть только историческая публицистика, в которой появляются новые идеи, вводятся новые данные, рассматриваются все вопросы новейшей истории Литвы.

Историки первыми начали писать о том, что литовская государственность была восстановлена не Советским правительством в декабре 1918 г., а провозглашением буржуазной республики 16 февраля 1918 г., и Верховный Совет Литовской ССР объявил сейчас этот день национальным праздником. Разумеется, нельзя отрицать, что в Литве имелись тогда сторонники установления Советской власти, шла борьба за ее установление. Но беда в том, что руководители литовских большевиков В. Мицкявичус-Капсукас и другие не признавали ленинского принципа самоопределения наций и только после нажима из Москвы признали необходимость создания Литовской Советской республики.

Период буржуазной республики по 1940 г. в нашей историографии рисовался только черной краской; все было тогда плохо, и в промышленности и в сельском хозяйстве наблюдался спад. Сейчас в Прибалтике наметилась тенденция к идеализации этого периода. Ничего страшного в этом нет. В конечном итоге утвердится объективный взгляд. Есть данные, свидетельствующие о том, что промышленность Литвы, например, выросла за период буржуазной республики в 5 раз. Для слаборазвитой страны — это неплохо, во всяком случае не было спада. Литва не была отсталой и в сельском хозяйстве: мясо, масло поставлялись и на западный рынок, то есть продукция была конкурентноспособной. Интенсивно развивалась национальная культура.

События 1939—1940 гг.— самая популярная тема в республике. В центральной прессе уже опубликованы секретные протоколы к договору от 23 августа 1939 г., но еще не опубликованы секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г., по которым Литва перешла в сферу государственных интересов Советского Союза. Очень важная для прибалтийских историков тема — договор о взаимной помощи, подписанный осенью 1939 г. между СССР и прибалтийскими странами. Центральная пресса подчеркивает, что договор был скреплен подписями представителей прибалтийских государств, а это соответствует требованиям правового государства. Но при этом ни слова не говорится об имевшем место в октябре 1939 г. политическом шантаже. Тогда литовская делегация приезжала в Москву. Сталин и Молотов заявили ей о том, что согласно секретным протоколам, Литва входит в советскую сферу влияния, показали карту. Было сказано при этом, что если договор не будет подписан, то часть Литвы отойдет к Германии, Вильнюс, занятый Красной Армией, отойдет к Белоруссии и т. д. Разве можно считать, что подписание в этих условиях упомянутого договора соответствует нормам правового государства?

Долгие годы мы писали о социалистической революции в Прибалтике в 1940 г., но данные свидетельствуют о снижении уровня революционного движения в Литве к этому времени. Подъем его приходится на 1935—1937 гг., затем начался заметный спад. В июне 1940 г. в Литве не было ни забастовок, ни демонстраций, 15 июня в Литву вошла 200-тысячная Красная Армия, а литовская армия в то время имела 20 тыс. солдат. 17 июня было провозглашено так называемое народ-

ное правительство во главе с Ю. Палецкисом. Таким был ход событий, и сегодня трудно убедить литовцев, что в 1940 г. в их стране произошла социалистическая революция.

А. И. ОСМАНОВ (доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР). Происходящий ныне критический анализ истории 30–40-х годов, корней и истоков кризисных явлений, поразивших советское общество в 70–80-е годы, уже соединился с историей перестройки. В центре дискуссий и обсуждений – не только драматические страницы прошлого, но и актуальные проблемы современности. Прежде всего речь идет о создании новой концепции социализма, всей истории развития советского общества. Однако, приступая к решению этой задачи, надо подумать, как избавиться от одностороннего подхода к историческим процессам и объяснения, особенно в современной публицистике, многих событий прошлого лишь деяниями отдельных личностей, путем игнорирования многомерных ходов, зигзагов истории, той обстановки, в которой эти события происходили.

При всей обширности, неохватности проблем, находящихся в сфере интересов журнала «Вопросы истории», проблемы советского периода, мне думается, должны найти на его страницах значительно больше места. Это вызывается не только наличием неубывающего интереса общественности к историческим знаниям, но также теми серьезными трудностями, которые встречают исследователи, занимающиеся историей отдельных республик и регионов. Требует неослабного внимания изучение тем, оказавшихся запретными в годы культа личности и застоя. В их числе целые периоды из жизни выселенных народов, как бы вычеркнутых из истории. Разве справедливо, скажем, что история чеченцев и ингушей подается без таких горьких и драматических для них лет, как 1944–1957 гг., когда их автономия была ликвидирована и они были надолго оторваны от своей родной земли? При воссоздании истории тех лет исследователи сталкиваются с тем, что до сих пор полностью не опубликованы документы, раскрывающие масштабы и характер репрессий против целых народов. В освещении этих тем более активной могла быть и роль журнала.

С интересом воспринимается общественностью мемуарная литература. Однако в ней содержится немало неточностей, недостоверных сведений. Порой одни и те же факты разными авторами излагаются в различной интерпретации. Печатая такие мемуары без комментариев, исторический журнал оказывает плохую услугу исследователям. К тому же воспоминания занимают в нем место, которое можно было бы отвести другим материалам, представляющим не меньший научный интерес.

Накопилось немало проблем, особенно в дореволюционной истории наших народов, требующих новых подходов и осмысления. В историческом и политическом лексиконе крайне редко появляется ленинское определение царской России как тюрьмы народов, а в освещении дореволюционной истории народов делаются несколько иные акценты. Видимо, здесь сказывается застарелая боязнь, как бы ответственность за колонизаторскую политику самодержавия не сваливать на русский народ, угнетавшийся не менее чем другие народы России. Материалы, правдиво отображающие дореволюционную историю народов нашей страны, помогут глубже показать значение Великого Октября, сыгравшего на национальных окраинах освободительную миссию, давшего их народам национальную государственность и равноправие.

Для исследователей многих национальных регионов оказывались запретными наиболее героические страницы дореволюционной истории этих народов. В годы культа личности и застоя к реакционным, националистическим движениям была отнесена борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. за свою независимость. Накладывалось вето не только на разработку этой темы, но и подвергались репрессиям те, кто осмеливался нарушить этот запрет. Только в условиях перестройки стало возможным вернуться к тем историческим событиям. В 1989 г. в Махачкале проходила Всесоюзная научная конференция, которая решительно отвергла антинаучную точку зрения о реакционном, националистическом и инспирированном извне характере этого движения горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века. И в условиях перестройки, тех изменений, которые происходят в историческом мышлении, некоторые историки продолжают находиться в плену старых догм. Такой позиции придерживался в частности М. М. Блиев (см. История СССР, 1983, № 2; 1989, № 4).

Требует пересмотра утвердившаяся в застойный период «теория» о добровольном вхождении отдельных народов в состав России. В обстановке шумно отмечаемых в этой связи юбилеев даже малейшие попытки объяснить стремление народов к объединению с Россией, наряду с другими причинами, международным положением того времени, необходимостью выбирать между соседними могущественными державами, руководствуясь принципом «наименьшего зла», воспринималось как сомнение в объективно прогрессивной роли России в исторических судьбах этих народов. Против подобных околонаучных построений сегодня активно выступают писатели, публицисты, но не спешат высказать своего мнения историки. Редакция журнала «Вопросы истории» могла бы сыграть в этом деле организующую роль.

А. Я. ВАРСЛАВАН (доктор исторических наук, Латвийский университет). Кризис исторической науки начался не теперь, а значительно раньше. Три основных фактора, характеризующих сегодняшнее состояние нашей науки, складывались на протяжении десятилетий: значительный отход от исторической правды в результате субъективного подбора исторических материалов, многие из которых были исключены из научного оборота; отход от диалектического метода в науке, что нашло отражение, в частности, в забвении борьбы противоречий как основного стимула развития общества; засилие административно-командной системы в науке, что выразилось в подборе кадров и формировании схем командно-бюрократического аппарата. Эти факторы в совокупности и привели к кризису исторической науки.

Если сравнивать историческую науку с экономикой, то можно сказать, что первая находится в состоянии глубокой депрессии. Предпринимаются попытки выйти из этого кризиса, но они пока еще мало результативны, затруднен доступ к документам; имеется довольно много эмпирического материала, но в силу тех или иных соображений он иногда толкуется субъективно; тяжелое положение сложилось в методологии, потому что искаженная картина материалистического объяснения истории имеет глубокие корни. Перед работниками высшей школы стоит огромная задача – обеспечить освоение молодыми историками диалектического метода и материалистического понимания исторического процесса. Преодолев искажения диалектического метода, наша историческая наука получит мощный импульс дальнейшего развития, от этого зависит научная разработка нового эмпирического материала.

Теперь о связи внешних и внутренних факторов исторического процесса. Эта проблема очень актуальна для Прибалтики и, в частности, для Латвии. Многие события их истории, не получив достаточного объяснения в комплексе диалектического единства, могут быть неправильно истолкованы. Это относится в первую очередь к периодам 1917–1919 и 1939–1941 годов. Если упустить из виду хотя бы один из действовавших в то время факторов, мы утратим картину исторической действительности. Еще одна проблема современной исторической науки – внешняя политика СССР. Для истории Прибалтики – это один из актуальных вопросов. Советская историческая наука при их рассмотрении придерживается пока старых стереотипов.

До сих пор не решен вопрос о взаимосвязи внутренней и внешней политики СССР. Процесс воздействия первой на вторую, вызвавший отход советской внешней политики от ленинских принципов мирного сосуществования в конце 30-х годов, еще не нашел отражения в советской исторической науке. Между тем совершенно очевидно, что историческая действительность, сложившаяся в те годы в тесной связи с внутренней сталинской политикой, наряду с внешними факторами, влиявшими на СССР, определили переход тогдашних его руководителей от политики мирного сосуществования к политике силы в международных отношениях. И если мы это не поймем, останутся необъяснимыми многие аспекты международного положения конца 30-х – начала 40-х годов. Разумеется, изучить эти во-

просы в полном объеме, не обладая многими внешнеполитическими документами того периода, трудно. Но уже на основе имеющихся данных можно сделать вывод об изменении в предвоенные годы внешней политики Советского Союза, но это — историческая реальность.

Мне представляется, что в ближайшее время в исторической науке Прибалтики выдвинутся две проблемы, при решении которых возникнут определенные трудности. Речь идет прежде всего об исследовании послевоенного периода. Ведь фактически в послевоенное время в исторической науке Прибалтики не сделано ничего заслуживающего внимания. Выходили труды, защищались диссертации, в которых авторы старались отойти от исторической реальности, преувеличивая возможности и темпы социалистического строительства в регионе. В то же время замалчивались трудности в строительстве социализма, факты сопротивления этому процессу. В послевоенное время в Прибалтике было много признаков гражданской войны, и мне представляется, что анализируя события того периода с этой точки зрения, можно объяснить многие события, которые теперь кажутся необъяснимыми. Экономическое развитие этого региона после войны также следует рассматривать, не упуская из виду внутренний и внешний факторы, понимая под внешним фактором внешнерегиональный.

А. С. АМБАРЯН (доктор исторических наук, Институт истории АН Армянской ССР). До середины 50-х годов армянская историческая мысль была занята почти исключительно разработкой истории Восточной Армении. Режим, созданный Сталиным, фактически запрещал заниматься исследованием истории Западной Армении. После XX съезда КПСС армянские ученые начали изучать и ее проблемы. В их работах была разоблачена антиармянская политика султанского и младотурецкого правительств, организовывавших периодические массовые погромы армян в Турецкой империи, показана национально-освободительная борьба армян против османской тирании. Одновременно развернулось исследование истории армянской диаспоры в России, Польше, Молдавии, на Балканах, во Франции, Англии, на Ближнем Востоке, в Египте, Индии и в других странах мира. (В то же время чуть ли не национализмом считалось изучение истории армян, живущих в Грузии и Азербайджане.) Результаты всей этой работы обобщены в V–VI томах «Истории армянского народа», охватывающих период с 1801 по 1917 год.

Теперь необходимо серьезно заняться исторической демографией Армении. Особенно важно определить количество армян, проживавших в исторической Армении, в разных районах России, Турции и других странах мира в XIX – начале XX века. Следует уточнить, сколько армян погибло в Турецкой империи в результате периодической массовой резни, организованной султанским правительством, и геноцида 1915 г., проведенного младотурками.

Мы должны еще глубже исследовать земельные отношения, их типологию, вариации и градации в разных регионах Армении. При этом особое внимание следует уделить национальной и аграрной политике царского и султанского правительств. Наши историки обычно писали об отрицательной деятельности армянского духовенства, тогда как оно играло и положительную роль, способствуя развитию культуры и просвещения армян; более того, при отсутствии у них национальной государственности и разбросанности их по всему миру, духовенство в какой-то мере объединяло их, руководило ими и помогало решению многих проблем их жизни.

Предстоит еще работа по изучению становления и развития капиталистических отношений, особенно в Западной Армении. Нет пока специальных работ по истории промышленности Армении. Почти не освещено кооперативное движение в Армении, получившее в конце XIX в. и особенно в начале XX в. значительное развитие. Мало изучено рабочее и крестьянское движение в Западной Армении.

В литературе часто говорится об армяно-татарской, или армяно-азербайджанской резне, в частности в 1905–1907 гг., и верно отмечается, что ее подготавливал и разжигал царизм. Но нельзя игнорировать, что в этом преступном деле значительную роль играло и султанское правительство, агенты которого действовали в Закавказье. Нужно всесторонне изучить эту трагедию и выявить, где, как она началась, сколько унесла жертв, какой причинила материальный ущерб. Сейчас особенно важно пропагандировать дружбу народов, интернациональную деятельность лучших сынов армянского и азербайджанского народов.

Следует углубить изучение истории общественно-политических течений. Вопреки мнению некоторых исследователей они вовсе не исчезли с появлением политических партий, продолжая играть довольно активную роль. Пора написать историю не только пролетарских, но и непролетарских партий Армении.

Надо выявить и сделать доступными новые материалы по истории социально-экономической и национально-освободительной борьбы армянского народа в эпоху капитализма. К сожалению, не все они доступны (особенно по истории Западной Армении), так как находятся большей частью в заграничных архивах и библиотеках.

Борьба против буржуазной идеологии привела к тому, что в нашей историографии речь шла почти исключительно об отрицательных сторонах капитализма, часто игнорировалась его прогрессивная роль. С этой точки зрения оценивалась и деятельность буржуазных партий. Между тем в Армении они играли значительную роль в общенародной борьбе против османского и царского деспотизма, отживших свой век порядков.

В условиях культа личности из послевоенной советской историографии фактически исчез ряд существенных проблем истории народов СССР. Одной из них был армянский вопрос. Им занимались только армянские ученые, да и они не дали пока его цельной и всесторонней истории. Все это является следствием сталинского режима.

П. К. АРЛАУСКАС (кандидат исторических наук, лекторская группа ЦК КП Литвы). Журнал «Вопросы истории» существенно изменился в лучшую сторону. Сейчас он должен проводить прежде всего линию на демократизацию исторической науки. Мы привыкли к монополии мнения административно-командного аппарата по многим ее проблемам и до сих пор никак не можем от этого отойти. Например, рецензии, которые должны по существу двигать вперед развитие исторической науки, выглядят пока и на страницах журнала однобокими, приглаженными. А иначе и быть не может, если вспомнить, что значило еще несколько лет назад появление негативной оценки какой-либо монографии. Надо смелее вводить элемент дискуссионности в рецензии, учитывая существование различных взглядов на поднятую проблему. Если в рецензии нет полемики, значит, она бессмысленна вообще.

Здесь прозвучала мысль о преобладании в журнале негативного материала. Но ведь это неизбежно, если иметь в виду нынешнее состояние исторической науки. Так называемые белые пятна на самом деле расцвечены и пятнами крови, покрыты ранами, которые никогда не заживут в памяти народов. Однозначно можно сказать, что мы не имеем сейчас правдивой политической или социально-экономической истории страны, так как статистические данные, например, по истории Литвы, были фальсифицированы. Что касается упрека в утрате журналом научности, то у меня сложилось впечатление, что мы пока не избавились от псевдонаучного мышления: чем больше терминов, цитат, тем статья якобы более научна.

Несколько слов об ответственности историков, о нравственных проблемах нашей науки. Известно, что в результате заключения пакта Молотова – Риббентропа с карты мира исчезли три прибалтийских государства. Мы просили соответствующие инстанции дать политическую оценку этого факта, но к нам не прислушались. Мы запрашивали центральные архивы о наличии в них данных, подтверждающих существование секретных протоколов, и получили официальный ответ, что таких данных нет. Комиссия Верховного Совета Литовской ССР, которая занималась этой проблемой, сделала вывод, что сейм Литвы в 1940 г. незаконно принял решение о ее вхождении в состав Советского Союза. После этого нас обвинили в том, что мы не имеем права обсуждать или решать эти вопросы. Думаю, окончательно этот вопрос решит Съезд народных депутатов СССР.

Сейчас никто из наших историков не берется исследовать послевоенный период в комплексе, хотя это имело бы чрезвычайно важное значение. При его изучении огромную роль играет добросовестная, нравственная позиция историка. Вопрос о добросовестности, порядочности историка выдвигается в период перестройки и

демократизации на первое место. Мы это остро ощущаем здесь, в Прибалтике, но не в полной мере это осознано в центре.

Чрезвычайно важное значение имеет сейчас дискуссия о марксизме, о модели социализма, о его месте. Думаю, что при освещении политических движений конца XIX – начала XX вв. следует показать сущность социалистического учения, его первоочередные задачи, показать, как вообще формировалось это мировоззрение. Мне представляется, что мы слишком многого требуем от классиков марксизма-ленинизма, ища в их трудах ответы на все вопросы современности. Между тем говоря о марксизме, речь надо вести лишь о методе познания.

И. Р. ЛООВ (доктор исторических наук, Чечено-Ингушский университет). Долгие годы в теории господствовал тезис, согласно которому национальный вопрос, каким он достался нам от прошлого, был решен полностью и окончательно. Задача сводилась лишь к совершенствованию межнациональных отношений. В науке понятие «национальный вопрос» рассматривалось чаще лишь в связи с социально-этническими проблемами, характерными для капиталистического общества. Отмечалось, в частности, что в ходе социалистического строительства в нашей стране раз и навсегда преодолены антагонизм, рознь и недоверие между народами. Однако практика показала, что и на современном этапе у нас происходит обострение межнациональных отношений. В результате обществоведы оказались не в состоянии дать ответ на поставленные жизнью вопросы. Произошло это потому, что мы еще не отреклись от метафизических представлений по национальному вопросу и социально-этническим проблемам.

В основе многих методологических концепций по национальному вопросу лежит нормативно-качественный подход к событиям, явлениям, процессам, предусматривающий позитивный вывод любого уровня. Даже названия большинства трудов ученых свидетельствуют об этом («Расцвет и сближение социалистических наций», «Укрепление дружбы народов», «Социализм и развитие наций», «Традиции дружбы» и т. д.).

Нам представляется, что и в условиях социалистического общества национальный вопрос существует, но на различных этапах развития его содержание меняется сообразно социально-экономическим, демографическим и общественным процессам в конкретных регионах и республиках. В этих условиях национальная политика должна быть гибкой, она должна учитывать назревающие социальные проблемы. Как известно, в основе любого национально-этнического движения лежат социальные процессы, явления и интересы, игнорирование которых порождает весьма сложные социально-политические отношения. Чечено-Ингушетия и Северный Кавказ не составляют в этом отношении исключения.

Административно-бюрократическая система управления народным хозяйством усложнила жизнь наций и этнических групп. Это одна сторона проблемы. В условиях Северного Кавказа экономическое развитие каждой республики и области должно быть строго скоординировано с учетом традиционных отраслей хозяйства. Республиканский хозрасчет здесь не может решить всех проблем. Следует обратить внимание и на то, что в пределах любой республики не все народы обладают одинаковыми возможностями для реализации своих политических прав и свобод. Объясняется это тем, что национально-государственное устройство продолжает еще сохранять принципы прежней административно-бюрократической системы, при которой малочисленные национально-этнические группы оказываются фактически в подчинении у более крупных. Уверен, что высшие республиканские органы должны иметь наднациональный характер. Представительство в них должно основываться на территориальном и национальном принципах. Там, где это возможно, целесообразно создание районных и сельских советов по социально-этническому признаку. В этом случае Верховные советы союзных республик могли бы быть двухпалатными.

События последних лет свидетельствуют о том, что межнациональные осложнения возникают часто на почве ухудшения взаимоотношений между социально-этническими группами (национальными меньшинствами) и коренными нациями. Из этого следует, что национальные группы по своему положению и социальному статусу не должны отставать от коренной национальности. Социальная несправедливость в межнациональных отношениях воссоздает в социальной памяти народов мрачные страницы взаимоотношений между ними, которые существовали в прошлом, что отрицательно сказывается на межнациональных отношениях. Ныне некоторые национальные республики в силу социально-демографических условий и особенностей развития экономики оказались в сложном положении, поскольку их избыточное население не может быть рационально использовано в народном хозяйстве. Все это порождает социально-этнические проблемы, что нередко выливается в социальные конфликты.

Требуют серьезного внимания проблемы подготовки специалистов в национальных республиках и их рационального использования в народном хозяйстве, науке и культуре. В кадровой политике принцип 20-х годов «чем больше, тем лучше» уже не годится. В настоящее время темпы подготовки специалистов возрастают, а возможности их рационального использования в рамках республики ограничены. Такая обстановка тоже порождает напряженную морально-психологическую атмосферу в различных категориях населения.

Настало время подумать о создании северокавказского социально-этнического атласа автономных республик, областей и региона в целом. Без такого пособия все наши решения по дальнейшему совершенствованию социально-политических отношений этносов, национально-государственного строительства, развитию их духовной культуры будут иметь весьма приблизительный характер.

Ж. Ж. ГАКАЕВ (кандидат исторических наук, Чечено-Ингушский университет). Для нас проблема освещения национально-освободительных движений в нашем регионе имеет не только научное, но и большое политическое значение, тем более, что историческая наука в республике всегда находилась в таком положении, когда сверху определялось, что и как исследовать. В этой обстановке трудно было рассматривать проблему национальных движений путем свободной научной дискуссии. Согласно навязанной сверху схеме, под которую подгонялись многие происходившие в регионе процессы, «Кавказская война», например, становилась результатом экспансионизма горцев. С этим утверждением трудно согласиться даже тем ученым, которые специально не занимались этой проблемой. Об освободительной борьбе горцев с царизмом писали многие современники. К. Маркс и Ф. Энгельс ставили ее в пример революционному освободительному движению в Европе. Однако и сейчас, несмотря на перестройку, эта тема трудно пробивает себе дорогу в нашей республике. Поэтому мы надеемся на помощь журнала.

Вторая проблема, на которую я хотел бы обратить внимание, в какой-то мере связана с первой. Общеизвестно, что горское трудовое крестьянство, составлявшее большинство населения региона, поддержало (на 90–99%) Советскую власть и большевистскую партию, хотя здесь не было социальной базы для социалистической революции, не сформировался еще национальный пролетариат. В регионе под воздействием выдвинутых революцией лозунгов шли демократические процессы. В первые годы Советской власти партия предпринимала шаги к самоопределению, самоуправлению горцев. Однако примерно с 1925 г. началось отстранение от политической жизни тех представителей национальной интеллигенции, которые непосредственно участвовали в претворении в жизнь принципов Советской власти. Когда же они были удалены от власти, а затем в 30-х годах и репрессированы, местные народы, в том числе чеченцы и ингуши, оказались в тяжелом положении. В горских районах Северного Кавказа сталинская национальная политика проявилась в своих наиболее крайних и тяжелых формах: целые нации были объявлены врагами народов. Эта трагедия не может быть обойдена: ведь погибла одна треть нашего народа. Огромное спасибо простым людям Казахстана, которые нас по-братски приняли, без их сострадания и помощи последствия переселения были бы еще тяжелей.

Для объективного изучения всего этого периода у нас нет еще полной источниковой базы. Мы, кажется, являемся единственной республикой, которая не имеет пока обобщающего труда по своей национальной истории на всем ее протяжении.

Что касается современных межнациональных отношений, то журнал уже сделал серьезный шаг в этом направлении, опубликовав материалы «круглого стола»

(1989, № 5, 6). В решении проблем межнациональных отношений историческая наука и мы в том числе запаздываем, в результате развиваются нежелательные процессы, которых можно было бы избежать. Историки должны способствовать формированию в нашем обществе единого мнения о том, что нет великих и малых народов, а есть народы большие и малые по численности, что каждый народ велик и уникален уже потому, что является носителем части общечеловеческой цивилизации. Убежден, что для гармонизации межнациональных отношений необходимо покончить с градацией народов, получившей отражение в статусах союзной и автономной республик, автономных областей и национальных округов. Ситуация сейчас во многом изменилась, возникли новые проблемы, решение которых требует новых подходов. Существующая же градация народов мешает этому.

И последнее, как известно, сейчас в вузах вводится новая дисциплина – социально-политическая история XX века. Общесоюзный исторический журнал, каким являются «Вопросы истории», мог бы оказать нам существенную помощь в становлении этой дисциплины, публикуя соответствующие материалы.

С. П. ГЯЧАС (Каунасский исторический музей). Посещение музея, тем более историко-краеведческого, способствует формированию общего понятия об истории, экономике, культуре, жизни того или иного народа, республики, края, региона. Вследствие этого совершенно очевидна ответственность музейных работников при создании экспозиции.

Конечно, успех, престиж и популярность музея зависят и от содержания музейного материала. Но и располагая хорошими экспонатами, музей далеко не всегда имеет правдивую экспозицию того или иного исторического периода. Характерной чертой многих экспозиций до недавнего времени была чрезмерная идеологизация, что было заметно даже при ознакомлении со стендами, отражающими археологию или феодализм, а особенно события, не столь отдаленные.

Открытие новой или возобновление действующей экспозиции во многих музеях, помимо согласования с чиновниками министерств культуры республик и Союза, сопровождалось тщательной цензурой республиканской и местной партийной власти, нередко органов КГБ и Главлита. Работникам музеев нередко приходилось прямо-таки «отвоевывать» право на включению в экспозицию того или иного экспоната или текста. Так, в экспозициях возникли «темные» и «белые» пятна. «Темные» – где тот или другой период, факт или нежелательная личность намеренно чернились или изображались односторонне; «белые» – где то или иное событие, факт, личность умалчивались. Например, период Литовской республики (1918–1940 гг.) позволено было показывать лишь в отрицательном аспекте.

Еще более запутан советский период, когда экспозиции с приходом нового партийно-государственного лидера подвергались «корректировке». А тех руководителей музеев, в экспозициях которых отсутствовал период «развитого социализма», даже наказывали за это упущение.

Каунасский исторический музей – один из старейших в республике, экспозиции которого отражали все эпохи истории Литвы. Но до недавнего времени и в нем были большие тематические диспропорции: экспозиция периода с 1940 г. занимала площадь в 2 раза больше, чем все остальные. Богатые экспонатами витрины целых столетий теснились в нескольких небольших залах, тогда как последующий период занимал основной зал. В настоящее время, постепенно освобождаясь от «опеки» бюрократии, сотрудники музея стараются в своей работе руководствоваться прежде всего научной концепцией и опытом музейной работы. Примером тому служит открытая в конце августа 1989 г. экспозиция «События в Литве 1939–1941 гг.». Впрочем сейчас, после стольких лет запретов есть опасность сделать перегибы в другую сторону.

Пора покончить с порочной практикой, когда все экспозиции строились по шаблонной тематической схеме. Каждая республика, край, регион имеют свои особенности исторического развития. Основным принципом подготовки экспозиции должен стать принцип историзма. Целесообразно музеям исторического профиля республиканского подчинения предоставить статус научно-исследовательского учреждения. Объективные, на исторически правдивой основе подготовленные и технически хорошо оборудованные экспозиции помогают формировать общественное мнение о том или ином событии, являются хорошим средством патриотического и интернационального воспитания трудящихся.

И. М. ХВОРОСТЯНЫЙ (кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР). Наблюдаемый в последнее время своеобразный бум интереса к прошлому, особенно к истории советского периода, порожден глубинными процессами жизни. Столкнувшись со стагнацией, застоем, каждый, кто обеспокоен судьбами страны, не может не задумываться об истоках этих явлений, не может не обращаться к истории. Ключевой задачей в формировании нового исторического сознания трудящихся является выработка правдивого, научного, диалектического взгляда на историю социализма в нашей стране.

Для эффективного руководства процессами перестройки важно знать, какие классы, слои и группы общества выигрывают или проигрывают от тех или иных ее мер. Требуется адекватное представление о социальной структуре общества, формирующих ее элементах. Между тем в этой области обществоведения накопилось множество догм, не подкрепленных ни серьезными теоретическими соображениями, ни результатами эмпирического анализа. Предстоит, в частности, оценить и осветить те негативные, подчас трагические, изменения, которые произошли в демографической ситуации республики к концу 30-х годов, невосполнимые потери среди интеллигенции, что повлекло за собой резкое снижение (а может быть, и катастрофическое падение) интеллектуального потенциала общества, получить ответы па множество других весьма болезненных вопросов нашей не столь уж отдаленной истории.

Важные задачи возникают при разработке истории осуществления национальной политики, межнациональных отношений в республике за годы Советской власти. В этой области обществоведам следует критически осмыслить осуществление на практике национальной политики в первые годы Советской власти, ее деформацию в период культа личности и застоя, негативные последствия беззаконий в этой сфере. Необходимо на конкретно-историческом материале показать негативное воздействие на общественное сознание деформации ленинских принципов интернационализма в сфере языковой политики. Требует глубокого анализа также история функционирования единого народнохозяйственного комплекса СССР – материального фундамента единства народов нашей страны. Предстоит глубокий анализ сложной диалектики взаимодействия национального и интернационального в экономическом, социально-политическом и культурном развитии украинского народа.

Не менее сложные задачи стоят перед исследователями дооктябрьского периода истории Украины. Так получилось, что в погоне за «актуальными» темами лишь мимоходом, к слову упоминались, а то и замалчивались крупнейшие события, факты и явления в средневековой истории Украины, которые далеко не всегда поддаются однозначным оценкам. Отсюда настоятельная потребность вновь – после более чем 30-летнего перерыва – продолжить исследования таких тем, как история запорожского казачества в общеисторическом контексте; формирование и судьбы этнической государственности; реконструкция социально-политических портретов культурных, общественных деятелей, руководителей крупных народных движений на Украине.

Более глубокому проникновению в прошлое украинского народа будет способствовать работа возобновившей свою деятельность Археографической комиссии АН УССР, переиздание источников по истории Украины, трудов ее историков (М. Берлинского, Д. Бантыш-Каменского, Н. Закревского, М. Максимовича, П. Кулиша, Н. Костомарова, М. Драгоманова, И. Срезневского, В. Антоновича, М. Грушевского и др.)

Набирает силу начатая в условиях перестройки работа по ликвидации «белых пятен», исследованию малоизученных вопросов истории Украины, например, по изучению причин и обстоятельств голода 1933 г. на Украине, воссозданию исторических портретов многих партийных и государственных деятелей, военачальников, представителей культуры, необоснованно репрессированных или же замалчивавшихся по другим надуманным причинам. Яркое тому подтверждение – снятие ложных обвинений со многих украинских ученых, проходивших по процессу СВУ (Спілка визволення України). Сегодня такая работа переходит на качественно иной уровень – от публицистики к научно-популярным и научным разработкам.

Одним из «белых пятен» является правосубъектность советских республик, возникавших наряду с РСФСР после Великого Октября. Как известно, Украина была провозглашена II съездом ее Советов самостоятельным советским государством, затем это было закреплено Конституцией, принятой ее III съездом Советов в марте 1919 года. Как бы ни складывалось фактическое положение (подчас крайне драматически, как это было во время деникинского нашествия), юридически она равна другим советским республикам, ее отношения с РСФСР оформлялись как союзные. Следовательно, обо всех советских республиках до их объединения в Союз ССР речь должна бы идти во множественном числе. Между тем в нашей историографии, особенно при освещении отношений советских республик с внешним миром, привычно звучат понятия «Советская республика», «Советское правительство», «Советское государство», причем имеется в виду и нередко называется — Советская Россия.

Разумеется, Советская Россия играла тогда определяющую, а нередко и решающую роль. Это однако, не должно заслонять отношений между советскими республиками, которые устанавливались тогда, и несмотря на критическую обстановку строго соблюдались. Между тем из материалов центральной печати, посвященных советско-польской войне 1920 г., следует, будто эта война была развязана буржуазной Польшей, чтобы отторгнуть от Советской России украинские и белорусские земли. Но ведь они были частями существовавших в то время УССР и БССР, и РСФСР вела войну как союзница этих Советских республик, о чем говорится в документах того времени (обращение ВЦИК РСФСР от 7 мая 1920 г., нота правительств РСФСР и УССР правительствам Великобритании, Франции, Италии и США от 19 мая 1920 г.). Пора уже отойти от стереотипов, которые сложились в нашей историографии в результате подгонки истории взаимоотношений советских республик до образования Союза ССР под сталинскую схему автономизации.

А. И. ШИДЛАУСКАС (доктор исторических наук, Вильнюсский университет). Весь дух перестройки требует от общественных наук качественно новых исследований. Применительно к истории это означает утверждение с ее помощью у советских людей социального оптимизма, обеспечение широкого доступа к достижениям культуры во всем многообразии ее компонентов. В связи с этим перед историками прежде всего встает задача проследить, какое изменение претерпел самый объект истории.

В процессе формирования исторической науки в эпоху барокко (вторая половина XVII в.— первая половина XVIII в.) особо важное значение имело преподавание истории. Среди учебных заведений Литвы того периода ведущее место занимал Вильнюсский университет, учрежденный в 1579 году. В качестве учебников в XVII в. в школах Литвы и университете тогда использовались книги иезуитов И. Мусантия, Я. Древса, А. Парамовского. В них отсутствуют элементы исторического мышления, которые способствовали бы реконструкции прошлого. Человек представал в иезуитских учебниках только послушным орудием противоестественных сил, а любой существенный исторический факт — прямым проявлением божьей воли.

В начале XVII в. среди феодалов Литвы еще была жива идея государственной самостоятельности, для поддержания и защиты которой следовало знать историю своего народа, происхождение князей и знати. В то время история Литвы еще не имела четко выделенного объекта и не являлась отдельным предметом преподавания. Совокупность всех этих моментов предопределила выход «Истории Литвы» А. Кояловича. Это была переработка известной хроники М. Стрыйковского, хотя при этом многие события описаны шире, введены новые данные. Но преподавание истории в иезуитских школах Литвы требовало знакомить учеников с ее прошлым. Прежние учебники для этого не подходили. Пробел был заполнен только в XVIII в. Ф. Папроцким, издавшим «Домовыя ведомости о Великом княжестве Литовском с приложением истории его народа». Вторая часть этой книги — это история Литвы по А. Кояловичу.

Накануне упразднения ордена иезуитов несколько учебников написал К. Вырвич. Основной задачей истории он считал выяснение причин возникновения, развития и падения государств. Он полагал, что помимо политической истории необходимо обратить внимание на хозяйственные и культурные проблемы. Кроме учебников иезуиты использовали и издаваемые ими календари, в которые включались некоторые сведения по истории (первый из них вышел в 1737 г.).

В XVIII в. иезуиты университета издали несколько исторических сочинений, в том числе такие, в которых в какой-то мере затрагивалось прошлое Литвы. Это книги по истории Вильнюсского университета Я. А. Пройшгофа и по истории Литовской провинции ордена иезуитов С. Ростовского. Для иезуитов второй половины XVII в.— первой половины XVIII в. история была частью теологии. В то время как в Западной Европе уже издавались и критически оценивались источники, только в сочинениях Я. А. Пройшгофа и С. Ростовского проявляются лишь тенденции к публикации некоторых источников.

Итак, в школах Литвы при объяснении прошлого с позиций провиденциализма в сочинениях хроникального типа отсутствовало понимание исторического мышления. При повествовании о событиях прошлого авторы пересказывали или просто переписывали источник, а содержание истории, ее объект сводили в основном к политической истории, прежде всего военной и дипломатической. Гораздо меньше внимания уделялось внутренней политике — изменениям в государственном устройстве, народным восстаниям и т. п., все события в жизни правителей трактовались как исторические события. Реформация и контрреформация привлекли внимание к церковной истории. Она стала предметом специальных работ. Причины этого явления понятны: роль религии в жизни общества и в общественной мысли в ту эпоху была чрезвычайно велика.

Ж. Б. АБЫЛХОЖИН (кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР). Журнал «Вопросы истории» своими материалами начинает оказывать заметное влияние на концептуальный вектор исследований, через него идет апробация новаторских подходов, направленных на разрушение фальшивого стереотипа, вылестованного «Кратким курсом». Важна и еще одна функция журнала: по мере публикации им смелых по своей новизне статей, создаются прецеденты, апеллируя к которым, можно парировать претензии не в меру «осторожных» функционеров от идеологии и добиваться более решительной постановки ряда проблем.

Позитивные приметы начинают проявляться и в казахстанской историографии. Здесь, как и повсюду, идет критическое переосмысление устоявшихся представлений и подогнанных под директивно санкционированные теории «научных» аргументов. Процесс этот развивается негладко, ибо наталкивается на субъективные и объективные трудности. В области политической истории они обусловливаются закрытостью информации, боязнью выйти за привычные идеологизированные параметры. Что касается социально-экономической проблематики, то здесь главным сдерживающим фактором выступает экстенсивный характер исследовательской практики, выражающийся в однобокой ориентации на сбор все новых (не по сущностным, а по внешним признакам) документов. Между тем приращение исторического знания возможно уже не столько с помощью механического накопления эмпирического материала (хотя, конечно, и оно не должно игнорироваться), сколько посредством интенсивного освоения его уже выявленных пластов.

В области изучения агроструктуры Казахстана 20—30-х годов долгое время имел место некритический перенос на традиционную его структуру схем, наработанных на материалах, фиксировавших реалии стадиально более высокого порядка (асимметрия в плане «деревня — аул» совершенно игнорировалась). Отсюда завышение роли мелкотоварного производства, отождествление его с середняцким хозяйством аула. Следование логике отработанных схем вело к тезису, что к концу 20-х годов аул превратился в арену борьбы социалистической и стихийной товарно-капиталистической тенденций. В более раннем периоде (начало—середина 20-х годов) виделись докапиталистические отношения и соответствующий им тип социального расслоения. Однако в силу расплывчатого понимания последнего на него экстраполировались атрибуты, присущие капиталистической модели (отсюда и весьма вольное использование терминов «сельский пролетариат», «сельская буржуазия», «кулак» и т. п.).

В отношении доколхозного аула выстраивалась довольно стереотипная схема. Сначала шло описание социально-экономических реформ, а затем делался вывод, что их результатом стало осереднячивание аула. Но поскольку середняк ассоциируется с мелкотоварным производителем (в действительности же в ауле эти две категории не совпадали), то далее следовал тезис о вытеснении докапиталистических связей элементами мелкотоварного производства. А раз так, то уже не существует преград (волею некоторых авторов они попросту сняты) для видения в традиционном комплексе тех же закономерностей. Реальным же фактором являлся не капиталистический тип расслоения, а его докапиталистическая форма, и в ауле имели место процессы и пауперизации, и маргинализации, а не пролетаризации.

Вопрос «кто – кого» материализовался здесь по линии борьбы социалистической и докапиталистической тенденций. Вывод же о наличии процесса осереднячивания предполагает, что докапиталистическая тенденция блокировалась или, во всяком случае, нейтрализовалась факторами социалистической динамики. Но при наличии этого условия процессы маргинализации и пауперизации должны были затухать, то есть расслоение утрачивало бы свою былую интенсивность. В работах, затрагивающих эту тему, доказывается, что так оно и было. Между тем правомерен вопрос: так ли высока была эффективность социально-экономических реформ (а именно через них реализовалась социалистическая тенденция)?

Тема особого разговора – коллективизация кочевых и полукочевых хозяйств и перевод их на оседлость, которая продолжает рассматриваться в литературе как критерий социалистичности. Но так ли было необходимо при том состоянии развития производительных сил форсировать процесс оседлости? Утратило ли к тому времени скотоводческое хозяйство свою экономическую целесообразность или оно уже не выдерживало конкуренции с некоей альтернативной организацией производства? Наконец, не слишком ли велика та цена, которую заплатил казахский народ за сталинскую авантюру? Осмыслением этих и других вопросов и занимается в настоящее время казахстанская историография.

А. С. ХОДНЕВ (кандидат исторических наук, Ярославский педагогический институт). История как наука переживает сложное время, которое многие характеризуют как кризисное. В обществе усилилась критика трудов и учебников по истории. В этих условиях позиция журнала «Вопросы истории» выглядит убедительной. Редколлегия, с одной стороны, стремится публиковать источники, что само по себе приносит пользу (ибо доступ к архивным документам по-прежнему ограничен). С другой – в журнале появился ряд материалов, в которых предпринимаются попытки переосмысления старых оценок, освещаются новые сюжеты. Я категорически не согласен с упреками, что журнал публикует много материалов с негативными оценками: ошибки, совершенные в прошлом, надо показывать, иначе они будут повторяться.

Советую редакции включить в план издания статьи по историографии отечественной и всеобщей истории. Сейчас как никогда важно оглянуться и реально оценить состояние науки. Поддерживаю предложение об издании приложения к журналу с хорошо продуманной программой публикации лучших образцов советской и зарубежной историографии. Необходимо также проводить дискуссии и «круглые столы» по вопросам преподавания истории в вузах. Мы ждем от журнала и в дальнейшем смелых публикаций по актуальным проблемам истории.

В последние годы несколько повысился интерес к истории Лиги наций, первой международной организации по поддержанию мира. Далеко не все ее страницы широко известны. В современных условиях, когда мы возвращаемся к общечеловеческим приоритетам и говорим о взаимной зависимости истории всех народов, опыт Лиги наций выглядит весьма поучительно. Отношения между нею и нашей страной складывались на первых порах отнюдь не мирно. Необходимо вернуться к анализу причин недоверия и враждебности к Лиге наций в СССР и аналогичного отношения к нему со стороны отдельных членов Лиги. Важно при этом выяснить, в какой степени влияли на советскую внешнюю политику концепция мировой революции и деятельность Коминтерна.

В ходе создания Версальской системы решался и колониальный вопрос. Этой цели служила система мандатов, которые впервые выдавались от имени международной организации. Это было первое применение на практике принципа опеки, принятого в ООН. Система управления в подмандатных территориях не давала администрации той свободы, которая имелась в условиях «классического» колониализма. Метрополия была обязана подчиняться определенным актам и представлять ежегодный отчет в Лигу наций. Всякое нарушение международного права в этой области могло стать предметом разбирательства в Лиге.

В Лигу наций были приняты доминионы Великобритании, ее колония Индия, а также ряд зависимых стран. Это заставляло организацию уделять внимание колониальным вопросам. Возможно, одной из причин неудач Лиги явилось недостаточное внимание к проблемам стран, находившихся за пределами Европы. Споры, возникавшие в Лиге по колониальным вопросам, недостаточно изучены, как и в целом история колониализма. Анализ деятельности Лиги наций поможет уточнить оценку Версальской системы.

С. С. ДАНИЯРОВ (доктор исторических наук, Институт истории АН Киргизской ССР). Перестройка может быть по-настоящему действенной только при наличии глубокого анализа накопленного опыта. Речь идет не только о том, чтобы восстановить правду о прошлом, дать ему объективную оценку, но и теснейшим образом увязать имевшие тогда место события с современными.

Мы слишком легковесно относимся к оценкам отдельных периодов отечественной истории. В последнее время при освещении прошлого преобладает стремление к выявлению недостатков. Погоня за сенсационностью с единственным желанием поразить воображение читателя стала нормой для многих журналистов и историков.

Ведя крайне необходимый разговор о преступлениях сталинщины, мы мало внимания уделяем тому созидательному пути, который прошел наш народ. А ведь за годы Советской власти сменилось несколько поколений, которые оставили нам немалое наследство. И здесь от историков требуется величайшая точность и объективность. Однако, многие из них сосредоточили свое внимание главным образом на ограниченном круге исторических личностей, причем раскрывают их деятельность однобоко, большей частью в положительном плане, без критического анализа, а если и касаются недостатков, просчетов, то в суть их глубоко не вникают.

Немало подобных материалов появилось о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и даже Троцком. Не подлежат сомнению их заслуги перед революцией, однако в их характеристике все-таки следует исходить из оценки, данной им В. И. Лениным. Так его характеристика Бухарина как экономиста, «который никогда серьезно не изучал экономику», чаще всего отсутствует. Ведь никто иной, как Бухарин, особенно изощренно славословил Сталина. Именно Бухарин настойчиво претворял в жизнь свою идею уничтожения «свободы труда» и формирования трудармий. Надо быть более правдивыми и точными в освещении деятельности исторических личностей. Через их судьбы наши современники пытаются узнать прошлое, понять настоящее и предугадать будущее.

В последнее время историки часто сталкиваются в обществе с непониманием и осторожностью. Потребуется немало времени, чтобы восстановить доверие людей к исторической науке.

Не может не тревожить вольное толкование многих устоявшихся положений. Конечно, каждое из них – не догма, с течением времени оно совершенствуется применительно к обстановке, но основа его остается незыблемой. А мы порою легко отбрасываем их и стараемся придумать что-то новое. Но ведь многие принципы, которые провозглашены сегодня как новые, были заложены еще Лениным, но с течением времени, как, например, ленинская национальная политика, были отброшены и взамен их применялись сталинские методы, плоды которых мы еще долгие годы будем пожинать.

Сейчас в сфере национальной всплыло немало негативного, нерешенного, но не надо забывать и о том положительном опыте, который достигнут предшествующими поколениями.

Немало недостатков и в исследованиях по национальному вопросу. В свое время в республиках повальным было увлечение показом необъятности своих территорий, богатства их природных ресурсов, размера добычи полезных ископаемых. То-

кая трактовка подталкивала читателя к необоснованному выводу: какие мы богатые, мы можем и одни прожить.

В связи с переходом отдельных республик на хозрасчет, появляются не подкрепленные должным анализом скороспелые статьи и высказывания на тему «Кто за чей счет живет», которые сеют в обществе раздражение и зачастую обоснованные обиды. Требуют всестороннего исследования проблемы межреспубликанских отношений, дружбы наших народов (она есть и будет, хотя по ней в настоящее время, как никогда, наносятся тяжелейшие удары). Не менее важен вопрос о языке. Его необходимо исследовать в развитии, отмечая, что было достигнуто в этом плане положительного и отрицательного. Исправляя ошибки, допущенные в этой сфере, мы должны в корне изменить отношение к языковой проблеме. Кроме знания родного и русского языков, надо изучать языки сопредельных народов. Историки Киргизии ощущают, например, потребность в знании китайского, арабского и других языков, без чего нельзя глубоко освещать историю собственного народа.

Без связей с другими народами не может существовать ни один народ. Особую ценность имеют те контакты, которые объединяют не только рядом живущие народы, но и все человечество. Вот почему имеют огромный смысл исследования типа «О Великом шелковом пути», в которых принимают участие ученые многих стран. Проведенная ими работа позволила открыть новые страницы истории Киргизии, сделать еще один шаг к выяснению проблемы этногенеза киргизской народности, по которой есть немало разноречивых точек зрения и суждений.

Требует новых подходов и глубокого анализа история социалистического преобразования сельского хозяйства Киргизии, индустриального развития республики, советского и культурного строительства. В объективном и глубоком освещении нуждается история Киргизской ССР военного и послевоенного времени. Большое внимание следует обратить на изучение национальных отношений, культуры и быта киргизов и других народов, проживающих на территории республики.

В. И. АБЫЛГАЗИЕВ (кандидат исторических наук, Институт истории АН Киргизской ССР). Пропаганда исторических знаний играет сегодня большую роль в формировании политического сознания общества. Линию журнала «Вопросы истории» в этом плане мы поддерживаем. Подобную встречу необходимо провести и у нас, в Средней Азии. На ней можно поднять ряд проблем данного региона, в частности, о басмачестве. Поток материалов о нем привел читателей в некоторое замешательство. Обсуждение этой проблемы стимулировало бы создание обоснованных трудов по данной теме, а это способствовало бы развитию исторической науки в целом.

В республике сейчас идет дискуссия об этногенезе киргизского народа, в повестке дня – ряд проблем, связанных с языком. Остро стоит и вопрос об источниковой базе исследований. Пока возможности историков в этом плане ограничены, фонды «раскрывают» небольшими порциями. Процесс рассекречивания документов должен стать необратимым. Когда специалисты будут располагать всеми необходимыми данными, можно будет надеяться на появление столь желанных в обществе работ.

М. МОШЕВ (кандидат исторических наук, Институт истории АН Туркменской ССР). Среди материалов, опубликованных в журнале «Вопросы истории» в последнее время, можно отметить «круглые столы», исторические портреты. В дальнейшем следовало бы публиковать очерки о наиболее видных деятелях республик, незаконно репрессированных в 30–40-е годы. Следует приветствовать появление в журнале рубрики «Из истории народов СССР». Успех ее будет зависеть от активности местных историков.

Конечно, не все, что печатается в журнале, вызывает однозначную оценку. Здесь уже говорилось о том, что в его публикациях стал преобладать негативный материал, что к этому замечанию следует прислушаться: нам не нужна история, состоящая из описания лишь побед, или наоборот одних ошибок и преступлений. Только через показ борьбы противоречий, анализ всех основных тенденций исторического процесса, можно раскрыть богатство и многоцветие действительности, диалектику исторического развития. В этой связи особое значение приобретает разработка методологических проблем науки. Они должны находиться в центре внимания журнала. Очень важно при этом опираться на принцип историзма, к чему не раз призывал Ленин.

В исторической науке нашей республики за последние 15–20 лет накопилось много «белых пятен», «болевых точек», проблем, требующих широкого обсуждения. Для среднеазиатских республик особо важное значение имеет дальнейшая углубленная теоретическая разработка вопроса о возможности перехода бывших отсталых народов к социализму, минуя капитализм. Во многих работах констатация этого факта не сопровождалась соответствующим анализом методологических аспектов проблемы, она освещалась в основном в позитивном плане, о трудностях и издержках говорилось очень робко. Чрезвычайно важным в этом отношении представляется вопрос о социальных противоречиях, характерных для перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм.

Необходима переоценка некоторых итогов переходного периода, например, вопроса о завершенности формирования туркменской социалистической нации. На каком этапе социалистического строительства завершилось ее формирование? Чем вызываются «вспышки» родоплеменных отношений? Как нация избавляется от внутриродовых перегородок? и т. д. Вызывает беспокойство, что до сих пор национальный отряд квалифицированных рабочих в промышленности Туркменистана весьма незначителен. Требуется более глубокое изучение истории индустриализации, коллективизации и колхозного дайханства, культурной революции и т. д. Следует учитывать и большое международное значение этого опыта.

В литературе 60-х – начала 80-х годов укоренилось мнение о беспроблемности национальных отношений, отражались в основном достижения в решении национального вопроса, в укреплении дружбы между народами. Вместе с тем замалчивались противоречия, волюнтаристские извращения в проведении национальной политики на местах, негативные моменты в практике межнациональных отношений. Сегодня требуется комплексное изучение того, как осуществлялась национальная политика на разных этапах социалистического строительства. Актуальным остается дальнейшее исследование проблемы ликвидации фактического неравенства народов СССР в процессе построения социализма. Долгие годы мы били в литавры по этому поводу. Перестройка обнаружила иную картину: оказывается, до экономического выравнивания еще далеко, по многим параметрам Туркменистан, например, отстает от среднесоюзного уровня.

Заслуживает внимания история развития хлопководства. Народы Средней Азии внесли весомый вклад в завоевание хлопковой независимости страны от капиталистического рынка. Однако со временем хлопчатник превратился в монокультуру, что вызвало негативные последствия.

Журналу следовало бы организовать «круглый стол» по проблеме присоединения Средней Азии к России.

Перестройка в исторической науке затруднительна без существенного расширения источниковой базы. Этому может способствовать снятие неоправданных ограничений доступа к архивным фондам. Существенное значение имеет также подготовка кадров профессиональных историков. Приток молодых сил идет очень медленно. Этот актуальный вопрос также должен найти отражение на страницах журнала.

Л. М. ТРАНИС (кандидат исторических наук, Институт истории АН Узбекской ССР). Как признает большинство исследователей, наша историческая наука находится в кризисном состоянии, и наивно было бы предполагать, что из него можно выйти с помощью «кавалерийской атаки» или путем «косметических операций». Нужна кропотливая, глубокая, планомерная, рассчитанная на многие годы работа. Она требует притока новых молодых историков, кардинальных изменений в их подготовке, отказа от изживших себя стереотипов в оценке тех или иных событий и фактов нашей истории, укрепления материальной базы, применения новых методов исследований и многого другого, без чего перестройка исторической науки просто невозможна. Первоочередной является при этом задача устранения «белых» пятен. Под этим следует понимать, во-первых, ликвидацию пробелов в освещении тех или иных процессов, явлений, событий, фактов и так называемых запретных зон; во-вторых, восстановление исторической истины там, где она была искажена, фальсифицирована.

Среди важнейших проблем истории народов Узбекистана, требующих тщательного изучения: азиатский способ производства, роль ислама в культурном развитии среднеазиатского общества, культурное наследие народов Средней Азии и их вклад в общечеловеческую культуру, присоединение Средней Азии к России, характер и движущие силы национально-освободительного движения народов Средней Азии, вопросы подготовки и победы социалистической революции в Узбекистане, деформация ленинских принципов строительства социализма и национальной политики в 30–50-х годах, застойные явления в развитии экономики и культуры республики в 60-х – начале 80-х годов и др.

Особенно актуально сегодня изучение проблем межнациональных отношений, истории малочисленных народов, населяющих республику, использование всего комплекса источников от этнографических данных до результатов социологических исследований. Важнейшая задача обществоведов – создание работ по таким проблемам, как история развития и совершенствования национальных и межнациональных отношений, роль человеческого фактора, вопросы двуязычия и многие другие. Изучение всех этих вопросов должно вестись в тесном сотрудничестве с историками других республик Средней Азии и Казахстана.

Одна из острых проблем – омоложение кадров. В гуманитарных науках высокий профессионализм и широкая эрудиция достигаются годами упорного труда. Между тем десятилетиями не готовились кадры по определенным периодам истории, некоторым историческим дисциплинам. Поэтому ощущается острая нехватка специалистов по историографии и источниковедению, этнографии и этнической истории, по идейно-политическим течениям XIX в., джадидизму, Октябрьской революции, гражданской войне, отечественной истории 40–70-х годов, зарубежной историографии Средней Азии. Сейчас предпринимаются меры по исправлению положения.

Дальнейший прогресс нашей науки невозможен без радикального совершенствования ее материально-технической базы: нужны автоматизированные библиотечные и архивные информационно-справочные системы, машинные банки и базы конкретно-исторических данных, персональные компьютеры. Для написания новых трудов по истории Советского Узбекистана и ликвидации «белых пятен» в ней необходимо сделать доступными все без исключения архивные фонды.

Сейчас подавляющее число исследований готовится на русском языке, и в ближайшее время ситуация вряд ли изменится кардинальным образом. Выход из этого положения видится в переводе уже подготовленных работ на узбекский язык. Для удовлетворения возросшего интереса широкой общественности республики к историческим знаниям необходим специальный информационный бюллетень как орган Общества историков республики. Нужна также перестройка преподавания истории Узбекистана в школах и вузах.

За последние годы журнал «Вопросы истории» сделал много полезного для консолидации сил историков, работающих в союзных республиках. Он пользуется широкой популярностью не только среди специалистов. Вместе с тем сюжеты, связанные с историей среднеазиатского региона, до сих пор крайне редки на страницах журнала. В связи с этим заслуживает одобрения введение в нем рубрики «Из истории народов СССР».

В. Ф. ЛОБАНОВ (кандидат исторических наук, Хабаровский педагогический институт). Говорить о том, что перестройка в общественных науках и, в частности, в истории, идет полным ходом, наверное рано. Необходимо признать, что в исторической науке по сей день продолжают господствовать старый командно-административный стиль руководства, монополия отдельных лиц, приводящая к тому, что работы историков, точка зрения которых не совпадает с мнением крупных авторитетов в науке, не публикуются. Не изжиты еще догматизм, стереотипы мышления, оценок. Настороженным, если не сказать сильнее, остается отношение к достижениям зарубежной немарксистской исторической науки.

Мы привыкли говорить, что буржуазные историки находятся на службе враждебных нам сил, работают под их диктовку. Но ведь и наши историки писали так, как это диктовалось сверху. Под этим углом освещались прежде всего проблемы истории советского общества: Октябрь 1917 г., гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война. В том же духе решались и многие вопросы истории досоветского периода (внешняя политика России, присоединение Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии и др.).

Длительное время считалось догмой, что наша историческая наука является самой передовой, объективно отражающей, в отличие от буржуазной, ход исторического процесса. А в действительности мы не всегда говорили правду. Определенную лепту в косность нашего исторического мышления внес и догматический подход к произведениям классиков марксизма-ленинизма. Ссылки на них, на их высказывания были обязательным требованием, предъявляемым к научной работе. Наверное от такого подхода следует отказаться.

Необходимо пересмотреть наше отношение к немарксистской зарубежной науке. Мы искусственно ограждали себя от проникновения «враждебных» идей историков Запада, не стоящих на марксистских позициях. Большинство их работ отвергалось лишь потому, что они не опираются на марксистскую методологию. Следует пересмотреть и наши оценки многих представителей дореволюционной исторической науки. Подавляющее большинство работ историков прошлого в советское время не переиздавалось. Между тем они должны стать достоянием широких научных кругов, так как некоторые выводы и оценки этих историков не утратили своей научной значимости и без ссылок на них используются в работах советских ученых.

Уже не раз отмечался значительный рост интереса к истории в различных слоях населения. В связи с этим очень остро встает вопрос о популяризации исторических знаний. Необходимо, чтобы работы историков адресовались не только специалистам, но и широкому читателю. Надо отказаться от сухого, академического языка, малопонятной ему терминологии. В связи с этим правомерна постановка вопроса об эстетической стороне исторического исследования. Мы в значительной степени утратили традицию живого, увлекательного исторического описания, забыли об эстетической функции истории. Восстановление этой традиции является составной частью перестройки исторической науки.

А. А. ИСКЕНДЕРОВ (заключительное слово). Наша встреча представляет интерес потому, что на ней было поставлено очень много вопросов, анализ которых будет иметь большое значение для работы журнала. Линия его получила поддержку, что также важно для нас. Надеюсь, что эта встреча послужит переломом в сотрудничестве журнала с историками Прибалтики. Важно лишь, чтобы представляемые материалы были на том уровне, на каком ведутся исследования на местах.

Подписка на наш журнал в 1989 г. увеличилась в Латвии в четыре раза, в Литве и Эстонии поменьше. Представители этих республик хорошо выступили на организованном редакцией «круглом столе» по национальному вопросу.

Все это касается и всех других регионов. Мы пока мало печатаем материалов, поступающих оттуда. Но журнал оставаться органом ученых одного лишь центра не может. Вот почему мы стали чаще обращаться к историкам республик. Вводить представителей всех регионов в редколлегию – значит сделать ее неоперативной. Почетных членов редколлегии иметь не хочется, так как она должна быть рабочая. Может, нам создать редакционный совет журнала, включив в него представителей регионов, а может, и всех республик, чтобы этот совет вырабатывал политику журнала, собираясь один – два раза в году?

Теперь о развитии исследований по истории советского общества. Выявились два подхода к нашей истории: один через призму истории КПСС и второй через изучение гражданской истории. У представителей историко-партийной науки имеется свое понимание истории советского общества, которое не всегда совпадает, в том числе в концептуальном плане, со взглядами, так сказать, гражданских историков. В частности, периодизация истории советского общества, как правило, строилась по принципу «от съезда к съезду». Насколько это справедливо, и можно ли сводить историю советского общества к истории партии, даже если она и правящая? Получается, что в основе нашего развития лежат не объективные закономерности, а привнесенный элемент субъективизма, причем субъективный фактор, как правило, преобладал не только в исследованиях по истории КПСС, но и по гражданской или политической истории. Иногда высказываются опасения, что с появлением но-

вых «Очерков по истории КПСС» историки советского общества вновь начнут оценки и концепцию этих очерков переносить в неизменном виде в труды по истории СССР. С этого учебного года в вузах введен новый курс «Социально-политическая история XX века». Это уже есть косвенное признание того, что мы отходим от прежних штампов. Ученый, занимающийся историей советского общества, должен охватывать развитие всех его сторон, всех его социальных слоев, все проблемы и процессы, не замыкая их только на истории партии.

Может быть, одна из причин нынешнего кризиса советской исторической науки в том и состоит, что подавление живой мысли в ней шло через схемы, которые вырабатывались на базе материалов, связанных исключительно с историей партии. Вспомним, как выводы и оценки «Краткого курса» подавляли малейшие попытки самостоятельного осмысления хода исторического развития нашей страны после 1917 года. Сейчас проблема состоит в том, чтобы пройденный страной путь переосмыслить с учетом накопленного опыта и подойти к казалось бы классическим положениям исторической мысли по-новому. Возьмем, к примеру, роль личности в истории. Вроде бы в трактовке этой проблемы нет ничего спорного. Однако, если внимательно проанализировать нашу литературу по этой проблеме, в том числе и известную работу Г. В. Плеханова, то нетрудно заметить, что все-таки эта роль была явно принижена, рассматривалась как второстепенный фактор, а то и как случайность, незакономерность. А что показала наша история? Оказалось, что личностный, субъективный фактор встал в ней над закономерностью. За годы Советской власти, по сути дела, ни одна из закономерностей нового общества полностью себя не проявила. Зато роль личности выразилась, да еще в таком объеме, что можно говорить о насилии ее над закономерностями, если таковые вообще действовали. Налицо была деформация не только социализма, но и самой социалистической идеи.

Следовало бы более серьезно подойти к исследованию истории советского общества. Вырабатывая новую концепцию его развития, важно оставить в ней место и для альтернативных подходов, не сводить все к новым схемам, которые могут сковать творческую мысль.

На нашей встрече проявилось единодушие в оценке нынешнего состояния исторической науки. Однако осознание этого факта еще не стало всеобщим. К сожалению, далеко не все еще поняли, в каком тяжелом положении оказалась наша историческая наука. Именно это мешает ее движению вперед, и выход здесь один — демократизация науки. Другого пути нет. Вот тогда будет раскована творческая мысль, тогда многие административные структуры отпадут и будет обеспечен простор для развития науки. Пока что такого простора для развития творческой мысли нет.

В заключение хотелось бы еще раз поблагодарить всех участников настоящей встречи и выразить надежду на тесное и плодотворное сотрудничество.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ, КРИТИКУЮТ, СОВЕТУЮТ

Я постоянный подписчик журнала «Вопросы истории». В целом предлагаемой тематикой доволен. Особый интерес для меня представляют статьи, содержащие характеристики различных деятелей, главным образом советских. Желательным является более широкое освещение этапа коллективизации сельского хозяйства и результатов этого мероприятия. Огромное впечатление производит чтение таких материалов, как «Сталин и его время» А. В. Антонова-Овсеенко. Прочтя в № 8 журнала отзыв об этом материале В. В. Бабушкина (Воронеж), считаю своим долгом высказать свое суждение по этому поводу

Ныне, в свете новых многочисленных данных, личность И. В. Сталина предстает в совершенно ином ракурсе, чем в былые годы, как, например, следует из «Краткого курса» истории ВКП(б), отредактированного лично Сталиным, где много просто фальсифицированных данных. Говоря о роли Сталина в истории страны в докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, М. С. Горбачев сказал, что «вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений». По воле Сталина были уничтожены миллионы ни в чем не повинных советских граждан, изгнаны со своих земель целые народы, ничем не оправданы меры, которые привели в 1932–1933 гг. к массовому голоду на Украине и Северном Кавказе. А неподготовленность к обороне в 1941 г., вследствие чего наши войска понесли чудовищные потери? Если положить на одну чашу весов страдания миллионов безвинно уничтоженных или искалеченных людей, а на другую чашу бросить то положительное, что было в деятельности Сталина, то не может быть сомнения в том, какая перевесит.

Н. В. Огарев, ветеран Великой Отечественной войны, г. Кириши

Из передачи по телевидению узнал, что существует такой журнал, как «Вопросы истории», и что именно планируется в нем опубликовать. Так как историей интересуюсь с детства, подписался на ваш журнал. Надеюсь из него больше узнать об истории Русского государства, особенно о временах Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, истории XIX века. Очень хотелось бы, чтобы журнал опубликовал перечень всех русских великих князей и царей, их краткую биографию и наиболее важные политические и военные события, которые имели место в периоды их правления. Это была бы чрезвычайно важная помощь всем, кто увлекается историей.

Удивительно, как такой многоуважаемый журнал предоставляет свои страницы тенденциозному материалу Антонова-Овсеенко!

П. М. Копылов, Москва

Являюсь вашим подписчиком с 1988 года. В 1989 г. журнал стал гораздо интереснее. Острая ситуация в стране заставляет постоянно обращаться к прошлому. Поэтому считаю правильным, что бóльшая часть объема журнала отводится под материалы, посвященные истории России и СССР. Как оценим прошлое, так выберем и будущее. Это многократно проверенная временем истина.

Надо печатать как можно больше материалов мемуарного и документального характера, так как именно такие материалы наиболее авторитетны и доходчивы, доносят до читателя атмосферу времени. Может быть, стоит «побаловать» постоянных подписчиков журнала и соответствующими приложениями, как это делают «Вопросы философии»? На страницах журнала хотелось бы увидеть также цикл

статей, посвященных политическим убийствам в новое и новейшее время, так как многие из них до сих пор остаются не раскрытыми с точки зрения мотивов и политических целей. И еще одна просьба: как можно меньше помещать статей общего содержания; лучше меньше, да глубже.

А. Ю. Критин, инженер, Ленинград

Я выписывал ваш журнал полгода, теперь принял решение отказаться от подписки на 1990 год. Главная причина: тенденциозность подачи материалов по истории советского периода. Никакого плюрализма мнений нет и в помине! Если уж вы даете слово А. Самсонову или А. Антонову-Овсеенко, то следует предоставить трибуну и историкам с иной точкой зрения. Я работаю преподавателем истории 18 лет и прекрасно вижу, как за эти годы возрос нигилизм молодежи. За время же перестройки он скакнул вверх неимоверно. Свою лепту в это внесли и наши органы печати. Образовался разрыв между поколениями, никаких идеалов у молодежи, да и у более поздних поколений, не осталось. Сегодня, как никогда, нужен здравый смысл, а не конъюнктурная возня, не стирка грязного белья. А мы с энергией, достойной лучшего применения, одним махом перечеркиваем весь 70-летний путь нашего государства, крушим старые авторитеты, возводим на пьедестал новых кумиров. Ведь сегодня Троцкому и Бухарину впору памятники ставить, а прах Сталина – развеять по ветру. Кем он только сегодня не объявлен: и агентом охранки, и убийцей Ленина и Крупской, и виновником прихода фашизма к власти, и виновником второй мировой войны, и т. д. и т. п.

Происходящее сегодня в сфере идеологии можно без большой натяжки назвать сознательной, целенаправленной диверсией. В общем, ваш журнал пока не является примером объективного подхода к нашей истории, предоставляет свои страницы вполне конкретной группе ученых, не допускает сопоставления различных точек зрения. Исходя из этого, я подписку на 1990 г. решил не оформлять. А там посмотрим. Может, иные ветры подуют.

Ю. Л. Иванов, г. Мончегорск Мурманской обл.

Я читаю журнал «Вопросы истории» с 1963 г., а вот его подписчиком стал с 1988 г., так как понял, что лет через 20 нынешние номера журнала станут источником самой понятной, самой правдивой информации о нашем времени и о прошлом, изложенной с марксистских позиций. Ваш журнал всегда мне помогал быть на высоте, даже в разговорах с очень знающими людьми.

А. Елкин, электросварщик, Ленинград

С большим вниманием прочитал в журнале выступления наших историков и философов за «круглым столом» по национальному вопросу. Действительно, вопрос этот очень трудный. Долгие годы утверждалось, что все в нашем обществе хорошо и нормально, построен «развитой социализм» и сложилась новая историческая общность людей – советский народ. Особенно понравились мне выступления М. К. Козыбаева из Казахской ССР, Л. Г. Дрибина из Латвии, Ш. Х. Мгои из Армянской ССР и др., которые сходятся в одном: надо полнее раскрывать возможности дружбы между народами нашего Союза. А на деле у нас – конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Фергане и других регионах. Сейчас мы обо всем этом знаем из печати, передач радио и телевидения. А что было до того, много ли мы знаем? Думаю, известно нам лишь 10% того, что происходило в стране. Мне уже идет пятый десяток, а я только сейчас начинаю узнавать подлинную историю СССР, пробуждаться от спячки и дремоты.

«Круглый стол» прошел, прошел и Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу. Хотелось бы узнать мнение тех, кто принимал в них участие,– удовлетворены они или нет, все ли проблемы решены?

В. В. Жарков, г. Чебаркуль Челябинской обл.

Подписался на ваш журнал после просмотра программы Центрального телевидения. Надо бы и дальше практиковать рекламу вашего журнала – давать анонс «ключевых» и «забойных» материалов на квартал или полугодие.

История – мое хобби, хотя по специальности я юрист. Думаю, у вас есть еще резервы. Надо бы постараться сделать журнал более демократичным и читабельным, взять на вооружение лучшие традиции русской и советской исторической журналистики, присмотреться к былой популярности журналов «Русский архив» и «Русская старина». Следовало бы ввести новые рубрики, например «Из прошлых публикаций» (перепечатка интересных статей); «Факты, комментарии» (типа «Архивная полка» в помощь начинающему архивариусу); «История и судьбы» (воспоминания бывших лидеров, не обязательно отечественных); «Из истории перестройки» (нереализованные и «забытые» идеи и предложения, прогнозы и предупреждения); «Полемическая трибуна: проблемы атеизма и идеализма» (почему бы не возродить публичные «схватки» и диалоги типа «Луначарский – столпы религии»); «Судьбы ленинского наследия» (пути реализации ленинского завещания в наши дни, проблемы перестроечной демократизации, выработки противоядия от вождизма). Надо бы опубликовать наследие наших выдающихся историков, активнее использовать громадные залежи – архивы царской охранки, которые лежат мертвым грузом в США в Гарвардском университете, в институте Гувера и прочих архивах и библиотеках. Надо бы опубликовать все имеющиеся материалы о разоблаченных провокаторах царской охранки – Малиновском, Азефе и др. Много «белых пятен» по истории гражданской войны, например, роль Махно. Следует отказаться от примитивного тезиса, что «все русские цари были идиоты, церковь – реакционна, все царские чиновники – негодяи и предатели русского народа». Интересна, в частности, личность Горчакова – его извилистый путь от сочувствующего декабристам до «железного канцлера».

Следовало бы выступить с инициативой создать при вашем журнале архив, куда все желающие могли бы присылать ценные книги по истории, статьи из старинных и древних журналов, воспоминания, ксерокопии из иностранных журналов, все, что может представлять историческую ценность, а вы все это «переваривали бы» и постепенно публиковали.

В. Климов, сотрудник МВД СССР, Москва

Я, студент исторического факультета Симферопольского университета, уже пять лет выписываю журнал «Вопросы истории», вижу изменения в его содержании. Но мне хотелось бы, чтобы на страницах журнала больше уделялось внимания вопросам классовой борьбы в нашей стране. Учебные пособия по истории досоциалистических формаций освещают эту проблему довольно четко. Но, в том что касается нашей страны, такой четкости нет и особенно в отношении нынешнего этапа ее развития. Может, это дело политиков, а не историков? Только вряд ли кто отнимет принцип партийности у нашей истории.

Очень хотелось бы знать мнение наших историков по вопросам: к какому классу отнести партийно-бюрократическую верхушку? Почему здравые предложения рабочего класса не проводятся в жизнь или проводятся медленно? К чему может привести возрастание антагонизма между трудящимися и бюрократами? Каково сейчас взаимопонимание между рабочим классом и крестьянством (имеются в виду, прежде всего, экономические отношения)? По-моему, робость в этом вопросе историкам не к лицу.

А. А. Минин, Севастополь

При всем моем уважении к А. В. Антонову-Овсеенко за его труды о сталинщине не могу согласиться с тем, что он на полном серьезе реанимирует старые басни о «благородном» происхождении И. В. Джугашвили (Вопросы истории, 1989, № 7, с. 93–95). Последние публикации о Сталине в частной жизни, в том числе мемуары Н. С. Хрущева, подтверждают тот факт, что Сталин был алкоголиком. Этот синдром – доказательство того, что отцом Сталина был умерший от пьянства сапожник Виссарион Джугашвили. Выдумкой является и утверждение, что в Гори существовала обувная фабрика. В конце прошлого века в этом городке едва насчитывалось 5 тыс. жителей и, конечно, там работали сапожники-одиночки. Надо писать Эгнаташвили, а не Егнаташвили, так как в грузинском языке нет буквы Е. Фамилия обувного фабриканта была не Адельфанов, а Адельханов.

Что касается учения Иосифа Джугашвили в Тифлисской духовной семинарии, то однокашники его терпеть не могли. Будущий генсек имел отвратительный, мерзкий характер. Он отличался фискальничаньем, доносил учителям на товарищей. Об этом его «качестве» мне рассказывал в студенческие годы в Тбилиси дядя моей приятельницы Христофор Гаврилович Гвиниашвили, по профессии учитель, бывший одноклассник Джугашвили. В 1937 г. как-то ночью пришли за ним, но Христофор Гаврилович, чуя беду, скончался за неделю до того. Тогда сотрудники НКВД ничтоже сумняшеся постучались в соседнюю квартиру и арестовали его младшего брата Иосифа. Хождения жены арестованного по инстанциям вплоть до Берии успеха не имели, энкаведешники ошибки не признали, и несчастный Иосиф отсидел за брата положенные по 58-й статье 8 лет.

Г. К. Цверава, Бокситогорск

О ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Э. И. ТОТЛЕБЕНА

В «Военном энциклопедическом словаре» (М. 1983) указано, что Э. И. Тотлебен, в 1853–1856 гг. руководивший инженерными работами при обороне Севастополя и являвшийся активным участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1879 г. служил на военно-административных должностях. Больше о деятельности Тотлебена на этом поприще ничего не сказано. Между тем незнание этой страницы его жизни приводит зачастую к неверной оценке Тотлебена в литературе.

Как известно, в конце 70-х годов XIX в. в России нарастала революционная ситуация. Царское правительство усиливало репрессии. В Петербурге, Харькове и Одессе в апреле 1879 г. были учреждены (в дополнение к уже существовавшим московскому, киевскому, варшавскому) генерал-губернаторства с диктаторскими полномочиями, с правом предавать всех жителей военному суду, высылать из губерний, принимать меры против печати и вообще бесконтрольно хозяйничать, вершить «суд и расправу». Дабы придать авторитет «местным диктаторам», на новые посты генерал-губернаторов назначали генералов – участников русско-турецкой войны: в Петербурге это был фельдмаршал И. В. Гурко, в Харькове – генерал от кавалерии М. Т. Лорис-Меликов и в Одессе – инженер-генерал Тотлебен.

Деятельность генерал-губернаторов отличалась крайним произволом. Как отмечает Н. А. Троицкий, во главе генерал-губернаторств «встали «башибузуки» с диктаторскими претензиями,.. которые соперничали друг с другом в деспотизме и жестокости» [1]. По мнению другого советского историка, П. А. Зайончковского, «даже весьма невзыскательный к проявлению административного произвола наследник престола вел. кн. Александр Александрович принужден был в январе 1880 года, говоря о деятельности генерал-губернаторов, заметить, что некоторые из них «творят бог весть что» [2].

В этом ряду стоял и Тотлебен. За первые четыре месяца своего хозяйничанья в Одессе он отправил в ссылку 104, из них в Восточную Сибирь – 79 человек; военному суду был предан 31 человек, из них пятеро казнены, 18 отправлены на каторгу и восемь высланы в Сибирь. Спустя два месяца были казнены восемь человек. Все смертные приговоры были утверждены Тотлебеном. Выдающийся революционер С. М. Кравчинский дал ему такую характеристику: «Взяточник и заплечных дел мастер граф Тотлебен», «вешатель юга» [3].

Эти расправы вызывали широкое недовольство, ибо репрессии обрушивались не только на революционеров, но и на обывателей, вызывая недовольство в обществе. Народовольцы готовили покушение на Тотлебена; «мы выполнили бы свои замыслы,– писала В. Н. Фигнер,– если бы Тотлебен не был переведен из Одессы. Мы хотели смыть кровь Чубарова, Давиденко, Логовенко, Виттенберга, Майданского, Дробязгина, Малинки и Лизогуба, из которых два последних были убиты им за свое богатство, а Майданский и Дробязгин взошли на эшафот по подозрению в знании и недонесении о покушении на шпиона Гориновича. Имена Тотлебена и Черткова (киевского генерал-губернатора.– *А. К.*) были вообще ненавистны за кровожадность» [4]. Только из-за несовершенства взрывной техники революционеров Тотлебен избежал возмездия, санкционированного Исполнительным комитетом «Народной воли».

Итак, на одной чаше весов истории военные заслуги генерала Тотлебена, на другой – его военно-полицейская служба, преследования революционеров, борцов за свободу. И об этом нельзя забывать! Тотлебену в Севастополе поставлен памятник: героические русские саперы, а над ними фигура генерала. Приходят к памятнику горожане и приезжие, слушают объяснения экскурсоводов. Но ни один из них не говорит о другой, бесславной деятельности генерала. Конечно, сносить памятник нет необходимости – это ведь памятник героям-саперам! – но надо сознавать, кто же все-таки на нем изображен.

А. С. Кравец, Москва

---

[1] Троицкий Н. А. Народная воля перед царским судом. Саратов. 1971, с. 11.
[2] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М. 1964, с. 91.
[3] Кравчинский С. М. Сочинения. Т. 1. М. 1958, с. 426; его же. Россия под властью царей. М. 1964, с. 117.
[4] Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1, М. 1964, с. 226.

ПОЛЕМИКИ ПРОСТО НЕ БЫЛО

9 марта 1957 г. было принято Постановление ЦК КПСС, в котором критиковался журнал «Вопросы истории». Затем последовала в журнале «Коммунист» (1957, № 4) редакционная статья: «Строго соблюдать ленинский принцип партийности в исторической науке». Одна из критических стрел этой статьи была направлена в мой адрес за опубликованную в рубрике «Дискуссии и обсуждения» журнала «Вопросы истории» (1956, № 3) статью «О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами». «Коммунист» писал: «Задолго до опубликования названной выше статьи в наших научных коллективах сложилось обоснованное убеждение, что попытка представить движение под руководством Шамиля как агентурное была ненаучной» [1]. Так ли это?

Как известно, в мае 1950 г. появилось сенсационное сообщение Комитета по Сталинским премиям, что движение под руководством Шамиля было не национально-освободительной борьбой, как считалось прежде, а антинародной войной, инспирированной иностранными агентами. Это положение затем было обосновано в статье «почетного чекиста» М. Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» [2]. Ученые, к сожалению, быстро подстроились под эту статью.

В конце 1953 или начале 1954 г. я обратился в ЦК КПСС с просьбой помочь мне напечатать статью, которая называлась тогда «Против апологетики внешней политики царизма» и включала материал не только по Шамилю, но и по завоеванию Средней Азии. Статья была переслана в Институт истории АН СССР. 27 января 1954 г. мне была послана рецензия, подписанная заместителем директора Института и двумя ведущими его специалистами. Вот что, в частности, в ней говорилось: «Никак нельзя согласиться с автором, который заявляет, что решение Комитета по Сталинским премиям от 14 мая 1950 г. нанесло большой научный и политический вред». И далее: «Какой же Шамиль освободитель народов Кавказа, если он стремился подчинить их султанской Турции». А ведь если бы рецензия Института была иной, то версия Багирова была бы отвергнута еще в начале 1954 г., а не в 1956–1957 годах.

Неудовлетворенный ответом, снова обращаюсь в ЦК КПСС. Мне ответили по телефону: вы неправы, движение Шамиля – агентурное. Вскоре я получаю бумагу, подписанную заведующим сектором Отдела науки и культуры ЦК КПСС И. Хлябичем: «Возвращаем рукопись Вашей статьи «Против апологетики внешней политики царизма», рецензию на нее и Ваши замечания к рецензии, присланные Вами в ЦК КПСС на имя тов. Суслова». Отмечу, что не раз как до, так и после письма на имя Суслова я обращался в ЦК КПСС. Однако движение Шамиля по-прежнему оценивалось как агентурное.

Настал 1955 год. «Вопросы истории» в № 6 (в разделе «Дискуссии и обсуждения») поместили статью А. В. Фадеева «О внутренней социальной базе мюридистского движения». Признав, что движение Шамиля (автор называл его «мюридистским движением») имело массовую социальную базу, автор продолжал трактовать его как агентурное: «Фальшивая версия об «освободительном» и «демократическом» характере мюридистского движения долгое время была широко распространена и среди советских историков,– писал он.– Было установлено, что мюридистское движение инспирировалось агрессивными кругами султанской Турции и капиталистической Англии». Чтобы не было никаких сомнений в его позиции, Фадеев дает ссылку: «См. «Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн», «Вопросы истории», 1950, № 11», где проводится идея об «агентурности» движения Шамиля. В 1956 г. Фадеев вновь выступает с тезисом, что движение кавказских горцев было вызвано не только (!) деятельностью иностранной агентуры. Значит, полностью от идеи об инспирировании движения горцев из-за рубежа он не отказывается, хотя делает уступку – другие причины, кроме действий иностранных агентов, имели место тоже [3]. Вот какие «убеждения» имелись не только «задолго» до моей статьи, но и вскоре после нее.

За что же еще критиковали мою статью? «Пикман в своей статье не дает прямой оценки присоединения народов Северного Кавказа к России,– писал «Коммунист».– Но по прочтении статьи ни у кого не останется сомнений относительно того, на какой позиции стоит автор... Зачем же надо было редакции публиковать научно несостоятельную статью, которая в основной вопрос, поставленный на дискуссию, не вносит ничего, кроме путаницы?» [4].

Во-первых, основным вопросом, поставленным на дискуссию, как это ни хотелось бы доказать критикам, был вопрос не об оценке присоединения народов Северного Кавказа к России, а о том, было ли движение Шамиля агентурным, или нет. Во-вторых, вопрос об оценке присоединения народов Северного Кавказа к России

---

[1] Коммунист, 1957, № 4, с. 26.
[2] Большевик, 1950, № 13.
[3] Обсуждение вопроса о характере движений горских народов Северного Кавказа в 20–50-х годах XIX века.– Вопросы истории, 1956, № 12, с. 192.
[4] Коммунист, 1957, № 4, с. 26.

не был даже поставлен. Полемики по нему просто не было. Он не был поставлен как полемический ни в статье Фадеева, напечатанной до моей статьи, ни в статьях Г. Д. Даниялова и С. К. Бушуева, напечатанных после нее[5]. Даже если допустить, что вопрос об оценке присоединении горцев Северного Кавказа был действительно поставлен на дискуссию как основной, то при чем здесь путаница? Ведь если «ни у кого не останется сомнений относительно того, на какой позиции стоит автор», то это прекрасно. Есть четкие позиции оппонентов по «основному дискуссионному вопросу», что и требуется при любой дискуссии, если не стремиться к «путанице».

Путаница действительно есть, но не та, о которой сказано в редакционной статье «Коммуниста». Она состоит в том, что такое директивное – посредством установочного выступления органа ЦК КПСС – решение вопросов истории присоединения народов Северного Кавказа к России привело к тому, что не только в данном случае, но и обо всех других царских завоеваниях историки стали говорить только как о добровольном присоединении.

Между тем в результате долголетней (более 60 лет) Кавказской войны, кровавой и опустошительной, значительная часть горцев была лишена возможности в любой форме (насильственной или добровольной) присоединиться к царской России – в силу того, что была истреблена. Необходим подсчет жертв с обеих сторон: горцев и русских солдат. Сколько было уничтожено горцев? Сколько русских солдат пало на Кавказе, который в народе называли «погибельным»? А ведь, кроме указанных жертв, были многочисленные потери среди русского населения в районах, прилегающих к театру военных действий.

Разумеется, горцы Северного Кавказа, стесненные, с одной стороны, входившим в состав России Закавказьем, с другой – русскими районами, неизбежно должны были объединиться с Россией. И не только в силу географического фактора, но и по причинам экономическим, культурным и ряду других. Но это совсем не означает, что не было альтернативы царскому завоеванию. Причем альтернатива эта была вполне реальной. Насилие, завоевание сорвало этот действительно прогрессивный процесс мирного вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Сепаратизм заслуживает резкого осуждения. Но нельзя забывать, что законность вхождения народов Северного Кавказа в наш Союз основывается не на том, что когда-то было царское завоевание. После того, как народы Северного Кавказа были лишены независимости, бороться за свободу им надлежало не в одиночку, а совместно с русским народом, за общую победу над царизмом. Нельзя сбрасывать со счетов, что Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Петрашевский оказали идейную поддержку горцам в борьбе за независимость. Это была общая борьба, борьба «За вашу и нашу свободу».

Теперь о других критических замечаниях «Коммуниста» в мой адрес: «Попытки со стороны Англии и Турции использовать движение Шамиля в экспансионистских целях он вообще склонен отрицать»[6]. У меня же написано: «Правители Англии и Турции преследовали свои корыстные цели и хотели в этих целях использовать движение горцев»[7]. Создается впечатление, что авторы редакционной статьи буквально искали, за какую строчку моего выступления можно «зацепиться». У меня написано: «Были ли среди горского населения другие силы, которые под другим, не религиозным знаменем могли бы возглавить борьбу с царизмом? В то время среди горцев таких сил не было»[8]. Отсюда делается вывод: «А. Пикман оправдывает (?! – *А. П.*) религиозно-политическую систему имамата, как якобы неизбежную и единственно возможную для горцев форму эффективной борьбы против царских колонизаторов»[9].

Шамиль, как известно, был правоверный мусульманин, свято чтивший Коран. Нельзя отрицать, что в священной книге ислама есть места, которые можно трактовать как призывы к равенству. Тем более естественным было воспользоваться этим в те времена и в тех условиях, в которых действовал Шамиль. Среди горцев в силе были тогда родо-племенные обычаи, ряд которых Шамиль отвергал. Но те, что касались родо-племенной демократии, и в связи с этим верховной роли вождя (предводителя) племени, Шамиль взял на вооружение. Вот о какой демократии у меня шла речь. В «Коммунисте» моя позиция изложена иначе: «Шамиля он изображает поборником демократии» и «пытается доказать, что только из-за слабости движения» Шамилю не удалось установить подлинно демократическое управление[10].

Бездоказательными были и претензии, что я «отвлекаюсь» от классового анализа движения Шамиля и социальной структуры горского общества, «игнорирую» особенности движения в восточных и западных районах Северного Кавказа, в горах и на плоскости, тем самым отступая от «элементарных требований марксистского исторического метода», как будто понятия племена, родовая знать, феодалы и т. п. не имеют отношения к анализу общественного строя. К тому же у меня не было намерения подробно писать, например, об отличии движения в горах и на плоскости и др. Я ставил перед собой иную цель: доказать, что движение Шамиля не являлось агентурным, а Шамиль не был кровавым чудовищем, как это утверждалось в советской науке после 1950 года.

Конечно, и тогда мою статью можно было критиковать, обнаруживая слабые ее стороны, особенно это можно сделать с учетом последних достижений науки. Против чего же я протестую? Прежде всего против того, чтобы использовать в науке командные методы, вмешиваться в научный спор, сводить счеты с оппонентами с помощью политических наветов.

Моя статья была названа в «Коммунисте» «крикливой по тону», хотя это ничем не подтверждалось. В чем тут дело? На совещании, которое провел в ноябре 1956 г. Институт истории АН СССР, В. Г. Гаджиев подчеркнул: «Критикуя статью А. М. Пикмана, опубликованную в журнале «Вопросы истории»... хотят этим отвести критику от себя»[11]. В этом весь «корень». И на конференции читателей «Вопросов истории» в январе 1956 г., и в своей статье в этом журнале, и на совещании в Институте истории я называл имена и инстанции[12]. А когда называешь имена тех, кто виноват – одних по научной линии, других – по партийной, то и шепот кажется криком. Свыше 30 лет я не мог найти справедливости ни в Отделе науки ЦК КПСС, ни в редакции «Коммуниста». Критикуя меня, они очевидно рассчитывали, что я никогда уже не смогу публично оправдаться. Теперь настали иные времена.

Запретная прежде тема – захваты и колониальный гнет царизма – заметно отстающее сейчас направление исследований советских историков. Десятки лет разрешалось в основном изображать лишь цивилизаторскую миссию царизма, которая несомненна. Однако пора, наконец, серьезно заняться всеми аспектами проблемы: наряду с объективно прогрессивными сторонами, которые освещаются достаточно подробно, показывать во всей полноте и ужасающие последствия деяний царских колонизаторов. Кровавая колониальная политика царизма принесла неисчислимые страдания не только порабощенным народам, но и русскому народу.

Это позволит дать более широкую и глубокую картину выступления передовой России против колониальной политики царизма, укажет на единственно прочный исторический фундамент дружбы народов страны, который может основываться только на правде. Отставание здесь уже принесло немало отрицательных моментов как в смысле научном, так и политическом. Основательное продвижение вперед на данном направлении помогло бы оздоровлению идеологической и политической обстановки в ряде регионов страны.

А. М. Пикман

---

[5] Даниялов Г. Д. О движении горцев под руководством Шамиля.– Вопросы истории, 1956, № 7; Бушуев С. К. О кавказском мюридизме.– Там же, № 12.

[6] Коммунист, 1957, № 4. с. 25.

[7] Вопросы истории, 1956, № 3, с. 80.

[8] Там же, с. 81

[9] Коммунист, 1957, № 4, с. 25.

[10] Там же.

[11] Вопросы истории, 1956, № 12, с. 196.

[12] Там же, №№ 2, 3, 12.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ

Мне представляется, что для нынешней историографии характерен здоровый плюрализм точек зрения и подходов как применительно к разным странам, так и в каждой из них. Эта диверсификация возрастает, что совершенно естественно, в связи с усиливающимся интересом к исторической проблематике на всех уровнях интеллектуальной деятельности. Это в немалой степени связано как с осознанием того, что ресурсы Земли исчерпываются, поскольку они не экономно и не разумно использовались в недалеком прошлом, так и с тем, что международное сотрудничество стало в наши дни обязательным условием для обеспечения нормального и безопасного существования людей на нашей планете, которое оказалось под угрозой.

Для историков это означает в особенности следующее:

а) они должны стремиться исследовать прошлое во всемирно-историческом контексте, соотнося с последним свои частные и местные (национальные или секционные) интересы;

б) они должны проявлять заботу о строительстве моста, соединяющего специализированное профессиональное исследование и всеобщий «рынок идей»;

в) они должны с уважением относиться к трудам своих предшественников и современников, придерживающихся других школ мышления, учитывать, что в гуманитарном знании не может быть достигнута абсолютная истина и что наши толкования исторических феноменов неизбежно будут ограниченными, частичными и

субъективными. «Не существует единственной дороги к Храму», как недавно напомнил нам В. Клямкин.

Хотелось бы остановиться и на некоторых конкретных вопросах.

Всемирная (интернациональная) история это нечто большее, чем важное само по себе исследование межгосударственных отношений. Она охватывает сравнительное исследование исторического опыта человечества, а это заведомо более трудная задача. Историк, предпринимающий компаративистское исследование, должен обладать определенной отвагой, способностью сконцентрировать свое внимание на социально-экономических и культурных процессах, демографических и социальных изменениях, экономической «модернизации» и т. д. И это, конечно, следует приветствовать, но мы не должны забывать и о роли институтов, которые играют и будут играть доминирующую роль в организации национальных обществ, а в будущем и в организации жизни всего международного сообщества. Новая история России, в частности, останется не понятой, если не уделить соответствующего внимания государственному аппарату царизма, вооруженным силам, православной церкви и ряду других присущих России институтов. Они должны рассматриваться как культурные артефакты, а не просто как часть некоего механизма подавления: уровень их эффективности должен оцениваться на основе сравнения с опытом других стран.

Это сравнение следует, конечно, проводить не ради дискредитации России: во многих сферах (например, в развитии централизованной бюрократии) Российское государство шло впереди современников, в то время как в других (например, в области разделения властей) оно от них отставало. Во всяком случае, такие сравнения необходимо проводить не столько с неким аморфным «Западом» (что является вредным сверхупрощением, которое может отбросить нас к 30 годам прошлого века), но скорее в плане сопоставления сравнимых линий политического развития на Востоке и Западе. Компаративистские исследования могут оказаться весьма уместными и применительно к истории Оттоманской Турции, которая в чем-то еще является «белым пятном» для неспециалистов. В данном случае речь идет об опыте двух империй — Турецкой и Российской (и других пограничных государств), стремившихся установить свое влияние над южными степными территориями и народами Кавказа. Можно только удивляться, почему исследование У. Г. Макнилла о «европейской степной границе» (1964 г.) не получило до сих пор дальнейшего развития.

В более широком смысле российский «имперский опыт», опыт державы с закрытыми границами нуждается в изучении в тандеме с опытом Китая и с учетом опыта морских держав. Мотивы экспансии, степень использования собственных ресурсов, влияние местных культур, развитие оппозиционных движений — все эти темы заслуживают разработки в широком компаративистском контексте.

Россия, Турция и Китай на протяжении многих веков были централизованными государствами со сравнимыми методами использования социальной элиты ради тех целей, которые ставила перед собой центральная власть, регламентации жизни подчиненных масс, гомогенизации религиозных культов и национально-культурных модусов. Время от времени с разным успехом предпринимались усилия для того, чтобы поднять эффективность системы посредством реформ, проводимых сверху. Гораздо реже имели место взрывы социального протеста, идущего снизу, которые в начале в лучшем случае приводили к династическим изменениям, а позже к переменам в природе режима.

Современный автор, не может ограничиваться исследованием ранних представительных собраний и военно-юридических институтов. До 1950-х годов в англосаксонском мире практически не обращали внимания на историю России, так что предстоит еще много подготовительной работы для того, чтобы сейчас, когда для этого наступило время, приступить к разработке фундаментальных проблем (к счастью, в области славянских исследований был достигнут большой прогресс).

На мой взгляд, советские историки сейчас более осознанно, чем западные, ориентируются на популяризацию своей работы. В качестве примера можно привести блестящую биографическую серию «Жизнь замечательных людей» или статьи на исторические темы в журнале «Наука и жизнь». Следует приветствовать появление в «Вопросах истории» постоянной рубрики «Письма читателей». Государственное руководство научными исследованиями и публикациями в социалистическом обществе имеет свои плюсы и минусы. К первым можно отнести субсидирование популярных исследовательских работ и поощрение историков, занятых в реализации коллективных проектов; эти преимущества станут, можно надеяться, еще более очевидными по мере того, как историческая наука будет полностью охвачена перестройкой.

В «развитых капиталистических» странах преимущества интеллектуального плюрализма сочетаются с такими факторами, как влияние инфляции на экономические аспекты публикации академических и коммерческих книг (частично это компенсируется новыми возможностями, представляемыми электронным «самиздатом»). Требования, предъявляемые обществом, нуждающимся в высококачественных недорогих книгах, либо не удовлетворяются, либо извращаются по той причине, что в действие вступает современная мода, которая ставит сенсационность выше

социальной ответственности. Единственно благоразумным курсом для правительств (и для частных предпринимателей) является гибкая политика, способная учесть вредные последствия как полного государственного контроля, так и тотального доверия к эффективности действия рыночных сил.

Уважение к взглядам других людей отнюдь не означает терпимость к распространению лжи и вовсе не требует воздержания от критики. Однако такое уважение предполагает определенные рамки научных дискуссий. В общем, историки готовы соблюдать правила хорошего тона и честной игры и их следует побуждать к такому поведению.

В современных западных работах по проблемам истории революции в России и советского общества имеют место некоторые отклонения от надлежащего стандарта, которые возможно связаны со стремлением нового поколения историков, оказавшихся под чрезмерным влиянием псевдореволюционного климата 1968 г. и его последствий, заполучить свое место под солнцем, игнорируя при этом труды своих предшественников или же прямо выступая против них. Но это выглядит скорее как временное поветрие, которое исчезнет по мере развития научных контактов между Востоком и Западом.

Перестройка повсеместно подрывает авторитет старых догм, включая и те, которых придерживаются некоторые немарксистские историки; свежие ветры приносят пользу не только советским исследователям истории 30-х и 40-х годов, но и западной советологии. Речь при этом идет не о некоей иллюзорной «конвергенции», но скорее о стремлении к более ясному пониманию того, что вытекает из самой природы партийной и государственной политики периода 1929—1953 гг., а также и предшествующих и последующих лет, всей эволюции советского общества.

Это понимание приведет к тому, что международный диалог по указанным темам станет гораздо более продуктивным, чем это было в прошлом. Мы, естественно, все должны стремиться к тому, чтобы ученым, находящимся и «по другую сторону» лучше работалось, чтобы их исследования были бы более правдивыми и честными, более совершенными по своему профессиональному уровню, по аргументации выводов, которые должны основываться на тщательной оценке всех свидетельств.

В связи с этим возникает вопрос о доступности источников. Известно, что многие официальные советские документы стали теперь доступными для исследователей, но пока еще не решен вопрос о законодательном определении того, что составляет государственную тайну, о правилах, определяющих доступ к документам для всех, кто в них нуждается (на взаимной основе и для граждан других государств). Одна из сильных сторон советской историографии — документальные публикации. Они должны отражать все содержание дел, относящихся к данному вопросу, пропускаемые материалы должны излагаться в обобщенном виде, а сами сборники публикаций не состоять исключительно из материалов, подобранных в соответствии с определенной политико-идеологической линией. Было бы полезно иметь одну или более серий, похожих на «Документы внешней политики СССР», которые бы охватывали все проблемы внутриполитической жизни СССР в период сталинизма.

Конечно, историки могут использовать многое из опыта других дисциплин. Было бы очень плодотворным сотрудничество со специалистами по экономической истории (особенно эконометристами), вероятно антропологами. Оно бы, во всяком случае, оказалось более плодотворным, нежели кооперация с социологами, которые неизбежно скованы в своих выводах недостаточностью данных относительно состояния общественного мнения. Но «психоисторики» должны сыграть свою роль в междисциплинарных исследованиях, поскольку функционирование любой системы или института в последней инстанции зависит от индивидуумов, в них функционирующих. Нам не следует опасаться ярлыков старомодности или ненаучности, когда мы обращаемся к изучению их мыслей и поступков. Ведь они повлияли и на нас, живущих в этом бурном веке.

Дж. Кип (Швейцария)

15 декабря 1989 г. на 70-м году жизни скоропостижно скончалась бывший заместитель заведующего отделом редакции журнала «Вопросы истории», член КПСС с 1961 г. **Нина Константиновна Стрелкова.** Она проработала в редакции 33 года с 1954 по 1987 год. Ее уважали товарищи по работе и ценили авторы. Коллектив редакции выражает глубокое соболезнование родным и близким покойной.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор Н. Н. Беляева.

Сдано в набор 10.01.90. Подписано к печати 06.02.90. А 05830. Формат 70×108¹/₁₆.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 105 800 экз. Заказ № 2093. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер.,1/2. Телефон 209-96-21.

Набрано и сматрицировано во 2-й типографии издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Отпечатано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.